ISBN 978-985-887-294-6

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
БЕЛАРУСИ

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ

Сборник научных статей
международного круглого стола

Минск «Право и экономика»

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ НАН БЕЛАРУСИ

КАЗАНСКИЙ ИННОВАЦИОННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. Г. ТИМИРЯСОВА (ИЭУП)

ЗАПАДНЫЙ ФИЛИАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(Г. КАЛИНИНГРАД, РОССИЯ)

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. С. ПУШКИНА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «МИТСО»

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ

Сборник научных статей
международного круглого стола

Минск
«Право и экономика»
2025

УДК 338.2-027.45:34(476)
ББК 65.9(4Беи)-98
П68

Рекомендовано к изданию Ученым советом Государственного научного учреждения
«Институт экономики Национальной академии наук Беларуси»
(протокол от 26.09.2025 г. № 8)

Редакционная коллегия:
Е. Н. Гладкая, А. Г. Никитин, К. Л. Томашевский, В. И. Фалеев, А. В. Михайлов, Т. А. Горупа,
А. А. Дедковский, М. П. Курилович, У. А. Сиянович, В. С. Хомич, Я. В. Ашарчук

Рецензенты:
доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси,
заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета
Белорусского государственного университета Г. А. Василевич,
кандидат экономических наук, доцент, ученый секретарь Государственного научного учреждения
«Институт экономики Национальной академии наук Беларуси» Т. А. Тетеринец

П68 **Правовое** обеспечение национальной экономической безопасности : теоретические и практические проблемы совершенствования правотворчества и правореализации : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. кругл. стола, 5 июн. 2025 г. / Институт экономики НАН Беларуси ; редкол.: Е. Н. Гладкая [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2025. – 360 с.

ISBN 978-985-887-294-6.

В сборнике представлены научные статьи участников Международного научно-практического круглого стола «Правовое обеспечение национальной экономической безопасности: теоретические и практические проблемы совершенствования правотворчества и правореализации», состоявшегося 5 июня 2025 г. в Институте экономики НАН Беларуси.

В рамках работы круглого стола были высказаны экспертные мнения по решению общетеоретических и практических проблем совершенствования правотворчества и правореализации в сфере правового обеспечения национальной экономической безопасности, в том числе отмечены ключевые направления, основные методы и механизмы снижения криминогенных рисков в экономике Республики Беларусь, рассмотрены проблемы правового обеспечения безопасности при осуществлении предпринимательской и иной хозяйственной деятельности, правовые аспекты построения экономики данных в контексте решения задач обеспечения национальной экономической безопасности. Также уделено внимание социально-экономической безопасности инклюзивной занятости в Беларуси а также вопросам правового регулирования обработки персональных данных работников в Беларуси и России в цифровую эпоху.

Настоящее издание адресовано научным и педагогическим работникам, практическим работникам, докторантам, аспирантам, а также всем, кто интересуется вопросами правового обеспечения национальной экономической безопасности.

Мероприятие было проведено по инициативе центра государственного строительства и права Института экономики НАН Беларуси. Соорганизаторами выступили юридический факультет Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Калининград, Россия), кафедра предпринимательского и энергетического права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, кафедра гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина, кафедра уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Международного университета «МИТСО».

УДК 338.2-027.45:34(476)
ББК 65.9(4Беи)-98

ISBN 978-985-887-294-6

© Институт экономики НАН Беларуси, 2025
© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые коллеги и читатели!

Вы держите в руках сборник научных статей, изданный по результатам Международного научно-практического круглого стола «Правовое обеспечение национальной экономической безопасности: теоретические и практические проблемы совершенствования правотворчества и правореализации», который состоялся в Институте экономики НАН Беларуси 5 июня 2025 г. Настоящий сборник посвящен актуальным вопросам правового обеспечения экономической безопасности – важнейшей составляющей стабильного развития государства и общества.

Динамично развивающаяся экономика – это основа экономической безопасности государства. В связи с этим актуальное значение приобретают действенные методы правового регулирования экономической деятельности, обеспечивающие формирование эффективной нормативной правовой базы. При разработке указанных методов требуется исходить из общественной полезности экономической деятельности, а их применение должно быть направлено на снижение криминогенных рисков в экономике. Только в этом случае можно вести речь о надлежащем уровне правового обеспечения экономической безопасности, а значит – и суверенитета государства.

Отрадно, что с каждым годом растет количество партнёров и постоянных участников научных мероприятий центра государственного строительства и права Института экономики НАН Беларуси, ширится их география. В этом году в мероприятии приняли участие представители ведущих учреждений образования Беларуси и России, представители Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, Национального центра интеллектуальной собственности, Государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», Минской городской коллегии адвокатов.

Отдельные слова благодарности выражаю каждому из соорганизаторов круглого стола за оказанную помощь и информационную поддержку в его проведении.

Уверена, что представленные материалы будут способствовать развитию научных подходов к решению актуальных задач правового обеспечения экономической безопасности и послужат полезным инструментом для ученых, практиков, государственных служащих и всех заинтересованных в укреплении правовых основ национальной экономики.

Е. Н. Гладкая,
руководитель центра государственного строительства и права
Института экономики НАН Беларуси,
кандидат юридических наук, доцент

ЭКСПЕРТНЫЕ МНЕНИЯ

«В современных условиях развития общественных отношений, где угрозы и вызовы постоянно усложняются, наличие чётко выстроенной правовой базы становится залогом стабильности и устойчивого развития экономики и государства в целом. <…>. Уверен, мероприятия, подобные данному круглому столу, способствуют укреплению сотрудничества между государственными органами и научным сообществом, что является важным шагом на пути формирования надёжной системы правового обеспечения национальной экономической безопасности.».

Д. В. Муха,
директор Института экономики НАН Беларуси
кандидат экономических наук, доцент

«<…> приоритеты и иные абсолютизации социально-правовых систем, исключающие их универсализм, утратили свою социальную значимость.».

В. А. Витушко
доктор юридических наук, профессор

«Проводимые в Республике Беларусь политические, социально-экономические и правовые преобразования привели к изменениям в понимании роли, места, а также значения государства, общественных и иных организаций и граждан в организации антикоррупционной деятельности.».

В. И. Берестень
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
Международный университет «МИТСО»,
доктор юридических наук, профессор

«Современное общественное развитие все больше популяризирует понятие инклюзивности, используя его во многих сферах жизнедеятельности. Главный принцип инклюзивности – создание равного доступа к социальным благам и трудовому процессу для всех инклюзивных слоев населения, то есть групп людей, которые исключены из общественной жизни, прежде всего, по признаку трудоспособности.».

Н. В. Маковская
профессор Могилевского государственного
университета им. А. А. Кулешова,
доктор экономических наук, профессор

«В современных условиях цифровизации общества вопросы защиты персональных данных становятся все более актуальными. Особенно это касается трудовых отношений, где работодатель (наниматель) получает доступ к обширной информации о своих работниках, а еще до этого о гражданах, обратившихся по вопросам трудоустройства».

К. Л. Томашевский
заместитель декана юридического факультета по научной работе,
профессор кафедры гражданского и предпринимательского права
Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП),
доктор юридических наук, профессор;
Л. Р. Миннебаева
менеджер кафедры гражданского и предпринимательского права
Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)

«<…>. Обеспечение безопасности при осуществлении хозяйственной деятельности представляется одной из самых значимых задач предпринимательского (хозяйственного) права. Речь идет о безопасности комплексной – о безопасности субъектов предпринимательской деятельности, их контрагентов и потребителей, товаров и услуг, окружающей среды и т. п.».

А. В. Михайлов
заведующий кафедрой
предпринимательского и энергетического права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент

«Экономическая безопасность, как компонент национальной безопасности, предполагает не только защиту от внешних и внутренних угроз, но и создание условий для устойчивого повышения качества жизни населения. Социальное благополучие, в свою очередь, выступает индикатором эффективности экономической политики, поскольку включает такие параметры, как уровень доходов, доступность образования, здравоохранения и инфраструктуры.».

М. А. Мирюкова
доцент кафедры юриспруденции
Западного филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(Россия, г. Калининград), кандидат социологических наук, доцент
В. Ф. Соколова
заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Западного филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(Россия, г. Калининград), кандидат философских наук, доцент

«<…>. В Республике Беларусь, как и в любой другой стране, экономика может быть подвержена влиянию криминогенных факторов, которые способны дестабилизировать ее функционирование, снизить инвестиционную привлекательность и ухудшить социальное благополучие. Эффективное противодействие экономической преступности требует комплексного подхода, включающего анализ криминогенных рисков, разработку и внедрение соответствующих правовых механизмов, а также координацию усилий различных государственных органов и институтов гражданского общества.».

О. В. Слижевская
ведущий научный сотрудник
центра государственного строительства и права
Института экономики НАН Беларуси,
кандидат юридических наук, доцент

«Пространственное действие уголовного закона приобретает особую актуальность в современных условиях, когда возникла непосредственная необходимость осуществлять максимальную защиту государственных и общественных интересов от посягательств на них извне. В условиях напряженной международно-правовой обстановки цель охраны указанных интересов имеет особое значение. Противодействие преступности, координация действий правоохранительных органов становятся невозможными без выработки приемлемых с точки зрения суверенитета и независимости государства правил по реализации норм национального уголовного законодательства.».

А. А. Дедковский
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
кандидат юридических наук, доцент

«<…>. Человек выступает одновременно субъектом (осуществляя любые виды экономической деятельности для получения дохода) и объектом (государство, общество, человек) экономической безопасности. Именно в потребительских отношениях человек выступает как слабая сторона договора, требующая особых форм защиты его нарушенных прав, и такие права, соответственно, являются объектом защиты.».

Т. А. Горупа
декан юридического факультета
Учреждения образования «Брестский государственный университет
им. А. С. Пушкина», кандидат юридических наук, доцент

ОСНОВНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 346.21

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е. Н. Гладкая
руководитель центра государственного строительства и права Института экономики НАН Беларуси, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье отмечены проблемы правового регулирования хозяйственной деятельности некоммерческих организаций. На основании полученных результатов сформулированы рекомендации по его совершенствованию в целях нивелирования предпосылок к нелегальному хозяйствованию.

Ключевые слова: правовое регулирование; нелегальное хозяйствование; хозяйственное право; хозяйственная деятельность; предпринимательская деятельность; некоммерческие организации; доход; прибыль.

Современные условия развития общественных отношений диктуют необходимость усиления контроля со стороны государства над деятельностью субъектов предпринимательства. Это обусловлено рядом факторов – укреплением интеграционных процессов в рамках Союзного государства, введением необоснованных экономических ограничений недружественными странами, прогрессирующим экономическим регионализмом и прочими. В этих условиях, когда наблюдается перестройка экономических процессов, возрастает вероятность злоупотребления субъектами предпринимательства предоставленными им правами в попытке адаптироваться к изменяющейся конъюнктуре рынка. Избираемые формы адаптации не всегда носят легальный характер. Как следствие наблюдается рост нелегального хозяйствования.

Требуется отметить, что в этих условия в Республике Беларусь уделяется значительное внимание совершенствованию правового регулирования первичного предпринимательства (предпринимательской деятельности). Вместе с тем фактически за рамками правового регулирования остаются иные типы предпринимательства, как правило имеющие социальное значение. К таковым, в частности, относится предпринимательство некоммерческих организаций (вторичное, социально-значимое предпринимательство). Такое предпринимательство презюмируется законодателем, но его правовое регулирование не детализируется с учетом особенностей правового статуса, которыми обладают данные организации. В отсутствии должного правового регулирования предпринимательства некоммерческих организаций на законодательном уровне, его детализация происходит на уровне локальных

актов организации. Данное обстоятельство создает предпосылки для возникновения различных форм осуществления предпринимательства некоммерческими организациями, в том числе способных носить нелегальный характер.

В 2023 г. в целях дальнейшего развития правовой системы Республики Беларусь была принята Концепция правовой политики, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 (далее – Концепция правовой политики). Согласно ее п. 26, в качестве положительных тенденций формирования и развития национальной правовой системы названы умеренная либерализация правового регулирования экономических отношений, обеспечивающая баланс государственных и частных интересов, устранение излишних барьеров при осуществлении экономической деятельности. В то же время к тенденциям, подлежащем устранению отнесены избыточность правового регулирования, сохранение проблемы множества актов законодательства по одному вопросу, в том числе из-за попыток разрешения юридических коллизий не путем изменения действующего законодательства, а путем издания нового нормативного правового акта, значительное и не всегда обоснованное количество отсылочных норм.

В силу подп. 45.3 п. 45 Концепции правовой политики, в Беларуси в сферах гражданского, экономического (хозяйственного) законодательства взят курс на развитие организационно-правовых форм предпринимательской и иной экономической (хозяйственной) деятельности с учетом характера и видов такой деятельности (современные результаты исследований показывают, что хозяйственная деятельность – это деятельность публичного и частного характера, представляющая собой совокупность хозяйственных операций, направленных на производство материальных и нематериальных благ, предназначенных для личного, семейного, прочего бытового потребления, либо для целей расширенного производства [1] – Прим. автора), а также на переход к организованному ведению бизнеса. Значительным шагом на пути реализации взятого курса стало принятие Закона Республики Беларусь от 22 апреля 2024 г. № 365-З «Об изменении законов по вопросам предпринимательской деятельности» (далее – Закон «Об изменении законов по вопросам предпринимательской деятельности»), на основании которого были пересмотрены виды непредпринимательской деятельности, уточнены формы индивидуальной предпринимательской деятельности и прочее. Вместе с тем при разработке указанного закона не учитывались проблемы правового регулирования деятельности некоммерческих организаций, направленной на получение дохода, именуемой в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) предпринимательской.

В отсутствии специального нормативного правового акта о некоммерческих организациях, основу правового регулирования их деятельности составляют нормы ГК Республики Беларусь. Так, в соответствии с п. 1 ст. 46 кодекса, некоммерческими организациями являются организации со статусом юридического лица, не имеющие извлечение прибыли в качестве

основной цели деятельности и не распределяющие полученную прибыль между своими участниками.

На основании ч. 4 п. 3 ст. 46 ГК Республики Беларусь, некоммерческие организации могут осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку она необходима для их уставных целей, ради которых они созданы, соответствует этим целям и отвечает предмету деятельности некоммерческих организаций, либо поскольку она необходима для выполнения государственно значимых задач, предусмотренных в их учредительных документах, соответствует этим задачам и отвечает предмету деятельности данных организаций. Для отдельных форм некоммерческих организаций законодательными актами могут быть установлены требования, предусматривающие их право на занятие предпринимательской деятельностью только посредством образования коммерческих организаций и (или) участия в них.

Я. И. Функ отмечает, что на практике достаточно сложно разграничить уставную и предпринимательскую деятельность некоммерческих организаций [2, с. 39–44]. Разделяя приведенную точку зрения, отметим следующее. Наделение некоммерческих организаций правом осуществления предпринимательской деятельности носит субъективный характер и своим существованием обязано субъектам правотворческой деятельности. На определенном историческом этапе необходимость в этом была оправданной. В настоящее время такой подход не соответствует потребностям общественного развития, поскольку формирует несоответствие пределов правового воздействия на хозяйственную деятельность некоммерческих организаций фактическому правовому режиму ее осуществления. Кроме того, существует объективная потребность разграничения в рамках гражданского оборота коммерческих и некоммерческих организаций, сохраняя при этом их сущностные признаки.

Согласно п. 1 ст. 1 ГК Республики Беларусь, предпринимательская деятельность – это самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления. Таким образом, одним из признаков предпринимательской деятельности является ее самостоятельный характер, который проявляется в осуществлении такой деятельности от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность. Последнее не позволяет рассматривать в качестве субъектов предпринимательской деятельности некоммерческие организации, реализующее представленное им право на занятие предпринимательской деятельностью путем создания коммерческих организаций. В данной части целесообразно вести речь о

хозяйственной непредпринимательской деятельности некоммерческих организаций, направленной на создание коммерческой организации и управление ею.

В законодательстве Республики Беларусь можно найти указание на иные формы хозяйственной непредпринимательской деятельности некоммерческих организаций. В силу ст. 20 Закона об общественных объединениях, общественные объединения, союзы могут осуществлять в установленном порядке предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку она необходима для их уставных целей, ради которых они созданы, и соответствует этим целям. Такая деятельность может осуществляться общественными объединениями, союзами только посредством образования коммерческих организаций и (или) участия в них, если иное не установлено законодательными актами. В то же время, согласно ст. 21 указанного закона, к одному из источников формирования денежных средств общественного объединения отнесены поступления от проводимых в уставных целях лекций, выставок, спортивных и других мероприятий. Данная деятельность общественных объединений не рассматривается законодателем в качестве предпринимательской, следовательно, является хозяйственной непредпринимательской деятельностью.

Формами хозяйственной непредпринимательской деятельности общественных объединений также являются выполнение работ, оказание услуг при выполнении государственного социального заказа без образования коммерческих организаций и (или) участия в них; деятельность по управлению имущественными правами авторов или иных правообладателей на коллективной основе в порядке, установленном законодательством (ст. 20 Закона об общественных объединениях).

Таким образом, на примере общественных объединений нами была показана некорректность установленных в законодательстве Республики Беларусь пределов правового воздействия на деятельность некоммерческих организаций, которым предоставлено право осуществления предпринимательской деятельности путем создания коммерческой организации. Такая деятельность предпринимательской не является, а представляет собой одну из форм хозяйственной непредпринимательской деятельности. Наряду с ней, некоммерческие организации (в зависимости от организационно-правовой формы) могут осуществлять иные виды хозяйственной непредпринимательской деятельности.

Применительно к некоммерческим организациям, которым на основании законодательства предоставлено право осуществлять предпринимательскую деятельность от своего имени, необходимо отметить следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 46 ГК Республики Беларусь, некоммерческая организация – это организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками. Содержание указанного пункта свидетельствует о том,

что извлечение прибыли не может быть основной целью деятельности некоммерческой организации. Из чего напрашивается вывод о том, что некоммерческая организация может иметь дополнительную (факультативную) цель деятельности, на которую вышеуказанный запрет не распространяется. Данный вывод подкрепляется п. 3 ст. 46 ГК Республики Беларусь. Таким образом, именно нормы статьи 46 ГК Республики Беларусь послужили основой для формирования ошибочного представления о том, что непредпринимательская хозяйственная деятельность некоммерческих организаций может иметь экономический эффект в виде прибыли.

Поясним причины ошибочности данного суждения. Согласно легальной дефиниции предпринимательской деятельности, закрепленной в ст. 1 ГК Республики Беларусь, ее главным признаком является наличие цели систематического получения прибыли. В то время как правовая конструкция некоммерческой организации исключает возможность систематического получения прибыли, а, значит, и осуществления предпринимательской деятельности. Иной подход нивелирует разницу между коммерческими и некоммерческими организациями, лишает значимости правовой институт некоммерческих организаций.

Принимая во внимание вышеуказанное, требуется отметить, что результатом непредпринимательской хозяйственной деятельности некоммерческой организации, имеющим экономический эффект, может быть получение дохода непредпринимательского характера без признака систематичности. При этом получение дохода от непредпринимательской хозяйственной деятельности должно оставаться вторичной целью для некоммерческой организации. Отличие данной формы непредпринимательской хозяйственной деятельности некоммерческих организаций от рассмотренных выше будет заключаться в наличие у нее предпринимательского характера, поскольку результат такой деятельности, как правило, будет иметь экономический эффект в виде полученного дохода.

Следовательно, под доходной деятельностью некоммерческих организаций (вторичным предпринимательством некоммерческих организаций, непредпринимательской хозяйственной деятельностью некоммерческих организаций) необходимо понимать – деятельность, которая может приносить им доход, лишь постольку, поскольку он необходим для их уставных целей, ради которых они созданы, соответствует этим целям и отвечает предмету деятельности некоммерческих организаций, либо поскольку он необходим для выполнения государственно значимых задач, предусмотренных в их учредительных документах, соответствует этим задачам и отвечает предмету деятельности данных организаций. Для отдельных форм некоммерческих организаций законодательными актами могут быть установлены требования, предусматривающие их право на занятие деятельностью, приносящей им доход, только посредством образования коммерческих организаций и (или) участия в них.

Исследование судебной практики показывает, что ошибочные представления, сформированные в гражданском законодательстве Республики Беларусь относительно определения правового режима результата непредпринимательской хозяйственной деятельности некоммерческих организаций, влекут за собой значительное количество судебных споров, большая часть из которых связана с налогообложением данных организаций [3; 4].

Таким образом, обозначенные в работе несоответствия установленного в законодательстве Республики Беларусь правового режима «предпринимательской деятельности» некоммерческих организаций и ее результата правовому статусу таких организаций, выявленные причины таких несоответствий убедительно свидетельствуют о необходимости пересмотра существующих подходов в целях нивелирования предпосылок к нелегальному хозяйствованию. Для этого вносятся следующие рекомендации:

1. считать подход, заключающейся в предоставлении некоммерческим организациям права на осуществление предпринимательской деятельности некорректным;
2. деятельность некоммерческих организаций, именуемую в настоящее время предпринимательской, рассматривать в качестве непредпринимательской хозяйственной деятельности, которая может иметь экономический эффект в виде дохода;
3. непредпринимательской хозяйственной деятельностью некоммерческих организаций считать деятельность, которая может приносить им доход, лишь постольку, поскольку он необходим для их уставных целей, ради которых они созданы, соответствует этим целям и отвечает предмету деятельности некоммерческих организаций, либо поскольку он необходим для выполнения государственно значимых задач, предусмотренных в их учредительных документах, соответствует этим задачам и отвечает предмету деятельности данных организаций. Для отдельных форм некоммерческих организаций законодательными актами могут быть установлены требования, предусматривающие их право на занятие деятельностью, приносящей им доход, только посредством образования коммерческих организаций и (или) участия в них;
4. в случае, когда непредпринимательская хозяйственная деятельность некоммерческой организации имеет результат в виде дохода, квалифицировать ее как деятельность предпринимательского характера;
5. деятельность некоммерческих организаций, осуществление которой не приносит дохода, следует квалифицировать как хозяйственную деятельность непредпринимательского характера;
6. отказаться от использования категории «прибыль» применительно к результату непредпринимательской хозяйственной деятельности некоммерческих организаций и именовать его доходом;

7. использовать внесенные предложения для уточнения соответствующих положений законодательства Республики Беларусь о некоммерческих организациях;

8. разработать проект закона Республики Беларусь о некоммерческих организациях и отразить в нем предложенные унифицированные пределы правового воздействия на их хозяйственную деятельность.

Список использованных источников:

1. Хозяйственное право: электронный учебно-методический комплекс для специальностей: 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право», 1-23 01 06-01 «Политология (политико-юридическая деятельность)» / Н. Л. Бондаренко [и др.]; БГУ, Юридический фак., Каф. хозяйственного права. – Минск: БГУ, 2022. – 197 с.

2. Функ Я.И. Об осуществлении некоммерческими организациями предпринимательской деятельности // Промышленно-торговое право. – 2010. – № 2. – С. 39–44.

3. Решение экономического суда Гомельской области от 05.07.2023 (дело № 153ЭАП2313) [Электронный ресурс] : ilex.by / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2025.

4. Постановление апелляционной инстанции экономического суда города Минска от 27.10.2022 (дело № 155ЭАП2253/А) [Электронный ресурс] : ilex.by / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2025.

УДК 340; 347

МЕТОДОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ И ДЕЙСТВИЯ В ПОЗНАНИИ ПРИОРИТЕТОВ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

В. А. Витушко
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. В статье установлено, что в истории цивилизации отдельные правовые системы (институты) временно имели абсолютный приоритет перед другими институтами, но с течением времени теряли такой статус и заменялись другими институтами. С XX в. в правоведении и иных науках абсолютизация приоритета отдельных социально-правовых систем утратила свою социальную ценность, всеобщее распространение и применение получает релятивизм мышления и действия. К настоящему времени социально-правовые системы (институты, нормы, понятия и иные) осознанно рассматриваются как комплексные многоуровневые, многомерные и универсальные, и в то же время как оригинальные, с индивидуальными свойствами и содержанием.

Ключевые слова: методология; правовые системы; подсистемы права (отрасли и др.); приоритеты; абсолютизации; универсализм; индивидуализм; оригинальность; релятивизм.

Релятивизм как способ мышления, указывающий на единство и неразрывную взаимосвязь разнородных явлений, был осознан и сформулирован в обществе в начале XX в., став основой преобразования всех наук, практик и их методологии. Хотя, взаимосвязь бинарных и иных оппозиций на подсознательном уровне использовалась человечеством с первобытных времен. Ярким примером тому является становление и развитие права.

В древнеримском гражданском праве (jus civile) с момента его зарождения и по мере развития постепенно осознавалась взаимосвязь личных (частноправовых) и общественных (публично-правовых) интересов. Индивидуальные особенности, а также неразрывная взаимосвязь этих прав и интересов использовались авторитетными юристами, включая Папиниана, в их практической деятельности. И *это один из наиболее ярких примеров индивидуального использования релятивизма, который назовем казуальным*. Но в III в.н.э. ученик Папиниана Ульпиан абсолютизировал деление норм древнеримского гражданского права на частноправовые и публично-правовые. Законодательно данная абсолютизация в разделении норм древнеримского гражданского права на частноправовые и публично-правовые не была легализована. Древнеримское право не было расчленено на соответствующие частные и публичные, отраслевые и иные подсистемы, сохранило свое единство и комплексную частно-публичную структуру и

содержание. Таким образом, *древнеримский законодатель и классические юристы исходили из понимания единства частных и публичных прав и интересов, релятивного их разграничения применительно к конкретным индивидуальным обстоятельствам субъектного, объектного, временного, пространственного и иного правового характера*. В то же время, в качестве абсолютных приоритетов в классический период системы древнеримского права (I-III в.н.э.) были выделены три его института: лиц, вещей и исков, среди которых особо выделялся институт исков. Это было необходимо для разграничения и защиты прав и интересов свободных римских граждан, иноземцев и бесправных рабов. Данную систему права древнеримский юрист Гай описывал так: «все то право, которым мы пользуемся, относится или к лицам, или к вещам, или к правовым действиям [искам]» [1, с. 22]. Давая разъяснение данному постулату, российский профессор С.А. Муромцев писал, что древнеримские юристы «сводили всю сущность права, как такового, на судебный иск, которым оно защищалось. Они даже почти нигде не говорят о правах, но только об исках» [2, с. 586].

В XII в. в Средневековой Европе были обнаружены Дигесты Юстиниана (Corpus juris civile). Почти во все 50 книгах Дигест содержались нормы частного и публичного характера. Благодаря Болонской школе права древнеримское гражданское право было подвергнуто рецепции в европейских государствах. Но, ни в континентальной Европе, ни в Англии древнеримская доктринальная догма о делении права на частное и публичное не была законодательно воспринята. Все средневековые нормативные правовые акты в виде Правд, а также Статуты Великого княжества Литовского XVI в., носили комплексный характер, включали нормы как частноправового, так и публично-правового характера.

Представлениям о единстве частных и публичных прав и интересов сопутствовало то, что *на подсознательном уровне с первобытных времен, а также во всех средневековых государствах и цивилизациях мира сохранялось единство народа и его лидеров (князей, королей и др.)* [3, с. 188–189]. Государства и их лидеры не ограничивали свободы народа в хозяйственной деятельности, способствовали развитию договорных отношений, требуя лишь уплаты налогов и несения воинской повинности. И народ выполнял эти публичные повинности, особенно по защите своей земли. Внутренние коллизии имели место, когда некоторые государства вероломно захватывали монополии, например, на торговлю солью и алкоголем, как это было в России при царе Алексее Михайловиче. Только в 1673 г. во Франции появился ордонанс «О торговле», а в 1681 г. ордонанс «О мореплавании», в которых впервые в мировой практике были кодифицированы нормы торгового права. Государства активно стали регулировать товарную хозяйственную деятельность лишь к концу XIX в., когда зарождались идеи о социальном государстве и праве, вводилось антимонопольное и иное законодательство, ограничивающее права личности.

Следующим *приоритетом в процессе эволюции гражданского права Европейской цивилизации стало право собственности.* Это также было логичным с точки зрения становления и развития капитализма. Приоритетность и абсолютизация этого правового института была закреплена Французским Гражданским Кодексом 1804 г. и поддерживалась судебной практикой, которая проигнорировала декларированный принцип равенства, отвергла возможность ограничения права собственности другими правами и интересами, кроме случаев, установленных законами и регламентами (ст. 544 ФГК). В связи с этим, права наемных работников всецело зависели от интересов собственника капитала.

К середине XIX в. правоведы Европы и России отвергли древнеримскую доктринальную догму, абсолютизировавшую разделение права на частное и публичное. Одним из основных аргументов был тот, что ущемление прав личности влечет и нарушение общественных интересов. Тем самым *европейская юриспруденция еще раз заявила об относительности всяких абсолютизаций.* Судебные решения стали опираться на основополагающие принципы права, а не формализм закона, способствуя развитию релятивизма в правовых оценках. Этому способствовал и рост революционного движения рабочего класса Европы. Поэтому, *к концу XIX в. приоритеты еще раз поменялись*. Саксонское Гражданское Уложение, а затем и Германское Гражданское Уложение 1896 г. (ГГУ) *отвергли приоритетность права собственности*. Была предпринята еще одна попытка восстановления принципа равенства в общественных отношениях и правоотношениях, в особенности между мелким, средним и крупным капиталом. Одновременно, было осознано, что *институты лиц, исков и вещей утратили не только прежнюю приоритетность, но и свойства самодостаточности в системе права*. Рядом с вещным и обязательственным правом *институты лиц, исков и вещей стали рассматриваться как универсальные, способные выполнять обслуживающие функции для вещного, обязательственного права и других институтов (подотраслей) гражданского права*. Поэтому данные институты лиц, исков, вещей и некоторые иные были выделены в Общую (универсальную) часть системы ГГУ, а обязательственное, вещное право и другие институты, сохранявшие еще некоторую оригинальность, были выделены в Особенную часть ГГУ.

В этот же период в философии позитивизма и теории права развивались идеи о социальном праве, в котором права и обязанности личности должны быть на сбалансированной основе связаны с интересами всего общества. Тем самым *окончательно была отвергнута абсолютизация индивидуализма личности, ее частных прав и интересов*. *Релятивизм в соотношении частных и общественных интересов стал осознанно применяться в правоведении, правотворчестве и правоприменении*. Начало XX в. было ознаменовано и тем, что релятивизм получил свое обоснование и в естественных науках. Широкое законодательное закрепление неразрывного единства частных и общественных интересов началось в Европе, Азии и других регионах мира

после окончания Второй мировой войны. Так, в ст. 14 Конституции ФРГ было записано, что частная собственность должна служить интересам не только собственника, но и общественным интересам.

К концу XX в. стала очевидной *недопустимость абсолютизации индивидуальности любых социально-правовых систем, понятий и институтов*. Продолжилась тенденция унификации функций системы права, ее подсистем (отраслей) и правовых институтов (подотраслей). Это нашло отражение в структуре Гражданских кодексов стран СНГ, принимавшихся в 90-е гг. XX в. В них уже нет Общей части, хотя, по инерции, сохранились Общие положения. Вещное право сохраняет в структуре ГК приоритет над обязательственным правом только потому, что страны СНГ заявив о переходе к рыночной экономике, пытались пройти капиталистический путь развития, повторяя опыт ФГК. Хотя, к этому времени понимание глобальной унификации правовых институтов побудило Генеральное соглашение по торговле и тарифам (ГАТТ), трансформировавшееся в 1994 г. в формат Всемирной торговой организации (ВТО), отказаться от использования в международной торговле норм вещного права. В праве ВТО из числа норм вещного права остались только нормы о моменте перехода права собственности. Все остальные *правовые вопросы международной торговли решаются по нормам динамичного договорного права, с его принципом свободы договора.* Релятивизм правового мышления и действия приводит к пониманию комплексной и универсальной частно-публичной, а также иной многоуровневой и многомерной структуры системы права, ее понятий и институтов. Причем, такая комплексность и универсализм неразрывно связаны с индивидуальностью и оригинальностью отраслей права, их понятий и институтов.

Такой же релятивизм проявил себя и в единой и нераздельной системе общественных отношений, включающей своими структурными элементами традиционно разделявшиеся и индивидуализировавшиеся системы политических, экономических, юридических, морально-нравственных и иных общественных отношений. Неразрывная взаимосвязь, и, как следствие, многомерность комплексной структуры общественных отношений проявляется в том, что, во-первых, в силу закона взаимного отражения они передают одни другим свою информацию, оставляют одни другим свои следы, т.е. элементы своей природы. Во-вторых, они могут отражать как частные, так и публичные интересы. В-третьих, надо вспомнить и закон Гегеля о единстве и борьбе противоположностей, включая разного рода бинарности и иные антиномий. Наконец, многомерность определяется тем, что все указанные общественные отношения по-особому проявляются на глобальном, региональном, национальном, местном и иных уровнях.

То, что у указанных общественных отношений приоритеты также утрачены наглядно видно на примере последних проявлений глобальной политики Запада. Так, Президент США Джо Байден после возвращения из Западной Европы в 2022 г., где он склонил лидеров этих стран к санкционной

войне с Россией и Беларусью, заявил, что «Мы на коне». А нынешний Президент США Дональд Трамп признал такую политику неудачной, поскольку она не учла экономические потери США, а также массовую гибель людей в боях на Украине. Тем самым Дональд Трамп продемонстрировал, что политика неразрывно связана с экономическими и гуманитарными интересами на национальном и региональном уровнях. Сюда же можно добавить, что санкционная политика Запада в отношении России и Беларуси нарушает нормы международного права о торговле на глобальном уровне. Что сказалось на социальной защищенности собственных граждан на национальном уровне. Взаимосвязи между указанными политическими, экономическими, социальными и правовыми отношениями мы называем *горизонтальными*. А их взаимосвязи с единой системой общественных отношений являются *вертикальными,* благодаря которым единая система направляет функционирование своих структурных элементов на решение общих задачи и целей.

Структурные элементы единой системы общественных отношений сами являются системами. На примере единой системы экономических отношений также нужно выделить ее неразрывно связанные структурные элементы. К ним относятся кредитно-денежные, имущественные и личные неимущественные отношения, отношения по подготовке кадров для экономики, развитию экономической науки и др. Между данными структурными элементами существуют горизонтальные отношения. А между единой системой экономических отношений и ее структурными элементами выделяются свои вертикальные отношения.

Если рассмотреть систему отношений по подготовке кадров с высшим образованием для экономики, то нужно *выделить подсистему подготовки обучающего персонала для этих целей*, среди которого должны преобладать специалисты высшей научной квалификации. В Беларуси система подготовки специалистов высшей научной квалификации в вузах экономико-правовой направленности находится на низком уровне. Так, в 2000-е гг. для защиты диссертаций обучающим персоналом существовало только два совета. Но ныне один совет при БГЭУ не прошел переаттестацию, остался только один совет при БГУ, чего явно недостаточно. Другим важным структурным элементом экономики всегда была и есть, пока роботы не заменили человека, свободная рабочая сила. С древнейших времен всегда стоял и стоит вопрос свободного труда работников села, ремесленничества, промышленности и иных сфер экономики. В Древнем Риме рабов освобождали через десять лет, поскольку общество осознавало, что рабский труд не эффективен. То же самое имело место в Средневековой Европе, в том числе в России, где осознавали не эффективность крепостного труда. Советское государство в 80-е годы также дало полные свободы трудовым коллективам по управлению своими предприятиями. Кроме того, работник не зависел от нанимателя, мог в любое время написать заявление на увольнение по собственному желанию и поменять род занятий. Ныне в странах СНГ трудовые коллективы лишены

указанных прав. А наемные работники переведены на контрактную систему найма, ограничивающую свободу работника, а значит эффективность труда общей массы наемных работников не может быть высокой, если не брать в расчет индивидуальных позитивных примеров. Требует своего осознания и роль договоров в развитии экономических отношений. Договоры применялись для совершения обмена предметов хозяйствования с первобытных времен, когда законодательства не существовало. Договорное право как самодостаточная регулятивная система развивалось волей участников товарного обмена на основе их собственного опыта, мудрости и обычаев. Следует отметить, что рабочая сила и договоры являются фундаментом не только экономических отношений, но и всей системы общественных отношений. Если люди не смогут договариваться в своей стране, а государства не смогут договариваться на международном уровне, то *ни о каком суверенитете, а тем более национальной безопасности речь идти не может*.

Говоря об особенностях вертикальных, горизонтальных и иных неразрывных связях между общественными отношениями нужно отметить следующее. Так, *вертикальные связи любой системы с ее структурными элементами являются неразрывными, стремящимися к постоянству и стабильности. Условно их можно назвать абсолютными*. Но в известных случаях некоторые структурные элементы могут противопоставлять себя целям и задачам своей системы. Возникающие противоречия между социальной системой и ее структурными элементами могут казуально вызывать разнонаправленность их действий, а в некоторых случаях и коллапс всей системы.

Горизонтальные взаимосвязи между структурными элементами любой системы отличаются динамичным взаимным развитием и индивидуализацией особенностей своего развития. Так, каждая отрасль права, в своей основе, выполняет свои функции в рамках системы права. В то же время, отражаясь одни в других они оставляют свои следы в других отраслях права. Благодаря этому отрасли права содействуют функционированию других отраслей права, что повышает эффективность всей системы права. Например, уголовное право выполняет задачи защиты гражданско-правовых имущественных и личных неимущественных прав. В свою очередь, нормы гражданского права могут действовать в отраслях административно-правового характера (п. 4 ст. 1 ГК Беларуси, п. 3 ст. 2 ГК России). Все это создает эффект единства системы права.

Вертикальные и горизонтальные взаимосвязи присутствуют на всех уровнях общественных отношений. Так, например, в праве такие отношения существуют не только между системой права и ее структурными элементами, отраслями права, но и между отраслями права как системами и их структурными элементами, отраслевыми институтами, а также между институтами и их структурными элементами, – нормами права, и т.д.

Помимо вертикального и горизонтального уровней неразрывных взаимных связей в правоотношениях *нужно видеть и условно называемый*

диагональный уровень отношений. Речь идет о том, что многофункциональные отраслевые правовые институты выполняют необходимые функции и задачи не только в своих, но и иных отраслях права, причем, независимо от того являются ли они частными или публичными. Так, например, неустойка (штраф, пеня) выполняет ряд функций в гражданском праве. Она есть форма ответственности; способ защиты прав (ст. 11 ГК Беларуси; ст. 12 ГК России); способ обеспечения исполнения обязательств (параграф 2 Главы 23 ГК Беларуси и ГК России); санкция. Кроме того, штраф и пеня применяются в отраслях финансового, уголовного административного и иного права, т.е. имеют частно-публичную природу. Договоры также могут выполнять функции защиты прав и иные частные и публичные функции. Связи этих и других отраслевых институтов образуют диагональные, опосредованные связи в системе права.

Таким образом, приоритеты и иные абсолютизации социально-правовых систем, исключающие их универсализм, утратили свою социальную значимость. При этом, социально-правовые системы сохраняют свои относительные индивидуальные особенности и оригинальность. Социально-правовые приоритеты могут иметь сугубо временный и точечный характер. Универсализм есть бинарная оппозиция индивидуализму, но универсализм неразрывно связан с индивидуализмом, поскольку у них имеются общие и особенные признаки и свойства.

Список использованных источников:

1. Римское частное право: Учебник / Под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. –560 с.

2. Муромцев С.А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. – М.: АО «Центр-ЮрИнфоР», 2004. – 765 с.

3. Витушко В.А. Духовное единство, коллективизм и сотрудничество как врожденные социально-правовые и социально-психологические свойства человека и народа // Власть закона. – Краснодар. – 2024. – № 1 (57). – С. 168–189.

УДК 347.44; 343.35

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ОГОВОРКА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРАХ КАК МЕРА ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ КОРРУПЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В. И. Берестень
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси Международный университет «МИТСО», доктор юридических наук, профессор

Аннотация. В статье исследуется антикоррупционная оговорка как мера по предупреждению коррупционных отношений при заключении и реализации гражданско-правовых договоров. Научно обосновывается необходимость развивать прозрачность договорных отношений в хозяйственной деятельности. На основании наработок представителей научной школы «Противодействие преступности и коррупции» учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси Международного университета «МИТСО» внесены предложения, направленные на развитие системы превентивной антикоррупционной деятельности в Республике Беларусь.

Ключевые слова: противодействие коррупции; антикоррупционная оговорка; контрагент; представительство; коммерческое представительство; агентская деятельность; коррупционные риски; экономическая безопасность.

«Богатству иных людей не стоит завидовать: они приобрели его такой ценой, которая нам не по карману, они пожертвовали ради него покоем, здоровьем, честью, совестью. Это слишком дорого; сделка принесла бы нам лишь убытки».
Жан де Лабрюйер (1645-1696), французский моралист, психолог, писатель.

Проводимые в Республике Беларусь политические, социально-экономические и правовые преобразования привели к изменениям в понимании роли, места, а также значения государства, общественных и иных организаций и граждан в организации антикоррупционной деятельности.

Противодействие коррупции представляет одну из комплексных теоретических, методологических и прикладных проблем в контексте научных исследований на междисциплинарном уровне. Сущность рассматриваемого транснационального социально опасного явления заключается в глобальности его проявления и проникновения во все сферы общественных отношений. Актуальность противодействия коррупции в равной мере относится к каждому человеку, обществу, государству и международному сообществу в целом [1, с. 108].

Историко-логические и гносеологические методы познания позволяют раскрыть опасность коррупции для общества и государства, а также деградирующее воздействие коррупционных отношений на политику, экономику, социальную сферу, духовно-нравственное состояние общества. Объективно оценить масштабы распространения коррупции пока не представляется возможным [2, с. 7–13]. Именно поэтому в изучении проблемы коррупции как деструктивного явления важен гносеологический оптимизм. Он проявляется в том, что физическое лицо или группа лиц в процессе осмысления и дальнейшего понимания жизненных проблем не соглашаются с тем, что жизнь идеальна, принимают меры путем сосредоточения усилий на позитивном результате с целью сделать благоприятнее (меньше формируется коррупционных рисков) сложившуюся коррупциогенную ситуацию по сравнению с ранее существующей. В рамках которого возможно осуществить интерпретацию (как метода научного познания) направлений противодействия данному негативному социальному явлению в системе государственного управления.

На каждом историческом этапе формирования научного знания происходило как углубление собственно научного знания, так и его гносеологическая интерпретация, которая в теоретико-методологическом отношении составила общенаучный подход для решения глобальных проблем современности в сфере противодействия коррупции. Гносеологический подход к анализу общенаучной категории «противодействие коррупции» позволяет расширить представления о соотношении и единстве наук об обществе, государстве и праве, взаимовлиянии науки на производство духовно-материальных ценностей, а также правовое обеспечение их производства. Приоритетным направлением в предупредительно-профилактической деятельности является постоянное повышение антикоррупционной культуры и правосознания [3, с. 10–15].

В результате реализуются взаимосвязанные и взаимодополняющие меры политического, экономического, идеологического, культурного, правового, организационно-управленческого характера, взаимодействие и координация деятельности субъектов профилактики. Их целенаправленное позитивное воздействие на объекты, требующие первоочередного профилактического внимания, а также выполнение иных требований по осуществлению системной и эффективной превентивной антикоррупционной работы.

Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» «устанавливает правовые основы государственной политики в сфере борьбы с коррупцией, направлен на защиту прав и свобод граждан, общественных интересов от угроз, вытекающих из проявлений коррупции, обеспечение эффективной деятельности государственных органов, иных организаций, государственных должностных и приравненных к ним лиц путем предупреждения, выявления, пресечения правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений, устранения их последствий».

В Концепции правовой политики Республики Беларусь (далее – КПП) одним из условий социальной справедливости при реализации прав и свобод человека и гражданина является максимальное сближение интересов государства, общества и его граждан, их взаимной ответственности (п. 22 КПП). В данном документе закреплено, что повышать эффективность законодательства о борьбе с коррупцией и его реализации необходимо путем воздействия на причины и условия, способствующие возникновению коррупционных отношений. В этих целях целесообразно повышать открытость деятельности государственных органов, прозрачности принимаемых решений, развития форм и методов общественного контроля в сфере противодействия правонарушениям, создающим условия для коррупции, и коррупционным правонарушениям.

Своевременное выявление и устранение субъективных и объективных детерминант коррупционных преступлений позволяет обеспечить охраняемых уголовным законом общественных отношений, а также предупредить втягивание физических и юридических лиц в противоправную деятельность, связанную с коррупцией.

В Стратегии борьбы с коррупцией определено, что в противодействии этому социально-опасному явлению первостепенное значение должны иметь меры предупредительного характера, позволяющие целенаправленно и системно воздействовать на причины и условия, способствующие проявлениям коррупции.

Антикоррупционная профилактика направлена на устранение причин и условий, формирующих благоприятную среду для совершения всех видов коррупционных деяний – от коррупционных проступков до коррупционных преступлений. В настоящее время общество постепенно изменяет представление о природе коррупции, ее формах и видах, об антикоррупционных стандартах поведения, осуществляется переоценка духовно-нравственных ценностей и т.п. В противодействии коррупции наблюдается определенная позитивность результатов антикоррупционной деятельности.

По данным Верховного Суда Республики Беларусь число осужденных за коррупционные преступления с 2016 по 2024 год: 2016 год – 569 лиц; 2017 год – 694 лица; 2018 год – 1005 лиц; 2019 год – 1007 лиц; 2020 год – 684 лица; 2021 год – 640 лиц; 2022 год – 819 лиц; 2023 – 717 лиц; 2024 год – 709 лиц осуждено за совершение преступлений коррупционной направленности – на 1,1% меньше, чем в 2023 году (717 лиц).

Коррупционные отношения проявляются в форме коррупционного протекционизма, коррупционного фаворитизма, коррупционного лоббизма и т.п. Наиболее часто проявляется способ достижения коррупционных целей путем хищения бюджетных средств, нарушение требований налогового законодательства (неуплата налогов) и нарушение законодательства при проведении процедуры закупок.

В целях обеспечения своевременности проведения предупредительно-профилактической работы, направленной на снижение уровня коррупционных рисков в процессе исполнения договорных обязательств субъектами хозяйствования рядом стран применяются антикоррупционные оговорки в гражданско-правовых договорах. Они позволяют контролировать выполнение сторонами антикоррупционных мер государственными и частными партнерами во время подготовки, заключения и реализации положений гражданско-правовых договоров. Данная тематика пока недостаточно используется в Республике Беларусь.

В современных условиях гражданско-правовых отношений все больше исследователей обращают внимание на использование антикоррупционной оговорки в гражданско-правовых договорах. Результаты их исследования свидетельствуют о том, что необходимо закрепить в национальном законодательстве. Антикоррупционные оговорки также способствуют укреплению порядка в сфере международной торговли. Государственные и частные компании, которые в этом заинтересованы, способствуют формированию единых стандартов в борьбе с коррупцией. Укрепляется защита интересов всех сторон договора, на более высоком уровне обеспечивается соблюдение обязательств в условиях прозрачности, честности и добросовестности во взаимоотношениях субъектов хозяйствования [4, с. 21–26]. Антикоррупционная оговорка предписывает сторонам договора воздерживаться от деяний в форме действия или бездействия с юридическими признаками коррупционного правонарушения и коррупционного преступления. Основной целью антикоррупционных оговорок является предотвращение любых форм коррупции. Их внедрение способствует созданию условий для устойчивого социально-экономического развития государства и укреплению международных связей. Коррупционные проявления в гражданско-правовых отношениях формируют угрозы экономической безопасности государства. Применение данного инструментария позволит более качественно осуществлять предупредительно-профилактические мероприятия по предотвращению коррупционных проявлений в договорных отношениях.

В этих целях целесообразно своевременно совершенствовать национальные и международные правовые механизмы, обеспечивающие исполнение антикоррупционных обязательств.

Предложение включать антикоррупционную оговорку в хозяйственные договора имеет двоякое понимание. Во-первых, она создает благоприятные условия для исполнения антикоррупционных обязательств, а также предоставляет право расторгнуть договор с недобросовестными партнерами. Во-вторых, невозможно избежать злоупотреблений сторон при достижении своих целей заключения и реализации гражданско-правового договора. Сложно организовать и провести объективный мониторинг с целью установления коррупционных правонарушений и преступлений. Принцип свободы договора обеспечивает право включать в договор любые положения

(по обоюдному согласию сторон), которые не противоречат действующему законодательству Республики Беларусь. Проблема в том, что не в полной мере отражена юридическая ответственность за нарушение требований антикоррупционной оговорки в договорных отношениях. В то же время практика включения антикоррупционной оговорки в текст договора становится все более распространенной. Безосновательный отказ от ее включения в текст договора может весьма негативно отразиться на репутации контрагента.

Применение данного инструментального средства предполагает необходимость учета широкого спектра обстоятельств, обуславливающих выбор наиболее приемлемых условий включения конкретных положений антикоррупционной оговорки в текст гражданско-правового договора. Это своего рода условие договорных отношений сторон в контексте соблюдения антикоррупционного законодательства при исполнении гражданско-правового договора.

Целесообразно закрепить в главе 3 «Предупреждение коррупции» Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 15.07.2015 года положения об антикоррупционной оговорке по соблюдению антикоррупционного законодательства, а также последствий в результате его нарушения в процессе подготовки, заключения и реализации гражданско-правового договора.

Список использованных источников:

1. Берестень В.И. Методологические основы противодействия коррупции и экономическим правонарушениям Проблемы упр. – 2016. – № 3. – С. 107–111.

2. Бабосов Е.М. Философские проблемы бытия, познания, веры и культуры / Е. М. Бабосов. – Минск : Респ. ин-т высш. шк., – 2010. – С. 7–13.

3. Дробязко С.Г. Понятие правовой культуры и основные направления повышения ее уровня в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества / С. Г. Дробязко // Проблемы формирования и развития правовой культуры белорусского общества: Материалы круглого стола, 3–5 февраля 2005 г. – Минск : МИТСО, – 2005. – С. 10–15.

4. Иванов Р.В., Трубицына В.А. Антикоррупционная оговорка в государственном контракте как средство профилактики коррупции в сфере закупок товаров, работ и услуг для нужд военных организаций // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2021. – № 3. – С. 21–26.

УДК 331.5

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ИНКЛЮЗИВНОЙ ЗАНЯТОСТИ В БЕЛАРУСИ

Н. В. Маковская
профессор Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова, доктор экономических наук, профессор

Аннотация. Актуальность исследования состоит в том, что инклюзивная занятость представляет собой включение, предполагающее совместную трудовую деятельность, работника с ограниченными возможностями (ОВ) в конкретный производственный процесс. Понятие «инклюзивная занятость» является частью общей системы трудовой инклюзии. Трудовая инклюзия предполагает совместную трудовую деятельность, работника с ограниченными возможностями в конкретный производственный процесс. Это форма организации труда, при которой каждому работнику, независимо от имеющихся физических, социальных, эмоциональных, ментальных, языковых, интеллектуальных и других особенностей, предоставляется возможность быть занятым в национальной экономике.

Ключевые слова: трудовая инклюзия; занятость; инвалиды; работники с ограниченными возможностями; региональный рынок труда; рабочее время; заработная плата.

Современное общественное развитие все больше популяризирует понятие инклюзивности, используя его во многих сферах жизнедеятельности. Главный принцип инклюзивности – создание равного доступа к социальным благам и трудовому процессу для всех инклюзивных слоев населения, то есть групп людей, которые исключены из общественной жизни, прежде всего, по признаку трудоспособности. Инклюзивность предполагает социальный подход к инвалидности и в целом к работникам с ограниченными возможностям (ОВ). При таком подходе работник с особенностями не маркируется как «проблема», а наоборот – создается такая профессиональная среда, которая минимизирует проблемы таких людей, что способствует социальному развитию общества. Трудовая инклюзия - системный подход к организации трудовой деятельности, который определяется не только количеством сотрудников с инвалидностью, и наличием инклюзивной среды, которая создает равные условия для всех и исключает бытовую дискриминацию. Именно такое понимание, создает формы инклюзивного образования и развития, инклюзивной среды, инклюзивного найма.

Инклюзивная занятость – включение, предполагающее совместную трудовую деятельность, работника-индивида с ограниченными возможностями в конкретный производственный процесс. Это форма организации труда, при которой каждому человеку-работнику, независимо от

имеющихся физических, социальных, эмоциональных, ментальных, языковых, интеллектуальных и других особенностей, предоставляется возможность быть занятым в национальной экономике. Преимущества, которые дает инклюзивная занятость: вовлеченность работающих работников с ОВ, следствием которой является снижение текучести кадров повышение лояльности сотрудников [1; 2].

Инклюзивная занятость предполагает инклюзивное рабочее место – место, где работник с ограниченными возможностями может трудиться и претендовать на оценку своего труда. Это место, где люди с физическими недостатками имеют возможности профессионального совершенствования и роста.

Особенности инклюзивного рабочего места могут быть связаны: а) с риском возникновения дискриминации (например, дискриминация по степени ограниченности физических возможностей у инклюзивных работников); б) со сложностью построения карьерных траекторий у работников с ОВ, так как, приходится прилагать дополнительные усилия для признания в профессиональном кругу; в) с обязательным созданием инклюзивной среды, включающей технические элементы, гигиенические условия и т.п.

Инклюзивное рабочее место имеет определенные характеристики [1; 2]:

во-первых, такие рабочие места будут разнообразны, так как работники с ОВ различны по своим особенностям. Эти особенности делают рабочие места уникальными, так как адаптированы, прежде всего, под способы включенности его в производственный процесс;

во-вторых, справедливость оценок возможностей работника с ОВ на конкретном рабочем месте, справедливость в обеспеченности рабочего места ресурсами. Именно рабочее место позволит таким работникам иметь равноценный (по сравнению с другими работниками) доступ к производственным возможностям. В целом, принципы справедливости определяются корпоративной политикой, которая способствует равным возможностям при приеме на работу, заработной плате, продвижении по службе и профессиональном развитии;

в-третьих, рабочее место должно обеспечивать работнику с ОВ чувство принадлежности к рабочему месту. Речь идет о создании среды, в которой такой работник будет иметь равный доступ к ресурсу и гарантии стабильности корпоративной политикой, где создана атмосфера сотрудничества, поддерживающая инклюзию;

в-четвертых, рабочее место не только характеризуется инклюзивностью, но и разнообразием. Разница между инклюзивностью и разнообразием состоит, в том, что инклюзия (включенность) формирует у работника чувство принятия в трудовой процесс и коллектив, а разнообразие дает возможность реализации потенциала работника в ОВ.

Следует понимать, что трудовая инклюзия предполагает определенные риски, связанные со следующим:

во-первых, найм сотрудников с инвалидностью влечет низкую продуктивность. Таких работников необходимо обучить, адаптировать в коллективе, даже в этом случае, продуктивность их труда не гарантирована;

во-вторых, возможное неприятие коллективом работников с ограниченными возможностями. Либо сотрудники не представляют себе, как общаться с такими коллегами;

в-третьих, возможная немотивированность работников с ограниченными возможностями, появление склонности у них «качать права», трудности с их увольнением.

Общая характеристика динамики занятых инвалидов, определяющих основу инклюзивной занятости в Беларуси, представлена на рис 1.

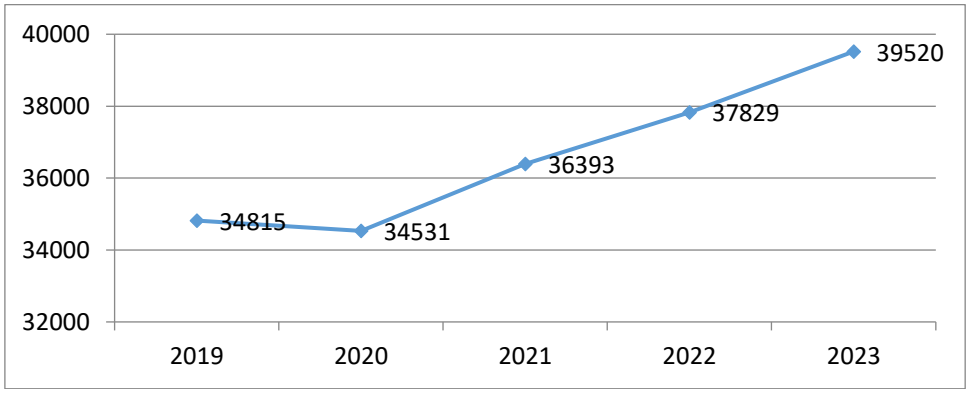

Рисунок 1. Списочная численность работающих инвалидов всего, по годам (2019-2023гг.), чел. [3].

Так, график четко демонстрирует стабильный рост (имеющий характер тенденции) численности работающих инвалидов в экономике Беларуси. Численность таких работников выросла с 34815 чел. в 2019 году до 39520 чел. в 2023году. Наблюдается рост за 5 лет на 13,5% (темп роста базисный 1,35%), средний темп прироста за год +3,21%.

Среднестатистическое значение занятых инвалидов по видам экономической деятельности (ВЭД), установилось в интервале 1-5% от всей списочной численности занятых. Однако, есть «лидеры» среди ВЭД, где процент занятых инвалидов достигает определенных максимумов. Например, в ВЭД «Обрабатывающая промышленность» самый высокий процент занятых инвалидов находится в диапазоне 30-33% от списочной численности работников. В таких ВЭД как «Образование» и «Здравоохранение и социальные услуги» порог занятых инвалидов превышает 15% [3].

В целом по стране численность занятых в экономике за последние пять лет снизилась более чем на 200 тыс. человек. Численность работающих инвалидов выросла на 5 тыс. чел. (рис. 2.)

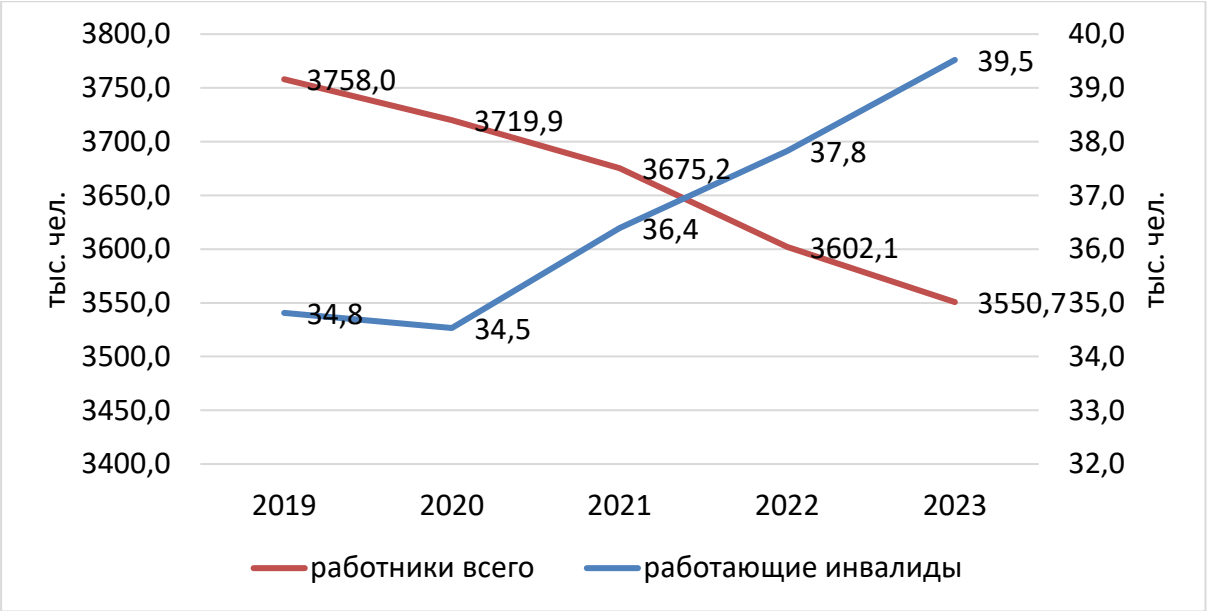

Рисунок 2. Соотношение динамика численности занятых в экономике Беларуси и численности работающих инвалидов [3; 4].

На графиках рисунка 2 очевидна противоположность, устоявшихся трендов за пять лет: устойчивое сокращение численности занятых в национальной экономике и рост, на этом фоне, работников с ОВ. Причем темпы динамики сокращения и роста примерно одинаковые (о чем свидетельствует конфигурация графиков). Такое соотношение требует дополнительного изучения, определения причин и следствия, наметившихся процессов на белорусском рынке труда.

Средняя заработная плата работников с ОВ в период 2019-2023гг. находилась в диапазоне от 1000 до 1500 бел. руб. (примерно от 400 до 600 дол. США по курсу Национального банка Республики Беларусь), что не превышало среднего уровня заработной платы в экономике Беларуси.

Оценивая степень взаимосвязи показателей средней начисленной заработной платы и численностью занятых инвалидов в экономике Беларуси следует констатировать факт того, что, чем меньше численность занятых в экономике работников с ОВ, тем выше уровень начисленной заработной платы у этой категории работников. Данная зависимость отчетливо указывает на резерв роста заработной платы работников с ОВ – сокращение численности таких работников. «Запуск» процессов сокращения таких работников возможен при системе государственного регулирования трудовой инклюзии, требующей как особой нормативно-правовой базы, так и создания специфической инклюзивной институциональной обеспеченности.

Исследование показало, что показатели затрат труда, через фонд заработной платы (ФЗП) и отработанное рабочее время (человеко-часы) работников с ОВ, демонстрируют определенные зависимости, характеризующие труд данной категории работников. А именно: труд работников с ОВ оплачивается прямо пропорционально количеству затрачиваемого времени. Это никак не отличается от общего принципа оплаты

труда работников в экономике Беларуси. Однако, средняя заработная плата работников с ОВ сокращается при увеличении отработанного времени. Следует предположить, что такое явление связано, с том, что при большем количестве времени работы интенсивность труда таких работников не увеличивается и производительность их труда остается низкой.

Мониторинг организации инклюзивной занятости в Республике Беларусь был проведен с учетом специфики этой занятости в разных видах экономической деятельности. Больше всего в исследовании представлены государственные организации и учреждения (54%). Вместе с тем, негосударственных организаций и предприятий бизнес – среды представлено более 1/3 из всех обследованных организаций. В целом такое соотношение позволяет сделать сопоставительные оценки распространения и организации инклюзивной занятости. Производственные предприятия реального сектора экономики составили 15% от всех обследованных организаций.

Определялись роль и место отраслевых министерств (концернов), администрации организации, ее структурных подразделений, сторонних организаций в обеспечении функционирования инклюзивных рабочих мет. Активнее всего, в продвижении инициативы по реализации инклюзивной политики, выступает администрация самой организации (более 56% мнений респондентов. Однако 1/3 мнений свелась к тому, что инициатива не возникала в принципе, так как в организации работают инвалиды, и такая практика инклюзивной политики сложилась сама собой. Отраслевые министерства, концерны и ведомства всего лишь в 12 % случаев (в подставленной выборке) инициируют такую политику в организациях.

Мировая практика функционирования инклюзивных корпоративных политик свидетельствует о том, что в целом, такая практика достаточно позитивно влияет на организационное развитие. Исследование показало, что влияние политики инклюзии в организации имеет большое позитивное влияние. В числе самых важных направлений влияния находятся доверие к руководству организации (32% мнений респондентов) и вовлеченность сотрудников в работу (31%). В сравнении с мировой практикой трудовой инклюзии, которая определяет в числе главных направлений влияния политику на терпимости сотрудников организации, на репутацию организации на мировых рынках, и на приверженность сотрудников организации, в белорусских организациях данные параметры не имеют такого значения. Следовательно, ценностные ориентиры, используемые инклюзивной политикой, в белорусских организациях отличны от мировых.

Суммируя все результаты исследования формирования и реализации политики инклюзивной занятости в белорусских организациях, можно говорить о ее влиянии на социально-экономическую эффективность организаций [5; 6]. Такое влияние проявляется через: процесс принятия инклюзивных решений, который является индикатором наличия корпоративной политики инклюзии; инициативу о формировании и реализации политики инклюзии, которая исходит от руководства (например,

использование постковидных условий, в части удаленных режимов работы, как инструмент инклюзивной занятости) и т. п.

Список использованных источников:

1. Маковская Н.В. Экосистема инклюзивной занятости: понятие, подходы, основные элементы // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2024. –Вып. 9. – С. 108–121.

2. Маковская Н.В. Архитектура социально-экономической модели инклюзивной занятости // Стратегия развития экономики Беларуси : вызовы, инструменты и перспективы : сборник научных статей : в двух томах. Т. 2. / ред. кол.: Д. В. Муха [и др.]; Национальная академия наук Беларуси; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2024. – С. 247–252.

3. Положение лиц с инвалидностью в Республике Беларусь. – URL: https://belstat.gov.by/upload-belstat-pdf (дата обращения: 24.12.2024).

4. Инклюзивные проекты по обучению и трудоустройству людей с инвалидностью // Общественное объединение «Белорусское общество инвалидов». – URL: https://beloi.by/category/oo-beloi/ (дата обращения: 20.11.2024).

5. Ванкевич Е., Зайцева О. Онлайн-порталы вакансий: перспективы использования в практике регулирования рынка труда в Республике Беларусь // Цифровая экономика. – 2020. – № 2 (11). – С. 33–42.

6. Ванкевич Е., Краенкова К. Социальное предпринимательство: социально-экономическая основа и направления развития в Республике Беларусь // Белорусский экономический журнал. – 2020. – № 4 (93). – С. 52–65.

УДК 349.2

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ РАБОТНИКОВ В БЕЛАРУСИ И РОССИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ[1]

К. Л. Томашевский
заместитель декана юридического факультета по научной работе,
профессор кафедры гражданского и предпринимательского права
Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП),
доктор юридических наук, профессор
Л. Р. Миннебаева,
менеджер кафедры гражданского и предпринимательского права
Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования обработки персональных данных работников в России и Беларуси. Проводится сравнительный анализ нормативно-правовой базы обеих стран, выявляя ключевые различия в подходах к защите персональных данных. Отдельное внимание уделено вопросам трансграничной передачи персональных данных, процедурам получения согласия работников на обработку и распространение персональных данных и юридической ответственности за нарушение этих процедур. В работе обозначены основные сложности, с которыми сталкиваются работодатели (наниматели) при обработке персональных данных в России и Беларуси, а также предложены пути совершенствования законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: персональные данные; правовое регулирование; трансграничная передача персональных данных; согласие на обработку; работники; работодатели; обработка персональных данных.

В современных условиях цифровизации общества вопросы защиты персональных данных становятся все более актуальными. Особенно это касается трудовых отношений, где работодатель (наниматель) получает доступ к обширной информации о своих работниках, а еще до этого о гражданах, обратившихся по вопросам трудоустройства.

Несмотря на то, что проблематика обработки персональных данных на первый взгляд достаточно хорошо исследована [1–7; 9; 10], вопросы обработки персональных данных работников затрагиваются лишь в единичных работах [8], а применительно к трансграничной передаче персональных данных работников недостаточно проработаны и неполно урегулированы в законодательстве. Вместе с тем, они могут представлять угрозу безопасности организаций, так и правам и законным и интересам

1 Исследование выполнено Томашевским К.Л. за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00511, https://rscf.ru/project/25-28-00511/

граждан обеих стран (в следствие их утечки), что объясняет актуальность и новизну избранной темы.

Учитывая то, что Беларусь и Россия являются двумя дружественными странами, входящими в Союзное государство и Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), между ними функционирует единый рынок рабочей силы, крайне важно обеспечить гармонизированные подходы к регулированию обработки и распространения персональных данных о гражданах, в том числе работников. При этом должна быть обеспечена не только экономическая безопасность организаций, но и гарантированы права самих граждан, реализующих свое право на труд.

Несмотря на схожесть национального законодательства Беларуси и России о персональных данных, существуют определенные различия в правовом регулировании обработки персональных данных работников, что создает ряд проблем на практике.

Напомним, что в России основным нормативным правовым актом в данной сфере общественных отношений является Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ (с изм. от 28.02.2025 г., далее – Федеральный закон № 152-ФЗ), дополняемый применительно к трудовым отношениям Трудовым кодексом Российской Федерации (далее – ТК РФ). Гл.14 ТК РФ посвящена защите персональных данных работника. Для сравнения: в Беларуси регулирование данных общественных отношений осуществляется Законом Республики Беларусь «О защите персональных данных» от 07.05.2021 № 99-З (в ред. от 01.06.2022, далее – Закон РБ № 99-З). Как видим, законодательство о персональных данных в России стало формироваться примерно на 15 лет раньше, чем в Беларуси. При этом в Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее – ТК РБ), в отличие от ТК РФ, нет отдельной главы или даже статьи, посвященной защите персональных данных работников.

Легальные определения ключевого понятия «персональные данные» в России и Беларуси отличаются. Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ персональные данные – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу. Для сравнения: в соответствии со ст. 1 Закона РБ № 99-З персональные данные – любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано. Несмотря на текстуальные отличия, данные легальные дефиниции двух законов весьма близки, поскольку определяемость и идентификация физического лица являются синонимичными понятиями. Заметим, что определение персональных данных работников из ст. 85 ТК РФ было обоснованно исключено Федеральным законом от 07.05.2013 № 99-ФЗ, поскольку оно ничем кроме субъектного состава не должно отличаться от родового понятия «персональные данные», закрепленного в Федеральном законе № 152-ФЗ.

Оба государства признают приоритет защиты прав и законных интересов субъектов персональных данных, однако подходы к реализации

этого принципа различаются. Это выражается, в частности, в установлении общего правила о необходимости получения согласия субъекта персональных данных на обработку и (или) распространение этих данных оператором. В законодательстве России более детально урегулированы процедурные аспекты обработки персональных данных (в особенности работника), тогда как белорусское законодательство делает акцент на общие принципы защиты информации, относящейся к персональным данным физических лиц.

Условия (общие требования) обработки персональных данных физических лиц урегулированы соответственно в ст. 6 Федерального закона № 152-ФЗ и в ст. 5 и 6 Закон РБ № 99-З.

Согласно ст. 6 Федерального закона № 152-ФЗ обработка персональных данных допускается с согласия субъекта персональных данных на обработку его персональных данных и еще в 12 случаях, для которых из толкования данной статьи согласие субъекта персональных данных на их обработку не требуется. Причем в этом перечне из 12 исключений ничего не сказано про трудовые отношения и работников как субъектов трудового права. Правда, в п. 5 ст. 6 говорится про следующий случай: «5) обработка персональных данных необходима для исполнения договора, стороной которого либо выгодоприобретателем или поручителем по которому является субъект персональных данных, а также для заключения договора по инициативе субъекта персональных данных или договора, по которому субъект персональных данных будет являться выгодоприобретателем или поручителем.» При расширительном толковании этой нормы под нее на первый взгляд можно было бы подвести и трудовой договор, принимая во внимание, что выгодоприобретателем по трудовому договору являются обе его стороны. Вместе с тем, специальные правила, установленные в гл. 14 ТК РФ, говорят о наличии ряда дополнительных обязанностей и запретов, возлагаемых на работодателей в России, например, в части обработки специальных персональных данных (ст. 86 и ст. 88 ТК РФ).

Для сравнения: общие правила и требования к получению согласия субъекта персональных данных на обработку этих данных закреплено в ст. 5 Закон РБ № 99-З. При этом в ст.6 и ст. 8 Закона РБ № 99-З закреплены исключения из этого общего правила, включающие 20 случаев, причем в отличие от ФЗ Федерального закона № 152-ФЗ, данный перечень сформулирован как неисчерпывающий за счет слов «в случаях, когда настоящим Законом и иными законодательными актами прямо предусматривается обработка персональных данных без согласия субъекта персональных данных».

В числе исключений, когда оператору не требуется получать согласие работника на обработку как общих, так и специальных персональных данных по законодательству Беларуси, предусмотрен такой случай: «при оформлении трудовых (служебных) отношений, а также в процессе трудовой (служебной) деятельности субъекта персональных данных в случаях, предусмотренных законодательством» (абз. 8 ст. 6 и абз. 3 ч. 2 ст. 8 Закона РБ № 99-З). Тем

самым белорусский законодатель существенно упростил задачу нанимателей к обработки персональных данных, освободив их от необходимости получения согласий работников на обработку персональных данных, включая специальные, что лишает работников права запрещать такую обработку в период трудовой деятельности.

Далее обратимся к вопросам трансграничной передачи персональных данных, в регулировании которой в России и Беларуси наблюдаются как сходства, так и различия.

Согласно п. 11 ст. 3 Федерального закона №152-ФЗ трансграничная передача персональных данных – это передача персональных данных на территорию иностранного государства органу власти иностранного государства, иностранному физическому лицу или иностранному юридическому лицу. В ст. 1 Закона РБ № 99-З дано более лаконичное, но, пожалуй, менее точное определение: трансграничная передача персональных данных – передача персональных данных на территорию иностранного государства. Под него при дословном понимании подпадает и получение физическим лицом сведений о себе самом в ситуации, когда оно временно выехало за пределы государства гражданства и находится на территории иностранного государства. Вряд ли такую ситуацию следует квалифицировать как трансграничную передача персональных данных, если никакие иностранные лица не получают доступ к персональным данным об этом лице.

Статья 9 Закона РБ № 99-З специально посвящена регулированию трансграничной передаче персональных данных. Согласно нормам данной статьи трансграничная передача персональных данных запрещается, если на территории иностранного государства не обеспечивается надлежащий уровень защиты прав субъектов персональных данных, за исключением семи перечисленных в той же статье случаев.

В соответствии с ч. 2 ст. 9 Закона РБ № 99-З приказом директора Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь от 15 ноября 2021 г. № 14 (в ред. от 26.12.2022 № 114) был утвержден Перечень иностранных государств, в которых обеспечен надлежащий уровень защиты прав субъектов персональных данных[2]. В этот перечень включены иностранные государства, являющиеся сторонами Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, принятой в г. Страсбурге 28 января 1981 года (далее – Конвенция СЕ от 28.01.1981 г.)[3], а также иностранные государства, являющиеся членами Евразийского экономического союза (Армения, Казахстан, Кыргызстан и

2 Официальный интернет-сайт Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь www.cpd.by.

3 Примечание: Перечень государств, ратифицировавших Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СЕД № 108) // Сайт Совета Европы. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?module=signatures-by-treaty&treatynum=108 (дата обращения: 25.05.2025). В него входят 55 государств, включая все государства – члены Совета Европы, а также Аргентина, Тунис, Буркина-Фасо, Кабо-Верде, Марокко, остров Маврикий, Мексика, Сенегал и Уругвай.

Российская Федерация). Поскольку Российская Федерация включена в этот перечень, то действует презумпция допустимости трансграничной передачи персональных данных о работниках – гражданах Беларуси.

Больше трудностей с трансграничной передачей персональных данных может возникать, когда граждане Беларуси и России трудоустраиваются в третьи страны (за пределы ЕАЭС или в страны, не ратифицировавшие Конвенцию СЕ от 28.01.1981 г.), к примеру, работают по совместительству в организациях, зарегистрированных в третьих странах, где не обеспечивается надлежащий уровень защиты прав субъектов персональных данных.

В качестве примера можно рассмотреть ситуацию трудоустройства граждан Беларуси в какую-либо иностранную организацию, являющуюся резидентом Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Указанные три страны Средней Азии не являются членами ЕАЭС и не участвуют в Конвенции СЕ от 28.01.1981 г., в которой, к слову, не участвует и Республика Беларусь. Поэтому передача персональных данных граждан Беларуси в указанные три страны по общему правилу запрещена. Но и из этого общего запрета есть исключение, когда такая передача персональных данных возможна: в случаях, установленных абз. 2-7 п. 1 ст. 9 Закона РБ № 99-З.

В Российской Федерации правовому регулированию трансграничной передачи персональных данных посвящена ст.12 Федерального закона №152-ФЗ. Согласно ее положениям трансграничная передача персональных данных осуществляется в соответствии с этим Федеральным законом и международными договорами РФ. Уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных утверждает перечень иностранных государств, обеспечивающих адекватную защиту прав субъектов персональных данных. В перечень иностранных государств, обеспечивающих адекватную защиту прав субъектов персональных данных, включаются государства, являющиеся сторонами Конвенции СЕ от 28.01.1981 г., а также иностранные государства, не являющиеся сторонами Конвенции СЕ от 28.01.1981 г., при условии соответствия положениям указанной Конвенции действующих в соответствующем государстве норм права и применяемых мер по обеспечению конфиденциальности и безопасности персональных данных при их обработке. В соответствии с приказом Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 05.08.2022 г. № 128 «Об утверждении перечня иностранных государств, обеспечивающих адекватную защиту прав субъектов персональных данных»[4] в него включены помимо 55 государств-членов вышеуказанной Конвенции СЕ от 28.01.1981 г. еще дополнительно 34 государства, включая, в частности, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. А вот Туркменистан, к примеру, в этот перечень не входит, что требует соблюдения при передаче персональных данных организациям-резидентам из этой страны дополнительных процедурных правил со стороны оператора.

4 Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 20 сентября 2022 г. № 0001202209200008.

Как видим, подходы белорусского и российского законодателей к определению государств, в которых обеспечивается надлежащая (адекватная) защиту прав субъектов персональных данных, в целом гармонизированы. Отличие состоит в терминологии и в круге государств, в которых признается обеспечение такой надлежащей (адекватной) защиты прав данных субъектов. Согласно позиции российского регулятора (в отличие от белорусского) в мире имеется на 30 государств больше, отвечающих таким критериям.

В России оператор (в том числе работодатель) до начала осуществления деятельности по трансграничной передаче персональных данных обязан уведомить уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных о своем намерении осуществлять трансграничную передачу персональных данных. Указанное уведомление направляется отдельно от уведомления о намерении осуществлять обработку персональных данных, предусмотренного ст. 22 Федерального закона № 152-ФЗ. Формальные содержательные требования к этому уведомлению закреплены в ч. 4 ст. 12 того же Федерального закона. Кроме того, оператор (в том числе работодатель) до подачи вышеназванного уведомления обязан получить от органов власти иностранного государства, иностранных физических лиц, иностранных юридических лиц, которым планируется трансграничная передача персональных данных, определенные сведения, перечисленные в ч. 5 ст. 12 Федерального закона № 152-ФЗ.

Трансграничная передача персональных данных может быть запрещена или ограничена в целях защиты основ конституционного строя РФ, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, обеспечения обороны страны и безопасности государства, защиты экономических и финансовых интересов РФ, обеспечения дипломатическими и международно-правовыми средствами защиты прав, свобод и интересов граждан РФ, суверенитета, безопасности, территориальной целостности РФ и других ее интересов на международной арене с даты принятия уполномоченным органом по защите прав субъектов персональных данных решения (ч. 7 и 12 ст. 12 Федерального закона № 152-ФЗ).

По существу, как наниматели в Беларуси, так и работодатели в России могут обрабатывать широкий спектр персональных данных своих работников, включая специальных персональные данные, в т.ч. биометрические. Отличие лишь состоит в том, что российское законодательство требует получения письменного согласия на обработку и распространение персональных данных в рамках трудовых отношений при принятии гражданина на работу, а белорусское законодательство – нет. Позиция белорусского законодателя объясняется том, что работник как более слабая сторона трудового отношения будет давать такое согласие вынуждено, то есть не свободно, поэтому нет оснований требовать

получения этого письменного согласия от нанимателя. В этой есть определенный резон применительно к так называемым общим персональным данным (Ф.И.О, дате рождения и т.д.). Вместе с тем, если речь идет об обработке специальных персональных данных, в особенности биометрических, то, полагаем, что в этой части, работнику все же следует предоставить право давать или не давать согласие нанимателю на обработку своих персональных данных на стадии приема на работу, то есть еще до вступления в трудовые отношения. В этой части российский законодательный опыт правового регулирования, в том числе нормы гл.14 ТК РФ, могут представляет интерес и для белорусского законодателя на предмет учета и последующего дополнения ТК РБ новой главой или хотя бы статьей об особенностях обработки специальных персональных данных работника при приеме на работу. Наниматель, полагаем, должен информировать вновь принимаемого работника о цели и способах обработки его специальных персональных данных (например, об использовании специального программного обеспечения, нейротехнологических датчиков, искусственного интеллекта и т.п.), об объеме этих персональных данных, сроках хранения данных и возможности или не возможности их передачи третьим лицам.

Несмотря на схожесть правовых систем, различия в регулировании создают определенные сложности для компаний, работающих одновременно в России и Беларуси. Особенно это касается трансграничной передачи данных и требований к их хранению (в особенности к срокам хранения, которые порой отличаются). Для минимизации рисков организациям необходимо тщательно следить за соблюдением всех требований законодательства обеих стран и своевременно адаптировать свои процессы обработки персональных данных.

Одной из ключевых проблем является процедура получения согласия работников на обработку их персональных данных. В России требуется получение отдельного согласия на каждый вид обработки данных, что создает дополнительные административные барьеры для работодателей.

На практике это приводит к тому, что российские работодатели часто сталкиваются с ситуациями, когда работники отказываются подписывать дополнительные согласия на обработку персональных данных (например, биометрических), считая это нарушением своих прав. В Беларуси подобные конфликты не возникают, т.к. в настоящее время законодательство не требует от нанимателей получить согласие работников на обработку и распространение персональных данных (в т.ч. специальных), но при этом белорусские работники недостаточно информированы о целях и способах обработки их персональных данных.

Как ранее отмечали, особую сложность представляет регулирование трансграничной передачи персональных данных работников. Общий запрет на передачу персональных данных за рубеж без специального разрешения уполномоченного регулятора (за некоторыми исключениями)

вызывает проблемы и формальные барьеры для осуществления трудовой деятельности в транснациональных корпорация (ТНК), к пример, в их дочерних предприятиях, учрежденных за рубежом в странах, где не обеспечивается надлежащая (адекватная) защита прав субъектов персональных данных.

ТНК, работающие не только в Беларуси, России и странах ЕАЭС, но и за их пределами через аффилированные с ними зарубежные компании, вынуждены разрабатывать сложные схемы обработки персональных данных, что влечет дополнительные расходы на IT-инфраструктуру и юридическое сопровождение. При этом уровень защиты данных не всегда соответствует ожиданиям регуляторов, что приводит к мерам юридической ответственности.

В заключение статьи отметим, что проведенный в статье анализ правового регулирования обработки персональных данных работников в Беларуси и России показывает наличие как сходств, так и различий в правовом регулировании обработки персональных данных в отношении работников (как терминологических, так и процедурных).

Для решения существующих проблем необходимо развивать международное сотрудничество в сфере защиты персональных данных. Важно создать единые стандарты обработки персональных данных работников в ЕАЭС и Союзном государстве Беларуси и России, которые учитывали бы подходы государств-членов и были максимально гармонизированы.

Белорусского и российскому регуляторам в сфере защиты персональных данных стоит унифицировать используемые юридические процедуры к защите прав субъектов персональных данных и перечню государств, где обеспечивается надлежащая (адекватная) защита прав субъектов персональных данных.

Перспективным направлением является разработка гармонизированных форм согласий на обработку данных, политик в области обработки персональных данных. Также необходимо усилить работу по повышению правовой грамотности как работодателей (нанимателей), так и работников в вопросах защиты персональных данных.

Для эффективной защиты прав работников необходимо дальнейшее совершенствование законодательства о защите персональных данных с учетом международного опыта и потребностей практики.

Белорусскому законодателю стоит учесть положения норм гл.14 ТК РФ в части получения согласия работников на обработку их специальных (в том числе биометрических) персональных данных на стадии приеме на работу, когда такая обработка связана с выполняемой ими трудовой функцией.

Список использованных источников:

1. Варшавский Б.В. Защита персональных данных в России и ЕС: сравнительно-правовой анализ // Государство и право. – 2022. – № 8. – С. 56–63.

2. Гильмутдинова А.А. Правовое регулирование обработки персональных данных работников: монография. – Казань: КФУ, 2023. – 187 с.

3. Ефремов А.А. Правовое регулирование трансграничной передачи персональных данных // Журнал российского права. – 2023. – № 3. – С. 78–85.

4. Лапина М.А. Правовое регулирование информационных отношений в сфере персональных данных: монография. – М.: ИЦПК, 2022. – 215 с.

5. Михеева О.М. Защита персональных данных в России и ЕС: проблемы и перспективы гармонизации законодательства // Право.BY. – 2023. – № 2. – С. 45–52.

6. Рожкова М.А. Правовые аспекты обработки персональных данных в условиях цифровизации // Государство и право. – 2022. – № 7. – С. 89–96.

7. Снытников А.А. Персональные данные в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина // Журнал российского права. – 2023. – № 4. – С. 97–104.

8. Томашевский К.Л. Всё об обработке и защите персональных данных в трудовых и связанных с ними отношениях // Отдел кадров. – 2023. – № 5. – С.72–79.

9. Шерстобитов А.Е. Правовое регулирование информационных отношений в сфере персональных данных: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2022. – 24 с.

10. Яковлев В.А. Правовое регулирование обработки персональных данных в условиях цифровизации общества // Государство и право. – 2023. – № 1. – С. 105–112.

УДК 346.5

ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. В. Михайлов
заведующий кафедрой предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье поднимаются вопросы правового обеспечения безопасного при осуществлении предпринимательской деятельности. Предложено доктринальное определение безопасности при осуществлении хозяйственной деятельности. Сделан вывод, что современное российское законодательство в соответствующей сфере отличается бессистемностью и требует совершенствования. Высказано мнение, что главное общее условие обеспечения безопасности предпринимательской деятельности – это формирование современной эффективной рыночной экономики.

Ключевые слова: предпринимательство; безопасность; хозяйственная деятельность; предпринимательская деятельность; деятельность, приносящая доход.

Одна из основных составляющих национальной экономической безопасности – безопасность при осуществлении предпринимательской деятельности. Обеспечение безопасности при осуществлении хозяйственной деятельности представляется одной из самых значимых задач предпринимательского (хозяйственного) права. Речь идет о безопасности комплексной – о безопасности субъектов предпринимательской деятельности, их контрагентов и потребителей, товаров и услуг, окружающей среды и т. п.

Нужно отметить два момента. Использование термина «предпринимательская деятельность» в наименовании статьи условно и связано с тем, что данный термин устоялся в российской правовой науке. Более точно говорить о обеспечении безопасности хозяйственной деятельности (данный термин более широкий и сохранен в юридической науке в Беларуси). Проведенное нами исследование показало, что в плане применения тех либо иных методов правового регулирования, в том числе и в части обеспечения безопасности, нет сущностных отличий для предпринимательской и иной хозяйственной деятельности [1, с. 10, 30–32]. Кроме того, требует пояснения, что понимается под обеспечением. Данное понятие «применительно к правовым явлениям следует рассматривать как появление новых возможностей, защищенных правом, в том числе ранее

отсутствовавших субъективных прав либо дополнительных легитимных вариантов поведения в определенной ситуации» [2, с. 14–15].

Правовое обеспечение безопасности при осуществлении предпринимательской деятельности связано с решением целого ряда теоретических и практических проблем.

Вопросы возникают даже на уровне терминологии. В юриспруденции осмысление того либо иного явления принято начинать с установления содержания применяемых категорий. Важно понять, что мы регулируем, охраняем и с какой целью. В России пока термин «безопасность» не получил однозначного закрепления. Соответственно нет и единого понимания того, что такое безопасность при осуществлении предпринимательской деятельности.

Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» фактически посвящен вопросам создания и функционирования Совета безопасности РФ и не содержит определения безопасности. Ранее действовавший закон РФ от 5 марта 1992 года № 2446-1 «О безопасности» под безопасностью понимал состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз (ст. 1). Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» определяет безопасность продукции и связанных с ней процессов производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации как состояние, при котором отсутствует недопустимый риск, связанный с причинением вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений (ст. 2).

Можно высказать мнение, что безопасность при осуществлении хозяйственной деятельности следует понимать как состояние защищённости жизненно важных интересов личности, юридических лиц, общества, государства от внутренних и внешних угроз при осуществлении хозяйственной деятельности.

Очевидно, что к указанной безопасности можно отнести различные составляющие. Это финансовая, продовольственная, технологическая, экологическая безопасность. Предупреждение банкротства также можно рассматривать как меру, направленную на обеспечение безопасности.

Правовое обеспечение безопасности предполагает наличие упорядоченной эффективной системы правовых норм. Между тем, структура российского законодательства о безопасности в экономической сфере упорядоченностью не отличается.

Традиционно к сфере обеспечения качества и безопасности продукции относили институты сертификации, стандартизации и защиты прав потребителей. Конечно, эти правовые институты не охватывают все

нормы регулирующие отношения безопасности бизнеса. Интересно, что во времена СССР ни в одной из указанных областей не было закона. Законодательные акты появились только после распада СССР – закон РФ от 7 февраля 1992 г. «О защите прав потребителей», затем законы РФ от 10 июня 1993 г. «О сертификации продукции и услуг» и «О стандартизации». Последние два акта были заменены федеральным законом от 27 дек 2002 «О техническом регулировании». Позже был принят федеральный закон от 29 июня 2015 г. «О стандартизации в Российской Федерации».

Определенную сложность представляет то, что отношения технического регулирования в настоящее время в значительной части регулируются нормами ЕАЭС. Технические регламенты, общие для всех стран-участников, принимаются Евразийской экономической комиссией.

Но обеспечение безопасности не сводится исключительно к техническому регулированию. Существует еще много правовых институтов и значительное количество законодательных актов. Например, ФЗ от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», ФЗ от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов», ФЗ от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», ФЗ от 31 июля 2020 г. «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», ФЗ от 26 июня 2008 «Об обеспечении единства измерений» и т.д.

Кроме того, в России, как и в других постсоветских государствах, существует большое число актов санитарного регулирования. Сюда относятся санитарные правила и нормы (СанПиН), а также иные акты – санитарные правила (СП), гигиенические нормативны (ГН), санитарные нормы (СН), санитарные правила (СП). По своей правовой природе это подзаконные нормативные акты, но, как правило, обязательные для применения. Четкой системы подобных актов нет. Более того, по мнению многих российских предпринимателей, российские санитарные нормы избыточны и подобных норм нет «ни в одной стране мира». В 2019 году Д.В. Мантуров, занимавший пост министра промышленности и торговли РФ, признал, что в России есть «невыполнимые» СанПиНы, которые необходимо отменить [3]. С тех пор часть санитарных норм была отменена, но реформа санитарного законодательства так и не была завершена.

В целом вышеперечисленное позволяет утверждать, что пока не сложилась упорядоченная система взаимосвязанных институтов, регулирующих отношения, связанные с обеспечением безопасности предпринимательства. Назрела необходимость реформы - упорядочения законодательства, формирования системы четких требований к бизнесу. При проведении реформы, на наш взгляд, необходимо учесть ряд факторов научного, организационного и экономического характера.

Новый паспорт научных специальностей, принятый в России в 2021 году, фактически разделяет сферу обеспечения безопасности при осуществлении предпринимательской деятельности, между двумя специальностями – 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки и 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки. Государственное воздействие на предпринимательскую деятельность относится к специальности 5.1.3., а техническое регулирование – к 5.1.2. Но техническое регулирование – традиционная область предпринимательского права, специалисты права публичного практически не занимаются этим направлением. Техническое регулирование нужно включить в специальность 5.1.3. Это решение будет способствовать полноте, целостности научных результатов юридических исследований.

Обеспечение безопасности всегда связано с выявлением, минимизацией и пресечением различного рода рисков. В экономической теории сложилось понятие, пока непривычное для юристов – «управление рисками». При осуществлении предпринимательской деятельности возникают самые различные риски. Их выявление, систематизация на научной основе, поиск правовых средств управления ими – важная теоретическая и практическая задача. При этом важно использовать современные приемы управления рисками. Необходимо искать новые, современные методы правовой регламентации управления в данной сфере.

Одним из сравнительно новых средств управления рисками является комплаенс. Это система мер и процедур, направленных на предотвращение нарушений и обеспечение соблюдения законодательства и внутренних регламентов при осуществлении хозяйственной деятельности. Более узкое и привычное понятие – внутренний контроль – содержится в ст. 19 ФЗ от 6 декабря 2011 г. № 401-ФЗ «О бухгалтерском учете». Для России уже привычными стали антимонопольный (ст. 9.1 ФЗ от 26 июля 2006 г. «О защите конкуренции», банковский, санкционный комплаенс, но пока инструменты комплаенс применяются далеко не всеми организациями. Очевидно, в будущем комплаенс будет развиваться и получит более развернутое законодательное закрепление.

В условиях развития цифровой экономики важно для предотвращения рисков в бизнесе формировать т. н. «цифровую среду доверия». Этот термин, упоминаемый в ряде подзаконных нормативных актов, означает инфраструктура общественных отношений, которая обеспечивает идентификацию и аутентификацию субъектов и объектов, конфиденциальность и безопасность данных, а также высокий уровень охраны и защиты прав субъектов цифровых отношений.

Но представляется, что главное общее условие обеспечения безопасности при осуществлении предпринимательской деятельности – это создание современной эффективной экономики. Такая экономика

должна обеспечиваться соответствующим уровнем законодательного регулирования. Необходимо создать систему охраны прав и законных интересов добросовестных субъектов хозяйственной деятельности.

Российское законодательство о предпринимательской деятельности, равно как и законодательство и Беларуси, и ЕАЭС) требует совершенствования. Крайне важен уход от бессистемного, лоскутного, фрагментарного правового регулирования.

Сложное и запутанное законодательство – то, что создает лазейки в законе, способствует произволу чиновника, коррупции, сложности контроля за действиями должностного лица и т. п.

В России в экономической сфере даже на уровне определений, установления содержания категорий присутствуют крайне сложные, многоуровневые фразы, затрудняющие восприятие категории. В качестве примера можно указать юридические конструкции, используемые для определения субъекта малого и среднего предпринимательства (ст. 3 от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» и определения несостоятельности (ст. 2 ФЗ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Целесообразно задуматься о формировании более простого, понятного законодательства в экономической сфере.

В очень многих областях российский законодатель допускает определенное «перерегулирование» экономических отношений. Пока в не создана ситуация, когда вмешательство публичной власти в экономику осуществляется на четко определенных принципах и при безусловном соблюдении принципов защиты прав предпринимателей. Все чаще встречаются высказывания, что абсолютная экономическая свобода ведёт к нарушению прав трудящихся и потребителей, к произволу крупных компаний, монополизации и т. п.

Но, например, Федеральная антимонопольная служба, за последние годы не раз указывала - для современной российской экономики большая часть негативных факторов связана именно с отсутствием разумной экономической свободы.

Свобода предпринимательской деятельности всегда понималась как принцип предпринимательского права, причем всегда подчёркивалось, что данный принцип не носит абсолютного характера и может быть ограничен [4, с. 38–43]. Ограничения данного принципа представляются естественными – абсолютная свобода бизнеса вряд ли допустима. Необходимо разумное ограничение любой деятельности, в том числе и предпринимательской, для защиты и обеспечения публичных и общественных интересов. Деловая активность должна быть безопасной, не должна наносить вреда контрагентам и гражданам. Но важно, чтобы под

видом защиты публичных интересов мы не перешли к разрешительному порядку ведения бизнеса [1, с. 26]. Свобода предпринимательства и защита предпринимателей – условие экономического роста, тем более в современном мире, когда решающую роль начинает играть человеческий капитал.

Важно строить современную экономику, поддерживать развитие современного технологического уклада, основанного на нано- и биотехнологиях, микроэлектронных компонентах, искусственном интеллекте, глобальных информационных сетях, наноразмерных производствах, генной инженерии и т.п. Новые технологии – всегда научные открытия. А научные открытия не совершаются по указанию публичной власти, здесь необходимо давать ученым и предпринимателям возможность творчества, предоставлять им известную меру свободы. Представляется, что и тотальное огосударствление экономики, и отказ от государственного управления – два крайних варианта, которых нужно избегать.

Экономическая свобода при сильной публичной власти, защищающей предпринимателей, но не выступающей как субъект отношений производства и оборота – наиболее рациональная экономическая модель.

Нужно отметить, что по уровню экономической свободы пока и Россия и Беларусь не находятся на первых местах в мире. В 2025 году РФ заняла 135 место в мире (рейтинг 51,6%), Беларусь – 152 место (48,9%) [5]. Конечно, абсолютная свобода без учета публичных интересов – не самоцель. Но все же эффективность регулирования в условиях рынка непосредственно связана с экономической свободой.

Можно ли обеспечить свободу в условиях политических и военных конфликтов? В сложные для страны периоды всегда усиливается ситуационное, «точечное» нормотворчество, это совершенно естественно и обоснованно. Но переход к административному управлению экономикой был бы нежелателен. В настоящее время сложилась практика, в соответствии с которой в Российской Федерации в экономической сфере публичный прием правового регулирования получает приоритет перед частно-правовым приемом. Не создана ситуация, когда вмешательство публичной власти в экономику осуществляется на четко определенных принципах и при безусловном соблюдении принципов защиты прав предпринимателей [1, с. 13]. Все же даже в условиях мобилизации экономики целесообразно оставаться на рыночных рельсах – это необходимое условие современного высокотехнологичного производства.

Конечно, нельзя говорить об уходе государства из экономики. Но государство и бизнес не должны рассматриваться как конкуренты. Более сложный рынок требует более глубокого вмешательства «Если мы хотим

больше рынка, нужно больше государства - эти институты комплементарны друг другу» (Dani Rodrik).

Можно высказать мнение, что для создания экономической модели, в которой обеспечивается экономическая свобода и присутствует сильное государство, необходима доктринальная констатация и законодательное закрепление в России основополагающего принципа частного права - «разрешено всё, что не запрещено». В какой нормативном акте можно закрепить такой принцип, естественный для для рыночной экономики? Наиболее удобный вариант – общие нормы кодифицированного законодательного акта в области предпринимательского (хозяйственного) права.

Список использованных источников:

1. Михайлов А.В. Методы предпринимательского права : дисс. докт. юрид. наук. – Казань. – 2025. – 64 с.

2. Надежин Н.Н. Правовое обеспечение предпринимательской деятельности: цивилистическое исследование : дисс. докт. юрид. наук. – Казань. – 2024. – 59 с.

3. Минпромторг выступил за отмену невыполнимых норм СанПиН. – URL: https://tass.ru/ekonomika/6501776 (дата обращения: 24.04.2025).

4. Ермолова О.Н. Система принципов правового регулирования предпринимательской деятельности в аспекте целей и функций права // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2017. – № 1. – С. 38–43.

5. Index of economic freedom. – URL: https://www.heritage.org/index/ (дата обращения: 30.04.2025).

УДК 338; 349.3

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

М. А. Мирюкова
доцент кафедры юриспруденции Западного филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, г. Калининград), кандидат социологических наук, доцент
В. Ф. Соколова
заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Западного филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, г. Калининград), кандидат философских наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена исследованию экономических механизмов обеспечения социального благополучия в условиях эксклавности на примере Калининградской области. Авторы анализируют взаимосвязь между национальной безопасностью, региональной экономической политикой и социальной стабильностью, фокусируясь на роли Особой экономической зоны (ОЭЗ), государственных программ развития и цифровизации. На основе статистических данных (ВРП, уровень безработицы, инвестиции в IT-кластеры) выявлены структурные дисбалансы: рост экономических показателей не устраняет социальные риски, связанные с демографическим оттоком, зависимостью от транзита и монополизацией отраслей.

Ключевые слова: демографические дисбалансы; диверсификация экономики; институциональные ограничения; национальная безопасность РФ; особая экономическая зона (ОЭЗ); социальное благополучие; экономическая безопасность.

Калининградская область, будучи эксклавным регионом России, занимает уникальное геополитическое и экономическое положение, что делает её ключевым объектом изучения в контексте обеспечения национальной безопасности. Социальное благополучие населения здесь напрямую связано с устойчивостью экономики, эффективностью управления ресурсами и способностью противостоять внешним вызовам, таким как санкционное давление, логистические ограничения и демографические дисбалансы. В условиях усиления глобальной нестабильности и трансформации международных отношений, анализ экономических механизмов, направленных на поддержание социальной стабильности в этом регионе, приобретает особую актуальность.

Экономическая безопасность, как компонент национальной безопасности, предполагает не только защиту от внешних и внутренних угроз, но и создание условий для устойчивого повышения качества жизни населения. Социальное благополучие, в свою очередь, выступает индикатором эффективности экономической политики, поскольку включает такие параметры, как уровень доходов, доступность образования, здравоохранения и инфраструктуры. В Калининградской области эта взаимосвязь проявляется особенно ярко: эксклавное положение региона усугубляет риски, связанные с транзитом товаров через территории ЕС, зависимостью от импорта и демографическим оттоком.

Государственная программа социально-экономического развития Калининградской области до 2030 года, утвержденная Правительством РФ, направлена на решение этих проблем через диверсификацию экономики, развитие транспортной инфраструктуры и поддержку человеческого капитала. Например, строительство Северного обхода Калининграда и модернизация портовой инфраструктуры призваны снизить логистические издержки, а проекты в сфере агротуризма и IT-кластеров - создать новые рабочие места.

Калининградская область демонстрирует парадоксальное сочетание высокого экономического потенциала и социальных дисбалансов. С одной стороны, регион обладает развитой транспортно-логистической системой (порты Балтийск, Светлый, Пионерский). Рост валового регионального продукта (ВРП) по итогам в 2024 году составил 4,7%, по итогам 2025 года регион прогнозирует рост ВРП в сопоставимых ценах на 4,5% – до 972,5 млрд рублей [1; 2]. В период 2025–2027 годов в базовом варианте прогнозируется рост ВРП в интервале 3,8–5,8%. В консервативном варианте рост ВРП в 2025–2027 годах прогнозируется в интервале 0,6–3,6% [3]. С другой - монополизация ключевых отраслей приводит к зависимости от внешней конъюнктуры: так, введение ЕС ограничений на транзит в 2023 году вызвало рост цен на продукты питания на 20%, [4] что особенно ударило по малоимущим слоям населения.

Социальные риски усугубляются демографическими тенденциями: демографическая обстановка, сложившаяся в Калининградской области, мало чем отличается от общей картины в регионах средней полосы России [5]. Основными характеристиками являются большой миграционный поток, как из стран ближнего зарубежья, так и восточных и северных регионов России, перманентное снижение рождаемости и отток молодежи в центральные регионы России, что создают напряжение в сфере занятости и жилищно-коммунального хозяйства. По данным на 2023 год, уровень безработицы в Калининградской области снизился до 3%, тем не менее, несмотря на рост ВРП, дефицит врачей и учителей превышает 15% [6; 7]. Этот парадокс можно объяснить следующими факторами, во-первых, структурные дисбалансы экономики. Рост ВРП обеспечен преимущественно обрабатывающей промышленностью и IT-сектором, тогда как социальная сфера остается недофинансированной. Средняя зарплата в регионе (52 890 рублей) на 25%

ниже общероссийской (70 969 рублей) [8], что снижает привлекательность профессий учителя и врача. Во-вторых, миграционный отток: 25% молодежи уезжает в Санкт-Петербург и Москву, где зарплаты в образовании и медицине выше на 30–40%. В-третьих, низкая эффективность госпрограмм [9; 10].

Эти вызовы требуют комплексного подхода, сочетающего экономические инструменты (налоговые льготы, инвестиции в инфраструктуру) и социальные программы (поддержка малого бизнеса, образовательные гранты).

Развитие гражданского общества выступает ключевым элементом социальной стабильности, обеспечивая взаимодействие между государством, бизнесом и населением. Практическим проявлением этого процесса являются краудфандинговые платформы, направленные на поддержку фермерских хозяйств, и проекты «цифровых муниципалитетов», в рамках которых пенсионеры осваивают навыки работы с порталом госуслуг. Эти инициативы не только повышают уровень цифровой грамотности, но и укрепляют доверие к институтам власти, формируя обратную связь для адресного решения социальных проблем. Параллельно институциональные механизмы, такие как Особая экономическая зона (ОЭЗ) в Калининградской области, демонстрируют значительный экономический потенциал: по состоянию на март 2025 года в реестре резидентов зарегистрировано 322 действующих проекта с совокупным объёмом инвестиций 229,7 млрд рублей, что при выходе на проектные мощности обеспечит создание 61,6 тыс. рабочих мест. Динамика развития ОЭЗ подтверждается данными за 2024 год – 35 новых проектов с инвестициями 33,3 млрд рублей и плановой занятостью 5,1 тыс. человек, из которых 4,3 тыс. составляют дополнительные рабочие места.

Диверсификация экономики через развитие IT-сектора и аквакультуры позволит снизить зависимость от транзита и сырьевого экспорта. Власти Калининградской области начали формировать реестры стартапов в сфере информационных технологий. Присутствие в реестре дает IT-компаниям право получать налоговые льготы и ряд мер господдержки [11]. В августе 2024 года в Калининградской области обсуждалась поддержка проектов в сфере овощеводства, в том числе льготное кредитование на строительство новых тепличных комплексов и современных хранилищ. В 2025 году, по планам министерства сельского хозяйства региона, в агропромышленный комплекс планируют вложить порядка 35 млрд рублей. В частности, ожидается реализация проектов по строительству тепличного комплекса стоимостью 800 млн рублей компанией «Орбита-Агро» улучшив продовольственную безопасность региона [12].

Таким образом, главными проблемами калининградской экономики в 2024 г. стали:

1. Дефицит трудовых ресурсов:

– сокращение молодёжи трудоспособного возраста (в том числе последствия демографического кризиса 1990-х);

– отток кадров в оборонно-промышленный комплекс (ОПК) из-за перераспределения ресурсов в рамках СВО;

– снижение притока мигрантов из Средней Азии: девальвация рубля делает Европу привлекательнее, а ужесточение миграционных требований (знание русского языка, Конституции РФ) усложняет трудоустройство. 35% компаний региона рассматривают привлечение работников из Индии как альтернативу.

2. Институциональные ограничения ОЭЗ:

– обязательная идентификация российского происхождения комплектующих увеличивает издержки бизнеса;

– 68% предпринимателей считают режим ОЭЗ неэффективным и планируют перевести активы в «большую Россию».

3. Логистические издержки:

– санкции ЕС заблокировали сухопутные маршруты, вынудив перейти на морские перевозки;

– транспортные расходы достигают 35% себестоимости товаров (тарифы на логистику выросли на 158% за 5 лет).

4. Внешние риски: зависимость от транзита через Литву (произвольное повышение тарифов и квот).

5. Инфляция и налоговые риски:

– инфляция в регионе на 2–3 п.п. выше среднероссийской; – планируемое введение НДС для льготных компаний ОЭЗ в 2025 г. может спровоцировать рост цен на 15-20%.

Опыт Калининградской области показывает, что обеспечение социального благополучия в условиях эксклавности требует сочетания гибких экономических механизмов, адаптированных к локальным реалиям, и системного подхода к управлению рисками. Реализация мер в рамках государственной программы до 2025 года уже принесла результаты: рост среднедушевых доходов до 39,5 тыс. руб. и сокращение безработицы до 3%. Однако для долгосрочной устойчивости и преодоления кризиса необходима глубокая реформа институциональных механизмов. Во-первых, режим ОЭЗ требует пересмотра: вместо тотальных налоговых льгот следует ввести социальные квоты, обязывающие резидентов направлять 10% прибыли на образовательные и медицинские проекты. Это позволит сократить дисбаланс между экономическим ростом и качеством жизни. Во-вторых, логистическая зависимость от Литвы может быть снижена за счет развития альтернативных транспортных коридоров, включая паромное сообщение с портами Дальнего Востока и интеграцию в проект «Полярный Шёлковый путь» с участием Китая. В-третьих, для решения кадрового дефицита целесообразно создать региональную программу переквалификации на базе Западного филиала РАНХиГС, ориентированную на IT-сектор и аквакультуру, с гарантией трудоустройства для выпускников.

Особое внимание должно быть уделено демографическим рискам. Миграционный отток молодежи (25% уезжают в Москву и Санкт-Петербург)

требует не только повышения зарплат в социальной сфере, но и развития инфраструктуры «умных городов», способных конкурировать с мегаполисами по качеству жизни. Привлечение мигрантов из Индии, как альтернативы среднеазиатской рабочей силе, должно сопровождаться упрощением процедур признания квалификаций и созданием культурно-адаптационных центров.

Инфляционные риски, связанные с введением НДС для резидентов ОЭЗ, могут быть смягчены за счет поэтапного внедрения налога и целевых субсидий для малого бизнеса. Одновременно необходимо усилить мониторинг ценовой политики сетевых ритейлеров, чтобы предотвратить спекулятивный рост стоимости продуктов питания, как это произошло в 2023 году (+20%).

Опыт Калининградской области релевантен для других приграничных регионов России, таких как Крым и Дальний Восток, где эксклавность усиливает зависимость от внешней конъюнктуры. Ключевой вывод исследования: социальное благополучие в условиях геополитической изоляции достижимо только через синергию экономических механизмов и гражданских институтов. Развитие краудфандинговых платформ и «цифровых муниципалитетов» демонстрирует, что вовлечение населения в управление снижает уровень социальной напряженности и повышает эффективность госпрограмм. Однако без законодательного закрепления принципов «социальной ответственности бизнеса» и федеральной поддержки инфраструктурных проектов долгосрочная устойчивость региона останется под угрозой.

Список использованных источников:

1. «Эксперт РА» подтвердил кредитный рейтинг Калининградской области на уровне ruA+ // Эксперт РА. – URL: https://raexpert.ru/releases/2025/feb04a (дата обращения: 19.04.2025).

2. Минэкономики: рост ВРП в Калининградской области по итогам года составит 4,7% // Новый Калининград. – URL: https://dzen.ru/a/ZyEI7mh6LnVl8UWm (дата обращения: 19.04.2025).

3. О прогнозе социально-экономического развития Калининградской области на 2025 год // Законодательное собрание Калининградской области. – URL: https://zaksob39.ru/deputies/deputies/news/321757/ (дата обращения: 19.04.2025).

4. Спецадаптация // Новый Калининград. – URL: https://www.newkaliningrad.ru/special/transit/ (дата обращения: 19.04.2025).

5. Мирюкова М.А. Экономико-правовые основы реализации демографической политики в Российской Федерации // Парадигма современной науки в условиях модернизации и инновационного развития научной мысли: теория и практика : Сборник материалов XVIII международной научно-практической конференции, посвященной памяти основателей Костанайского филиала «ЧелГУ» Т.Ж. Атжанова и А.М. Роднова, Костанай, 12 апреля 2024 года. – Костанай: Челябинский государственный университет, 2024. – С. 138–141.

6. В Калининградской области не хватает учителей-предметников // РБК. – URL: https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/05/06/2023/647d8c779a794730a37f8ed6 (дата обращения: 19.04.2025).

7. Власти: в регионе не хватает более полутысячи врачей // Новый Калининград.Ru. – URL: https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/24085816-vlasti-v-regione-ne-khvataet-bolee-polutysyachi-vrachey.html (дата обращения: 19.04.2025).

8. Средняя зарплата в Калининграде в 2025 году, реальный уровень з/п // Бробанк. – URL: https://brobank.ru/srednyaya-zarplata-v-kaliningrade/ (дата обращения: 19.04.2025).

9. Зверева А.П., Носова О.Е., Скоробогатых Е.Ю. Эконометрический анализ эффективности программы государственной поддержки сельского хозяйства в калининградской области // Вестник молодежной науки. – 2022. №4 (36). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonometricheskiy-analiz-effektivnosti-programmy-gosudarstvennoy-podderzhki-selskogo-hozyaystva-v-kaliningradskoy-oblasti (дата обращения: 19.04.2025).

10. Счетная палата области о госпрограммах: «Присутствует недостаточно надлежащее исполнение полномочий» // Новый Калининград. – URL: https://dzen.ru/a/ZJHVcpu3YjSaDwky (дата обращения: 19.04.2025).

11. В Калининградской области создают реестр IT-стартапов // РБК. – URL: https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/23/09/2024/66f1300e9a7947833f6c27ef (дата обращения: 19.04.2025).

12. Инвестиции в Калининградский агрокомплекс в 2025 г. составят около 35 млрд рублей // Интерфакс-Россия. – URL: https://dzen.ru/a/Z5JTCo6bG07jow_8 (дата обращения: 19.04.2025).

УДК 347

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ И МЕХАНИЗМЫ СНИЖЕНИЯ КРИМИНОГЕННЫХ РИСКОВ В ЭКОНОМИКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О. В. Слижевская
ведущий научный сотрудник центра государственного строительства и права Института экономики НАН Беларуси, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В настоящее время актуализировалась проблема обеспечения экономической безопасности. Широта понятия экономической безопасности и многообразие угроз экономической сфере породили разнообразные взгляды на рассматриваемую проблему, что усложняет разработку действенных мер по обеспечению экономической безопасности. В этой связи возникает насущная необходимость в научной и практической разработке данной проблемы, понимания сущности понятий обеспечения безопасности в целом и обеспечения экономической безопасности в частности.

Ключевые слова: риск; безопасность; экономика; регулирование; механизм; метод.

Экономическая безопасность является важнейшим компонентом национальной безопасности любого государства. В Республике Беларусь, как и в любой другой стране, экономика может быть подвержена влиянию криминогенных факторов, которые способны дестабилизировать ее функционирование, снизить инвестиционную привлекательность и ухудшить социальное благополучие. Эффективное противодействие экономической преступности требует комплексного подхода, включающего анализ криминогенных рисков, разработку и внедрение соответствующих правовых механизмов, а также координацию усилий различных государственных органов и институтов гражданского общества. Настоящая статья посвящена анализу теории и методологии снижения криминогенных рисков в экономике Республики Беларусь путем использования механизмов правового воздействия.

Криминогенные риски в экономике представляют собой серьезную угрозу для стабильности и устойчивого развития государства. Коррупция, мошенничество, отмывание денег, незаконное предпринимательство – эти и другие явления не только подрывают доверие к финансовой системе, но и препятствуют притоку инвестиций, создают неравные условия для

ведения бизнеса и, в конечном итоге, замедляют экономический рост. Для эффективной борьбы с криминогенными рисками необходим комплексный подход, включающий в себя разработку и внедрение механизмов, направленных на превенцию, выявление, пресечение и нейтрализацию преступной деятельности в экономической сфере [1, с. 15].

Криминогенные риски в экономике – это вероятность возникновения и реализации событий и действий, которые связаны с совершением преступлений в экономической сфере и приводят к негативным последствиям для экономики, бизнеса и общества в целом. Также сюда можно отнести вероятностные события или совокупность обстоятельств, создающих условия для совершения экономических преступлений, нанесения ущерба финансовой стабильности, подрыва конкуренции и нарушения прав собственности [2, с. 62]. Криминогенные риски могут быть классифицированы по различным критериям:

• По сфере экономики: финансовый сектор, промышленность, сельское хозяйство, торговля, внешнеэкономическая деятельность.

• По видам преступлений: хищения, коррупция, мошенничество, уклонение от уплаты налогов, легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, незаконная предпринимательская деятельность, нарушение антимонопольного законодательства.

• По уровню: макроуровень (влияние на экономику в целом), микроуровень (влияние на отдельные предприятия и организации).

• По причинам возникновения: экономические (нестабильность, инфляция, безработица), социальные (неравенство, снижение уровня жизни), политические (коррупция, слабость институтов), правовые (пробелы в законодательстве, неэффективное правоприменение).

Изучение криминогенных рисков предполагает совокупность следующих направлений:

• Выявление: Определение потенциальных источников и видов экономической преступности.

• Оценку: Определение вероятности наступления негативных последствий и размера потенциального ущерба.

• Анализ: Определение причин и условий, способствующих возникновению и распространению экономической преступности.

Механизмы правового воздействия представляют собой совокупность правовых норм, процедур и институтов, направленных на предупреждение, выявление, пресечение и расследование экономических преступлений, а также на минимизацию их негативных последствий. К основным механизмам правового воздействия относятся:

• Уголовно-правовые меры: Уголовный кодекс Республики Беларусь содержит нормы, предусматривающие ответственность за совершение экономических преступлений. Уголовно-правовое воздействие направлено на наказание виновных лиц и предупреждение совершения новых преступлений. Важным аспектом является совершенствование уголовного законодательства в целях более эффективного противодействия новым видам экономической преступности, таким как киберпреступность и преступления в сфере цифровых технологий.

• Административно-правовые меры: Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях устанавливает ответственность за совершение административных правонарушений в экономической сфере. Административно-правовое воздействие направлено на профилактику экономических преступлений, восстановление нарушенных прав и интересов.

• Гражданско-правовые меры: Гражданский кодекс Республики Беларусь регулирует отношения, возникающие в экономической сфере. Гражданско-правовые механизмы используются для возмещения ущерба, причиненного экономическими преступлениями, признания сделок недействительными, защиты прав потребителей и др.

• Финансово-правовые меры: Налоговый кодекс Республики Беларусь регулирует отношения, связанные с уплатой налогов и сборов. Финансово-правовые меры направлены на предотвращение уклонения от уплаты налогов, легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма. К ним относятся контроль за финансовыми операциями, усиление ответственности за нарушение налогового законодательства, внедрение современных методов налогового администрирования.

• Контрольные и надзорные меры: Государственные органы осуществляют контроль и надзор за деятельностью субъектов хозяйствования в целях выявления и пресечения нарушений законодательства в экономической сфере. К таким органам относятся Комитет государственного контроля, Министерство по налогам и сборам, Министерство финансов, Национальны банк и др.

Снижение криминогенных рисков в экономике требует системного и научно обоснованного подхода. Эффективный механизм снижения криминогенных рисков в экономике должен включать в себя следующие ключевые элементы:

1. Мониторинг и анализ криминогенной ситуации: необходимо систематически отслеживать состояние экономической преступности, выявлять новые тенденции и закономерности. Для этого используются

статистические данные, результаты оперативно-розыскной деятельности, экспертные оценки. Эффективному расследованию экономических преступлений будут способствовать использование современных методов расследования, таких как анализ финансовых потоков, цифровые технологии, работа под прикрытием [3, с. 118].

2. Разработка и внедрение профилактических мер:

Профилактика экономической преступности является приоритетным направлением. К профилактическим мерам относятся:

• Повышение финансовой грамотности населения и субъектов хозяйствования. Обучение населения основам финансовой безопасности, формирование культуры неприятия коррупции и других экономических преступлений.

• Совершенствование системы внутреннего контроля и аудита на предприятиях. Разработка и внедрение кодексов этики, антикоррупционных политик, механизмов выявления и пресечения фактов мошенничества и других экономических преступлений. Внедрение системы внутреннего контроля в организациях

• Развитие сотрудничества между государственными органами и бизнесом. Внедрение систем автоматического мониторинга финансовых транзакций, анализа больших данных для выявления подозрительных операций, блокчейн-технологий для обеспечения прозрачности сделок.

• Проведение информационно-разъяснительной работы.

3. Совершенствование законодательства: необходимо постоянно анализировать действующее законодательство на предмет выявления пробелов и коллизий, препятствующих эффективному противодействию экономической преступности. Законодательство должно быть адаптировано к современным условиям и соответствовать международным стандартам.

4. Усиление правоприменительной деятельности: важно обеспечить эффективное расследование экономических преступлений, привлечение виновных лиц к ответственности и возмещение причиненного ущерба. Необходимо совершенствовать методы оперативно-розыскной деятельности, повышать квалификацию сотрудников правоохранительных органов, укреплять материально-техническую базу.

5. Развитие международного сотрудничества: экономическая преступность носит транснациональный характер, поэтому необходимо развивать сотрудничество с зарубежными странами в сфере обмена информацией, оказания правовой помощи и проведения совместных операций. Обмен информацией с иностранными правоохранительными органами, развитие сотрудничества с иностранными

правоохранительными органами в области борьбы с экономическими преступлениями, в том числе в рамках международных организаций, таких как Интерпол и FATF, совместные операции по пресечению транснациональных экономических преступлений: Проведение совместных операций с иностранными правоохранительными органами по пресечению транснациональных экономических преступлений, таких как отмывание денег и финансирование терроризма [3, с. 129].

Гармонизация законодательства с международными стандартами: приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами в области борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма (FATF), а также другими международными конвенциями и соглашениями.

6. Оценка эффективности мер по снижению криминогенных рисков: необходимо регулярно оценивать эффективность реализуемых мер и корректировать их в зависимости от складывающейся ситуации.

По нашему мнению, перспективы и направления совершенствования системы противодействия экономической преступности в Республике Беларусь можно сгруппировать в следующие блоки:

• дальнейшее развитие цифровой экономики и внедрение инновационных технологий таких как: искусственный интеллект, блокчейн-анализ больших объемов информации позволит автоматизировать процессы контроля и выявления экономических преступлений.

• усиление роли институтов гражданского общества, которая предполагает вовлечение в борьбу с экономической преступностью общественных организаций, бизнес-ассоциаций, средств массовой информации.

• совершенствование системы подготовки и переподготовки кадров: углубленная подготовка специалистов, обладающих знаниями в области экономики, права, информационных технологий и способных эффективно противодействовать экономической преступности.

• создание единой информационной системы по учету и анализу экономических преступлений, что позволит оперативно получать информацию о состоянии экономической преступности, выявлять тенденции и закономерности, разрабатывать эффективные меры противодействия [4, с. 91].

Снижение криминогенных рисков в экономике Республики Беларусь является важной задачей, требующей комплексного подхода. Эффективное противодействие экономической преступности возможно только при условии тесного взаимодействия государственных органов, бизнеса и

институтов гражданского общества, а также использования современных методов и технологий. Правовой механизм снижения криминогенных рисков должен включать в себя совершенствование законодательства, институциональное развитие, превентивные меры, эффективное выявление, пресечение и нейтрализацию преступной деятельности, а также активное международное сотрудничество. Дальнейшее совершенствование законодательства, усиление правоприменительной деятельности, развитие международного сотрудничества и внедрение инновационных технологий позволят повысить эффективность системы противодействия экономической преступности и обеспечить устойчивое развитие экономики Республики Беларусь.

Успешная реализация этих мер позволит создать более благоприятную среду для развития экономики, привлечь инвестиции, повысить доверие к финансовой системе и улучшить качество жизни населения. Только совместными усилиями государства, бизнеса и гражданского общества возможно построение безопасной и процветающей экономики.

Список использованных источников:

1. Арбатов А.А., Сенчагов В.К., Ведев А.А. Экономическая безопасность России: Общий курс: учебник / Под ред. В.К. Сенчагова. – М.: БИНОМ. ЛЗ, 2021. – 815 с.

2. Вишняков Я.Д., Радаев Н.Н. Общая теория рисков: Учеб. Пособие. – М.: Дело, 2017. – 310 с.

3. Грунин О.А. Основы теории и практики экономической безопасности: Учеб. Пособие. – СПб., 2022. – 320 с.

4. Управление риском в социально-экономических системах: концепция и методы ее реализации // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций: Науч. информ. сб. – Вып. 11. – М.: Наука, 2015. – 182 с.

УДК 343.21

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПРИНЦИПА ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ

А. А. Дедковский
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Статья содержит анализ некоторых проблем правового регулирования территориального принципа действия уголовного закона в пространстве, теоретических представлений ряда юридических пробегов законодательной конструкции указанного принципа. Внесены предложения по совершенствованию правовой регламентации отдельных положений, раскрывающих содержание территориального принципа.

Ключевые слова: действие уголовного закона в пространстве; территориальный принцип; уголовно-правовая юрисдикция; соучастие, объективная сторона.

Пространственное действие уголовного закона приобретает особую актуальность в современных условиях, когда возникла непосредственная необходимость осуществлять максимальную защиту государственных и общественных интересов от посягательств на них извне. В условиях напряженной международно-правовой обстановки цель охраны указанных интересов имеет особое значение. Противодействие преступности, координация действий правоохранительных органов становятся невозможными без выработки приемлемых с точки зрения суверенитета и независимости государства правил по реализации норм национального уголовного законодательства.

Территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве является одним из проявлений суверенитета государства в части распространения его уголовно-правовой юрисдикции на всю территорию соответствующей страны.

Содержание территориального принципа действия уголовного закона в пространстве закреплено в ч. 1 ст. 5 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК): «Лицо, совершившее преступление на территории Республики Беларусь, подлежит ответственности по настоящему Кодексу».

Анализ указанной правовой нормы позволяет выделить ряд юридических пробегов, не получивших должного освещения законодателем при использовании понятия «преступление»:

– по конструкции объективной стороны преступление может иметь усеченный, формальный или материальный состав;

– преступление может быть оконченным и неоконченным, будучи прерванным на стадии приготовления или покушения;

– преступление может совершаться в соучастии, характеризоваться сложным распределением ролей среди соучастников;

– одно лицо либо группа лиц может совершить два и более преступления, то есть совокупность преступлений;

– объективная сторона преступления может включать такой признак, как неоднократность деяния, причем таковая может складываться из двух и более действий (актов бездействия), каждое из которых, взятое в отдельности, образует лишь состав административного правонарушения;

– посягательство может относиться к числу сложных единичных преступлений, являясь, в частности, продолжаемым или длящимся.

Приведенные ситуации могут затрагивать территорию двух и более государств, вызывая необходимость разрешения вопроса об уголовно-правовой юрисдикции каждого из них применительно к сложившейся ситуации в целом либо к ее отдельным составляющим.

Отметим, что в период существования СССР выделенная проблематика достаточно активно рассматривалась в теории уголовного права, но так и не нашла своего отражения в тексте уголовного закона. После распада Советского Союза входящие в него республики стали самостоятельными государствами, что перевело соответствующие вопросы в разряд уже не внутригосударственного, а международно-правового масштаба.

Считаем, что каждая из выделенных ситуаций заслуживает пристального внимания ученых-правоведов сотрудничающих государств, прежде всего, входящих в состав Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), поскольку правовые системы бывших советских республик имеют много общего, обусловленного историческими, географическими, экономическими, политическими и иными факторами.

Как уже отмечалось ранее, проблема территориального принципа действия уголовного закона в пространстве связана с тем, что соответствующие положения УК не учитывают, что преступление может иметь не только усеченный или формальный, но еще и материальный состав.

Если преступление с формальной либо усеченной конструкцией состава является оконченным с момента полного осуществления соответствующего общественно опасного деяния (действия или бездействия), то преступление с материальным составом, объективная сторона которого обязательно включает общественно опасное деяние, общественно опасное последствие и причинную связь между деянием и последствием, – с момента причинения (наступления) последствия, непосредственно, указанного в статье Особенной части УК об ответственности за данное преступление. То есть для преступления с материальным составом существует вероятность совершения деяния на территории одного государства с наступлением последствия на территории другой страны. При этом также следует учитывать и такой признак объективной стороны материального состава преступления, как причинная

связь, которая может развиваться на территории еще одного, «промежуточного» государства. Например, на территории Республики Беларусь в организм человека может быть введено ядовитое вещество, отравляющее воздействие которого на потерпевшего может начаться либо продолжиться на территории России, а его смерть – наступить на территории Украины. Именно данные ситуации не нашли в ст. 5 УК своей точной и однозначной законодательной регламентации [1, с. 86].

Так, по мнению Н. Д. Дурманова в приведенной ситуации в качестве места совершения преступления следует признавать территорию той союзной республики, где наступило соответствующее общественно опасное последствие, поскольку до этого момента деяние виновного еще не содержит состава оконченного преступления. Я. М. Брайнин, напротив, считал, что местом совершения преступления в таких случаях следовало признавать, территорию той республики, где совершено общественно опасное деяние, несмотря на то, что общественно опасные последствия наступили в другой союзной республике. М. И. Блум полагала, что данную ситуацию можно однозначно разрешить только за счет создания специальной интерлокальной общесоюзной уголовно-правовой нормы [2, с. 24].

Применительно к преступлениям, совершенным соучастниками, действовавшими на территории нескольких союзных республик, применялось уголовное законодательство той республики, на территории которого осуществил деяние либо покушался на него исполнитель преступления, а равно по месту наступления общественно опасного последствия либо по месту завершения преступления первым из нескольких соисполнителей.

Как правильно отмечает Н. А. Бабий, в настоящее время после распада СССР и в связи с формированием уголовного законодательства в виде единого УК, часть 1 статьи 5 последнего следует понимать таким образом: лицо, совершившее преступление на территории Республики Беларусь подлежит уголовной ответственности по УК в ситуациях, когда все содеянное полностью, в полном объеме и всеми соучастниками совершено на территории Беларуси, а равно, когда содеянное совершено на территории Республики Беларусь частично или отдельными соучастниками [3, с. 69]. Полагаем, что закрепление данного положения в ст. 5 УК будет способствовать более точному и однозначному пониманию и применению территориального принципа действия уголовного закона в пространстве.

Следует согласиться с Э. А. Саркисовой, отмечавшей, что каждую точку зрения по выделенным ситуациям можно обосновать либо опровергнуть, поскольку ни одна из них непосредственно не закреплена в уголовном законе и однозначно не вытекает из его содержания. При этом данным автором предлагалось решать подобные проблемы на уровне интерлокальной коллизионной нормы, например, применительно к СССР – на уровне общесоюзного уголовного закона [4, с. 79].

Результаты правотворческой деятельности свидетельствует о том, что международные договоры, заключаемые нашим государством, содержат

положения, оказывающие непосредственное влияние на деятельность судов и иных правоохранительных органов. Так, согласно ст. 76 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. «каждая из Договаривающихся Сторон при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел судами учитывает предусмотренные законодательством Договаривающихся Сторон смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства независимо от того, на территории какой Договаривающейся Стороны они возникли». Анализ данного положения Конвенции показывает, что она непосредственно обязывает правоохранительные органы государства в составе СНГ учитывать смягчающие и отягчающие обстоятельства преступлений, независимо от места их совершения [5, с. 211].

Для разрешения выявленных юридических пробелов правового регулирования действия уголовного закона в пространстве предлагается:

– определить понятия продолжаемого и длящегося преступлений, указав особенности применения территориального принципа при квалификации последних;

– на уровне СНГ урегулировать вопрос о разрешении конкуренции норм уголовных кодексов соответствующих стран, в том числе предусмотрев возможность квалификации преступления с материальным составом, соучастия в преступлении, совокупности преступлений, длящегося и продолжаемого преступлений в полном объеме, независимо от того, в какой из стран в составе СНГ соответствующее преступление было окончено или пресечено$

– дополнить ст. 5 УК положением о необходимости учета отягчающих и смягчающих обстоятельств при совершении преступлений на территории нескольких стран СНГ и относящихся к деяниям, входящим в сферу уголовно-правовой юрисдикции Республики Беларусь.

Список использованных источников:

1. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 1004 с.

2. Наумов А. Иммунитет в уголовном праве // Уголовное право. – М.: Интел-Синтез, 2023. – № 2. – С. 23–28.

3. Бабий Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2013. – 688 с.

4. Саркисова Э.А. Уголовное право. Общая часть: учебник. – Минск: Акад. МВД, 2014. – 560 с.

5. Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. – М.: Международные отношения, 2002. – 488 с.

УДК 342

АСАБЛІВЫЯ ПРАВАМОЦТВЫ СУБ'ЕКТАЎ ГРАМАДЗЯНСКАЙ СУПОЛЬНАСЦІ Ў КАНТЭКСЦЕ ФАРМІРАВАННЯ ПРАВА НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ЭКАНАМІЧНАЙ БЯСПЕКІ: КАНЦЭПТУАЛЬНЫЯ АСПЕКТЫ

А. Л. Дашкевіч
загадчык кафедры біёлага-эканамічных дысцыплін Універсітэта НАН Беларусі, кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Анатацыя. У артыкуле разглядаюцца правамоцтвы суб’ектаў грамадзянскай супольнасці ў рамках асаблівых форм іх узаемадзеяння з дзяржаўнымі органамі (арганізацыямі) у кантэксце фарміравання права нацыянальнай эканамічнай бяспекі. Вызначаюцца асобныя канцэптуальныя аспекты ўдзелу суб’ектаў грамадзянскай супольнасці ў фарміраванні і дзейнасці Усебеларускага народнага сходу.

Ключавыя словы: грамадзянская супольнасць; суб’екты грамадзянскай супольнасці; правамоцтвы; грамадскія фарміраванні; нацыянальная эканамічная бяспека.

Канстытуцыйнае рэфармаванне 2022 г. абумовіла трансфармацыю прававога рэгулявання грамадзянскай супольнасці, удзелу яе суб’ектаў у нарматворчай дзейнасці, у тым ліку, у кантэксце фарміравання права нацыянальнай эканамічнай бяспекі. У гэтых умовах адбываецца не толькі фармальна-юрыдычная легалізацыя паняцця грамадзянскай супольнасці і яе суб’ектаў, але і вызначэнне асаблівых форм узаемадзеяння апошніх з дзяржаўнымі органамі (арганізацыямі).

Адзначанае можа тлумачыцца і тым, што ў Беларусі, у адрозненні ад заходніх краін, грамадзянская супольнасць канструіруецца і ствараецца пераважна “зверху”. Дзяржава выступае ў якасці мабілізацыйнай мадэлі і фарміраванне грамадзянскай супольнасці вызначаецца адносінамі да гэтага працэсу ўладных структур, іх здольнасцю выконваць стваральную функцыю. Найбольш выразна гэта праяўляецца ў заканадаўчай дзейнасці, стварэнні неабходнага прававога поля [1, с. 140–141]. Пры гэтым грамадзянская супольнасць разглядаецца беларускім заканадаўцам як форма пераадолення сацыяльных супярэчнасцяў і адлюстравання беларускай канстытуцыйнай ідэнтычнасці [2, с. 23].

Асобныя суб’екты грамадзянскай супольнасці набываюць магчымасць узаемадзеяння з дзяржаўнымі органамі (арганізацыямі) у асаблівых формах з замацаваннем за імі правамоцтваў, рэалізацыя якіх непасрэдна звязана з дзейнасцю Усебеларускага народнага сходу як вышэйшага прадстаўнічага органа народаўладдзя, які валодае значнымі паўнамоцтвамі ў дачыненні вызначэння канцэптуальнага бачання і прыярытэтных накірункаў

нарматворчай дзейнасці ў сферы нацыянальнай эканамічнай бяспекі.

Сярод паўнамоцтваў Усебеларускага народнага сходу ў дадзеным выпадку неабходна вылучыць прыняцце рашэнняў стратэгічнага і праграмнага характару да якіх паводле арт. 89^3 Канстытуцыі і арт. 12, 13 Закона Рэспублікі Беларусь "Аб Усебеларускім народным сходзе" ад 7 лютага 2023 г. №248-З аднесена зацвярджэнне асноўных напрамкаў унутранай і знешняй палітыкі, ваеннай дактрыны, канцэпцыі нацыянальнай бяспекі, праграмы сацыяльна-эканамічнага развіцця Рэспублікі Беларусь, якія ўносяцца на разгляд Усебеларускага народнага сходу Прэзідэнтам або Саветам Міністраў Рэспублікі Беларусь у адпаведнасці з іх паўнамоцтвамі.

Згодна з п. 4 Канцэпцыі нацыянальнай бяспекі, якая зацверджана рашэннем Усебеларускага народнага сходу ад 25 красавіка 2024 г. №5, нацыянальная бяспека ўяўляе сабою стан абароненасці нацыянальных інтарэсаў Рэспублікі Беларусь ад унутраных і знешніх пагроз, якое забяспечвае яе ўстойлівае развіццё. Адначасова нацыянальныя інтарэсы ўключаюць сукупнасць збалансаваных інтарэсаў асобы, грамадства і дзяржавы, якія дазваляюць забяспечваць канстытуцыйныя правы і свабоды, высокую якасць жыцця грамадзян, згоду ў грамадстве, непарушныя асновы народаўладдзя і прававой дзяржавы, яе незалежнасць, тэрытарыяльную цэласнасць і суверэнітэт. У сваю чаргу эканамічная бяспекі як стан абароненасці галін і сфераў эканомікі ад уздзеяння пагроз, якія перашкаджаюць устойліваму сацыяльна-эканамічнаму развіццю Рэспублікі Беларусь, з'яўляецца складоваю часткаю нацыянальнай бяспекі. Такім чынам канцэптуальна замацоўваецца наяўнасць эканамічнай бяспекі не толькі дзяржавы, але і асобы, грамадства ў цэлым.

Да падобнай высновы пры аналізе канцэптуальных дакументаў у сферы нацыянальнай бяспекі прыходзілі ў свой час і асобныя расійскія даследчыкі [3, с. 88]. Адзначаецца, што грамадзянская супольнасць, яе інстытуты выступаюць у якасці суб'ектаў забеспячэння эканамічнай бяспекі, што выяўляецца ва ўзаемадзеянні інстытутаў грамадзянскай супольнасці з органамі дзяржаўнай улады і іншымі суб'ектамі пры рэалізацыі комплексу палітычных, арганізацыйных, сацыяльна-эканамічных, інфармацыйных, прававых і іншых мер, накіраваных на супрацьдзеянне выклікам і пагрозам эканамічнай бяспекі [4, с. 88]. Навукоўцамі звяртаецца ўвага на тое, што сэнс катэгорыі эканамічнай бяспекі складаецца ў наяўнасці эфектыўнай эканамічнай сістэмы дзяржавы здольнай задаволіць патрэбы як цэлага грамадства, так і канкрэтнага чалавека [5, с. 25–26].

Трэба адзначыць, што суб'екты грамадзянскай супольнасці набываюць у сферы забеспячэння нацыянальнай бяспекі адпаведныя правы і абавязкі ў адпаведнасці з заканадаўствам, якія могуць быць рэалізаваны ў рамках: інфармавання дзяржаўных органаў аб наяўнасці (узнікненні) крыніц і фактараў, якія ствараюць пагрозы нацыянальнай бяспецы; непасрэднай абароны законнымі спосабамі і сродкамі правоў і свабод грамадзян, інтарэсаў грамадства; распрацоўкі і ўнясення ў дзяржаўныя органы прапаноў па

ўдасканаленні нарматыўных прававых актаў, якія рэгулююць грамадскія адносіны ў розных сферах забеспячэння нацыянальнай бяспекі; удзелу ў фарміраванні грамадскай думкі па пытаннях забеспячэння нацыянальнай бяспекі; павышэння палітычнай і прававой культуры, адказнасці грамадзян, грамадзянскай самасвядомасці, выхавання патрыятызму; садзейнічання законнымі спосабамі і сродкамі дзяржаўным органам у забеспячэнні нацыянальнай бяспекі, дасягненні грамадскай згоды і стабільнасці [6, с. 15].

Адначасова трэба ўлічваць, што Усебеларускі народны сход з'яўляецца і вышэйшым нарматворчым органам. Таму існуе неабходнасць у найбольш высокай ступені яго легітымнасці пры фарміраванні і функцыянаванні, наданне асаблівай увагі павышэнню яго аўтарытэту сярод грамадзян [7, с. 20].

У сваіх ранейшых даследаваннях намі адзначалася, што канстытуцыйна-прававы механізм вызначэння грамадскіх фарміраванняў у якасці суб'ектаў грамадзянскай супольнасці ў Рэспубліцы Беларусь прадугледжвае суадносіны пазначанага паняцця з паняційным шэрагам катэгорыі грамадскага фарміравання. Трансфармацыя канстытуцыйнага заканадаўства ў дадзеным выпадку грунтуецца на ўспрыманні грамадскіх фарміраванняў у якасці структурна-функцыянальнай асновы функцыянавання грамадзянскай супольнасці. Пры гэтым верыфікацыя грамадскіх фарміраванняў у якасці суб'ектаў грамадзянскай супольнасці ўключае разам з фармальна-юрыдычнымі крытэрыямі праварэалізацыйныя, якія павінны выкарыстоўвацца дзяржаўнымі органамі для ўстанаўлення ўдзельнікаў як асаблівых, так і агульных форм узаемадзеяння з дзяржаўнымі органамі (арганізацыямі). Развіццё канстытуцыйнага заканадаўства ў Рэспубліцы Беларусь у гэтай сферы павінна зыходзіць, па нашаму меркаванню, з неабходнасці пашырэння легальнага суб'ектнага складу суб'ектаў грамадзянскай супольнасці за кошт іншых грамадскіх фарміраванняў, у прыватнасці лічбавых грамадскіх фарміраванняў [8, с. 35].

На сучасным этапе суб'ектамі грамадзянскай супольнасці, якія вызначаны Міністэрствам юстыцыі Рэспублікі Беларусь у якасці ўдзельнікаў ўзаемадзеяння з дзяржаўнымі органамі ў асаблівых формах, з'яўляюцца рэспубліканскае грамадскае аб'яднанне "Белая Русь", Беларускае грамадскае аб'яднанне ветэранаў, грамадскае аб'яднанне "Беларускі рэспубліканскі саюз моладзі", грамадскае аб'яднанне "Беларускі саюз жанчын", Федэрацыя прафсаюзаў Беларусі [9].

Паводле арт. 7 Закона Рэспублікі Беларусь "Аб асновах грамадзянскай супольнасці" ад 14 лютага 2023 г. №250-З асаблівымі формамі ўзаемадзеяння дзяржаўных органаў (арганізацый) і суб'ектаў грамадзянскай супольнасці з'яўляюцца: абранне дэлегатаў Усебеларускага народнага сходу ў прадугледжаным законам парадку; правядзенне сустрэч з насельніцтвам, працоўнымі калектывамі, прамых тэлефонных ліній, дыялогавых пляцовак, грамадскіх прыёмных, выязных прыёмаў грамадзян у мэтах збору і выпрацоўкі прапаноў для вынясення на абмеркаванне Усебеларускага народнага сходу; удзел у рэалізацыі рашэнняў Усебеларускага народнага сходу.

Адзначым, што асаблівыя правамоцтвы, якія з’яўляюцца ў адпаведных суб’ектаў грамадзянскай супольнасці, вылучаюцца не толькі паводле іх рэалізацыі ў рамках асаблівых форм узаемадзеяння з дзяржаўнымі органамі (арганізацыямі), але і зыходзячы з асаблівага кола іх носьбітаў. Пры гэтым, канстытуцыйна-прававы механізм рэалізацыі правамоцтваў суб’ектаў грамадзянскай супольнасці ў рамках асаблівых форм узаемадзеяння з дзяржаўнымі органамі (арганізацыямі) зыходзіць з устаноўленага канстытуцыйнага балансу публічных і прыватных інтарэсаў, неабходнасці яго забеспячэння праз выкарыстанне як дзяржаўна-прававога, так і карпаратыўнага рэгулявання. Пры гэтым у найбольшай ступені звяртаецца ўвага на рэгламентацыю дзейнасці вызначаных суб’ектаў грамадзянскай супольнасці ў дачыненні выбарчага працэсу.

Карпаратыўныя нормы ў дадзеным выпадку маюць субсідыярны характар адносна канстытуцыйна-прававога рэгулявання. Яны паўстаюць ва ўмовах абмежаванага кола суб’ектаў грамадзянскай супольнасці, якія маюць правамоцтвы ў рамках асаблівых форм узаемадзеяння з дзяржаўнымі органамі (арганізацыямі), неабходнасці забеспячэння вышэйшай ступені легітымнасці ў фарміраванні і дзейнасці Усебеларускага народнага сходу, адпаведнай артыкуляцыі сацыяльна-эканамічных інтарэсаў грамадзян.

Такім чынам, канстытуцыйна-прававы механізм рэалізацыі правамоцтваў суб’ектаў грамадзянскай супольнасці ў рамках асаблівых форм узаемадзеяння з дзяржаўнымі органамі (арганізацыямі) спалучаны з нормамі карпаратыўнага характару, якія павінны прадугледжваць магчымасць іншых суб’ектаў грамадзянскай супольнасці, што не з’яўляюцца непасрэднымі ўдзельнікамі такіх форм узаемадзеяння, удзельнічаць апасродкавана, што разам з іншым, будзе выконваць і стымулюючую функцыю адносна выканання грамадскімі фарміраваннямі свайго мэтавага прызначэння ў дачыненні садзеяння рэалізацыі і абароне, у тым ліку, сацыяльна-эканамічных праў, свабод і інтарэсаў чалавека і грамадзяніна, забеспячэння сацыяльнай адказнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Хузеева Т.В. Гражданское общество Республики Беларусь как объект социально-правового регулирования // Социологический альманах. – 2010. – Вып. 1. – С. 139–146.

2. Семашка Е.В. Правовые грани «диалога» между инклюзивным обществам и гражданским обществам // Право.by. – 2023. – № 4 (84). – С. 18–25.

3. Еркеев И.Х., Фролова Н.А. Гражданское общество как объект экономической безопасности // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 4 (46). – С. 87–92.

4. Грандонян К.А. Экономическая безопасность и гражданское общество в России в контексте цифровизации экономики // Экономическая безопасность и качество. – 2018. – № 1 (30). – С. 87–91.

5. Горупа Т.А. Теоретико-методологические основы механизма правового обеспечения экономической безопасности государства, общества, человека и политика защиты прав потребителей // Теоретико-методологические основы совершенствования правового обеспечения экономической безопасности / Н. С. Минько [и др.]; под общ. ред. Н. С. Минько; Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики. – Минск: Беларуская навука, 2023. – С. 25–49.

6. Дашкевіч А.Л. Грамадскія фарміраванні як суб’екты грамадзянскай супольнасці ў сістэме забеспячэння нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь: канцэптуальныя падыходы // Право.by. – 2024. – № 4 (90). – С. 12–18.

7. Василевич Г.А. Новеллы белорусской Конституции как фактор устойчивого развития государства // Право.by. – 2022. – № 2 (76). – С. 14–23.

8. Дашкевич А.Л. Общественные формирования как субъекты гражданского общества: трансформация конституционного законодательства в Республике Беларусь // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11 – № 2. – С. 29–37.

9. Об отнесении общественных организаций к субъектам гражданского общества. – URL: https://minjust.gov.by/press/news/politicheskie_partii_obshchestvennye_obedineniya_i_drugie_nekommercheskie_organizatsii/ob_otnesenii_obshchestvennykh_organizatsiy_k_subektam_grazhdanskogo_obshchestva/(дата обращения: 23.05.2025).

УДК 347.91; 347.451

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ) В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Т. А. Горупа
декан юридического факультета
Учреждения образования «Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина», кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье автор определяет, что судебная форма защиты призвана реализовывать принцип справедливости в споре равных субъектов гражданского оборота, но с учетом, с одной стороны, «слабости» потребителя, а с другой стороны, принятия во внимание важности развития потребительского рынка и его конкурентоспособности для экономической безопасности страны. Автор анализирует проблемы исков о защите субъективных прав и неопределенного круга потребителей, гарантий судебной защиты нарушенных прав потребителей, которые дают ему приоритет в споре.

Ключевые слова: экономическая безопасность; потребитель товаров (работ, услуг); защита прав; судебная защита; иск о защите прав потребителей.

Актуализация вопросов национальной безопасности в виду наличия военных конфликтов в соседних странах, санкционной экономической политики в отношении Республики Беларусь обуславливают необходимость создания механизмов правового обеспечения, в том числе и экономической безопасности как вида национальной безопасности Республики Беларусь. Человек выступает одновременно субъектом (осуществляя любые виды экономической деятельности для получения дохода) и объектом (государство, общество, человек) экономической безопасности. Именно в потребительских отношениях человек выступает как слабая сторона договора, требующая особых форм защиты его нарушенных прав, и такие права, соответственно, являются объектом защиты.

При этом судебная защита нарушенных гражданских прав потребителей является самой действенной, несмотря на рекомендации международного сообщества популяризировать и другие средств защиты. Так, Руководящие принципы ООН для защиты прав потребителей, утвержденные резолюцией A/RES/70/186 Генеральной Ассамблеи ООН, в Разделе F «Урегулирование споров и средства правовой защиты»

рекомендует государствам-членам содействовать созданию механизмов для справедливого, действенного, прозрачного и беспристрастного рассмотрения претензий потребителей с использованием административных, судебных и альтернативных методов урегулирования споров (п. 37) [1].

В 2024 году было подано 1 904 иска о защите прав потребителей, из них удовлетворено 1696 [2], что составляет 89% всех исков этого вида. При этом по официальным данным Верховного Суда «в абсолютном большинстве случаев требования потребителей при обращении в суд за защитой своих прав судом удовлетворяются. При этом на стабильно высоком уровне находится и показатель прекращения производства по спорам о защите прав потребителей (свыше 30% дел, поступивших в суды, прекращается, в том числе в связи с заключением сторонами мирового соглашения). Это означает, что при наличии доброй воли сторон практически каждый третий спор по данной категории мог быть разрешен в досудебном порядке, без обращения в суд» [3].

Целью настоящего исследования является выявление наиболее актуальных проблем судебной защиты прав потребителей товаров (работ, услуг) в механизме правового обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь.

В самом общем виде механизм правового обеспечения экономической безопасности можно определить как совокупность правовых средств, используемых уполномоченными субъектами для становления и развития конкурентоспособности национальной экономики и поддержания необходимого уровня качества жизни человека. Именно судебная форма защиты призвана реализовывать принцип справедливости в споре равных субъектов гражданского оборота, но с учетом, с одной стороны, «слабости» потребителя, а с другой стороны, принятия во внимание важности развития потребительского рынка и его конкурентоспособности. И это самая сложная задача, которая стоит перед судом – найти в каждом конкретном споре точку равновесия между тотальной защитой «слабого» потребителя, включая применение карательных мер к продавцам (изготовителям, исполнителям), и экономического положения последних, способных в дальнейшем после вынесенного судом решения насыщать потребительский рынок своей продукцией с учетом добросовестной конкуренции. Таким образом, суд должен обладать гибкостью при избрании правовых средств для реализации принципа справедливости при разрешении спора.

Иски по вопросам защиты прав потребителей в зависимости от объекта, подлежащего защите, подразделяются на иски о защите нарушенных субъективных прав потребителей и иски о защите неопределенного круга потребителей. Предметом первого вида иска

является нарушенное продавцом (изготовителем, исполнителем) субъективное право потребителя, выразившееся в неисполнении либо ненадлежащем исполнении первым обязанностей (например, продажа некачественных товаров, причинение морального вреда и т. д.). В свою очередь предметом иска о защите неопределенного круга потребителей являются интересы «всех потребителей, как заключивших, так и имеющих намерение заключить договор на приобретение или использование товара, выполнение работы, оказание услуги и прекращение таких действий», согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда от 24.06.2010 № 4 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей». Данные иски уполномоченным государственным органам и общественным объединениям можно подавать, когда невозможно установить конкретных потребителей, чьи права нарушены. Решение, вынесенное по такому иску, является обязательным для суда, рассматривающего иск конкретного потребителя о гражданско-правовых последствиях (например, взыскание убытков, морального вреда и т. д.) действий продавца (изготовителя, исполнителя), признанных противоправными в отношении неопределенного круга потребителей.

Последний вид иска весьма важен с точки зрения обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь, так как он способствует выявлению на потребительском рынке массовых нарушений прав потребителей и, соответственно, недобросовестной конкуренции со стороны отдельных продавцов (изготовителей, исполнителей).

Вместе с тем официальная статистика исков о защите прав неопределенного круга потребителей отсутствует. Последний обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей был проведен и официально опубликован в 2010 году, то есть практически 15 лет назад [4]. Мы можем лишь констатировать, что если такие виды исков и были, то они были единичными и не имели общественного резонанса.

Зарубежная практика напротив демонстрирует популярность подобных исков. Так, в Казахстане Комитет по защите прав потребителей подвел итоги деятельности региональных департаментов по вопросам защиты прав неопределенного круга потребителей за 9 месяцев 2024 года. В течение этого периода Департаментами торговли и защиты прав потребителей было инициировано 7 коллективных исков, в рамках которых защищены права 140 потребителей [5]. Другой пример практики можно привести в Российской Федерации. Например, за первый квартал 2024 года Управлением Роспотребнадзора по г. Москве в суды подано 899 исковых заявлений…Из них: 322 – в защиту неопределённого круга лиц (за 1 квартал 2023 года – 245), 574 – в защиту прав конкретных потребителей (за 1 квартал 2023 года – 528) и 3 – в защиту группы лиц (за 1 квартал 2023

года – 1) [6]. И эта статистика касается лишь исков в суд, поданных уполномоченными государственными органами, без учета подачи исков общественными организациями, которые тоже наделены такими правами.

Представляется, что в Республике Беларусь отсутствие значимой статистики исков в защиту неопределенного круга потребителей объясняется популярностью другой формы защиты – обращений граждан, которые рассматривают достаточно оперативно и эффективно, при этом бесплатно органами власти в рамках Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц». Например, МАРТ и исполкомы в 2024 году рассмотрели почти 10,8 тысячи обращений потребителей, в 2023 году – на 7 процентов меньше. По результатам рассмотрения обращений потребителям возмещен материальный ущерб в размере более 1,62 млн рублей. Кроме того, исполкомы подали в суд 161 иск [7]. Соответственно, если сопоставить статистику судебной защиты, приведенную выше, то можно сделать вывод, что исков в суд подается примерно в 5 раз меньше, чем жалоб, что подтверждает превалирование использования административных средств защиты прав потребителей, несмотря на достоинства судебной формы.

Проанализируем те гарантии (преимущества) судебной защиты нарушенных прав, предоставляемые потребителям законодательством как «слабой» стороне договора, которые дают ему приоритет в споре.

Во-первых, это освобождение от оплаты государственной пошлины при подаче в суд искового заявления о нарушении прав потребителей, предусмотренных законодательством о защите прав потребителей, а также апелляционных жалоб по таким делам (подп. 1.1.9. п. 1 ст. 285 Налогового кодекса Республики Беларусь (Особенная часть)). Такое преимущество действительно «облегчает» положение потребителя в споре и дает ему возможность фактически бесплатно обратиться за помощью к суду. Вместе с тем отказ в удовлетворении исковых требований потребителя влечет и необходимость уплаты им после вынесения такого решения и соответствующего размера государственной пошлины (как правило, это 5 процентов цены иска, но не менее 2 базовых величин, согласно ставкам государственной пошлины, определенными в Приложении №13 к Налоговому кодексу Республики Беларусь), согласно пункта 17 статьи 285, абзаца 2 подпункта 1.26 пункта 1 статьи 288 НК).

Во-вторых, это определение правил подсудности иска с учетом возможности потребителю оперативно подать иск по месту своего жительства или месту нахождения либо по месту исполнения договора или по месту причинения вреда, согласно части 12 ст. 48 действующего ГПК Республики Беларусь (как впрочем и п. 16 ст. 48 Кодекса гражданского судопроизводства, который вступит в силу в 2026 году).

В-третьих, при удовлетворении иска, связанного с нарушением прав потребителя, если с исковым заявлением о защите прав потребителя выступают уполномоченный государственный орган или общественное объединение потребителей, суд взыскивает за несоблюдение добровольного порядка удовлетворения требований потребителя с изготовителя (продавца, поставщика, представителя, исполнителя, ремонтной организации) в местный бюджет по месту рассмотрения иска штраф в размере ста процентов суммы, присужденной судом в пользу потребителя (п.2 ст. 44 Закона).

Юридическая природа данного штрафа – это вид неустойки, к которой не применяются правила ст. 314 ГК Республики Беларусь относительно возможности ее уменьшения по решению суда, так как «размер штрафа Законом «О защите прав потребителей» определен императивно», по мнению Верховного Суда Республики Беларусь, определенного в п. 23 уже упомянутого выше Постановления Пленума Верховного Суда от 24.06.2010 №4 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей»

Судебная практика в Республике Беларусь по взысканию неустойки за нарушения прав потребителей (ст. 26 и п.6 ст. 30 Закона) и штрафа за добровольное невыполнение требований потребителей (п.2 ст. 44 Закона), если с иском выступает общественная организация или местный орган власти, сложилась таким образом, что суд активно применяет ст. 314 ГК Республики Беларусь относительно уменьшения судом неустойки, которая явно не соответствует убыткам, и не применяя ее же к судебному штрафу, который по своей сути все же является видом законной неустойки. Данная практика требует проведения дополнительного научного исследования. Произвольное применение судом правил уменьшения законной неустойки, с одной стороны, противоречит самой сути такой неустойки в делах о защите потребителя как слабой стороны договора, где такая неустойка имеет штрафной характер и имеет целью дисциплинировать предпринимателя, принудив его надлежаще исполнить договор перед потребителем. С другой стороны, суд должен реализовывать общеправовой принцип справедливости, который в гражданском процессе реализуется в принципе пропорциональности, и «предоставляет достаточно большую степень усмотрения, поскольку позволяет судам самостоятельно определять, является ли выбранная ограничительная мера адекватной для достижения цели» [8].

Достаточно проблематичным в судебной практике является и взыскание в отдельных случаях с ответчиков весьма объемных расходов общественных объединений по защите прав потребителей, связанных с обращением по поручению потребителя с претензией, иском. Как правило, неоправданно высокий объем расходов отдельных организаций

определяется высокой оплатой труда юристов. Нормативное регулирование таких расходов осуществляется п. 2 ст. 48 Закона «О защите прав потребителей» и соответствующим Постановлением Министерства торговли от 25.07.2012 «Об установлении примерной формы договора безвозмездного оказания услуг общественным объединением потребителей, состава расходов общественного объединения потребителей, подлежащих возмещению изготовителем (продавцом, поставщиком, представителем, исполнителем, ремонтной организацией), и признании утратившим силу постановления Министерства торговли Республики Беларусь от 23 декабря 2004 г. № 54, где в состав расходов включают зарплату сотрудников, отчисления в Фонд социального страхования, аренду и т.д. (всего 14 видов расходов). Получается судам в сходных условиях приходиться взыскивать расходы диаметрально противоположные по объему, так как в различных городах общественные организации могут выставлять различные суммы своих расходов. Представляется, что подходы к правовому регулированию взыскания расходов общественных объединений должны быть унифицированы в рамках республики. Возможно, как вариант, ввести тарифы для услуг юристов общества защиты прав потребителей.

Таким образом, можно констатировать наличие ряда проблем защиты прав субъектов с точки зрения экономической безопасности Республики Беларусь, требующих совершенствования как законодательства, так и правоприменительной практики. Именно суд как орган власти должен реализовать принцип справедливости при рассмотрении потребительских споров, защищая в своих решениях потребителя, при условии применения пропорциональных и адекватных мер ответственности к их контрагентам.

Список использованных источников:

1. Руководящие принципы ООН для защиты интересов потребителей: Резолюция Генеральной Ассамблеей ООН № 39/248 от 9 апреля 1985 года: в ред. 1999 г. и 2015 г. – URL:. https://www.un.org/development/desa/financing/sites/www.un.org.development.desa.financing/files/2020-03/N1535950.pdf. (дата обращения: 25.05.2025).

2. Верховный Суд Республики Беларусь. Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь – URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/a4825a525c5e431f.html(дата обращения: 25.05.2025).

3. Проявлять осмотрительность и внимательно подходить к принятию решения о приобретении товаров: интервью судьи Верховного Суда Республики Беларусь Игоря Колесника о защите прав потребителя – URL:

https://court.gov.by/ru/intervjyu/vistupleniya/publikacii/041fe0b7dd494415.html (дата обращения 25.05.2025).

4. Практика применения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей (по материалам обзора). – URL: court.gov.by/upload/OBZORY/sv3-2010.pdf. (дата обращения 25.05.2025).

5. Комитет по защите прав потребителей Министерства торговли и интеграции Республики Казахстан. Официальный сайт. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mti-kzpp/press/news/details/868720?lang=ru (дата обращения 25.05.2025).

6. Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по городу Москве, 2019 – URL: https://77.rospotrebnadzor.ru/index.php/napravlenie/zpp/12743-itogi-sudebnoj-zashchity-prav-potrebitelej-za-1-kvartal-2024-goda-16-04-2024(дата обращения 25.05.2025).

7. Беларусь Сегодня [сайт]. – Минск, 1998–2024 – URL: https://www.sb.by/articles/mart-i-ispolkomy-v-2024-godu-rassmotreli-pochti-10-8-tysyach-obrashcheniy-potrebiteley.html (дата обращения: 02.03.2025).

8. Васильев С.В. Принцип пропорциональности в гражданском судопроизводстве // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20– 21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 439–442.

УДК 342.4

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ЗАЩИТЕ И РАЗВИТИЮ КОНКУРЕНЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. А. Трипузова
заведующий сектором правового обеспечения социально-экономического развития центра государственного строительства и права Института экономики НАН Беларуси

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам конституционно-правового обеспечения государственной политики по защите и развитию конкуренции в современных экономических условиях, в том числе с учетом преимуществ и угроз цифровизации. Автор подчеркнул значимость и обосновал необходимость дальнейшей конституционализации конкурентных отношений и комплексного совершенствования антимонопольного законодательства для его возможной кодификации в будущем.

Ключевые слова: конституционно-правовое обеспечение; государственная политика; защита и развитие конкуренции; монополистическая деятельность; экономическая безопасность.

Конкуренция является важнейшим механизмом экономического развития и играет ключевую роль в обеспечении экономического роста и повышении конкурентоспособности экономики, которые Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, отнесены к числу основных национальных интересов в экономической сфере (п. 10). В свою очередь развитие конкуренции и эффективного антимонопольного регулирования закономерно причислены названной Концепцией, являющейся актом конституционного характера, к инструментам структурной перестройки экономики (п. 54).

Необходимость обеспечения развития добросовестной конкуренции субъектов предпринимательской деятельности указана и в Директиве Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь».

На решение данных задач и направлена государственная политика по защите и развитию конкуренции, выступая важнейшим механизмом обеспечения экономической безопасности.

Соответственно уровень экономической безопасности государства во многом зависит от эффективности конституционно-правового обеспечения государственной политики по защите и развитию конкуренции, которое базируется на нормах и принципах Конституции, законах и иных нормативных правовых актах, регулирующих конкурентные отношения, а также на

институтах и механизмах, созданных для реализации конституционно-правовых положений.

Конституция Республики Беларусь (далее – Конституция) предусматривает свободу предпринимательской (экономической) деятельности, гарантирует равные возможности для использования способностей и имущества для такой деятельности, право собственности и равные условия для развития всех ее форм, равную защиту экономических прав и свобод (ст. 13, 44), ограничение их только в случаях, предусмотренных законом, и перечисленных в Конституции целях, в частности, в интересах национальной безопасности, прав и свобод других лиц (ст. 23, 59). Данные гарантии наряду с обязанностью государства осуществлять регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества (ст. 13), принимать все доступные меры для создания порядка, необходимого для полного осуществления конституционных прав и свобод, определяют конституционные основы государственной политики по защите и развитию конкуренции, несмотря на отсутствие в Основном Законе понятий «конкуренция» и «монополистическая деятельность».

Исходя из указанных положений Конституционный Суд Республики Беларусь (далее – Конституционный Суд) отметил обязанность государства поддерживать конкуренцию, противодействовать ее недопущению, ограничению, устранению со стороны государственных органов, иных организаций, предупреждать и пресекать монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию, создавать условия для эффективного функционирования товарных рынков (решение от 4 декабря 2013 г. № Р-862/2013). Названная правовая позиция Конституционного Суда формирует два важнейших имплицитных (скрытых) конституционных принципа – поддержки и защиты конкуренции.

Поддержка конкуренции предусматривает не только сохранение существующего уровня конкуренции, но и создание условий для ее развития.

Защита конкуренции включает противодействие монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции и обеспечивается реализацией конституционных норм в антимонопольном законодательстве, ключевое место в котором занимает Закон Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон № 94-З), а также нормами, содержащимися в других актах законодательства, в том числе кодифицированных (гражданском, налоговом, уголовном кодексах, кодексе об административных правонарушениях) и ряде постановлений Правительства.

Так, в Законе № 94-З отмечено, что он определяет организационные и правовые основы противодействия монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции и направлен на обеспечение условий для развития конкуренции, создания и эффективного функционирования товарных рынков. Названным законом предусмотрен ряд антимонопольных запретов для хозяйствующих субъектов и государственных органов, а также

антимонопольные требования к закупкам товаров, что в совокупности с контрольными мерами позволяет снизить антиконкурентные риски, появление коррупционных схем и злоупотреблений.

Согласно ст. 5 Закона № 94-З государственная политика в рассматриваемой сфере основывается на следующих отраслевых принципах: равенства в применении норм антимонопольного законодательства, недопустимости антиконкурентных действий (бездействия) государственных органов, обеспечения эффективного контроля за экономической концентрацией, эффективности санкций за совершение антиконкурентных действий (бездействие), информационной открытости, эффективного сотрудничества. Конституционным Судом отмечено, что установление этих принципов и их содержания определяется конституционными положениями и направлено на обеспечение прав и законных интересов граждан и организаций (решение от 4 декабря 2013 г. № Р-862/2013).

В то же время настоящий этап развития экономики характеризуется многочисленными внешними и внутренними угрозами и вызовами, в числе которых санкционное экономическое давление на Беларусь, недобросовестная межстрановая конкуренция и монополистическая деятельность.

В связи с этим глобальной и стратегической задачей при следующей конституционной реформе видим необходимость непосредственно в Основном Законе закрепить конституционную обязанность государства по поддержке и защите конкуренции, прямо предусмотрев принцип поддержки конкуренции, а также конституционный запрет на монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию. Закрепление на конституционном уровне такой обязанности государства, а соответственно и конституционного права хозяйствующих субъектов на конкуренцию придаст конкуренции статус конституционной ценности, будет способствовать предотвращению антиконкурентных практик и обеспечению баланса частных и публичных интересов, а также послужит новым импульсом для конституционализации конкурентных отношений и выработке эффективных правовых инструментов государственной политики по защите и развитию конкуренции в контексте экономической безопасности.

Подчеркнем, что большинство конституций постсоветских стран содержат подобные нормы. Так, Конституцией Российской Федерацией еще в 1993 году был закреплен принцип поддержки конкуренции (ч. 1 ст. 8) и недопустимость экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ч. 2 ст. 34). В обновленной в 2023 году Конституции Республики Узбекистан предусмотрена гарантия развития добросовестной конкуренции (ч. 1 ст. 65) и норма о регулировании монополистической деятельности и ограничении ее законом (ч. 4 ст. 67).

Солидарны с мнением А. С. Сухорукова о том, что в современных условиях «особое внимание должно быть обращено на составляющие государственной конкурентной политики, в том числе законодательство о

конкуренции, гармоничное сочетание публичных и частных интересов, экономических интересов хозяйствующих субъектов и потребителей, создание условий для стабильного экономического роста в призме формирования конституционных ценностей…, реализации принципа социального государства и обеспечения экономической безопасности…» [1, с. 36].

С учетом изложенного обозначим вопросы, требующие, на наш взгляд, конституционно-правового урегулирования в ближайшей перспективе.

Так, название Закона № 94-З не в полной мере соответствует его содержательному наполнению, поскольку помимо противодействия монополистической деятельности он предусматривает и иные меры по защите конкуренции, в том числе запрет на недобросовестную конкуренцию (глава 4 Закона № 94-З), которая не является видом монополистической деятельности. Следовательно, данный закон фактически направлен на защиту конкуренции и это понятие шире понятия «противодействие монополистической деятельности». В то же время указание в названии Закона № 94-З о его направленности на развитие конкуренции не получило раскрытия сути этой целевой установки, не выделены и конкретные меры по развитию конкуренции. Поэтому представляется правильным в ближайшей перспективе разработать и принять специальный Закон Республики Беларусь «О развитии конкуренции» [2, с. 67], а в дальнейшем – после анализа практики его правоприменения в комплексе с анализом правоприменения обновленного Закона № 94-З (с учетом отражения в нем норм о защите конкуренции от угроз цифровизации) обеспечить эффективную систематизацию антимонопольного законодательства в будущем.

Кроме того, считаем необходимым расширить перечень целей Закона № 94-З за счет включения в него цели «обеспечения (защиты) прав потребителей», которая вытекает из конституционных принципов социального государства, государственного регулирования экономической деятельности в интересах человека и общества.

Представляется, что фундаментальное значение для эффективного конституционно-правового обеспечения государственной политики по защите и развитию конкуренции имеет предусмотренный в ст. 21 обновленной Конституции принцип социальной ответственности каждого, внесении посильного вклада в развитие общества и государства.

Закрепление данного принципа обуславливает, как справедливо считает Г. А. Василевич, «учет частных и публичных интересов», «активность и инициативу каждого», а также предопределяет его детализацию в законодательстве [3, с. 107].

В свою очередь, для хозяйствующих субъектов реализация данного принципа, по нашему мнению, предполагает активное участие в социальных программах и создании конкурентной среды, для этого следует придерживаться антимонопольных норм, уважать и соблюдать права конкурентов и потребителей, этические стандарты, использовать честные и

справедливые методы состязательности – повышение качества продукции (работ, услуг), снижение цены, внедрение инноваций, добровольно информировать уполномоченные государственные органы о нарушениях антимонопольного законодательства и недобросовестных практиках со стороны других лиц, повышать уровень своих знаний в сфере конкуренции для формирования позитивной деловой среды. Социальная ответственность государства означает, что оно принимает меры, направленные на баланс интересов производства и потребления, интересов различных групп: хозяйствующих субъектов, потребителей, общества в целом, выступает гарантом справедливых и равных условий для конкуренции. Для этого государство в лице законодателя создает нормативную правовую базу, в лице антимонопольного и других уполномоченных органов контролирует соблюдение антимонопольного законодательства и пресекает его нарушение, защищает нарушенные права. Данный принцип предполагает также объединение усилий государства и хозяйствующих субъектов, их конструктивное взаимодействие, включая совместную разработку стратегий, обмен информацией, консультирование и др. Реализация названного принципа способствует обеспечению не только экономического развития, но и социальной стабильности, защите прав потребителей и созданию условий для инновационного прогресса.

В связи с изложенным предлагается в ст. 5 Закона № 94-З закрепить и раскрыть принципы поддержки и защиты конкуренции [2, с. 66], а также принцип социальной ответственности хозяйствующих субъектов и государства в числе других предусмотренных принципов государственной политики в сфере противодействия монополистической деятельности и развития конкуренции [4, с. 156–157].

Целесообразно также отразить положение о внесении посильного вклада хозяйствующими субъектами в развитие общества и государства в стратегических и программных документах, в том числе в Национальной стратегии устойчивого развития на период до 2040 года, очередной Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026-2030 годы.

В условиях технологического прогресса закономерно возникает вопрос об адаптации законодательства к цифровым рынкам с учетом преимуществ и угроз цифровизации, что предполагает разработку эффективных правовых инструментов для борьбы с цифровыми сговорами на торгах и другими цифровыми антиконкурентными практиками, а также для защиты потребителей. Конституционным Судом обращено внимание на необходимость своевременного законодательного регулирования реализации прав нового поколения, цифровых правоотношений (решение от 11 марта 2021 г. № Р-1256/2021 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь»). Подчеркнуто, что внедрение цифровых технологий требует комплексных изменений правового регулирования, а процессы цифровой трансформации общественных отношений должны сопровождаться закреплением эффективных правовых гарантий соблюдения прав и свобод

человека в процессе разработки и использования технологий искусственного интеллекта (решение от 12 марта 2025 г. № ПР-5/2025 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь»).

Таким образом, для повышения уровня конституционно-правового обеспечения государственной политики по защите и развитию конкуренции, и тем самым уровня правового обеспечения экономической безопасности, необходима в ближайшей перспективе модернизация антимонопольных правовых инструментов, в том числе с учетом преимуществ и угроз цифровизации, а также дальнейшая конституционализация конкурентных отношений и комплексное совершенствование антимонопольного законодательства для его возможной кодификации (систематизации) в будущем.

Список использованных источников:

1. Сухоруков А.С. Особенности реализации государственной конкурентной политики в Российской Федерации в призме формирования конституционных ценностей // Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации / Н. С. Бондарь, В. И. Крусс, Г. Н. Чеботарев [и др.] ; под ред. Г. Н. Чеботарева ; Тюмен. гос. университет, Ин-т гос-ва и права. – Тюмень, 2024. – С. 185–202.

2. Трипузова А.А. Конституционно-правовой механизм противодействия монополистической деятельности и развития конкуренции в контексте обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь // Развитие регулятивных и охранительных правовых механизмов в экономической сфере : [монография] / Н. С. Минько, Е. Н. Гладкая, Н. Л. Бондаренко [и др.] ; под общ. ред. Н. С. Минько, Е. Н. Гладкой ; НАН Беларуси, Ин-т экономики. – Минск, 2024. – Гл. 1.4. – С. 44–67.

3. Василевич Г.А. О развитии конституционных принципов и норм в контексте конституционных изменений // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2023. – Вып. 18. – С. 102–110.

4. Трипузова А.А. О конституционном принципе социальной ответственности в контексте государственной политики в сфере противодействия монополистической деятельности и развития конкуренции // Правовая политика, наука, практика – 2024 : сб. материалов Респ. науч.-практ. конф. (г. Минск, 10 окт. 2024 г.) / Нац. центр законодательства и правовой информации Респ. Беларусь ; редкол.: Е. В. Семашко [и др.]. – Минск, 2024. – С. 154–157.

УДК 338.2-049.5:34(476)

СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ И МЕХАНИЗМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ю. В. Кочурко
начальник управления научно-организационной и правовой работы аппарата Национальной академии наук Беларуси, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются современные экономические угрозы, их структура, а также механизмы правового обеспечения экономической безопасности. Автором на основе проведенного анализа нормативных правовых актов Республики Беларусь и научной литературы раскрыты виды современных экономических угроз, их содержание, определена сущность правовых индикаторов и механизмов правового обеспечения экономической безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность; экономическая безопасность; механизмы правового обеспечения экономической безопасности; принципы формирования экономической безопасности; экономические угрозы.

Обеспечение экономической безопасности государства в последние десятилетия весьма актуально в связи с ускоренными процессами глобализации мировых экономических отношений и интеграции многих государств в различных сферах деятельности. Экономическая безопасность страны отражает способность соответствующих политических, правовых и экономических институтов государства защищать интересы своих субъектов в рамках национальных хозяйственных традиций и ценностей. Как показывает мировой опыт, обеспечение экономической безопасности – это гарантия независимости страны, условие стабильности и эффективности жизнедеятельности общества, достижения успеха. Поэтому обеспечение экономической безопасности принадлежит к числу важнейших национальных приоритетов.

В различные исторические эпохи выдающиеся мыслители обращали внимание на защищенность как важнейшую жизненную потребность человека, общества и государства. Так, Аристотель считал главным в управлении общественными делами обеспечение безопасности граждан. Б. Спиноза определял цель гражданского состояния общества через мир и безопасность жизни социума [1, с. 7].

В современном мире одной из ключевых задач обеспечения экономической безопасности выступает задача прогнозирования угроз и

вызовов. Угрозы экономической безопасности государства возникли одновременно с возникновением экономических отношений. Однако, только на современном этапе развития общества и государства с учетом всеобщей глобализации и взаимопроникновения различных экономических систем различных стран, проблема угроз экономической безопасности приобрела особую актуальность.

Реальные и потенциальные угрозы объектам безопасности, вытекающие из внутренних и внешних опасностей для жизненно важных интересов общества, государства и человеческой личности, предопределяют содержание и характер деятельности, нацеленной на обеспечение внутренней и внешней безопасности. Одна из приоритетных задач процесса обеспечения экономической безопасности состоит в противодействии распространении угроз любого характера, как и существующих, так и прогнозируемо-потенциальных. Выявление возможных угроз экономической безопасности и выработка мер по предотвращению или минимизации негативных последствий имеют первостепенное значение в системе обеспечения экономической безопасности.

Система обеспечения экономической безопасности включает в себя, во-первых, совокупность субъектов обеспечения безопасности, то есть имеет определенную структуру органов (организаций); во-вторых, систему государственных (межгосударственных, общественных или индивидуальных) мер различного характера, направленных на защиту жизненно важных интересов; в-третьих, деятельность субъектов по реализации этих мер [2, с. 74–75]. Правовой режим обеспечения экономической безопасности государства – особый порядок правового регулирования, а также организации и функционирования государственных органов, который направлен на противодействие угрозам экономической безопасности, оперативную ликвидацию последствий их проявления, в том числе путем предупреждения противоправных посягательств на экономическую безопасность [3, с. 64].

Обеспечение национальной безопасности осуществляется по направлениям, выделяемым в соответствии с основными сферами жизнедеятельности личности, общества и государства. Эффективность обеспечения национальной безопасности достигается способностью системы обеспечения национальной безопасности к своевременному выявлению изменений во внутренней и внешней обстановке, формирующих вызовы и угрозы национальной безопасности, своевременному предотвращению либо минимизации последствий кризисных ситуаций в сочетании с целенаправленной деятельностью по защите и реализации национальных интересов.

Принципами обеспечения национальной безопасности являются: законность, соблюдение конституционных прав и свобод человека; гуманизм и социальная справедливость; гласность; соблюдение баланса

интересов личности, общества и государства, их взаимная ответственность; комплексный подход к решению задач обеспечения национальной безопасности; единство и взаимосвязь видов и направлений обеспечения национальной безопасности; участие в системах международной и региональной коллективной безопасности; разграничение сфер ответственности и полномочий государственных органов в решении задач обеспечения национальной безопасности; оперативность, своевременность, превентивность и соразмерность мер по нейтрализации источников внутренних угроз и защите от внешних угроз.

Основополагающая роль в обеспечении национальной безопасности принадлежит экономической безопасности, которая характеризует состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз [4, с. 245]. Концепция безопасности имеет две стороны: безопасность в объективном смысле измеряет отсутствие угроз приобретенным ценностям, а в субъективном – отсутствие страха, что такие ценности будут подвергнуты нападению [5, с. 17].

Угроза экономической безопасности страны – возможность нанесения ущерба народному хозяйству в целом и его отраслям в частности, финансово-кредитной системе государства, возможность нарушения социально-экономической стабильности общества и экономического положения человека. Угрозы экономической безопасности берут свое начало из противоречий экономических интересов различных субъектов, которые взаимодействуют как внутри, так и вне социально-экономической системы.

Определение угроз, изучение их динамики и ранжирование являются необходимым условием для обеспечения экономической безопасности социально-экономических систем.

Угрозы классифицируются по следующим критериям:

по уровню (масштабу возможных негативных последствий): международные (глобальные и региональные по регионам мира); национальные; локальные (по регионам страны); частные (предприятия, личность);

по степени вероятности: реальные и потенциальные;

по расположению источника опасности: внешние и внутренние;

по временному фактору: долговременные; текущие; возникающие неожиданно;

по степени субъективного восприятия: завышенные; заниженные; минимальные; адекватные.

Структура угрозы определяется: затрагиваемыми национальными интересами страны, что отражает ее значимость; обстоятельствами (собственной уязвимостью – степени защищенности от данной угрозы), что определяет потенциальный ущерб при реализации угрозы; местом и временем проявления негативных факторов и условий; возможностями,

намерениями и волей субъекта угрозы (потенциального противника или конкурента).

Механизм обеспечения экономической безопасности страны – это система организационно-экономических и правовых мер по предотвращению экономических угроз.

Принципы формирования механизмов правового обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь: законность, соблюдение конституционных прав и свобод человека; гуманизм и социальная справедливость; гласность; соблюдение баланса интересов личности, общества и государства, их взаимная ответственность; разграничение сфер ответственности и полномочий государственных органов в решении задач обеспечения национальной безопасности.

К механизмам правового обеспечения экономической безопасности можно отнести юридическое прогнозирование, правовой мониторинг, подготовку и экспертизу нормативных правовых актов в данной сфере.

Прогнозирование в сфере обеспечения экономической безопасности государства направлено на научное познание будущего состояния экономической безопасности, условий и факторов, влияющих на его изменение. Соответственно прогноз как его результат представляет собой научно обоснованное, вероятностное суждение о тенденциях развития угроз экономической безопасности, их детерминантах и последствиях, включающее качественную и количественную оценки предполагаемых изменений состояния всех объектов и субъектов, с выработкой мер по предупреждению угроз.

Юридическое прогнозирование в сфере обеспечения экономической безопасности государства заключается в определении качественных и количественных параметров риска возникновения критической ситуации в экономике с позиции права на основе имеющихся представлений об опасностях и правовых характеристик типичных угроз.

В обоснование необходимости принятия (издания) нормативного правового акта должна быть включена информация о всестороннем и объективном прогнозе предполагаемых последствий его принятия (издания). Особенностью юридического прогнозирования является то, что выбор и применение избранных правил поведения должны быть эффективными, т.е. экономически обоснованными.

Проведение правового мониторинга в сфере обеспечения экономической безопасности обусловлено потребностью совершенствования организации работ в области своевременного выявления и предупреждения угроз путем осуществляемого непрерывно или с заданной периодичностью анализа нормативных правовых актов (их качества, эффективности) в целях контроля над состоянием защищенности критически важных объектов обеспечения экономической безопасности от угроз в виде выявления пробелов, неточностей, ошибок в законодательстве, создающих эти угрозы.

Основная цель мониторинга – оценка эффективности правового регулирования обеспечения экономической безопасности государства и совершенствование (систематизация) законодательства в рассматриваемой сфере. Основные задачи мониторинга – предоставление субъекту обеспечения экономической безопасности объективной информации о тенденциях и потребностях правового регулирования отношений в рассматриваемой сфере; выявление противоречий, коллизий, дублирования в правовом регулировании, определение эффективности действия правовых норм; обобщение и анализ зарубежного опыта в сфере правового обеспечения экономической безопасности с последующей разработкой предложений по его использованию в законодательстве Республики Беларусь; отслеживание практики реализации нормативного правового акта в ходе обеспечения экономической безопасности.

При подготовке нормативных правовых актов в сфере обеспечения экономической безопасности должна идентифицироваться угроза, негативно отражающаяся на состоянии экономической безопасности, определяться концептуальные варианты решения выявленной проблемы (сохранение действующего нормативного правого акта, внесение в него изменений, признания его утратившим силу, подготовка нового нормативного правого акта).

Проект нормативного правового акта должен пройти комплексную экспертизу: лингвистическую, призванную определить четкость формулировок, исключающую неоднозначное лингвистическое толкование текста правовой нормы; логико-правовую, направленную на проверку внутренней непротиворечивости содержания оцениваемой правовой нормы (нормативного правового акта), отсутствия пробелов в правовом регулировании, согласованности положений нормы с другими нормами существующей системы права; правовую, направленную на проверку на предмет соответствия норм нормативного правового акта положениям Конституции, международным нормам, а также соответствия данных актов правилам юридической техники; экономическую, криминологическую и иные виды экспертиз, определенные законодательством.

При экспертной оценке проекта нормативного правового акта проверяются – полнота перечня возможных угрожающих ситуаций и причин их возникновения; оценка вероятности возникновения угрожающих ситуаций; общий эффект негативного воздействия экономически небезопасных условий и факторов; специфика угрожающих воздействий; характеристика вреда населению, окружающей среде и объектам производственной и социальной инфраструктуры в результате реализации угроз; сравнительная оценка снижения вероятности возникновения угрожающих ситуаций при предусмотренных проектом мерах по их предупреждению; оценка развития угрожающих ситуаций при вводе в действие предусмотренных проектом мер по их локализации по

сравнению с развитием и масштабами угроз экономической безопасности государства при их отсутствии.

В заключении проведенного исследования современных экономических угроз и механизмов правового обеспечения экономической безопасности можно сделать следующие выводы.

Право выступает инструментом правовой регламентации общественных отношений, в рамках которой определяются правовые параметры взаимодействия, и посредством реализации права осуществляется управление и координируется деятельность субъектов, воздействующих на те или иные экономические объекты и процессы, устанавливается контроль за названными отношениями. Право способно оказывать высокоэффективное воздействие на сознание и поведение людей. Оно содержит в себе информацию о должном и дозволенном, о запрещенном и социально полезном поведении. Право также несет в себе не только правовую информацию, но и знание о самых разнообразных сторонах жизни общества.

К правовым индикаторам экономической безопасности целесообразно относить степень полноты правого регулирования данной сферы правоотношений, наличие нормативных правовых актов, регламентирующих обеспечение экономической безопасности. При подготовке нормативных правовых актов в сфере обеспечения экономической безопасности должна идентифицироваться угроза, негативно отражающаяся на состоянии экономической безопасности, определяться концептуальные варианты решения выявленной проблемы (сохранение действующего нормативного правого акта, внесение в него изменений, признания его утратившим силу, подготовка нового нормативного правого акта).

Экономическую безопасность государства можно определить, как процесс поддержания и развития экономики, направленный на обеспечение экономического роста при укреплении суверенитета, а также сохранение устойчивости к внешним и внутренним угрозам при повышении условий и качества жизни населения.

Угрозы экономической безопасности возникают из противоречий экономических интересов различных субъектов, которые взаимодействуют в социально-экономической системе. Виды современных экономических угроз целесообразно определять: по уровню – международные, национальные, локальные; по степени вероятности – реальные и потенциальные; по расположению источника опасности – внешние и внутренние; по временному фактору – долговременные, текущие, возникающие неожиданно; по степени субъективного восприятия – завышенные, заниженные, минимальные, адекватные.

Механизмы правового обеспечения экономической безопасности направлены на создание правовых основ хозяйственной деятельности, не допускающих неоднозначной трактовки и криминализации экономических

отношений, устранение условий и предпосылок роста экономических преступлений.

Список использованных источников:

1. Вишневский А.А. Концепция и формирование административно-правового механизма обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь. – Минск: Акад. М-ва внутр. Дел Респ. Беларусь, 2014. – 235 с.

2. Мясникович М.В. Национальная безопасность Республики Беларусь: современное состояние и перспективы / Ин-т нац. безопасности Беларуси, НАН Беларуси, Ин-т экономики. – Минск: Право и экономика, 2003. – 562 с.

3. Денисевич А.В. Теоретико-прикладные основы правового регулирования обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь: монография. – Минск: Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 2014. – 216 с.

4. Национальная экономика Беларуси: Потенциалы. Хозяйственные комплексы. Направления развития. Механизмы управления: учеб. пособие / В.Н. Шимов, Я.М. Александрович [и др.]; под общ. ред. В.Н. Шимова. – Минск: БГЭУ. – 2005. – 844 с.

5. Макарейко Н.В. Механизм правового обеспечения экономической безопасности // Вестнк Нижегородской академии МВД России. – 2008. – № 1 (8). – С. 15–20.

УДК 349.6

К ВОПРОСУ О СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

М. П. Курилович
заведующий сектором эколого-правовых исследований
центра государственного строительства и права
Института экономики НАН Беларуси,
кандидат юридических наук

Аннотация. В статье анализируется правовое регулирования экологических отношений в контексте ведущейся работы по развитию законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов и планируемой его систематизации путем кодификации, для чего проведен ретроспективный анализ позиции законодателя по данном вопросу, изучены содержащиеся в доктрине экологического права мнения ученых, сформулированы предложения, направленные на совершенствование исследуемой группы общественных отношений.

Ключевые слова: охрана окружающей среды; национальная безопасность; экологическое законодательство; систематизация законодательства.

Вопрос систематизации законодательства Республики Беларусь об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов неоднократно обсуждался в доктрине экологического права, в частности национальной [1–4], где были обозначены основные недостатки в правовом регулировании экологических отношений, в т. ч. проблема соотношения базового природоохранного акта с кодифицированными природоресурсными актами, возникшая после принятия Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», установившего большую юридическую силу кодекса по отношению к закону (ст. 2); а также предложены основные подходы к решению существующих противоречий. Однако вопрос корреляции норм Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» (далее – Закон «Об охране окружающей среды») с природоресурсными кодексами не утратил свою актуальность. Отметим, что термин «экологическое законодательство» используется в доктрине в качестве синонима закрепленной в Едином правовом классификаторе Республики Беларусь, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 4 января 1999 г. № 1 (ред. от 31.03.2025) отрасли «законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов».

В условиях волны совершенствования экологического законодательства Республики Беларусь, которая выражается в принятии Закона Республики Беларусь от 17 июля 2023 г. № 294-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» (в рамках Плана подготовки проектов законодательных актов на 2022, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2021 г. № 508), а также Законов об изменении некоторых иных законов в названной сфере (в соответствии с Планом подготовки проектов законодательных актов на 2023 год, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2022 г. № 467), и, безусловно, планируемой систематизации экологического законодательства: разрабатываемой концепции проекта Экологического кодекса Республики Беларусь (разработана в соответствии с Планом подготовки проектов законодательных актов на 2024 год, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2023 г. № 380) и самого проекта Экологического кодекса Республики Беларусь (разрабатывается согласно Плану подготовки проектов законодательных актов на 2025 год, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2024 г. № 477), кроме того, наметившейся экологизации национальной экономики, актуальность приобретают вопросы совершенствования правового регулирования экологических отношений и подготовки соответствующих рекомендаций, учет которых позволит осуществить кодификацию с наибольшей полезностью. В связи с чем, отметим, что принятие вышеназванных документов позволило выделить среди основных направлений развития следующие: попытка отразить приверженность развитию «зеленой» экономики в нормативных правовых актах и отсутствие учета экологического фактора при осуществлении хозяйственной деятельности; расширение экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования; отнесение к элементам экономического механизма инструментов, которые в доктрине принято относить к эколого-правовой ответственности; исключение фондов охраны природы из числа элементов экономического механизма охраны окружающей среды и, соответственно, инструментов финансирования природоохранных мероприятий [5].

Говоря о систематизации экологического законодательства важно отметить, что данная попытка не является первой. Так, в 2005 году была разработана Концепция проекта Экологического кодекса Республики Беларусь, утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 16 декабря 2005 г. № 1460. Однако на тот момент дальше концепции проекта дело не пошло, Экологический кодекс не был принят в связи с существующими на тот момент нюансами, активно обсуждаемыми в доктрине экологического права [2]. Исходя из действующего в то время Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» наиболее соответствующим подходом к упорядочению экологического законодательства виделось придание Закону «Об охране окружающей среды» статуса программного закона, принимаемого

в установленном Конституцией Республики Беларусь порядке по вопросам внешней и внутренней политики, а также военной доктрины. При этом Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205 устанавливала, что отрасли, кодификация которых затруднена либо преждевременна, должны основываться на комплексе консолидированных законов.

С принятием Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» систематизация нормативных правовых актов стала возможна путем как кодификации, так и консолидации, инкорпорации (ст. 72), что позволило ученым говорить о возможности решения вопроса о соотношении принятых в экологической сфере нормативных правовых актов друг с другом с помощью такого вида систематизации как консолидация, предполагающей «объединение нормативных правовых актов без изменения установленного ими правового регулирования общественных отношений путем объединения нормативных правовых актов в комплексный акт в определенной логической последовательности» [4; 6]. Консолидированный закон, как правило, определяет основные институты конкретной отрасли законодательства, а также нормативные правовые акты, которые необходимо принять [2, с. 10]. Все же сформулированное законодателем определение понятия «консолидация», данное в названном Законе не дает четкого понимания, что должен представлять собой «комплексный акт» и не позволяет в полной мере использовать данный способ для систематизации экологического законодательства.

Таким образом, на сегодняшний день законодатель снова избрал путь систематизации законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов путем кодификации. Такой подход в целом учеными расценивается достаточно позитивно [7; 8]. Однако в доктрине экологического права обоснована и позиция о необходимости использования консолидации в качестве способа систематизации экологического законодательства [3; 4]. Так, в связи с комплексным характером эколого-правового регулирования Т. И. Макарова справедливо отмечает, что принятие Экологического кодекса взамен Закона «Об охране окружающей среды» породит два важных вопроса: о возможности и целесообразности включения в кодекс норм, фактически регулирующих экологические отношения (норм земельного, водного, лесного, горного законодательства) при недопущении дублирования норм и учете необходимости обеспечения не только использования природных ресурсов, но и их охраны; и о соотношении положений Экологического кодекса с нормами, которые, регулируют отношения в области окружающей среды в силу их комплексного характера [3]. Таким образом, кодификация хоть и решает проблему соотношения базового природоохранного акта, действующего в статусе Закона Республики Беларусь и природоресурсных кодексов

(системообразующих нормативных правовых актов, закрепляющих принципы и нормы правового регулирования наиболее важных общественных отношений и обеспечивающим наиболее полное правовое регулирование определенной сферы общественных отношений (ст. 14 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах»)), но порождает и новые вопросы.

Определение места Закона «Об охране окружающей среды» в рамках экологического законодательства в настоящий момент затруднительно по причине установления иерархии его источников на законодательном уровне. Способы преодоления этого системного противоречия в современной науке обоснованы в виде предложения по кодификации законодательства путем принятия Экологического кодекса или же придания Закону «Об охране окружающей среды» статуса, соответствующего его значимости, через систематизацию путем консолидации [3, с. 213]. Сказанное, позволяет заключить, что систематизация законодательства Республики Беларусь об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов в виде кодификации видится положительным и закономерно вызревающим явлением, вместе с тем требует учета некоторых факторов:

- полная кодификация исследуемого законодательства с включением в кодекс в том числе норм об использовании природных ресурсов, предполагает выделение в нем Особенной части и при неправильном подходе может значительно усложнить как восприятие, так и использование норм. В то же время кодификация лишь природоохранной части данного законодательства требует установления соотношения норм Экологического кодекса с природоресурсными кодексами, например, необходимо предусмотреть наличие отсылочных норм к законодательству об охране и использовании природных ресурсов;

- при принятии Экологического кодекса Республики Беларусь становится возможным говорить об «экологических отношениях», вбирающих в себя как охрану, так и использование, и соответственно «экологическом законодательстве» (например, Экологический Кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 г. № 400-VI ЗРК используется понятие «экологические отношения» для характеристики общественных отношений в сфере взаимодействия человека и природы, возникающих в связи с осуществлением физическими и юридическими лицами деятельности, оказывающей или способной оказать воздействие на окружающую среду (ст. 1)).

При формировании соответствующих разделов кодифицированного правового акта могут быть учтены и следующие отдельные предложения по совершенствованию правового регулирования экологических отношений:

необходимость структурного изложения элементов эколого-правового сопровождения хозяйственной и иной деятельности, обоснованного в научной литературе [9, с. 86] с учетом этапов их применения при реализации проектов, в целях обеспечения эффективности организации хозяйственной и иной деятельности в Республики Беларусь при непрерывном учете экологического

фактора, при их делении на: предпроектные природоохранные мероприятия, к которым можно отнести оценку воздействия на окружающую среду, стратегическую экологическую оценку; мероприятия, реализуемые на этапе планирования проектной деятельности, а именно: государственная экологическая экспертиза; общественная экологическая экспертиза; лицензирование деятельности, оказывающей воздействие на окружающую среду; нормирование в области охраны окружающей среды; мероприятия, осуществляемые на этапе осуществления хозяйственной деятельности, т. е. послепроектные – мероприятия по рациональному (устойчивому) использованию природных ресурсов и охране окружающей среды, платежи за природопользование, экологическая сертификация, экологический аудит, учет в области охраны окружающей среды, экологическое страхование; экологический контроль (в т. ч. разработка экологического паспорта предприятия); мероприятия, осуществляемые на этапе завершения хозяйственной деятельности: возмещение вреда, причиненного окружающей среде; компенсационные выплаты стоимости удаляемых объектов растительного мира, компенсационные выплаты за вредное воздействие на объекты животного мира и (или) среду их обитания; возмещение потерь сельскохозяйственного и лесохозяйственного производства;

выделение норм о развитии «зеленой» экономики в Республике Беларусь в самостоятельной главе кодекса с большим вниманием механизмам развития такой экономики;

при включении норм об использовании природных ресурсов и выделении в Экологическом кодексе Особенной части, в нее могут войти и нормы об оценке экосистемных услуг, поскольку отнесение данного механизма к элементам экономического механизма охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов спорно. Неоднозначно и отнесение к нему мер экономического стимулирования, таких как: компенсационные выплаты стоимости удаляемых объектов растительного мира, компенсационные выплаты за вредное воздействие на объекты животного мира и (или) среду их обитания; возмещение потерь сельскохозяйственного и лесохозяйственного производства. Более логично их размещение в разделе «Ответственность за нарушение законодательства об охране окружающей среды. Возмещение вреда. Разрешение споров» поскольку данные отношения для разных субъектов могут возникать на разных этапах осуществления хозяйственной и иной деятельности в зависимости от этапа возникновения убытков (в процессе ее осуществления, при ее завершении);

отдельную статью главы 3 кодекса следует посвятить публично-частному партнерству в сфере экологических отношений, где следует закрепить его понятие и субъектный состав, установить специфику осуществления партнерства в исследуемой сфере, что позволит существенно повысить вовлеченность субъектов экономической деятельности и заинтересованной общественности в дело охраны окружающей среды [10].

Список использованных источников:

1. Боголюбов С.А. Стратегия и тактика законотворчества при реализации современной экологической политики России // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 155–163.

2. Макарова Т.И. Систематизация экологического законодательства Республики Беларусь: проблемы и перспективы // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В.Н.Бибило (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2003. – Вып. 14. – С. 161–171.

3. Макарова Т.И. Теоретико-методологические проблемы систематизации экологического законодательства // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 161, кн. 1. – С. 206–218.

4. Макарова Т.И., Кузьмич И.П., Лизгаро В.Е., Шахрай И.С. Новый Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» и его влияние на систематизацию экологического, природоресурсного и аграрного законодательства // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 10(178) – С. 57–65.

5. Курилович М.П. О тенденциях в экологическом законодательстве в контексте принятия новой редакции закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» // Теоретические и практические проблемы правового регулирования национальной экономики : материалы междунар. круглого стола, Минск, Беларусь, 13 ноября 2024 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. хозяйственного права ; [под ред.: Н. Л. Бондаренко (гл. ред.), А. В. Гавриленко, Т. М. Халецкой]. – Минск : БГУ, 2025. – С. 136–141.

6. Макарова Т.И., Кузьмич И.П., Лизгаро В.Е., Шахрай И.С. Проблемы систематизации комплексных отраслей законодательства в свете принятия нового Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» // Pravo.by. – 2019. – № 3(59). – С. 76–84.

7. Голиченков А.К. Основные подходы к разработке концепции проекта Экологического кодекса РФ // Право и политика. – 2000. – № 10. – С. 123–131.

8. Дубовик О.Л. Экологическое право. – М.: Проспект, 2003. – 584 с.

9. Мороз О.В. Правовые аспекты участия общественности в экологическом сопровождении хозяйственной и иной деятельности // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2022. – № 4 (78). – С. 65–72.

10. Курилович М.П. Публично-частное партнерство как организационно-правовой инструмент обеспечения экологической безопасности // Актуальные проблемы гражданского права: сб. науч. тр. / гл. ред. Н. Л. Бондаренко. – Минск : Междунар. Ун-т «МИТСО». – 2024. – № 1. – С. 33–49.

ДОКЛАДЫ
УЧАСТНИКОВ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

УДК 343.2/342.9

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ К СУБЪЕКТАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Б. В. Асаёнок
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В данной статье излагается авторский подход к вопросу правового регулирования института освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности. Предлагаемый взгляд может способствовать оптимизации государственно-правового воздействия на нарушителей законодательства в сфере экономической деятельности с соблюдением их процессуальных гарантий в контексте применения норм административно-деликтного законодательства и процессуально-исполнительного законодательства об административных правонарушениях.

Ключевые слова: уголовная ответственность; административная ответственность; освобождение от уголовной ответственности; реализация административной ответственности.

Вопросы соразмерности государственного принуждения в отношении лица, совершившего преступление, и стимулирования его к законопослушному поведению, уже достаточно долгое время привлекают внимание теории и практики правоохранительной деятельности. Баланс между карательным воздействием уголовного наказания и возможностью его смягчения посредством позитивного посткриминального поведения виновного лица находил и находит в настоящее время определенное отражение в нормах уголовного законодательства Республики Беларусь и зарубежных стран.

В этом контексте следует обратить внимание на ст. 86 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь, которая предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности с применением ответственности административной. Согласно ч. 1 данной статьи «лицо, впервые совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление и возместившее

ущерб, либо уплатившее доход, полученный преступным путем, либо иным образом загладившее нанесенный преступлением вред, может быть освобождено от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности, если будет признано, что для его исправления достаточно применения мер административного взыскания».

Детализация порядка применения освобождения от уголовной ответственности в порядке ст. 86 УК Республики Беларусь содержится в постановлении пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 12 марта 2012 г. № 1 (в ред. от 30.06.2022 № 4) «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности». В частности, п. 3 данного правового акта разъясняет, что при освобождении от уголовной ответственности к виновному лицу применяется лишь один из указанных видов административных взысканий, а также, что при наложении административного взыскания следует учитывать положения Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, предусматривающие ограничения в применении конкретны видов административных взысканий.

Этот институт уголовного законодательства появился еще в советский период и до недавнего времени был характерен и для уголовного законодательства Российской Федерации. Так, А. Н. Ильина, рассматривая истоки действующего в российском уголовном законодательстве института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа обращает внимание на то, что решение задачи государственного принуждения за совершение преступления с минимизацией уголовно-правовых санкций ранее выполняли нормы ст. 50^1 Уголовного кодекса РСФСР «Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности». В настоящее время эту функцию выполняет судебный штраф, который «… представляет собой один из немногих видов условного освобождения от уголовной ответственности». Вместе с тем, данный автор отказывает в преемственности этим двум уголовно-правовым институтам [1, с. 173–174].

Имеющиеся в отечественной и зарубежной доктрине подходы к данному виду освобождения от уголовной ответственности нами были уже изложены в иной публикации [2], в силу чего подробно на них здесь мы останавливаться не будем. Вместе с тем, оговоримся, что эта проблематика в последние десятилетия не привлекала широкого научного внимания

Несмотря на имеющиеся подходы в законодательном регулировании и судебной практике зарубежных стран считаем правильным закрепление в уголовном законодательстве Республики Беларусь именно привлечение к административной ответственности при освобождении от ответственности уголовной в контексте ст. 86 УК Республики Беларусь. Эта позиция основывается на сложившихся подходах судебной практики.

Так, судебная практика этот вид освобождения от уголовной ответственности достаточно часто применяется и превалирует над некоторыми иными видами освобождения от уголовной ответственности:

число лиц, дела которых прекращены судом:

с применением мер административного взыскания – 446 (2021 г.); 508 (2022 г.); 357 (2023 г.); 185 (1 полугодие 2024 г.);

в связи с примирением с потерпевшим – 355 (2021 г.); 393 (2022 г.); 237 (2023 г.); 96 (1 полугодие 2024 г.) [3].

Кроме того, А. В. Мотин, основываясь на исследованиях ВНИИ МВД СССР 70-х гг. прошлого века отмечает, что уровень рецидива освобожденных от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности был ниже, чем в других контрольных группах [4, с. 287].

Мы в достаточной степени поддерживаем мнение Н. С. Луценко в том, что освобождение от уголовной ответственности с применением к административной ответственности «… имеет огромное социальное значение, выражающееся в неприменении к виновному лицу уголовных карательных мер, побуждению его к возмещению ущерба и заглаживанию вреда, его исправлении без применения института судимости и, соответственно, улучшению качественной характеристики населения посредством уменьшения числа судимых граждан» [5, 62]. Эта позиция не менее важная и для субъектов экономической деятельности, поскольку позволяет обеспечить баланс между экономическими интересами общества, государства и конкретного субъекта, допустившего совершение противоправного деяния.

Вместе с тем, как видится, действующее правовое регулирование применения административной ответственности за совершение преступления нуждается в определенных уточнениях теоретического и прикладного характера.

В первую речь идет о наличии нормативно-правового основания применения административной ответственности за преступление. Как представляется, сам факт возможности такого способа применения норм уголовного законодательства без координации из с нормами административно-деликтного законодательства, предусмотренного Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) недостаточен.

Суть проблемы в том, что ч. 1 ст. 11 УК Республики Беларусь признаком преступления определена уголовная наказуемость. Нигде, кроме как в ст. 86 УК Республики Беларусь не предусмотрена нормативно-правовая возможность применения административной ответственности за совершение преступления. Нормативно такое применение осуществляется при освобождении от уголовной ответственности. Но такое освобождение, вместе с тем, не разрешает правового противоречия, которое состоит в том, что за совершение преступления применяется административная

ответственность. При этом ч. 1 ст. 1 УК определяет, что данный правовой акт «устанавливает наказания и иные меры уголовной ответственности, которые могут быть применены к лицам, совершившим преступления, а также принудительные меры безопасности и лечения в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния», и не указывает в предмете регулирования данного правового акта применения мер административной ответственности.

Однако КоАП в ч. 1 ст. 1.1 в предмете правового регулирования указывает основания и условия административной ответственности, а в ч. 2 постулирует, что «нормы других законодательных актов, предусматривающие административную ответственность, являются составной частью законодательства об административных правонарушениях, подлежат применению с учетом положений настоящего Кодекса и включению в него». Кроме того, ч. 1 ст. 4.1 КоАП гласит, что «административная ответственность выражается в порицании лица, совершившего административное правонарушение, и наложении административного взыскания на физическое лицо, совершившее административное правонарушение». Таким образом, единственным основанием возникновения административной ответственности указывается именно совершение административного правонарушения, а не преступления.

Указание в ч. 2 ст. 86 УК Республики Беларусь на вид и размер административных взысканий, применяемых при освобождении от уголовной ответственности в порядке данной статьи, еще более усложняет ситуацию, поскольку вид и размер конкретного административного взыскания, применяемого при привлечении лица к административной ответственности определяется в статье Особенной части КоАП с учетом положений гл. 6 данного нормативного правового акта. Представляется, что ч. 2 ст. 86 УК Республики Беларусь, имеет с точки зрения юридической техники бланкетный характер, поскольку эта норма не могла бы существовать без указания вида и размера административного взыскания в гл. 6 КоАП. Для обеспечения согласованности норм УК Республики Беларусь и КоАП в контексте юридической техники видится необходимым, исключив соответствующие положения ч. 2 ст. 86 УК Республики Беларусь, дополнить статьи 6.4, 6.6 и 6.7 КоАП, соответственно, частью, где бы указывался размер административного взыскания, применяемого в порядке освобождения от уголовной ответственности.

Еще раз оговоримся, что сам факт возможности освобождения от уголовной ответственности с применением административной ответственности мы считаем позитивным юридическим явлением. Но, по нашему мнению, такое привлечение должно быть более согласовано по предмету регулирования соответствующих правовых актов. В дополнение к изложенным предложениям, это может быть разрешено следующим

образом:

1) часть 1 ст. 86 УК представляется уместным дополнить предложением: «порядок применения административной ответственности при освобождении от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным данной статье, регламентируется Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях», исключив из содержания ст. 86 УК часть 2;

2) часть 1 ст. 4.1 КоАП изложить в следующей редакции:

«Административная ответственность выражается в порицании лица, совершившего административное правонарушение, и наложении административного взыскания на физическое лицо, совершившее административное правонарушение либо преступление в случаях, предусмотренных законодательными актами, юридическое лицо, подлежащее административной ответственности»;

3) ст. 6.1 КоАП дополнить следующей частью:

«В случае, когда физическое лицо освобождается от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности в порядке ст. 86 Уголовного кодекса Республики Беларусь, размер штрафа составляет от пяти до тридцати базовых величин»;

4) ст. 6.6 КоАП дополнить следующей частью:

«В случае, когда физическое лицо освобождается от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности в порядке ст. 86 Уголовного кодекса Республики Беларусь, административный арест устанавливается на срок до пятнадцати суток»;

5) ст. 6.7 КоАП дополнить следующей частью:

«В случае, когда физическое лицо освобождается от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности в порядке ст. 86 Уголовного кодекса Республики Беларусь, лишение права заниматься определенной деятельностью устанавливается на срок от трех месяцев до трех лет».

Ускоренный порядок ведения административного процесса нам представляется наиболее приемлемой процедурой привлечения к административной ответственности при освобождении от уголовной ответственности. И к этому есть ряд предпосылок.

Прежде всего, нет необходимости существенно дополнять нормы ПИКоАП применительно к предлагаемому нами виду ускоренного порядка ведения административного процесса. Полученные в ходе производства по уголовному делу доказательства могут быть признаны допустимыми в качестве доказательств в административном процессе в порядке ст. 6.11 ПИКоАП как иные документы и другие носители информации. Таким образом, не необходимости в дополнительном собирании доказательств и проведении процессуальных действий.

Основанием для предлагаемого вида ускоренного порядка ведения административного процесса должно быть дополнение ч. 1 ст. 10.1

ПИкоАП пункта:

«освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности».

В развитие этой нормы считаем необходимым также дополнить гл. 10 ПИКоАП отдельной статьей, регламентирующей порядок вынесения постановления о наложении административного взыскания, следующего содержания:

«В случае, когда физическое лицо освобождается судом от уголовной ответственности в порядке ч. 1 ст. 86 Уголовного кодекса Республики Беларусь в судебном заседании выносится постановление о наложении административного взыскания в виде отдельного процессуального документа».

Список использованных источников:

1. Ильина А.Н. К вопросу о наличии в советском уголовном праве предпосылок возникновения основания освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. мат-лов V Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 03 нояб. 2017 г. / Отв. ред. Е.Н. Рахманова. – Спб.: ИД «Петрополис». – 2018. – С. 172–176.

2. Асаёнок Б.В. Теоретико-прикладные аспекты освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности // Экономика, право и проблемы управления: сборник научных трудов. – Минск: УП «ИВЦ Минфина», 2025. – Вып. 13. – С. 86–90.

3. Мотин А.В. Межотраслевая дифференциация видов посягательств на личность // Бизнес. Образование. Право. – 2020. – № 4 (53). – С. 284–293.

4. Луценко Н.С. Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности по законодательству Республики Беларусь: исторические аспекты и задачи // Борьба с преступностью: теория и практика: тез. докл. IX Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 23 апр. 2023 г. – Могилев: УО «Могилев. ин-т МВД Респ. Бел.», 2021. – С. 60–63.

5. Верховный Суд Республики Беларусь [сайт]: Статистика. – URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/ (дата обращения: 23.01.2025).

УДК 347.45/.47

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ДОГОВОРА КОМПЛЕКСНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ЛИЦЕНЗИИ (ФРАНЧАЙЗИНГА)

В. В. Бессарабова
ученый секретарь Национального центра интеллектуальной собственности
Д. В. Андриевский
начальник управления содействия коммерциализации и государственных реестров Национального центра интеллектуальной собственности

Аннотация. Институт франчайзинга активно используется субъектами малого и среднего предпринимательства при распоряжении правами на объекты интеллектуальной собственности. В настоящее время в Республике Беларусь обязательными элементами лицензионного комплекса по договору франчайзинга являются фирменное наименование и нераскрытая информация. В работе авторами анализируются особенности предмета договора комплексной предпринимательской лицензии – главного из всех существенных условий договора франчайзинга и как двусторонней сделки, и как двустороннего договора.

Ключевые слова: комплексная предпринимательская лицензия; франчайзинг; фирменное наименование; нераскрытая информация; товарный знак (знак обслуживания).

В соответствии с ч. 4 гл. 2 «Мировые тенденции в сфере интеллектуальной собственности» Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 г., утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2021 г. № 672, франчайзинг рассматривается как один из наиболее эффективных механизмов управления интеллектуальной собственностью.

Действительно, с момента регистрации Национальным центром интеллектуальной собственности в 2006 г. первого договора франчайзинга в нашей стране [1, с. 19] и до настоящего времени практика использования договора франчайзинга национальными и зарубежными субъектами хозяйствования при распоряжении правами на объекты интеллектуальной собственности существенно расширилась. В 2024 г. патентным ведомством было зарегистрировано 539 договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) [2, с. 31]. В 2023 г. – 175 договоров, а всего за период с 2006 г. по 2024 г. включительно – 1590 договоров франчайзинга [2, с. 31].

Предмет договора франчайзинга является существенным условием, по которому франчайзер и франчайзи должны достигнуть соглашения.

Предметом соглашения о франчайзинге (независимо от вида франчайзинговой структуры) являются исключительные и иные права на

интеллектуальную собственность, предоставляемые франчайзером франчайзи [3, с. 106] (по договору субфранчайзинга – субфранчайзером субфранчайзи).

Согласно п. 1 ст. 910 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (в ред. от 17 февраля 2025 г.) фирменное наименование правообладателя (франчайзера) и его нераскрытая информация, как обязательные элементы лицензионного комплекса для соглашений, регистрируемых в патентном ведомстве Республики Беларусь, а также иные объекты интеллектуальной собственности могут быть использованы франчайзи (пользователем) только при осуществлении предпринимательской деятельности.

Перечень объектов интеллектуальной собственности, право использования которых правообладатель может предоставить пользователю по договору комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) на определенный срок иди бессрочно (поскольку франчайзинговые отношения характеризуются долгосрочным характером) в соответствии с п. 1 ст. 910 Гражданского кодекса Республики Беларусь не является исчерпывающим.

На практике все чаще как отечественные, так и иностранные правообладатели включают в состав лицензионного комплекса товарные знаки / знаки обслуживания (один или несколько), позволяющие потребителям легко идентифицировать товар (работу, услугу). Однако сегодня в Республике Беларусь товарные знаки (знаки обслуживания) не рассматриваются законодателем в качестве альтернативы фирменному наименованию, как обязательному элементу лицензионного комплекса, право использования которого предоставляется франчайзи по договору комплексной предпринимательской лицензии.

Сегодня в Республике Беларусь розничная торговля, общественное питание и сфера услуг являются самыми распространенными секторами экономики, в которых договор комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) активно применяется в качестве эффективного механизма развития малого и среднего предпринимательства через инструменты интеллектуальной собственности [4, с. 44].

По состоянию на 25 мая 2025 г. Национальным центром интеллектуальной собственности не регистрировались договора франчайзинга, предусматривающие предоставление права использования таких объектов права промышленной собственности, как изобретения, полезные модели, промышленные образцы, топологии интегральных микросхем, сорта растений. Вместе с тем включение в лицензионный комплекс, предоставляемый на возмездной основе по договору франчайзинга, прав на объекты права промышленной собственности будет способствовать трансферу технологий [4, с. 45].

Совокупность объектов интеллектуальной собственности, включенных франчайзером в лицензионный комплекс, предоставляемый по договорам франчайзинга франчайзи, фактически является уникальной для конкретного правообладателя и при этом одинаковой для всех его пользователей. Таким

образом достигается идентичность франчайзера и франчайзи в работе франчайзинговой сети во всех странах мира. Вместе с тем типовая форма договора франчайзинга не утверждена на законодательном уровне не только в Республике Беларусь, но и во многих странах мира, использующих бизнес стратегии, основанные на франчайзинге. Это обусловлено в первую очередь правовой природой договора франчайзинга и особенностью его предмета.

Именно использование франчайзи в своей предпринимательской деятельности объектов интеллектуальной собственности франчайзера является основой успешного функционирования любой франчайзинговой сети.

Условия, на которых франчайзер предоставляет франчайзи право использования лицензионного комплекса должны включать:

– объем использования – с установлением минимального и (или) максимального пределов; с указанием или без указания территории использования применительно к определенным видам предпринимательской деятельности (п. 2 ст. 910 Гражданского кодекса Республики Беларусь);

– способы использования (включая выполнение указаний правообладателя, относящихся к внешнему и внутреннему оформлению помещений, используемых пользователем при исполнении договора франчайзинга (абз. 4 ст. 910-4 Гражданского кодекса Республики Беларусь), например, использование фирменного наименования на вывеске франчайзингового объекта, на территории франчайзинговой точки, в рекламе, на торговом оборудовании, на автомобилях и т.д., а также путем выдачи определенного в договоре количества сублицензий, если пользователь в соответствии с условиями договора принял на себя данное обязательство (абз. 7 ст. 910-4 Гражданского кодекса Республики Беларусь);

Нераскрытая информация правообладателя, как обязательный элемент лицензионного комплекса (в том числе ноу-хау – организационные, технические, коммерческие и иные секреты производства), может использоваться только при осуществлении предпринимательской деятельности пользователя и должна быть сохранена в тайне (абз. 6 ст. 910-4 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

Кроме того, согласно абз. 8 ст. 910-4 Гражданского кодекса Республики Беларусь на франчайзи возлагается обязанность информирования потребителей об использовании при осуществлении предпринимательской деятельности в рамках соглашения о франчайзинге – продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг) определенных объектов интеллектуальной собственности франчайзера: фирменного наименования, товарного знака (знак обслуживания), равно как и иного средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ и (или) услуг.

Согласно абз. 3 п. 2 ст. 910-3 ГК Республики Беларусь на правообладателя возлагается обязанность осуществления контроля за качеством товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых,

оказываемых) пользователем. На пользователя, в свою очередь, возложена обязанность обеспечения соответствия качества товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) на основе договора франчайзинга, качеству аналогичных товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) франчайзером (абз. 8 ст. 910-4 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

Таким образом, именно предмет договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) отличает его от иных видов обязательств. На практике условия договора франчайзинга, связанные с его предметом и содержащие взаимные права и обязанности сторон, обусловлены правовой природой рассматриваемого соглашения. По правовой природе договор франчайзинга является двусторонним, возмездным, консенсуальным.

Включение в лицензионный комплекс правообладателя в качестве альтернативы фирменному наименованию товарного знака (знака обслуживания) будет способствовать развитию института франчайзинга в Республике Беларусь.

Список использованных источников:

1. Гурко В.Б., Бессарабова В.В. Юридический и учетный аспекты лицензионных договоров // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2023. – № 6 (103). – С. 18–22.

2. Годовые отчеты Национального центра интеллектуальной собственности. Годовой отчет 2024. – URL: https://ncip.by/izdaniya-i-publikatsii/godovoy-otchet/ (дата обращения: 24.05.2025).

3. Сосна С.А., Васильева Е.Н. Франчайзинг. Коммерческая концессия. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2005. – 375 с.

4. Рудькова О. К вопросу о необходимости развития производственного франчайзинга // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2025. – № 2 (111). – С. 42–47.

УДК 343.3

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЁМ, В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ЗНАКОВ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Д. А. Бондарь
младший научный сотрудник центра государственного строительства и права Института экономики НАН Беларуси

Аннотация. В статье рассматриваются вызовы и перспективы применения стандартов в области противодействия легализации доходов, полученных преступным путём, в сфере обращения цифровых знаков. Анализируется зарубежный законодательный и правоприменительный опыт и практика применения сервисов анонимизации криптовалютных транзакций.

Ключевые слова: цифровые знаки; криптомиксеры; противодействие легализации преступных доходов; сервисы анонимизации криптовалютных транзакций.

Стремительное развитие сферы обращения криптовалют является глобальной тенденцией последнего времени. На сегодняшний день общественные отношения в сфере обращения цифровых знаков урегулированы законодательством Республики Беларусь, которое постоянно трансформируется по мере усложнения данных общественных отношений. Так, относительно недавно был принят Указ Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)», направленный на совершенствование порядка совершения сделок (операций) с цифровыми знаками (токенами).

Среди последних тенденций развития сферы обращения цифровых знаков в Республике Беларусь отмечаются рост числа криптобирж и криптообменников, появление первых криптообменников, рассматриваются вопросы о создании криптофондов и национальной криптовалюты [1].

Актуальность исследования проблематики легализации преступных доходов в сфере обращения цифровых знаков обусловлена транснациональным характером данного явления, противодействие которому значительно затруднено в рамках нынешнего неблагоприятного климата в международном сообществе, закономерным возрастанием уровня угрозы национальной безопасности Республики Беларусь, а также существующей тенденцией активного использования инструмента криптовалюты при проведении расчётов и постоянным усложнением сопутствующих технологических процессов.

Важность разработки и совершенствования мер противодействия легализации преступных доходов обоснована крайне неблагоприятными последствиями такого явления. Исходя из анализа ряда источников по данной проблематике среди таких последствий можно назвать поддержание противоправной деятельности субъектов организованной преступности, дестабилизация внутренней экономики государства и внешней международной экономики, что связано, в том числе, с потерей налоговых поступлений и трансграничным характером такой противоправной деятельности, репутационные риски для финансовых институтов, механизмы работы которых могут быть задействованы в противоправных актах и др.

Основным нормативным правовым актом Республики Беларусь в области противодействия легализации преступных доходов является Закон Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» (далее – Закон № 165-З). Согласно абз. 12 ч. 1 Закона № 165-З под легализацией доходов, полученных преступным путём, законодателем понимается придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению доходами, полученными преступным путем, в целях утаивания или искажения их происхождения, местонахождения, размещения, движения либо их действительной принадлежности.

В Законе № 165-З также закреплён перечень мер, применяемых в целях предотвращения легализации преступных доходов, среди которых выделяются: внутренний контроль; особый контроль; приостановление перемещения наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Евразийского экономического союза в Республике Беларусь; запрет на информирование участников финансовой операции о принимаемых мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения; иные меры (ст. 4 Закона № 165-З).

На сегодняшний день к лицам, осуществляющим финансовые операции, отнесены резиденты Парка высоких технологий (далее – ПВТ), осуществляющие виды деятельности, указанные в ч. 1 ст. 1 Закона № 165-З, а контроль за деятельностью таких лиц возложен на государственное учреждение «Администрация Парка высоких технологий» (ст. 16 Закона № 165-З). В связи с внесением изменений в Закон № 165-З по вопросам правового регулирования предотвращения легализации преступных доходов в сфере обращения цифровых знаков соответствующие изменения были отражены в тексте Декрета Президента Республики Беларусь от 21

декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики». В частности, были закреплены обязанности резидентов ПВТ по выполнению мер по предотвращению легализации преступных доходов, предусмотренных Законом № 165-З, особенности проведения проверок в соответствии с законодательством о контрольной (надзорной) деятельности, цифровые знаки для целей законодательства о предотвращении легализации доходов, полученных преступным путём, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения отнесены к понятию «средств».

В настоящее время также действует Положение о требованиях к правилам внутреннего контроля резидентов Парка высоких технологий, утверждённое решением Наблюдательного совета Парка высоких технологий от 23 октября 2018 г., и создан реестр адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков, использовавшихся (используемых) для осуществления противоправной деятельности, обязанность по ведению которого возложена на Администрацию ПВТ.

Хотя приоритетным направлением государственной политики является развития цифровых технологий в Республике Беларусь и установлен достаточно свободный режим обращения цифровых знаков, тем не менее целесообразным представляется отслеживание криминогенных рисков осуществления такой деятельности и внесение необходимых изменений в законодательство Республики Беларусь.

В исследованиях Управления ООН по наркотикам и преступности уделено отдельное внимание новым механизмам устранения связей между источником происхождения цифровых знаков и конечным получателем средств – криптовалютным миксерам (далее – криптомиксеры).

Криптомиксер представляет собой специальный сервис, который за определённый процент вознаграждения отправляет токены с разных адресов клиентов на один специальный адрес, где они смешиваются между собой, а затем направляются на разные адреса, запрошенные клиентом [2]. Использование таких сервисов обеспечивает анонимность производимых операций с цифровыми знаками, что не согласуется с политикой Республики Беларусь по противодействию легализации преступных доходов и применению инструментов идентификации при совершении финансовых операций. На данный момент деятельность криптомиксеров напрямую не урегулирована в законодательстве Республики Беларусь, что не учитывает сложившиеся в мире тенденции использования рынка цифровых знаков для «отмывания» преступных доходов.

Практика использования криптомиксеров в целях «отмывания» средств, добытых преступным путём, уже известна. Так, в начале 2023 года Министерство юстиции США предъявило обвинение криптомиксеру ChipMixer и его учредителю в отмывании денег, управлении

нелицензированным сервисом обмена валюты и отсутствии регистрации в Сети по борьбе с финансовыми преступлениями США, а также краже личных данных. Министерство юстиции США заявило, что ChipMixer способствовал отмыванию сотен миллионов долларов в биткоинах, полученных при осуществлении преступной деятельности [3].

Ещё один случай использования криптомиксеров в противоправных целях связан с деятельностью Bitcoin Fog, который известен как популярный сервис по отмыванию денег для преступников, пытающихся скрыть свои незаконные доходы от правоохранительных органов, и обработал транзакции с участием более 1,2 миллиона биткоинов, что на момент совершения транзакций оценивалось примерно в 400 миллионов долларов. Как было установлено правоохранительными органами США, данные транзакции инициировались преимущественно представителями даркнета и были связаны с отмыванием преступных доходов, полученных при осуществлении деятельности по обороту наркотических средств, краже личной информации, преступлений в сфере кибербезопасности [4].

Среди вызовов в правовом регулировании хозяйственной деятельности, осуществляемой посредством использования криптомиксеров, в контексте противодействия легализации преступных доходов стоит отметить следующие:

1. Анонимность транзакций. Основной проблемой, связанной с использованием криптомиксеров, является анонимность транзакций. Криптомиксеры затрудняют процессы отслеживания движения средств и идентификацию участников транзакций, являющихся существенными элементами системы мер противодействия легализации преступных доходов.

2. Трансграничный характер транзакций. Борьба с использованием криптомиксеров в противоправных целях безусловно требует международного сотрудничества. Поскольку криптовалютные транзакции являются трансграничными, эффективное регулирование и контроль деятельности криптомиксеров возможны только при совместных усилиях правоохранительных органов государств. В связи с этим в целях противодействия легализации преступных доходов в сфере обращения цифровых знаков предлагается гармонизировать национальное законодательство с международными стандартами, обмениваться информацией и координировать действия для предотвращения использования криптомиксеров в незаконных целях.

Представляется целесообразным выработать единый подход стран-участниц Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ) к регулированию деятельности криптомиксеров. ЕАГ является региональной группой по типу Группы разработки финансовых мер

борьбы с отмыванием денег (The Financial Action Task Force) (ФАТФ) и ассоциированным членом ФАТФ. На сегодняшний день участниками ЕАГ являются девять государств, в том числе и Республика Беларусь. Практическое значение имеют направления деятельности ЕАГ, среди которых выделяются проведение взаимных оценок (представители государств, входящих в ЕАГ, оценивают национальные системы борьбы с легализацией преступных доходов друг друга по очереди в соответствии с графиком), исследование типологий (наиболее распространенных схем) легализации преступных доходов и финансирования терроризма, характерных для евразийского региона, выработка методических рекомендаций и техническое содействие, взаимодействие с надзорными органами и частным сектором [5].

3. Технологическая сложность. Быстрое развитие технологий блокчейн и криптовалютного рынка требует постоянной адаптации правовых норм и регуляторных подходов. Разработка новых методов мониторинга и анализа транзакций, а также использование современных технологий для выявления и предотвращения использования криптомиксеров в противоправных целях видится объективной необходимостью.

4. Баланс между инновациями и безопасностью. При разработке правового регулирования криптомиксеров представляется важным найти баланс между обеспечением национальной экономической безопасности и поддержкой инноваций в сфере обращения цифровых активов, поскольку приоритетным направлением является стимулирование развития новых технологий и обеспечения технологического суверенитета государства.

Последний тезис может быть подробнее исследован на основе опыта зарубежных законодателей. Так, «осторожный» подход к правовому регулированию общественных отношений по использованию сервисов анонимизации криптопереводов, в том числе криптомиксеров, криптовалют, сохраняющих конфеденциальность, анонимных криптокошельков, избрали регуляторы Европейского союза. Такой подход предполагает соблюдение баланса интересов пользователей криптосервисов в сохранении конфиденциальности транзакций и государств-членов Европейского союза в императивном исполнении принципов противодействия «отмыванию» преступных доходов, в том числе в сфере обращения цифровых знаков. В п. 160 Преамбулы Регламента (ЕС) 2024/1624 Европейского Парламента и Совета от 31 мая 2024 г. «О предотвращении использования финансовой системы в целях отмывания денег или финансирования терроризма» отмечается, что «анонимные счета криптоактивов, а также другие анонимизирующие инструменты не позволяют отслеживать переводы криптоактивов и затрудняют выявление связанных между собой транзакций, которые могут

вызвать подозрения, и препятствуют применению должных мер проверки пользователей криптосервиса. Для обеспечения эффективного применения требований AML/CFT к сфере обращения криптовалют необходимо запретить предоставление и хранение анонимных счетов криптоактивов или счетов, позволяющих анонимизировать или усилить сокрытие транзакций поставщиками услуг криптоактивов, в том числе используя цифровые знаки, сохраняющие конфиденциальность». Такой запрет не применяется в отношении поставщиков оборудования и программного обеспечения или поставщиков автономных криптокошельков, если они не имеют доступа к этим криптокошелькам или контроля над ними.

Несмотря на намерение европейских регуляторов соблюсти баланс интересов разных сторон криптовалютного рынка при разработке новой нормативной правовой базы, непосредственные участники данного рынка выражают обеспокоенность. Представляется, что принятые меры не снизят уровень преступности в сфере «отмывания преступных доходов», а станут сдерживающим фактором развития инноваций и препятствием на пути обеспечения конфиденциальности и приватности частных транзакций: «Преступники по-прежнему могут компилировать открытый исходный код Monero и торговать в одноранговой сети или через офшорные площадки… На самом деле, эти меры лишают законопослушных европейцев эквивалента цифровых денег, который защищает их от сбора данных, преследования или коммерческого шпионажа» [6].

Таким образом, в рамках усложнения общественных отношений в сфере цифровой экономики и обращения цифровых знаков одним из направлений совершенствования законодательства Республики Беларусь в области противодействия легализации преступных доходов видится выработка подхода к правовому регулированию хозяйственной деятельности по использованию сервисов анонимизации криптовалютных транзакций, в том числе криптомиксеров. Анализ зарубежного законодательства и практики использования таких сервисов позволяет говорить об опыте Европейского союза и США как о релевантных при разработке соответствующего правового регулирования законодателем Республики Беларусь. Среди вызовов в противодействии легализации преступных доходов при осуществлении хозяйственной деятельности посредством сервисов анонимизации криптовалютных транзакций отметим: 1) анонимность транзакций, 2) трансграничный характер транзакций, 3) технологическую сложность, 4) необходимость соблюсти баланс между инновациями, конфиденциальностью и безопасностью.

Список использованных источников:

1. Какие сделки законны, какие налоги нужно платить: все о криптовалюте в Беларуси в 2025-м [Электронный ресурс] // Майфин.бай. –

URL: https://myfin.by/article/blogi/kakie-sdelki-zakony-kakie-nalogi-nuzno-platit-vse-o-kriptovalute-v-belarusi-v-2025-m-35398 (дата обращения 21.05.2025).

2. Money laundering through cryptocurrencies [Электронный ресурс] // United Nations Office on Drugs and Crime. – URL: https://syntheticdrugs.unodc.org/syntheticdrugs/en/cybercrime/launderingproceeds/moneylaundering.html (дата обращения 15.05.2025).

3. Cracking Down on Money Laundering By Cryptocurrency Mixers [Электронный ресурс] // Phillips & Cohen. – URL: https://www.phillipsandcohen.com/cracking-down-on-mixers/ (дата обращения 15.05.2025).

4. Bitcoin Fog Operator Sentenced for Money Laundering Conspiracy [Электронный ресурс] // Archives U.S. Department of Justice. – URL: https://www.justice.gov/archives/opa/pr/bitcoin-fog-operator-sentenced-money-laundering-conspiracy (дата обращения 15.05.2025).

5. Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма [Электронный ресурс]. – URL: https://eurasiangroup.org/ru (дата обращения 15.05.2025).

6. EU to Track Crypto Transfers Under New AML Rules: Eurogroup President [Электронный ресурс]. – URL: https://decrypt.co/318577/eu-to-track-crypto-transfers-under-new-aml-rules-eurogroup-president (дата обращения 15.05.2025).

УДК 347.766; 347.767

ДОГОВОР ХРАНЕНИЯ В ЛОМБАРДЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ж. Н. Бородина
заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), кандидат юридических наук, доцент
Р. М. Олимова
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), кандидат юридических наук

Аннотация. В статье определяются особенности договора хранения в ломбарде. В результате анализа законодательства и правоприменительной практики, выявляются проблемы правового регулирования, и предлагаются пути их решения. В частности, доказывается целесообразность на законодательном уровне ввести обязательную независимую оценку для предметов определенной стоимости, обязательную публикацию информации о торгах на официальном сайте ломбарда, а также введение электронных торговых площадок для реализации залога, установить презумпцию вины ломбарда при утрате или повреждении вещи, а также ввести обязательное страхование залогового имущества

Ключевые слова: ломбард; хранение в ломбарде; хранитель; поклажедатель; залог; предмет залога; залогодатель.

Хранение вещей – один из институтов гражданского права, пользующийся широким распространением. Его правовое регулирование крайне важно. Ломбардное хранение является его частным случаем, также требующим четкой правовой базы. Анализ договоров ломбардного хранения особенно актуален сейчас, так как люди активно пользуются услугами ломбардов для сохранности своего имущества.

Договор хранения в ломбарде представляет собой сложную правовую конструкцию, сочетающую в себе элементы нескольких договоров, таких, как собственно договор хранения, так как ломбард обязуется хранить вещь залогодателя и обеспечить ее сохранность. Это основной элемент договора, определяющий обязанности хранителя. Ломбард отвечает за утрату или повреждение вещи, если не докажет, что это произошло по обстоятельствам, за которые он не отвечает (например, форс-мажор). Исследуемый нами договор содержит также и элементы договора займа, так как ломбард предоставляет залогодателю денежные средства в виде

займа. Залогодатель обязуется вернуть сумму займа с процентами в установленный срок. Процентная ставка регулируется законодательством и договором, но не может превышать установленные законом пределы. Содержатся в данной договорной конструкции и элементы договора залога: вещь, переданная в ломбард, является залогом для обеспечения возврата займа. В случае невозврата займа, ломбард имеет право обратить взыскание на заложенную вещь, т.е. реализовать ее с публичных торгов или иным способом, предусмотренным законодательством, чтобы возместить свои убытки. Это самый важный отличительный признак договора хранения в ломбарде от обычного договора хранения. Его специфические черты обусловлены коммерческой природой ломбардной деятельности и наличием залогового обеспечения [1, с. 171].

Как совершенно справедливо утверждает Ю.В. Сахарова, «Договор хранения вещей в ломбарде имеет существенную степень регламентации, но в практике встречается проблема злоупотребления ломбардом своими полномочиями. При передаче движимых вещей на хранение, их оценка должна носить профессиональный характер, но при этом законодательство не требует независимости такой оценки. Отсутствие нормативного акта, регламентирующего условия и порядок проведения независимой оценки рыночной стоимости вещи свидетельствует о том, что права залогодателя требуют защиты» [2, с. 160].

Договор хранения в ломбарде, помимо оценки, должен содержать детальное описание предмета залога, включая все его характеристики. Необходимо указать все имеющиеся дефекты, повреждения или особенности вещи, которые могут повлиять на её стоимость. Фотографирование и видеофиксация предмета залога – желательная, а в некоторых случаях и обязательная, процедура, позволяющая предотвратить споры о состоянии вещи при возврате или реализации. В договоре также должны быть четко прописаны условия хранения, ответственность сторон за сохранность вещи, порядок и сроки возврата, а также последствия нарушения договора. Особое внимание следует уделить условиям о реализации заложенной вещи в случае невозврата кредита. Договор должен содержать информацию о порядке реализации, сроках и процедуре уведомления заемщика. Важно, чтобы процедура реализации была прозрачной и соответствовала законодательству. Ломбард обязан предпринять все разумные меры для получения максимальной выручки от реализации заложенной вещи, а излишек полученных средств после погашения задолженности должен быть возвращен заемщику.

Также можно сказать, что «договор хранения в ломбарде – это сложный юридический документ, требующий внимательного изучения и понимания всех его пунктов. Заемщику рекомендуется тщательно ознакомиться со всеми условиями договора» [3, с. 77] перед его

подписанием, обратить внимание на методику оценки вещи, порядок её хранения и реализации, а в случае возникновения неясностей – обратиться за консультацией к юристу. Только при соблюдении всех норм законодательства и прозрачности договорных отношений можно обеспечить защиту интересов обеих сторон – как ломбарда, так и заемщика. Незнание своих прав может привести к существенным финансовым потерям.

Необходимость совершенствования законодательства в сфере ломбардных займов несомненна. Важно разработать специальный закон, регулирующий данный вид деятельности, который бы четко определял права и обязанности, как ломбардов, так и залогодателей. В этом законе следует установить максимальный размер процентов, регламентировать процедуру оценки залога, установить более строгие требования к прозрачности договорных отношений и обеспечить эффективный механизм защиты прав потребителей в случае нарушения их прав ломбардами. Кроме того, необходимо проводить активную работу по правовому просвещению населения, чтобы граждане были осведомлены о своих правах и могли защищать свои интересы в случае возникновения споров с ломбардами.

Договор хранения в ломбарде, как и любой договор, состоит из существенных и иных (несущественных) условий. Отсутствие существенных условий делает договор недействительным. Несущественные условия могут быть изменены или дополнены по соглашению сторон, не затрагивая действительности договора.

«Хранитель обязан сохранять имущество хранимого лица в соответствии с правилами, согласованными в контракте, а также предоставить хранимому лицу доступ к имуществу в согласованный срок. С другой стороны, хранимое лицо обязано оплатить услуги хранителя в соответствии с договором и не допускать нарушений режима хранения, о которых оно было оповещено. Нарушение сторонами условий контракта может привести к неисполнению обязательств и возможным юридическим последствиям. Ответственность хранителя за сохранность вещей определяется законом и договором. Договор хранения может быть расторгнут досрочно по соглашению сторон либо в судебном порядке. В случае нарушения условий договора хранения, стороны могут предъявлять претензии друг к другу и обращаться в суд» [4, с. 68].

Ответственность сторон в договоре хранения в ломбарде распределяется с учетом условий договора и положений ГК РФ. Внимательное изучение договора и соблюдение его условий – залог успешного взаимодействия между ломбардом и залогодателем.

Договор устанавливает четкие рамки: предметом договора может выступать только движимое имущество, находящееся в собственности

поклажедателя, предназначенное для личного потребления. Исключаются вещи, изъятые из гражданского оборота или ограниченные в нем. Это исключает хранение, например, наркотических средств, оружия без соответствующих лицензий или других предметов, оборот которых запрещен или ограничен законом. Сам предмет договора, передаваемый на хранение, должен быть, согласно действующему законодательству, пригоден для хранения и не должен относиться к категории товаров, запрещенных к обороту или ограниченных в нём. В случае утери или повреждения имущества, хранитель несет полную ответственность, за исключением случаев, когда утеря или повреждение произошли вследствие непреодолимой силы (форс-мажор), что он обязан доказать в судебном порядке. Доказательная база в подобных ситуациях имеет решающее значение, поэтому тщательное составление договора и фиксация всех деталей передачи имущества являются крайне важными.

Ст. 358 ГК РФ «чётко регулирует ответственность хранителя за сохранность имущества, подчеркивая его запрет на использование и изъятие вещи, находящейся на хранении» [5, с. 16]. Отдельное внимание заслуживает ст. 920 ГК РФ, регламентирующая порядок обращения с невыкупленными вещами, оставшимися на хранении. Закон предоставляет хранителю право реализации невостребованного имущества после истечения двухмесячного срока с момента окончания действия договора хранения. Этот процесс строго регламентирован и требует соблюдения определенных процедур, включающих в себя нотариальное удостоверение действий по реализации. П. 5 ст. 358 ГК РФ детально описывает порядок продажи невостребованного имущества, устанавливая, в частности, определенные требования к процедуре оценки и реализации, направленные на защиту прав поклажедателя.

Таким образом, весь процесс, от заключения договора до реализации невостребованного имущества, строго регламентирован гражданским законодательством, предусматривающим защиту прав и интересов как хранителя, так и поклажедателя. Вся процедура направлена на обеспечение прозрачности и законности всех действий, связанных с договором хранения, исключая возможность злоупотреблений и гарантируя справедливое разрешение возможных споров.

Ломбард, как организация, предоставляющая платные услуги по хранению вещей под залог, несёт ответственность за сохранность переданных ему ценностей. Эта ответственность закреплена в законодательстве и детализируется в договоре. В свою очередь, залогодатель обязан своевременно вносить оплату за услуги хранения, согласно условиям договора. В договоре также должны быть прописаны все исключительные случаи, освобождающие стороны от ответственности. Например, ответственность ломбарда может быть ограничена или

исключена при наступлении форс-мажорных обстоятельств, таких как стихийные бедствия или кража, совершенная при соблюдении ломбардом всех мер предосторожности. Но и в этих случаях требуется тщательная фиксация всех обстоятельств в соответствующих документах. «Важно отметить, что договор должен быть составлен таким образом, чтобы максимально защищать права как ломбарда, так и залогодателя. Ясность и чёткость формулировок, подробное описание предмета залога, конкретное указание стоимости и условий оплаты, а также определение ответственности сторон» [6, с. 19] – всё это является залогом успешного и беспроблемного сотрудничества. Необходимо тщательно проверить договор на наличие скрытых пунктов или положений, которые могут ущемлять права одной из сторон. Прозрачность и чёткость договора – ключевой момент в предотвращении конфликтов и злоупотреблений, обеспечивающий равноправные отношения между ломбардом и клиентом. Отсутствие же надлежащего регулирования независимой экспертной оценки создаёт правовой вакуум, который нуждается в скорейшем устранении для более эффективной защиты прав залогодателей.

Анализ законодательства и правоприменительной практики позволил нам выявить некоторые проблемы правового регулирования исследуемого нами института. В качестве первой проблемы можно назвать проблему независимости оценки залога. В настоящее время согласно ст. 358 ГК РФ оценка вещей проводится самим ломбардом без требования независимой экспертизы, в результате чего оценка вещей может быть существенно занижена, а поклажедатель в данном случае не может доказать обратное. Судебная практика показывает, что отсутствие единых стандартов оценки приводит к занижению стоимости на 30-50%. Поэтому целесообразно на законодательном уровне ввести обязательную независимую оценку для предметов определенной стоимости, например, стоимостью свыше 50 000 рублей, что позволит в случае спора о стоимости утраченной или поврежденной вещи ссылаться на независимую оценку. При этом целесообразной представляется и разработка единых методик оценки Минэкономразвитием РФ. Более того, на наш взгляд, процесс оценки должен подлежать обязательной видеофиксации.

Следующая проблема заключается в недостаточности прозрачности реализации предмета залога. В ст. 358 и 920 ГК РФ сроки и порядок реализации прописаны формально. На практике торги часто носят фиктивный характер, клиенты не получают информацию о реальной выручке от продажи. В этой связи необходимой видится обязательная публикация информации о торгах на официальном сайте ломбарда, а также введение электронных торговых площадок для реализации залога.

Недостаточно урегулированным, на наш взгляд, представляется вопрос ответственности ломбардов. Зачастую на практике форс-

мажорные обстоятельства трактуются расширительно, нет четкого порядка возмещения ущерба при утрате вещи. Возникают также и сложности с доказыванием вины ломбарда. Для устранения подобных недостатков следует законодательно установить презумпцию вины ломбарда при утрате или повреждении вещи, а также ввести обязательное страхование залогового имущества.

Список использованных источников:

1. Залог, банковская гарантия и другие способы обеспечения исполнения обязательств: Постатейный комментарий главы 23 Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2010. – 225 с.

2. Сахарова Ю.В. Хранение вещей в ломбарде как один из видов ломбардной деятельности // Экономика. Социология. Право. – 2021. – № 4 (24). – С.159–165.

3. Терехова Л.Н. Все о договоре хранения. – М.: Альфа-Пресс, 2005. – 120 с.

Суворова С. Договор хранения // Российская юстиция. – 2008. – № 6. – С. 67–73.

4. Маштаков И.В. Гражданские правонарушения со стороны поклажедателя, возникающие при исполнении договора хранения (общие положения) // Вестник Самарской Гуманитарной академии. – 2014. – № 2. – С. 14–19.

5. Лебедев Р.А. Правовая конструкция хранения в ломбардах // Юридическая наука. – 2022. – № 3. – С. 17–23.

УДК 347.41

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦЕССИИ КАК СДЕЛКИ ПО УСТУПКЕ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ

Ж. Н. Бородина
заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), кандидат юридических наук, доцент
З. Г. Юсупова
старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)

Аннотация. В статье определяется правовая природа цессии как сделки по уступке права требования. В результате анализа цивилистической доктрины и правоприменительной практики предлагается авторское определение цессии, а также делается вывод о цессии как самостоятельной сделке распорядительного характера, обладающей свойственной ей абстракцией, которая не зависит от действительности обязательственной сделки, лежащей в ее основе.

Ключевые слова: цессия; уступка права требования; цедент; цессионарий; должник; кредитор.

Институт уступки права требования получает активное развитие в цивилистической доктрине. Более того, заметен рост и практического применения данной правовой категории. Это приводит к тому, что возросший спрос сделок уступки права требования, расширяет и круг дискуссионных вопросов, ответы на которые еще нужно обосновать и сформулировать не только на доктринальном, но и на законодательном уровнях. Достаточно проблематичной с точки зрения науки и юридической практики можно назвать квалификацию уступки прав требования.

Уступка права требования, или цессия, широко рассматривается как сделка, в рамках которой одна сторона (цедент) передает свои права требования к другой стороне (цессионарию). Основанием для возникновения схожих прав служит определенное обязательство. Такое обязательство, равным образом, обладает характеристиками относительности, что представляет собой относительное гражданское правоотношение. Согласно положениям ст. 307 ГК РФ, «одна из сторон (должник) обязана совершить для другой стороны (кредитора) определенные действия, произвести платеж или передать имущество».

Алгоритм передачи права требования реализуется посредством соглашения между первоначальным кредитором (цедентом) и новым

кредитором (цессионарием). При рассмотрении теоретического значения термина «цессия» следует отметить, что эта дефиниция, также как и выражение «уступка права», используется исключительно в контексте передачи обязательственного права на основании заключенных сделок.

И здесь надо привести в пример позицию Д.И. Мейера о том, что: «передача права по обязательству от верителя другому лицу происходит или по соглашению между ними, на основании договора, или независимо от соглашения» [1, с. 609]. Справедливости надо заметить, что данный профессор впервые обосновал переход права в результате уступки, что в современном понимании обозначается как цессия. Далее он отмечает, что: «чаще всего, однако же, передача права по обязательству происходит по соглашению о том между верителем и сторонним лицом, приобретающим право, так что основанием перехода права по обязательству служит сделка между этими лицами. На юридическом языке Запада эта сделка называется обыкновенно цессией права... По-русски можно назвать ее сделкой об уступке права или просто уступкой права».

Необходимо отметить, что в современном научном сообществе отсутствует однозначный критерий для разделения перехода прав, основанного на сделке, и перехода прав, осуществляемого на основании закона. В качестве подтверждения данной позиции можно привести высказывание профессора М.И. Брагинского, который утверждает, что: «Цессия выражается в передаче цедентом цессионарию определенного права в силу сделки или на основании закона» [2, с. 403].

Мы согласны с подобной точкой зрения, и поэтому весьма важно иметь в виду, что ст. 382 ГК РФ рассматривает уступку требования не только как переход, основанный на сделке, но и допускает такую возможность на основании закона, что находит свое отражение в правоприменительной практике.

Следует отметить, что, несмотря на некоторые различия в интерпретации данной правовой категории учеными цивилистами, основная природа уступки права требования (цессии) остается неизменной. В качестве примера можно привести совершенно верное высказывание М.В. Кротова: «Цессия – это соглашение между кредитором по обязательству, с одной стороны, и третьим лицом, с другой стороны, о передаче принадлежащего кредитору права. Уступка права представляет собой сделку, правовым результатом которой является переход права требования от кредитора к третьему лицу» [3, с. 317].

Подобную позицию занимает А.В. Вошатко, утверждая, что уступка требования – это «определенное соглашение между кредитором и третьим лицом, результатом которого является сингулярное преемство в праве требования, то есть переход требования от кредитора другому лицу» [4, с. 103].

В.В. Почуйкин так же утверждает, что «уступка права требования (цессия) – это сделка между первоначальным кредитором (цедентом) и новым кредитором (цессионарием), на основании которой к цессионарию переходит право требовать от должника совершить определенные действия или воздержаться от совершения действий в силу обязательства должника перед цедентом» [5, с. 226].

Таким образом, можно предположить, что в результате уступки права требования происходит замена правомочного лица (кредитора) в рамках обязательства, что представляет собой процесс перемены лиц в обязательстве. Подобная перемена лиц в обязательстве осуществляется посредством заключения соглашения между первоначальным кредитором (цедентом) и стороной, получающей право (цессионарием), который становится вторичным кредитором перед должником. В таких обязательственных правоотношениях действительно наблюдается изменение сторон, что, в свою очередь, позволяет соотнести понятие цессии с определением гражданско-правового обязательства, закрепленным в п. 1 ст. 307 ГК РФ. Согласно данному положению, должник обязан выполнить определенное действие в интересах кредитора или воздержаться от его совершения.

В результате анализа законодательных норм, а также различных дефиниций понятия «цессии», предложенных известными учеными-цивилистами, можно констатировать бесспорный факт о том, что цессию следует признавать волевой двусторонней сделкой, заключаемой между субъектами, цель которой сосредоточена в замене лица, являющегося правообладателем данного требования по обязательству. То есть цессия всегда выступает в качестве гражданско-правовой сделки, правовым последствием исполнения которой будет смена правообладателя обязательственного права. В виду того, что для уступки права требования предусмотрена письменная форма заключения, такая сделка будет считаться заключенной с момента ее подписания, то есть, данную сделку можно приравнять к разряду сделок консенсуальных.

По юридической природе договор цессии представляет собой тип соглашения, направленного на передачу прав третьему лицу (договоры на замену лица в обязательстве). Важно отметить, что предметом цессионного договора является обязательственное право – требование. Другие виды в этой категории включают договоры на передачу прав собственности (а также иные права на вещи) и исключительные или корпоративные права.

Бесспорным является и то обстоятельство, что цессию в качестве уступки права требования уместно отнести к перемене лиц в обязательстве. А в условиях современных реалий, когда гражданские правоотношения динамично развиваются, способствуют получению максимальной выгоды для участников данных правоотношений, более того, нивелируют в

цифровую среду необходимость развития такого важного института, как перемена лиц в обязательстве является одним из приоритетных направлений. Эти же факторы влияют на изменчивость самого института. В этой связи в договорном регулировании стоит подчеркнуть преобладание диспозитивности норм, что, несомненно, создает определенные сложности и коллизии в правовом регулировании вопросов, связанных с переменой лиц в обязательствах.

Отсутствие законодательного определения уступки права требования не является единичным случаем, присущим ГК РФ. В кодексе нет и законодательного определения перемены лиц в обязательствах, что, бесспорно, говорит о необходимости дальнейшей проработки данных терминов. Тем не менее, исходя из доктринальной теории, можно сказать, что перемена лиц в обязательстве представляет собой переход прав и обязанностей первоначальных субъектов обязательств к другим лицам. В силу норм главы 24 ГК РФ существуют только два основания для перемены лиц в обязательствах: это замена кредитора (уступка права требования) и замена должника (перевод долга).

Обращает на себя внимание и тот факт, что ст. 388 ГК РФ вводит запрет на уступку требования без согласия должника. Более того, действующее законодательство в России регулирует не только сам процесс цессии, но и устанавливает ограничения на её использование. Например, уступка, связанная с личными обязательствами, такими как алименты или финансовые обязательства, вытекающие из развода, и компенсация за моральный или материальный ущерб может быть запрещена.

Далее отметим, что понятие «уступка права» можно вычленить из анализа содержания п. 1 ст. 382 ГК РФ, согласно которой: «Право (требование), принадлежащее кредитору на основании обязательства, может быть передано им другому лицу по сделке (уступка требования) или перейти к другому лицу на основании закона».

Касательно передачи прав кредитора другому лицу на основании закона, ст. 387 ГК РФ устанавливает условия для передачи подобных прав, подчеркивая универсальное правопреемство прав кредитора. Тем не менее, даже если закон предоставляет возможность уступки прав, решение о передаче прав кредитора на другое лицо может быть принято в судебном порядке, что, по сути, не умаляет универсального правопреемства. Примером может служить п. 3 ст. 250 ГК РФ, в соответствии с которым, участник долевой собственности имеет право обратиться в суд с иском о переводе прав и обязанностей покупателя к другому собственнику, реализовавшему свою долю третьему лицу, при этом проигнорировав требования о преимущественном праве покупки. Более того, исполнение обязательств должником его поручителем или залогодателем, не являющимся должником, может служить дополнительным примером

уступки права требования на основании закона. Тоже самое касается суброгации страховщиком прав кредитора к должнику, виновному в наступлении страхового случая. Вообще, надо сказать, что перечень случаев перехода обязательственных прав кредитора на основании закона не является исчерпывающим. Это вытекает из указания ст. 387 ГК РФ, «в других случаях, предусмотренных законом».

Поэтому, можно сказать, что согласно сложившийся практике, целесообразно при определении института цессионного соглашения установить единственным и верным механизмом осуществления передачи прав от цедента к цессионарию заключение соглашения об уступке только лишь между реальными обладателями, во-первых, долга (старый кредитор) и, во-вторых, лицом, имеющим реальную материальную заинтересованность к должнику по взысканию суммы долга.

Вышесказанное еще раз подтверждает законодательно установленное деление перехода прав в гражданско-правовых обязательствах на два вида. Во-первых, это передача права, основанная на законе, закрепленная в ст. 387 ГК РФ, и, во-вторых, это передача права, основанная на сделке, что отражено в ст. ст. 388-390 ГК РФ. И, что весьма важно, уступка права применяется строго в контексте сделки.

Надо сказать, что некоторые авторы подчеркивают каузальный характер цессии, тем самым отвергают ее как самостоятельную сделку договорного типа, что представляется не вполне обоснованным и несправедливым по отношению к искомому нами институту.

Свое обоснование изложенной позиции эта группа ученых определяет тем, что коль скоро в гражданском законодательстве нет прямого указания на абстрактный характер цессии, она (цессия) может быть отнесена к каузальным, а не абстрактным сделкам [6, с. 187]. В то же время большинство юристов поддерживают германский подход, который предполагает, что распорядительные сделки цессии следует рассматривать как абстрактные.

Сторонниками данной точки зрения являются В. А. Белов [7, с. 96] и Л. А. Новоселова [8, с. 45]. Они утверждают, что «поскольку сделка цессии может быть осуществлена на основании любого обязательственного договора, а нормы параграфа 1 главы 24 ГК РФ не содержат конкретных указаний об основаниях уступки, то это указывает на независимость сделки цессии от ее основания». А.В. Вошатко [9, с. 72], поддерживая идею абстрактности сделки цессии, ссылается ст. 1106 ГК РФ, из которой следует, что «недействительность переданного обязательства не сказывается на действительность сделки цессии».

Мы же полагаем, что цессия является самостоятельной сделкой распорядительного характера, обладающая присущей ей абстракцией, которая не зависит от действительности обязательственной сделки, на

которой она основана.

Список использованных источников:

1. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.). – М.: Статут, 2003. – 831 с.

2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга пятая. Том 1. Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований. – М.: Статут, 2007. – 996 с.

3. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй. Том 2 / Н.В. Бандурина, А.В. Дёмкина, Л.Г. Ефимова; под ред. П. В. Крашенинников. – М.: Статут, 2011. – 648 с.

4. Очерки по торговому праву: Сб. науч. тр. / Под ред. Е.А. Крашенинникова. – Ярославль, 2000. Выпуск. 7. – 198 с.

5. Почуйкин В.В. Уступка права требования: основные проблемы применения в современном гражданском праве России. – М.: Статут, 2005. – 311 с.

6. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 434 с.

7. Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. – 291 с.

8. Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой̆ практике. Факторинг. – М.: Статут, 2003. – 243 с.

9. Вошатко А.В. Уступка требования из синаллагматического договора // Очерки по торговому праву. – 2004. – №. 11. – С. 72–77.

УДК 347.73

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ DEFI: ВЫЗОВЫ, ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ

З. У. Гасанов
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), кандидат юридических наук

Аннотация. Статья посвящена вопросам правового регулирования и безопасности децентрализованных финансов (DeFi). В статье описаны преимущества и возможности, а также вызовы и угрозы DeFi.

Автор обозначает необходимость закрепления правового статуса и законодательной регламентации механизмов DeFi, установления регулятивных требований, определяющих правовую защиту пользователей, а также структурирования управление в системе DeFi.

В статье обоснована необходимость создания четких и понятных нормативных рамок, позволяющих преодолеть существующие правовые вызовы и угрозы.

Автор приходит к выводу о том, что только системное решение поставленных задач позволит децентрализованным финансовым сервисам оставаться преимущественной и безопасной платформой для осуществления финансовых операций.

Ключевые слова: цифровые платформы; децентрализованные финансы; централизованные финансы; биткоины; криптовалюта; майнинг; блокчейн; смарт-контракт.

Правовое обеспечение национальной экономической безопасности Российской Федерации основывается на ряде нормативно-правовых актов, включая Постановление Правительства РФ от 31 октября 2024 года № 1462, которое определяет условия, при которых лицо, занимающееся майнингом цифровой валюты (включая участников майнинг-пулов), может быть исключено из реестра таких лиц. Дополнительными ключевыми актами, регулирующими данную сферу, являются Постановления Правительства России от 31 октября 2024 года № 1463 и 1464, а также от 1 ноября 2024 года № 1468, 1469 и 1479.

В условиях развития информационного общества и цифровой революции появляется новый класс – криптоактивы, в частности, цифровые активы, которые активно используются как в качестве средства платежной системы, а также для инвестирования. Одним из востребованных цифровых активов является криптовалюта. Созданная еще в 2008 году первая криптовалюта – «биткоин», является самой капитализированной и включает четыре основных аспекта в процессе ее создания: транзакция, электронные

кошельки, майнинг и проверка подлинности [1, с. 18–22]. Цифровой выпуск биткойнов не обходится без специализированного оборудования и особого программного обеспечения. Этот процесс включает алгоритм генерации, ограничивающий максимально возможное количество единиц валюты и усложняет процесс создания криптовалюты. Примечательно, учет ведется не на банковском сервере, а в специальном реестре, так называемом блокчейне, где записи фиксируются с согласия всех участников, и их изменение возможно только за счет добавления новых записей, что обеспечивает отсутствие централизованного контроля.

Децентрализованные финансы (далее – DeFi) – относительно новое, но уже актуальное и востребованное явление финансовой системы. Это один из самых инновационных и быстроразвивающихся областей финансового сектора, основу которого составляют технологии блокчейн. Впервые идею о DeFi выдвинул японский инженер Вэй Даю еще в 1998 г. [2, с. 31] Первыми децентрализованными платежными системами стали «Bitcoin», «Ethereum», «Factom», «Litecoin» и др. [3, с. 168].

Необходимо разграничивать децентрализованные финансы - DeFi от централизованных финансов - CeFi. Характеристика централизованных и децентрализованных платежных систем в первую очередь состоит из различия видов валют и способов автоматического управления транзакциями. Обработка транзакций CeFi осуществляется на выделенном сервере или дата-центре, тогда как в DeFi каждый из серверов имеет равный доступ к выполнению транзакций. Базы данных CeFi едины, в DeFi же база данных распределена между участниками транзакций, и как следствие, ои защищены ключом криптозащиты. Курсы валют CeFi установлены государством, система DeFi же сама определяет уровень спроса.

Явное преимущество DeFi характеризуется предложением новых возможностей для осуществления финансовых операций через блокчейн технологии, доступность и прозрачность операций со сниженными затратами. Целью данной статьи является рассмотрение ключевых аспектов правового регулирования DeFi, определить вызовы и возможности, а также выявить угрозы в данной области.

Децентрализованные финансы охватывают широкий спектр финансовых услуг, осуществляемые через децентрализованные платформы (автоматизированные маркет-мейкеры, кредитные протоколы и децентрализованные биржи). Отсутствие посредников, открытость и доступность для всех пользователей, а также использование смарт-контрактов для автоматизации финансовых операций значительно привлекает пользователей данного финансового сектора.

Явление смарт-контрактов – это новая форма совершения сделок, которая была включена в ст. 160 ГК РФ. При этом п. 2 ст. 434 ГК РФ также претерпел изменения при введении новой нормы о том, что договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами или обмена

письмами, телеграммами, электронными документами, либо иными данными. Регулирование смарт-контрактов также отражено в ст. 309 ГК РФ, согласно которому «при наступлении определенных обстоятельств, сделка может быть исполнена без направленного на исполнение обязательства … путем применения информационных технологий». То есть смарт-контракт представляет собой программу для ЭВМ, которая отслеживает и обеспечивает исполнение обязательств. Однако, в системе DeFi возможность запуска положений, в основе которых находятся смарт-контракты, применяется не для всех платежных системах. К примеру, применяется в платежной системе Ethereum, но не применяется в Bitcoin, Litecoin [4, с. 152].

Следует выделить ряд преимуществ децентрализованных финансов (DeFi) по сравнению с традиционными банковскими услугами. Первым отличительным преимуществом является доступность DeFi для пользователей. Для использования финансовых услуг через децентрализованные платформы, необходимо лишь наличие интернет-соединения, тогда как, чтобы стать пользователем традиционных банковских услуг обязательным является наличие банковского счета, что затрудняет участие в финансовых операциях людям, находящимся в регионах с ограниченным доступом к банковским услугам. Осуществление операций через децентрализованные финансовые платформы устраняет необходимость в посредниках, таких как банки и финансовые институты, что также способствует снижению затрат на транзакции и ускоряет процесс операций. В связи с этим автоматизированный характер произведения операций приводит к тому, что комиссии за транзакции DeFi значительно ниже, чем в традиционных финансовых системах.

Еще одним преимуществом выступает прозрачность транзакций на блокчейне, их открытость и доступность для проверки. Пользователи могут самостоятельно проверить работу смарт-контрактов и финансовых операций. Примером может служить сеть гипермаркетов «Волмарт», которая использует эту технологию для контроля поставок. Высокий уровень защиты и открытость децентрализованных систем способствуют их популярности и распространению.

Наряду с прозрачностью тесно связано и следующее преимущество – возможность осуществления полного контроля пользователями над своими средствами и активами, что снижает риски, связанные с банкротством или мошенничеством со стороны финансовых учреждений.

Необходимо отметить и географические возможности децентрализованных финансов, позволяющие пользователям из разных стран обмениваться активами без конвертации валют и местных регуляций. При этом транзакции в DeFi происходят быстрее, чем в традиционных банках, где могут быть задержки из-за необходимости обработки или проверки операций.

По мнению автора, все эти преимущества позволяют установить превосходство DeFi над традиционными финансовыми услугами,

обосновывают актуальность и востребованность данной финансовой системы у широкого числа пользователей с неограниченной географией.

Однако, несмотря на наблюдающееся развитие и все большее внедрение децентрализованной финансовой системы в экономическую систему ряда стран, в том числе российской финансовой сферы, важно понимать и некоторые возможные угрозы и риски, сопряженные с правовой неопределенностью данного сектора финансовых услуг.

Одной из существенных проблем выступает проблема правовой неопределенности явления DeFi. В настоящее время отсутствует юридическое определение децентрализованных финансов в нормативных актах и многие аспекты остаются неопределенными и законодательно нерегламентированными (какие нормативные положения должны быть применимы к смарт-контрактам в децентрализованных финансовых отношениях, как обеспечивается защита инвесторов и мн.др.).

По мнению Д.А. Сизовой, Т.В. Сизовой, А.У. Солтаханова, необходимо предусмотреть создание системы государственного контроля и регулирования DeFi, что позволит не только привлечь инвестиции, но и снизить издержки их реализации [5, с. 63–76]. Следует согласиться с мнением данных авторов, но полагается, что государственное регулирование должно происходить с учетом отношений горизонтали, то есть с соблюдением частно-правовых интересов. Исходя из этого, необходимо разделить участников финансовых систем на две группы, в которой первую группу будут составлять публично-правовые образования, а вторую – непубличко-правовые образования. Тем самым установится баланс между участниками в сфере налогообложения, конкурентоспособности, включая комиссии по транзакциям.

По мнению автора, перспективы развития использования DeFi возможны не только при использовании как платежной системы оборота криптоактивов, но и в системе товарооборота и предоставления услуг с обязательным использованием смарт-контрактов.

Существенную проблему составляет и разница в подходах к юрисдикции криптоактивов (в ряде стран криптовалюта рассматривается как товар, а в ряде как ценные бумаги), что приводит к сложностям в международном обороте и экономическом сотрудничестве. Так, например, Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» признает криптовалюты имуществом, но запрещает их использование в качестве средства платежа на территории страны.

Российской судебной практике известны случаи, когда криптовалюту относили к «иному имуществу», которое может быть включено в конкурсную массу должника (например, в деле №А40-124668/2017 о банкротстве физического лица), но также известны случаи, когда цифровую валюту не относили к объектам гражданского права или же рассматривали в качестве имущественных прав.

Тогда как право Норвегии, Финляндии и Германии рассматривает криптовалюту как нематериальный актив или товар, а не как валюта или деньги [6, с. 33].

В ранее исследованной мной статье о криптовалюте как объекте цифрового права в России, было отмечено, что криптовалюту следует признать имуществом, которая, исходя из обязательственного права, может отчуждаться и должна быть признана объектом цифровых прав для предотвращения мошеннических и иных противозаконных деятельностей [7, с. 139].

Одним из следующих актуальных проблем является отсутствие определенной структуры управления в системе DeFi, что приводит к затруднениям в установлении ответственности и подотчетности, так как в отличие от CeFi, платформы DeFi не имеют единого юридического лица. Например, на таких платформах как Uniswap, Aave пользователи часто анонимны, что создает проблемы идентификации виновных в случае мошенничества или утечки средств. Участники DeFi-отношений скрываются за практически непроницаемыми кодами используемых ими публичных адресов. Данная ситуация порождает все большие риски для недобросовестного поведения. Автор полагает, что в качестве решения проблемы можно рассматривать установление обязательной идентификации пользователей на пороге входа в сферу финансов.

Отсутствуют также и регулятивные требования к секторам децентрализованных финансов, что усложняет обеспечение защиты инвесторов, а также порождает новые способы мошеннических действий, связанных с легализацией преступных доходов и манипуляциями на рынке и финансированием терроризма [8, с. 82]. Нормативная неопределенность децентрализованных финансов приводит к тому, что правоохранительные органы не понимают природу децентрализованных финансов и механизмы борьбы с правонарушениями в сфере Defi. По мнению автора, четкая правовая регламентация должна также учитывать необходимость в предоставлении пользователям четкой информации и доступа к средствам защиты.

Важной угрозой является также неконкурентоспособность Defi. Отсутствие специально уполномоченного органа, контролирующего добросовестность или недобросовестность конкуренции, может привести к нарушениям в сфере защиты конкуренции.

Таким образом, решение проблем правового регулирования и безопасности DeFi представляется сложным и многогранным механизмом, требующим внимания к различным аспектам (начиная вопросами защиты прав потребителей, противодействию отмыванию денег, заканчивая вопросами налогообложения и конкурентоспособности). Правовое регулирование децентрализованных финансов в РФ должно быть направлено, в первую очередь, на минимизацию рисков, связанных с идентификацией пользователей, а также пресечению преступных манипуляций в сфере электронной финансовой системы.

Несмотря на принятый в 2004 году закон о майнинге, законодатель РФ до сих пор не определил правовое регулирование криптовалют, то есть легализация криптовалют так и не произошла, что вызывает риски, связанные с оборотом криптовалют, так как российские граждане являются активными участниками криптовалютных отношений.

Законотворчество РФ в области регулирования финансового сектора экономики должно включать разработку новых гибких, адаптивных регулятивных подходов, обеспечивающих здоровое развитие национальной экономики с учетом технологических инноваций и изменяющихся условий финансового рынка. Являясь уникальной возможностью для трансформации финансовых услуг, явление DeFi требует создания четких и понятных нормативных рамок, позволяющих преодолеть существующие правовые вызовы и угрозы.

Список использованных источников:

1. Абрамова Е.Н. К вопросу о соотношении электронных денег и криптовалюты // Конкурентное право. – 2019. – №3. – С. 18–22.

2. Могайар У. Блокчейн для бизнеса. – Москва : Издательство «Эксмо», 2018. – 224 с.

3. Лысенко М.В. Биткоин – поколение цифровизации // Умные технологии в современном мире. Материалы юбилейной всероссийской научно-практической конференции. – 2018. – С. 167–172.

4. Коржова И.В. Способы заключения договоров с использованием цифровых технологий // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 2 (182). – С. 152–154.

5. Сизова Д.А., Сизова Т.В., Солтаханов А.У. Перспективы развития децентрализованных платежных систем // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2019. – № 6. – С. 63–76.

6. Кошелев К.А. Развитие рынка цифровых активов в современной экономике Российской Федерации: дис. ... канд. экон. наук: 5.2.4. – Москва, 2024. – 179 с.

7. Гасанов З.У. Криптовалюта как объект цифрового права в России // Цифровая трансформация как вектор устойчивого развития. – Казань: Познание, 2024. – С. 139–142.

8. Северин В.А., Коржова И.В. Вопросы безопасности при обращении криптовалюты // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. – 2019. – № 3. – С. 81–89.

УДК 343.1

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В УГОЛОВНЫХ ДЕЛАХ, КАК ОСНОВА УСТАНОВЛЕНИЯ РЕЖИМА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Н. Н. Гончарова
заместитель заведующего кафедрой международного и европейского права Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. При реализации международного сотрудничества в уголовных делах важно разрешить существующие противоречия. Невзирая на глобализацию преступности, методы и средства борьбы с ней требуют общих усилий. Международные договоры в исследуемой сфере ограничены территориально и предметно. Упрощение бюрократических процедур, возможность применения информационно-телекоммуникационных технологий, может ускорить и облегчить процесс оказания правовой помощи. Постоянный мониторинг данных рассматривается в качестве приоритетного в целях межгосударственного сотрудничества в уголовной сфере.

Ключевые слова: правовая помощь; международное сотрудничество; международный договор; международное уголовное право; международный механизм.

В современном мире международное взаимодействие приводит к формированию сотрудничества, сосредоточенного на достижении совместных целей и задач, охватывает широкий спектр направлений и принимает разнообразные формы.

Вопросы сотрудничества в сфере уголовного права находятся в центре внимания мировой общественности, но многие их аспекты по-прежнему остаются в «темной зоне».

В уголовных правовых нормах термину «международное сотрудничество» не придается достаточного значения. Существующие нормы не дают полного представления о роли и значении международного взаимодействия в уголовном процессе, что в свою очередь может снижать эффект от контакта между юрисдикциями. В теории уголовного процесса говоря о международном сотрудничестве прежде всего акцентируют внимание на процедурах в период досудебного расследования, однако им не ограничиваются.

Международное сотрудничество представляет собой совместную деятельность государств и прочих участников международного права с целью урегулирования общих проблем в рамках принципов международного права. Такая конструкция служит инструментом для укрепления стабильности в мире.

Главной целью взаимодействия субъектов международных правоотношений является установление режима поддержания международного мира и безопасности, а борьба с преступностью становится одной из задач взаимодействия участников правоотношений. Формами взаимодействия при этом являются договорная и институциональная. Первая предполагает заключение специальных договоров универсального и двустороннего характера в конкретной области противодействия преступной деятельности. Вторая включает реализацию партнерских функций.

Базовые принципы международного сотрудничества в уголовных делах реализуются через договоры о правовой помощи. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 года, в частности, предполагает возможно исполнение просьбы о допросе лиц под присягой при условии, если законодательством страны-исполнителя такой допрос предусмотрен (ч. 2 ст. 3 Конвенции), а также обязателен возврат любых документов и предметов, которые передавались другому государству по его просьбе (ч. 2. ст. 6 Конвенции) и т.д.

Основные межгосударственные контакты в указанных целях осуществляются на основе двусторонних соглашений. Так, согласно Соглашению между Российской Федерацией и Республикой Армения по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с нахождением российской военной базы на территории Республики Армения 1997 года в случае открытия уголовного производства, задержания или заключения под стражу военнослужащих российской военной базы или членов их семей по преступлениям, подлежащим юрисдикции Армении, уполномоченные органы Республики Армения незамедлительно информируют об этом соответствующие органы Российской Федерации, включая сведения об итогах следствия или судебного процесса.

В соответствии с Договором между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о взаимной правовой помощи по уголовным делам 2015 года правовая помощь охватывает вопросы вручения процессуальных документов, получение доказательств, установление местонахождения лиц и предметов, вызов свидетелей и другие.

Согласно Договору между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам и выдаче, подписанном 2014 года (ст. 6) стороны принимают на себя обязательство оказывать друг другу правовую помощь в связи с расследованием, уголовным преследованием и другими процессуальными действиями.

Договор между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам 1996 года (ст. 3) устанавливает выполнение процессуальных действий, предусмотренных законодательством запрашиваемой Договаривающейся Стороны, в частности, допрос сторон, обвиняемых и подсудимых, свидетелей, экспертов, проведение экспертиз, судебного осмотра, передачу вещественных

доказательств, возбуждение уголовного преследования и выдачу лиц, совершивших преступления и др.

Международные договоры также могут регулировать работу по установлению и реализации целых механизмов международного сотрудничества в уголовной сфере. Конвенция ООН против киберпреступности, принятая 24 декабря 2024 года (Глава V «Международное сотрудничество»), на данный момент не ратифицированная Российской Федерацией, содержит принципиальные положения. Так, в рамках Конвенции должна заработать сеть оперативной помощи, которая позволит государствам быстрее расследовать киберпреступления. Отметим, что договором предусмотрено оказание правовой помощи в соответствии с внутренним законодательством (ст. 40).

В настоящее время стремительно развивается многостороннее сотрудничество БРИКС, которое среди прочих направлений включает противодействие преступности. В первом совместном заявлении лидеров стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) 2009 года, была подчеркнута приверженность государств в решении глобальных проблем и угроз, при этом основная роль отводилась ООН (ст. 13–14).

В 2015 году страны БРИКС констатировали устойчивый рост через инструменты международного сотрудничество, что соответствует общим интересам и принципам международного права на основе равноправия и взаимной выгоды. Декларация БРИКС 2024 года прямо фиксирует приверженность государств принципам обеспечения технического и неполитизированного характера международного сотрудничества в области борьбы с преступностью [1, с. 25–47]. В ст. 52 Декларации сделан акцент на противодействии транснациональной преступности в качестве основных элементов сотрудничества правоохранительных органов.

В каждом итоговом документе БРИКС мы видим приверженность государств принципам международного сотрудничества в борьбе с преступностью в рамках равенства и свободы, а также признания национальных интересов общими для БРИКС.

Правовая помощь по уголовным делам как вид международного сотрудничества на данный момент представляет собой достаточно разрозненную систему инструментов, предусмотренных международными договорами и национальными правилами. В связи с этим возникает ряд вопросов решение, которых необходимо для успешного взаимодействия и достижения необходимого уровня безопасности государств. Среди таковых: соблюдение национального права и гармонизация национальных правовых систем [2, с. 153], в этих целях; прямое действие международных норм для успешного и оперативного сотрудничества в уголовном процессе [3, с. 370].

Процедуры в рамках сотрудничества должны совершаться без значительных затрат времени и ресурсов, при снижении бюрократической нагрузки. Государства при различных возможностях технического,

экономического и иного характера должны иметь возможности равные более благополучным контрагентам правоотношений [4, с. 74].

Цифровые инструменты могут способствовать прогнозированию развития преступных сетей [5, с. 194], предотвращению отдельных групп преступлений [6, с. 152–157], распознаванию лиц [7, с. 450], использованию роботов [8, с. 144–148] и т.д., однако необходимо создать для этого техническую площадку.

Отсутствие универсальных механизмов не умаляет возможности интеграционных объединений. Площадка БРИКС может быть удобной для развития базовых идей унификации соответствующих правил.

Перечисленные проблемы правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного процесса обусловили необходимость разработки новых средств и методов повышения эффективности международного сотрудничества. Данная деятельность должна быть направлена на разработку единых стандартов оказания правовой помощи, определение правил и принципов универсального международного сотрудничества, учитывая политические и дипломатические проблемы.

Оптимизация международного сотрудничества возможна посредством подписания документа, определяющего стандарты и границы оказания правовой помощи. Для этого требуется детальный экспертный анализ общей практики успешного взаимодействия, а также проблем достижения целей сотрудничества в уголовной сфере.

Упрощение бюрократических процедур обработки запросов, возможность применения информационно-телекоммуникационных технологий, позволяющих организовать взаимодействие непосредственно между правоохранительными и судебными органами разных государств, может ускорить и облегчить процесс оказания правовой помощи.

Непрерывный мониторинг данных в международных ресурсах, в которых будут отражаться соответствующие запросы о правовой помощи, а также содержаться информация о транснациональных и иных тяжких преступлениях, соответственно, и о лицах, совершивших данные преступления рассматривается в качестве приоритетного.

Развитие международного сотрудничества в уголовной сфере выступает ключевым аспектом поддержания международного мира и безопасности. Прямой контакт правоохранительных органов разных стран в целях оказания правовой помощи может создать необходимый эффект в борьбе с преступностью, а цифровые возможности способствуют их реализации.

Список использованных источников:

1. Бикеев И.И., Клемин А.В., Гончарова Н.Н., Латыпова Э.Ю. Правовой потенциал БРИКС / БРИКС: российский взгляд: пролегомены в научное исследование феномена БРИКС / А.В. Тимирясова, И.Е. Дискин, И.И. Бикеев [и др.]. – Казань: Изд-во «Познание», 2024. – 224 с.

2. Клемин А.В., Гончарова Н.Н., Денисович В.В. Экстрадиция сегодня: проблемы реализации // Проблемы экономики и юридической практики. – 2022. – Т. 18, № 6. – С. 150–154.

3. Гончарова Н.Н., Латыпова Э.Ю., Гончаров Н.А. Проблемы проведения Уголовно-Процессуальных действий с участием иностранных граждан, на Российской территории, а также в зданиях посольств и консульств России. – Казань, 2021. – С. 366–372.

4. Гончарова Н.Н., Дятлова Е.В. Развитие уголовного процессуального законодательства в сфере проведения следственных действий с использованием видео-конференц-связи с лицами, находящимися на территории иностранных государств // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции. В 6 т., Казань, 22 сентября 2023 года. – Казань: Издательство «Познание», 2023. – С. 77–80.

5. Гончарова Н.Н., Гусаков А.Е. Современные инструменты расследования транснациональных преступлений как меры обеспечения национальной безопасности // Обеспечение безопасности современного общества и государства в условиях многополярного мира : Сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 17–19 апреля 2025 года. – Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 2025. – С. 189–196.

6. Латыпова Э.Ю., Гильманов Э.М. Использование цифровых ресурсов при охране архитектурных памятников Российской Федерации / В сборнике: Цифровые технологии и право. Сборник научных трудов II Междунар. научно-практич. конф.: в 6 тт. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2023. – С. 152–157.

7. Шевелева К.В. Возможности использования технологий искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности: зарубежный опыт // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7 (223). – С. 448–450.

8. Begishev I., Shutova A., Niyozmetdinov D., Kiiko D., Gilmanov R. Humans and Robots: Transformations of Professional Communication in the Digital Era / В сборнике: 2025 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS). – IEEE, 2025. – P. 144–148.

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ КАК КОМПОНЕНТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Н. Г. Колесень
научный сотрудник отдела исследований в области национальной безопасности, правоохранительной деятельности и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь

Аннотация. В статье рассматривается специфические особенности правоотношений по возмещению ущерба, в результате совершения преступления. Проводится сравнительный анализ данных правоотношений с правоотношениями по возмещению вреда, возникающих в рамках гражданского законодательства. Описываются отличительные признаки рассматриваемых правоотношений, а также анализируется их структура. Делается вывод о необходимости дальнейшей теоретической разработки исследуемого вопроса ввиду его практической значимости.

Ключевые слова: правоотношения; возмещение ущерба; вред; преступление; охранительное законодательство.

Экономическая безопасность государства, являясь по своему содержанию широким понятием, включает различные аспекты не только из экономической, но и правовой сферы, фактически предопределяющей непосредственную реализацию исследуемого явления. В тоже время экономическая безопасность как на глобальном, так и локальном уровне, обеспечивается различными средствами. Так, при совершении преступления, значимым вопросом является восстановление социальной справедливости в т. ч. посредствам возмещения причиненного таким деянием ущерба. В этой связи особый интерес представляет исследование специфических особенностей правоотношений, складывающихся в связи с причинением такого ущерба.

Вопрос правоотношений является одним из наиболее актуальных и дискуссионных в рамках охранительного законодательства. Подобный интерес обуславливается широким содержательным значением данного явления, поскольку практически любой уголовно-правовой аспект в рамках своей реализации порождает соответствующие правоотношения. Вместе с тем в литературе отмечается, что несмотря на столь актуальный характер данного явления, существует большое количество отдельных элементов его применения, которые на практике являются в достаточной мере не изученными. Следовательно, могут возникать сложности с единообразным толкованием содержательного значения рассматриваемых явлений. Более

того, в уголовном праве все еще не выработан единый подход к непосредственному пониманию правоотношений, что лишь усугубляет складывающуюся ситуацию. В этой связи возникает объективная потребность в более глубоком исследовании данного вопроса. Особый интерес представляет его рассмотрение с позиции правоотношений, складывающихся в связи с возмещением ущерба, причиненного преступлением, поскольку в данном случаем подразумевается межотраслевой характер возникающих правоотношений. Также актуальность указанного вопроса предопределяет его непосредственное содержательное наполнение: возмещение ущерба в результате неправомерного поведения в отношении лица направлено на обеспечение социальной справедливости и призвано способствовать достижению компенсаторной функции права. Описанные обстоятельства и предопределяют необходимость рассмотрения настоящего вопроса.

Отдельные аспекты правоотношений в сфере охранительного законодательства исследуется в трудах белорусских и зарубежных авторов, среди которых Н. А. Бабий, А. В. Барков, М. Н. Белов, Г. А. Василевич, И. О. Грунтов, О. С. Иоффе, В. В. Марчук, Ю. Б. Мельникова, А. В. Наумов, Р. О. Халфина, В. М. Хомич, М. Д. Шаргородский, П. С. Элькинд и другие. При этом в части правоотношений по возмещению ущерба, причиненного преступлением, а именно самого понятие таких правоотношений и их содержательного наполнения, границ рассматриваемых правоотношений в контексте деликтного законодательства, в отечественной литературе фактически не рассматривается, что и обуславливает актуальность их более детального изучения.

Отметим, что рассматриваемая проблема имеет межотраслевой характер, поскольку возмещение ущерба, причиненного в результате совершенного преступления, взыскивается в порядке гражданского судопроизводства. В свою очередь сам механизм возмещения вреда предполагает использование решений, не охватываемых содержательным наполнением уголовного права. Следовательно, исследуемый вопрос целесообразно рассматривать комплексно, подвергая анализу «базовые» понятия.

На основе проведенного исследования трудов, опубликованных в рамках рассматриваемого вопроса [1, с. 217; 2, с. 173; 3; 4 и др.], а равно результатов проведенного исследования в рамках выполнения автором научно исследовательской работы 2024–2025 гг. по заданию «Восстановление социальной справедливости как задача правоохранительной политики Республики Беларусь», представляется возможным выделить следующие отличительные особенности анализируемых правоотношений.

1. Проведенное исследование показало, что правоотношения по возмещению ущерба, причиненного преступлением обуславливаются междисциплинарным характером их формирования. В их основе находятся нормы как материального, так и процессуального права. Причем, при указании на материальное право предполагается в первую очередь взаимодействие

гражданского и уголовного законодательства. В тоже время в части процессуального взаимодействия подразумевается непосредственная связь гражданской процессуальной и уголовно-процессуальной отраслей. Подобный междисциплинарный характер складывающихся правоотношений фактически предопределяет их концептуальные отличительные особенности.

2. Возможно констатировать, что структура правоотношений по возмещению ущерба, причиненного преступлением, является схожей с классическим пониманием структуры правоотношений и включает в себя объект, субъект и содержание.

При этом правоотношение по возмещению ущерба, причиненного преступлением – это возникающая на основе нормы права, предусмотренной Уголовным кодексом, общественная связь между государством и пострадавшим в результате совершения преступления лицом и лицом, причинившим вред охраняемым уголовным законом социальным ценностям, содержанием которой является обязанность последнего возместить причиненный ущерб пострадавшему лицу и обязанность государства гарантировать данное возмещение.

3. Из проведенного общего анализа причинения ущерба в контексте уголовных правоотношений, возможно отметить, что данным правоотношениям свойственны определенные черты:

– правоотношения, складывающиеся между лицом, причинившим ущерб охраняемым законом социальным ценностям, и государством, возникают в связи со стремлением последнего обеспечить охрану указанных ценностей, предупреждение преступлений и решение иных задач по стимулированию правопослушного поведения, развитию научно-технического прогресса и выражению юридической недопустимости противоправного поведения;

– такие правоотношения по своему характеру являются с одной стороны охранительными, поскольку их возникновение является следствием совершения преступления, а с другой стороны регулятивными, ввиду того, что само возмещение вреда (ущерба) обеспечивается механизмами, содержащимися в регулятивных отраслях права;

– субъектами названного правоотношения являются физическое вменяемое лицо, достигшее на момент причинения вреда возраста уголовной ответственности, лицо, которому был нанесен ущерб в результате совершения преступления и государство, обладающие комплексом взаимных субъективных прав и юридических обязанностей;

– основанием возникновения указанного правоотношения является сложный юридический состав обстоятельств, наличие которых порождает право лица, которому был нанесен вред преступлением, требовать его возмещения, обязанность лица возместить вред, причиненный преступлениями и обязанность государства всесторонне способствовать данному возмещению.

Таким образом, правоотношения по возмещению ущерба, причиненного преступлением, по своей содержательной характеристике во многом близки классическому пониманию правоотношению по возмещению вреда. Вместе с тем существует ряд отличительных особенностей, обуславливаемых в первую очередь спецификой охранительного законодательства. В тоже время очевидно, что ввиду своей практической значимости для рассматриваемого законодательства, вопрос правоотношений по возмещению ущерба, причиненного преступлением, нуждается в дальнейших исследованиях. Представляется, что такие исследования будут способствовать не только решению теоретических аспектов исследуемой проблемы, но и выработке эффективных механизмов разрешения социального конфликта, возникающего в связи с совершением преступления, а равно способствовать дальнейшему формированию действенных механизмов правовой охраны экономической безопасности.

Список использованных источников:

1. Марчук В.В. Об уголовно-правовых отношениях [Электронный ресурс] // Консультант Плюс Беларусь. – Минск, 2025.

2. Энциклопедия уголовного права. Т. 1: Понятие уголовного права. – СПб., 2005. – 698 с.

3. Шевченко А.С. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями. – URL: http://lawlibrary.ru/izdanie17666.html (дата обращения: 24.05.2025).

4. Савинов А.В. Понятие и содержание уголовного правоотношения вертикального типа, связанного с причинением вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-soderzhanie-ugolovnogo-pravootnosheniya-vertikalnogo-tipa-svyazannogo-s-prichineniem-vreda-pri-obstoyatelstvah (дата обращения: 24.05.2025).

УДК 343.3

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ АКТИВОВ, ПРИОБРЕТЕННЫМ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, ПУТИ ИХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

А. В. Кривов
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Международного университета «МИТСО»,
кандидат юридических наук

Аннотация. В статье раскрыта проблематика уголовно-правового обеспечения противодействия легализации активов, приобретенных преступным путем, в Российской Федерации и Республике Беларусь. Определено содержание термина активы, приобретенные преступным путем. Раскрыта проблема уголовной ответственности за легализацию (отмывание) преступных активов, при неосторожном отношении к их криминальному происхождению.

Ключевые слова: доходы; полученные преступным путем; криминальный активы; денежные средства; имущество.

В настоящее время объемы доходов, полученных преступным путем, в условиях продолжающейся всеобщей глобализации и интеграции мирового сообщества, и инвестируемых различными субъектами в легальную экономику средств, могут негативно влиять как на национальную, так и международную безопасность в экономической, экологической, военной, политической и других сферах.

Индикативным показателем значительной международной опасности отмывания криминальных активов может служить и международный резонанс проблемы. Вопросам противодействия легализации криминальных активов посвящено множество международных документов и конвенций:

В рамках ЕАЭС экономические процессы Российской Федерации и Республики Беларусь тесно переплетены, что предполагает необходимость совместных решений в сфере противодействия легализации (отмыванию) преступных активов. Следует отметить, что Россия и Беларусь подписали и ратифицировали ряд международных конвенций. Например, Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. № 344-З 2/1093 (03.12.2004) «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции». Заключено также Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о

сотрудничестве и взаимной помощи в области борьбы с незаконными финансовыми операциями, а также финансовыми операциями, связанными с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем (12 февраля 1999 г.).

В целях эффективного противодействия легализации преступных доходов в рамках Союзного государства России и Беларуси, а также ЕАЭС возникла необходимость унификации нормативной базы Российской Федерации и Республики Беларусь и соответствующей правоприменительной практики.

Следует констатировать, что уголовно-правовое обеспечение противодействия легализации активов, приобретенных преступным путем, в Российской Федерации и Республике Беларусь в его современном состоянии не в полной мере соответствует международным правовым актам в области борьбы с этим явлением. Кроме того, выявленные в ходе исследования такие распространенные способы легализации, как майнинг криптовалют, выигрыш в казино и т.д., выходят за пределы уголовно-правового запрета, предусмотренного уголовным законодательством России и Беларуси.

Как указывалось ранее, объемы доходов от активов, полученных преступным путем различными субъектами, негативно влияют на различные сферы жизнедеятельности всего мира. Данные субъекты (в первую очередь, этнические преступные сообщества и транснациональные преступные организации, а также транснациональные корпорации [1, с. 116]) осуществляют свою деятельность в рамках юрисдикций нескольких государств, извлекают прибыль и контролируют значительные финансовые и материальные активы, сопоставимые с размерами валового национального продукта отдельных развитых стран.

По подсчетам ряда специалистов, доходы от операций по легализации преступных материальных ценностей (отмыванию денег), составляют несколько сотен миллиардов долларов в год и превышают валовой национальный доход большинства стран. По оценкам зарубежных экспертов, в мире ежегодно легализуется до полутора триллионов долларов США [2, с. 3], а по другим оценкам уже 1,6 триллиона долларов [3, с. 8].

Вопросам борьбы с легализацией средств, добытых преступным путем (криминальных активов) посвящено множество международных документов и конвенций: Конвенция ООН о борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г., Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г., Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г., рекомендации Специальной финансовой комиссии по проблемам отмывания денег (FATF

– Financional Action Task Forceof Money Laundering), Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г. Директива 2005/60/ЕС Европейского парламента и Совета Европы «О предотвращении использования финансовой системы в целях отмывания капиталов и финансирования терроризма» от 26 октября 2005 г., Модельный закон СНГ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем» от 8 декабря 1998 г. и др. Данная тематика стала предметом исследований отечественных и российский ученых-юристов – А. А. Арямова, В. И. Михайлова, В. В. Меркушина, Н. И. Пикурова, Ю. Е. Пудовочкина, С. Е. Данилюка, Э. А. Иванова, В. В. Хилюты, А. И. Лукашова, А. В. Баркова и др.

Имплементация международных стандартов в российское и белорусское уголовное законодательство; оптимизация уголовно-правового арсенала противодействия легализации криминальных активов в соответствии с современными реалиями преступной деятельности, пути повышения эффективности российского и белорусского уголовного законодательства с учетом международных стандартов и зарубежного опыта в рассматриваемой сфере представляют собой особую актуальность.

Такие распространенные в настоящее время способы легализации, как майнинг криптовалют, проигрыш в казино и т.д., выходят за пределы уголовно-правового запрета, предусмотренного уголовным законодательством России и Беларуси. Вне пределов уголовно-правового исследования оказались множество форм легализации криминальных активов, которые преступный мир разработал и использует.

Использование в нормативных и доктринальных источниках терминами «преступные доходы», «имущество», «денежные средства» в настоящее время являются в значительной степени анахронизмом. Сегодня цивилизация находится на заключительной стадии формирования информационного общества, в котором экономику определяют, прежде всего, нематериальные блага.

В международной практике противодействия легализации криминальных доходов небезосновательно оперируют термином «активы», который является универсальным, сохраняя, тем не менее, приверженность к традиционным подходам (например, п. «d» ст. 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. и аналогично п. «d» ст. 2 Конвенции ООН против коррупции 2003 г.) под имуществом понимаются любые материальные и нематериальные активы, движимые или недвижимые, выраженные в вещах или в правах, а также юридические документы или акты, подтверждающие право собственности на такие активы или интерес в них.

Вместе с тем, новейшие методы легализации криминальных доходов, практикующиеся криминальным сообществом, ставят акцент именно на нематериальных активах, таких как авторские, патентные права, информационные ресурсы т.д. [4, с. 197–200].

Под активами, добытыми преступным путем, следует понимать обращающиеся в экономических отношениях, основанные на имевших место в прошлом событиях предпринимательской деятельности, приобретенные в результате совершения преступления, подлежащие бухгалтерскому учету (при владении ими хозяйствующим субъектом) ресурсы, имеющие финансово-стоимостной эквивалент, участвующие в коммерческом обороте, направленном на получение любого экономического преимущества.

Следует отметить, что такое правонарушение, как «отмывание» активов, стало рассматриваться в качестве преступления относительно недавно, хотя имеет давнюю историю.

В. М. Алиев отмечает, что «еще в эпоху Римской республики (508–30 гг. до н.э.) 509-27 г. до н.э. можно было обнаружить немало свидетельств действий, подобных легализации незаконных материальных ценностей. Так, патрициат и верхушка среднего класса (сословие всадников) «отмывали» в прямом и переносном смысле имущество, добытое во время многочисленных военных кампаний. Это были наиболее ценные вещи (изделия из золота и другие драгоценности), которые присваивались, хотя подлежали сдаче государству.

В дошедших до нас древних источниках содержатся упоминания о присвоении и растрате общественного имущества, также подлежащего обращению в доход Римской республики. Нарушение этих правил наказывалось смертной казнью. Для воинов в качестве исключения возможно было разжалование либо увольнение со службы с позором» [5, с. 16–17].

В настоящее время данный пример в большей степени соответствует преступлениям, связанными с хищениями имущества. Чтобы проследить эволюцию становления термина «отмывание денег», обратимся к эпохе средневековья.

В теории отмечается, что «в средневековье католическая церковь запрещала ростовщичество, рассматривая его не только как преступление, но и как смертный грех. Торговцы и ростовщики для сокрытия фактов получения процентов по займам применяли различные ухищрения, внешне схожие с легализацией преступных капиталов. По предварительной договоренности они (торговцы) намеренно увеличивали обменный курс, чтобы покрыть также выплату процентов, мотивируя это тем, что процент по платежам является специальной премией по компенсации риска или платой за поздний платеж».

При этом «кредитор и заемщик заранее договаривались, что подобная задержка платежа якобы имела место. Иногда, определенный капитал давался якобы в долг, а затем возвращался обратно, но уже в виде полученной прибыли, а не как процент по займу, хотя в действительности никакой прибыли не было.

Отмечаются случаи, когда платежные проценты представлялись в качестве доходов фиктивных коммерческих учреждений, которые в действительности не занимались заявленной деятельностью».

Д.И. Аминов, исследуя проблематику зарождения природы отмывания денег отмечает, что, «например, в Средние века Испания значительно опередила другие страны Европейского континента по объему ввозимых драгоценных металлов, добытых, как правило, пиратским способом, что, в свою очередь, значительно замедлило экономическое развитие страны. При наличии такого большого объема денежной массы для страны отпала необходимость развивать ремесла и промышленность. Выгоднее было организовать импорт необходимых товаров. Подобная закономерность весьма отчетливо прослеживается и на примере целого ряда современных государств, строящих свою экономическую систему на принципах оффшорных зон. Такие страны нередко создают самые благоприятные условия для вливания криминальных денег, полученных в результате торговли наркотиками, оружием, иных видов противоправной деятельности, оттесняя на задний план легально функционирующих законопослушных хозяйствующих субъектов

Сочетание в субъективной стороне одного преступления признаков умысла и неосторожности достаточно давно известно уголовно-правовой доктрине (труды П. С. Дагеля, С. В. Бородина, Л. Д. Гаухмана, В. Н. Кудрявцева, Б. А. Куринова, А. И. Рарога, Н. К. Семерневой и т. д.), отражено в действующем законодательстве (ст. 27, ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, ст. 25 Уголовного кодекса Республики Беларусь, и т.д.), и освоено правоприменительной практикой (например, п.6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации). Сочетаемость умысла и неосторожности – умысел по отношению к деянию и неосторожность по отношению к последствию не исчерпывает симбиоза различных форм и видов вины. В данном случае рассматривается сочетание различных форм вины в контексте, популярном в международном праве и в законодательстве большинства государств: умышленные действия по легализации активов и легкомысленное отношение к оценке предикатного деликта – субъект (в нарушение требований «антилегализационного», банковского… права) не проявил

должной осмотрительности и щепетильности в вопросе проверки происхождения активов и ввел их в хозяйственный оборот.

В заключение следует указать, что уголовно-правовые нормы Республики Беларусь и Российской Федерации в области противодействия легализации активов, приобретенных преступным путем, нуждаются в совершенствовании, поскольку уголовно-правовое обеспечение противодействия легализации активов, приобретенных преступным путем, в Российской Федерации и Республике Беларусь в его современном состоянии не соответствует требованиям реальности.

Список использованных источников:

1. Меркушин В.В. О некоторых проблемах международно-правового статуса транснациональных корпораций и их идентификации в качестве квазисубъектов транснациональной организованной преступности // Право.by. – 2022. – 1 (75). – С. 116–122.

2. Евразийская группа по противодействию отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ): Рабочая группа по типологиям (РГТИП). – 2011 (10). – ЕАГ VII. – 31 с.

3. Жубрин Р.В. Противодействие легализации преступных доходов (зарубежный и российский опыт). – АПКиППРО, 2010. – 316 с.

4. Меркушин В.В. Перспективные направления совершенствования организационно-правового механизма Республики Беларусь по противодействию легализации («отмыванию») денежных средств и материальных ценностей, полученных в результате транснациональной организованной преступной деятельности // Актуальные проблемы противодействия экономической преступности на современном этапе: сб. ст. / Отв. ред. С.В. Изосимов, С.В. Петров. – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2012. – С. 196–210.

5. Алиев В.М. Легализация (отмывание) доходов, полученных незаконным путем. Уголовно-правовое и криминологическое исследование: монография. – М.: Институт современного права, 2001. – С. 16–17.

УДК 343.2

ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ПРОХОЖДЕНИЕМ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ

Э. Ю. Латыпова
заведующий кафедрой уголовного права и процесса Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), кандидат юридических наук, доцент
Э. Е. Азаров
студент Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)

Аннотация. В статье проводится комплексный правовой и этический анализ института освобождения от уголовной ответственности и наказания в связи с прохождением военной службы, предусмотренного Федеральным законом от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». В работе сопоставляются современные подходы с историческим опытом СССР в годы Великой Отечественной войны, включая практику применения штрафных батальонов, военных трибуналов и исполнения приговоров в боевых условиях. Рассматриваются риски произвольного применения механизма, вопросы справедливости, правовой определённости и целеполагания уголовно-правовой политики.

Ключевые слова: военное время; освобождение от ответственности; мобилизация; военная служба; штрафные батальоны; военные трибуналы; правопорядок.

С начала специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 года российское законодательство стало активно адаптироваться к условиям военного времени. Одним из наиболее дискуссионных актов стал Федеральный закон № 270-ФЗ от 24 июня 2023 года «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», предоставляющий возможность освобождения от уголовной ответственности и наказания лицам, проходящим военную службу в условиях мобилизации. Законодатель позиционировал данный механизм как средство «искупления» вины перед государством посредством участия в боевых действиях, одновременно решая проблему комплектования армии.

Возникает необходимость критического анализа нового института с точки зрения его соответствия принципам уголовного права, международным стандартам, а также оценки этической допустимости подмены классических санкций участием в военных действиях. Особую ценность в данном контексте

представляет исторический опыт СССР, в том числе периода Великой Отечественной войны, когда также практиковалась замена исполнения наказания фронтовой службой.

Освобождение от уголовной ответственности и наказания в условиях войны не является новым явлением для отечественной правовой системы. В ходе Великой Отечественной войны, в целях обеспечения мобилизации и сохранения боеспособности армии, принимались специальные нормативные акты, предусматривающие отправку осуждённых на фронт.

Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» положил начало масштабной перестройке системы правосудия: в военных округах были учреждены военные трибуналы, которым передавались дела как в отношении военнослужащих, так и гражданских лиц. Согласно Постановлению ВЦИК от 15 февраля 1923 года и Постановлению ЦИК и СНК СССР от 23 мая 1928 года, военным трибуналам подлежали дела о преступлениях, угрожающих безопасности Красной Армии, включая действия гражданских лиц в прифронтовых зонах.

С 1942 года, с изданием приказа НКО СССР № 227 («Ни шагу назад!») и последующего приказа № 298, было введено широкое применение штрафных батальонов и рот как формы наказания и одновременно – последнего шанса для осуждённых военнослужащих. Рассматривая исследования Д. Г. Девяшина, штрафные подразделения функционировали с июля 1942 г. по июнь 1945 г. За это время в них было направлено в общей сложности 427 910 военнослужащих [1, с. 63]. Механизм предусматривал временное лишение званий, наград, подчинение особому режиму и возможность снятия судимости после боевого отличия.

24 февраля 2022 года ознаменовалось началом специальной военной операции, что потребовало срочных изменений в российском уголовно-правовом регулировании. Среди наиболее значимых новелл – Федеральный закон № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», вводящий механизм освобождения от уголовной ответственности и наказания за счёт прохождения военной службы в условиях мобилизации или военного времени. С одной стороны, законодатель преследовал утилитарные цели комплектования вооружённых сил; с другой – декларировал возможность «реабилитации» лиц, вступивших в конфликт с уголовным законом. Наиболее ярко это проявилось в сентябре 2022 г., когда появилась открытая информация об участии в штурмовых группах ЧВК «Вагнер» лиц с непогашенной судимостью [2, с. 1795]. Уже в январе 2023 г. около двух десятков осужденных, принимавших участие в СВО, получили помилование и были освобождены от дальнейшего отбывания наказания. Еще через два месяца уже свыше пяти тысяч осужденных, выполнивших условия заключенного контракта, также были освобождены [3, с. 132]. Однако подобная замена классического наказания на условное «отбывание долга» в условиях военной

службы вызывает серьёзные вопросы относительно её соответствия принципам уголовного права и этическим основаниям реабилитации.

До 2022 года российское законодательство не признавало прямой связи между службой в армии и освобождением от уголовной ответственности. Законодатель предусматривал лишь традиционные институты смягчения наказания: условное осуждение, отсрочку исполнения приговора, а в особых случаях - прощение потерпевшим. В сентябре 2022 г. был принят закон № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», разрешивший приостанавливать уголовное преследование в отношении мобилизованных, однако досрочное прекращение дела и погашение судимости стали реальными лишь после вступления в силу вышеуказанного закона № 270-ФЗ. В зарубежных правовых системах прямого освобождения через военную службу не существует: Европейские государства ограничиваются традиционными смягчающими обстоятельствами и программами социальной реабилитации, а в США практикуется лишь временная приостановка судебных процедур без полного прощения судимости. Следовательно, российская новация не имеет близких аналогов и требует взвешенного правового, этического и доктринального обоснования.

Согласно закону № 270-ФЗ, к освобождению от уголовной ответственности и наказания допускаются: подозреваемые, обвиняемые и подсудимые, чьи дела приостановлены по ходатайству командования воинской части; осуждённые, находящиеся в местах лишения свободы, при условии условного прекращения исполнения наказания; лица, имеющие непогашенную судимость, призванные по мобилизации или заключившие контракт до 23 марта 2024 года. Основаниями для освобождения являются награждение государственной наградой за период службы или увольнение по определённым законодательством основаниям. При этом лицо сохраняет право отказаться от использования данной нормы и тогда уголовное преследование продолжится в обычном порядке, однако практика показывает, что такие отказы в основном номинальны. В результате, применение новеллы приводит к полному погашению судимости и аннулированию уголовного статуса без отбывания классического наказания.

Уголовный закон требует соразмерности между тяжестью деяния и мерой наказания. Привязка освобождения к факту военной службы не учитывает характера совершённого преступления, а также его последствий для потерпевших, что противоречит ст. 6 УК РФ («Принцип справедливости»), тем самым приводя к подрыву принципа неотвратимости наказания. Основная превентивная функция уголовного права базируется на убеждённости в неизбежности наказания. Предоставление исключения для мобилизованных и контрактников ради мобилизационных целей ослабляет дезагрегирующий эффект наказания и создаёт прецедент политически мотивированного смягчения мер ответственности.

Рассматривая этическую строну, возникает коллизия реабилитации через участие в боевых действиях. Мы исходим с позиции реабилитации, в рамках традиционной трактовки, а именно как процесса внутреннего изменения личности и социальной адаптации, а не как условия оказания услуги государством. Предложение «искупить» преступление риском для жизни и применением насилия противоречит гуманистическим основам уголовного законодательства и нормам международного гуманитарного права. Привязка освобождения к службе в армии формирует опасный прецедент: тяжесть деяния и личность преступника отодвигаются на второй план. Убийца или насильник может быть «реабилитирован» на тех же условиях, что и лицо, совершившее преступление небольшой тяжести. Это противоречит основам уголовного права - ст. 6 УК РФ. Закон не содержит чёткого перечня преступлений-исключений, оставляя широкое усмотрение командованию. Это создаёт возможности коррупции, необоснованного освобождения, в том числе в обход суда, что также прямо противоречит принципу законности и предсказуемости права. Участие в боевых действиях, сопряжённых с насилием, травмой и стрессом, не гарантирует ни исправления, ни ресоциализации. Более того, лицо может усугубить деструктивные черты личности [4, с. 609]. Реабилитация требует психологической работы, контроля, оценки изменений, а не просто факта участия в СВО.

Исторически освобождение от наказания через службу также было обусловлено военной необходимостью. Однако: принимались временные меры через подзаконные акты (приказы, постановления); не предусматривалось автоматическое погашение судимости; осуждённые направлялись в штрафные части, несли реальные боевые потери, были под постоянным надзором особого отдела; институт применялся ограниченно, преимущественно к военнослужащим. Исследуя схожую тему, Э.Ю. Латыпова и Н.Н. Гончарова отмечают ряд важных тезисов: военное время используется в качестве юридического факта, инициирующего применение ряда правил, действующих в условиях войны, и может возникнуть при любой военной деятельности в широком смысле [5, с. 170].

Современная модель фактически предоставляет гораздо более широкие и «мягкие» условия, что делает необходимым её нормативное и концептуальное уточнение. Противоречия в законодательном регулировании данного института отмечаются большим количеством ученых в области концептуального наполнения уголовного законодательства, например, А.И. Рарогом [6, с. 48], Н.А. Лопашенко [7, с. 70] и другими.

Закон не содержит чёткого перечня преступлений, по которым освобождение невозможно. Это создаёт риски произвольного решения командиров и порождает неравномерное применение новеллы, что противоречит принципу правовой определённости и предсказуемости (ст. 1 УК РФ).

В практике командирское ходатайство остаётся единственным фильтром, что создаёт угрозу злоупотреблений и коррупции. Для снижения

этих рисков необходимо: сформировать исчерпывающий перечень преступлений-исключений (например, преступления против личности, особо тяжкие преступления); ввести объективные критерии оценки поведения призванных (акты доблести, дисциплинарные взыскания, прохождение социальных программ); учредить независимый контрольный орган (с участием представителей военного суда и уполномоченного по правам человека) для проверки обоснованности ходатайств; обеспечить публичный доступ к статистике применения нормы, что усилит прозрачность и укрепит доверие общества.

Для сохранения системной целостности уголовно-правового комплекса предлагаем переработать институт освобождения в виде особой реабилитационной программы, дополняющей классические меры наказания. В данном ключе мы видим определенный интерес в суждениях В.К. Дуюнова: «уголовно-правовые цели не должны размываться при реализации цели комплектования Вооруженных Сил лицами, вступившими в конфликт с уголовным законом» [8, с. 53].

Вышесказанное позволит: сохранить неизбежность ответственности по всем категориям преступлений; предоставить лицам с судимостью дополнительные варианты ресоциализации без утраты справедливости; убрать прямую связь «военная служба → полное освобождение», заменив её «военная служба + выполнение реабилитационных мероприятий → условное освобождение с контролем».

Подводя итоги, мы приходим к пониманию, что инициатива освобождения от уголовной ответственности за счёт военной службы была продиктована потребностями мобилизации, однако на практике ставит под угрозу принципы справедливости [9, с. 39; 10, с. 344] и неотвратимости наказания, размывает понятие реабилитации и создаёт условия для произвольного применения нормы. Для достижения баланса между интересами национальной безопасности и требованиями уголовного права необходимо переработать действующие правовые основания, чётко определить круг исключений, усилить контроль за ходатайствами и интегрировать институт в общую систему уголовной ответственности как одну из форм реабилитации, а не замену наказания.

Институт освобождения от уголовной ответственности и наказания в связи с военной службой является правовым феноменом с высокой степенью общественной и юридической значимости. Исторический опыт СССР подтверждает целесообразность временного и строго регулируемого применения подобных механизмов в исключительных условиях. Однако современная редакция закона № 270-ФЗ требует существенной корректировки: усиления правовых фильтров, устранения этических коллизий и обеспечения баланса между целями уголовного права и государственной безопасности. История учит, что ради победы нельзя разрушать систему справедливости. Иначе победа теряет свой правовой смысл.

Список использованных источников:

1. Девяшин Д.Г. Создание штрафных рот и батальонов в действующей Красной армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Кузбасского института. – 2015. – № 2 (23). – С. 57–63.

2. Виноградова А.Ю. Актуальные уголовно-правовые и криминологические особенности привлечения и участия осужденных лиц в специальной военной операции / В сборнике: Право и правосудие в современном мире. Сборник научных статей молодых исследователей. – СПб: ООО Центр научно-информационных технологий Астерион, 2024. – С. 1794–1802.

3. Лопашенко Н.А. О необходимости законодательного регулирования участия осужденных, не отбывших наказание, в специальной военной операции // В сборнике: Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: материалы Всерос. научн.-практ. конф. с междунар. участием (1-2 июня 2023 г.). – Самара: Изд-во Самар. юрид. ин-та ФСИН, 2023. – С. 131–132.

4. Латыпова Э.Ю., Мусина Р.Р., Клейн М.С. Биологические процессы и особенности, влияющие на преступное поведение, в антропологическом аспекте / В сборнике: Семья и традиционные семейные ценности как духовно-нравственная основа развития общества и государства. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2024. – С. 604–612.

5. Латыпова Э.Ю., Гончарова Н.Н. О военном времени как квалифицирующем признаке преступлений против военной службы // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2024. – № 3. – С. 162–172.

6. Рарог А.И. Военно-уголовное право России: состояние и перспективы // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 45–52.

7. Лопашенко Н.А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2023 г. // Российское право: образование, практика, наука. – 2024. – № 1. – С. 69–81.

8. Дуюнов В.К., Закомолдин Р.В. Почему «приказал долго жить» Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ // Вестник военного права. – 2024. – №3. – С. 51–57.

9. Козаченко И.Я., Мелюханова Е.Е. Баланс интересов при назначении наказания // European and Asian Law Review. – 2023. – Т. 6. – № 1. – С. 38–44.

10. Латыпова Э.Ю. Принцип равенства и принцип гуманизма и их особенности в уголовном праве // В сборнике: Конституция Российской Федерации и развитие правовой системы государства: общетеоретические и отраслевые аспекты. Материалы Международной научно-практической конференции. – Казань: Изд-во Отечество, 2019. – С. 341–346.

УДК 343.01

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ ПРИ ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Ю. А. Мартынов
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного университета «МИТСО»

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы окончания предварительного расследования и предложены дополнения в нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие ознакомление участников уголовного процесса с материалами уголовного дела.

Ключевые слова: предварительное расследование; участники уголовного процесса; ознакомление с материалами уголовного дела; график ознакомления; электронное информирование.

К сожалению, в уголовно-процессуальной деятельности за последние годы накопилось много проблем, без решения которых невозможно эффективно вести борьбу с преступностью. Одной из них является превышение сроков предварительного расследования, установленных УПК Республики Беларусь (далее по тексту – УПК). Так, за 2019 год следователями Следственного комитета Республики Беларусь (далее по тексту – СК) окончено предварительное расследование 38891 уголовного дела, из них по 8821(22,68%) уголовному делу предварительное следствие длилось свыше 2-х месяцев. В 2020 году следователями СК было расследовано 42998 уголовных дел, из них 34629 (91%) были переданы прокурору для направления в суд. При этом из всех направленных в суд 6802 дела (19,64 %) окончены в сроки, превышающие срок предварительного расследования. За 2021 год следователями СК окончено предварительное расследование 35971 уголовного дела, из них по 7799 (21,68, %) уголовному делу предварительное следствие длилось свыше 2-х месяцев [1].

Таким образом, количество уголовных дел, по которым следователям СК Республики Беларусь производится предварительное расследование в срок свыше 2-х месяцев, составляет ежегодно около одной пятой всех передаваемых прокурору дел. Налицо тенденция стабилизации количества уголовных дел, направляемых прокурору с превышением 2-месячного срока предварительного расследования, установленного УПК.

Ещё более сложная ситуация сложилась в Российской Федерации (далее по тексту – РФ). Так, в 2019-2021 гг. фактически каждое 4-е уголовное дело заканчивалось следователями МВД России с превышением установленного ст.

162 УПК РФ 2-хмесячного срока (2019 г. – 23,7%, 2020 г. – 24,4%, за 9 месяцев 2021 г. – 23,4%). Причем в большинстве случаев (почти две трети) срок следствия по указанным делам продлевался до 3 месяцев и далее [2].

Как считает А. А. Киселев «*…не всегда нарушение сроков расследования объясняется сложностью уголовного дела. Как правило, главным фактором выступает допускаемая должностными лицами волокита, что приводит «в лучшем случае» к незаконному приостановлению производства расследования по делу, а в худшем – к прекращению дела по реабилитирующим основаниям, спустя продолжительный период расследования*» [3, с. 77].

Нарушение сроков предварительного расследования зачастую приводит к недоверию участников уголовного процесса (граждан) к действующей правоохранительной системе. Из этого следует, что проблемам обеспечения законности в уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования на этапе окончания предварительного расследования необходимо уделять больше внимания со стороны государственных органов и правовой науки. Проблемам окончания предварительного расследования посвящены отдельные научные исследования Ю. А. Андриенко, Ю. Н. Белозерова, А. Г. Волковой, И. М. Гуткина, А. Я. Дубинского, А. М. Донцова, С. П. Ефимичева, А. А. Киселёва, В. А. Коханова, Г. М. Миньковского, И. Н. Нуриева, С. К. Питерцева, А. В. Рагулина, А. П. Рыжакова, А. В. Савкина, Н. А. Якубовича и др. Однако их рекомендации способствовали решению лишь части проблем, связанных с окончанием предварительного расследования. Многие вопросы обеспечения законности в этой сфере остались не исследованными. Кроме того, актуальность исследования процессуальных аспектов окончания предварительного расследования вызвана существенными изменениями в уголовно-процессуальном законодательстве, которое претерпело много новшеств, что значительно усложнило применение норм права.

Как подчеркивает И. Н. Нуриев, в последнее время участники уголовного процесса в России, права и законные интересы которых затрагиваются в ходе проведения предварительного расследования, все чаще сталкиваются с увеличением сроков производства предварительного расследования, что сопровождается нарушением прав граждан на своевременную судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, гарантированное Конституцией и УПК РФ [4, с. 115–120]. А.С. Бахта и И.Н. Нуриев обоснованно считают, что при длительном производстве предварительного расследования, которое может превышать 2 месяца и длится несколько лет, у потерпевших и иных лиц формируется негативное мнение о работе органов предварительного расследования [5, с. 38].

Одной из важных причин, порождающих нарушение правоприменителем срока предварительного расследования, полагаем, является неэффективное планирование и организация органами предварительного расследования процесса ознакомления потерпевших,

обвиняемого, его защитника и иных лиц с материалами уголовного дела, а также пробелы в правовой регламентации данного процессуального действия.

Конституционный суд РФ в своем определении разъяснил, что судам следует проверять обоснованность решений органов предварительного следствия о невозможности своевременного ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела по объективным причинам; выяснять, в связи с какими обстоятельствами обвиняемый и его защитник не ознакомились с материалами дела в полном объеме; четко устанавливать, не является ли это обстоятельство результатом неэффективной организации органами предварительного расследования процесса ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела [6].

Вместе с тем УПК РФ предусматривает возможность ограничения сроков ознакомления участников уголовного процесса с материалами уголовного дела после заявления следствием обоснованного ходатайства. Исходя из указанного определения Конституционного Суда РФ, ныне органы предварительного следствия РФ прежде, чем ходатайствовать перед судом об ограничении сроков ознакомления участников уголовного процесса с материалами уголовного дела, запасаются доказательствами явного затягивания предварительного расследования путем длительного ознакомления с материалами дела. Наиболее эффективным доказательством «затягивания» выступает информация о месте ознакомления, датах и времени (периодах) предоставления материалов дела и ознакомлении. Данная информация сосредоточена в графике ознакомления с материалами дела (далее по тексту – график ознакомления).

Полагаем, что в Республике Беларусь, как и в РФ, существует пробел в законодательном регулировании процедуры ознакомления участника уголовного процесса с материалами дела. Поскольку график ознакомления, составляемый следователем либо прокурором (если последний возбудил и расследовал дело) не предусмотрен УПК, адвокаты зачастую отказываются учинять подпись в этом документе. Такую позицию защитников отстаивает ряд ученых и практических работников различных ведомств. Так, например, А. Г. Волкова констатирует: «*Составление подобных графиков не имеет под собой правовой основы, УПК РФ не предусматривает такого процессуального документа, в связи с чем адвокат вправе отказаться подписывать такой график*» [7].

А.В. Рагулин утверждает: «*Соблюдать график, составленный следователем,…вовсе не обязательно. Поэтому, как представляется, адвокату-защитнику не следует подписывать соответствующие графики с целью ограничить сторону обвинения в ее возможности доказывания в ходе судебного заседания явного затягивания ознакомления с делом*» [8]. Аналогичной точки зрения придерживаются многие представители адвокатских палат РФ и Белорусской республиканской коллегии адвокатов.

Как установлено в ходе изучения сложных многотомных уголовных дел, хранящихся в архиве Минского областного суда, иногда следователи,

составляя графики ознакомления обвиняемого и защитника с уголовным делом, не предусматривают графу для подписи защитника. Так, по уголовному делу № 17061320002, поступившему в Минский областной суд 05.11.2018 г., содержатся три протокола ознакомления одного и того же обвиняемого Р.Б.С. с материалами дела и три графика ознакомления этого же обвиняемого, составленные последовательно членами следственной группы в связи с жалобами Р.Б.С. на отказ в предоставлении всех материалов уголовного дела, неэффективным использовании следователями своего рабочего времени при ознакомлении с делом и просьбами продлить срок ознакомления [9, л.д. 209-220].

Похожая ситуация сложилась при завершении предварительного расследования многотомного (165 томов материалов предварительного следствия) уголовного дела № 12086300007, которое расследовалось на протяжении пяти лет. При этом, полагаем, следователями были допущены процессуальные нарушения при ознакомлении участников процесса с материалами дела. Так, в графике ознакомления с делом обвиняемого С. 24.02.2017 г. указано, что тот ознакомлен с содержанием 8-го и 9-го тома (всего 578 листов) за 10 минут (с 12 часов до 12 часов 10 минут). В том же графике ознакомления указано, что обвиняемый С. за 5 минут (с 14 часов 20 минут до 14 часов 25 минут) был ознакомлен с содержанием томов 5, 6 и 7 (всего 695 листов), что фактически нереально. В том же графике ознакомления обвиняемого С. с делом имеются явные исправления (том 166, л.д.9) [12, л.д. 9].

В графике ознакомления с материалами этого же дела адвоката В. указаны 16 дат (с 27.02.2017 по 21.03.2017 г.) о предъявлении тому материалов уголовного дела. Однако адвокат явился всего два раза и ознакомился (частично) в общей сложности с 15-ю томами дела из 165 (том 166, л.д.12). Время ознакомления с делом адвоката В. в графике не отражено. В даты неявки адвоката для ознакомления с делом напротив его фамилии в соответствующей графе следователем записано «*не явилась*» [10, л.д. 12].

В настоящее время УПК Республики Беларусь не предусматривает составление такого процессуального документа, как график ознакомления участника уголовного процесса с материалами уголовного дела. Взгляды на законодательное закрепление обязанности составления следователем данного документа в УПК у представителей уголовно-процессуальной науки, правоприменителей существенно различаются. Различны и предлагаемые варианты составления (реквизиты) такого графика ознакомления.

В завершение исследования следует перечислить ещё несколько практических проблем правореализации, выявленные на основе собственного опыта расследования уголовных дел и изучения материалов сложных уголовных дел, хранящихся в архивах судов Республики Беларусь.

Во-первых, представляется, что определить часть материалов уголовного дела, которая относится к гражданскому иску, весьма затруднительно. Практически любой документ, помещённый в дело, может

быть использован гражданским истцом, гражданским ответчиком, их представителями для обоснования своей позиции по делу.

Во-вторых, одновременное ознакомление с уголовным делом нескольких потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков и их представителей требует больших как временных, так и материальных затрат: предоставление помещения и оборудования, присутствие следователя, отвлечение участников уголовного процесса от трудовой (служебной) деятельности и др.

В-третьих, выписывание обвиняемым, его законным представителем и защитником сведений «в любом объёме» (ч.2 ст. 257 УПК) существенно удлиняет во времени процедуру ознакомления с делом. Предоставление данным участникам уголовного процесса возможности самостоятельно знакомиться с материалами уголовного дела, размещёнными на магнитных (цифровых) носителях и копировать их, полагаем, существенно упростит и удешевит данную процедуру.

В-четвёртых, наряду со «старым», действующим порядком вызова лиц для производства процессуальных действий, необходимо предусмотреть возможность использования нового, электронного информирования участников уголовного процесса о необходимости их участия в производстве процессуальных действий и разъяснения им прав и обязанностей.

С учетом изложенного в целях оптимизации процедуры ознакомления участников уголовного процесса с материалами дела при окончании предварительного расследования предлагаем внести в УПК Республики Беларусь следующие дополнения:

1. Ст. 6 УПК Республики Беларусь дополнить пунктом 3.1 следующего содержания: «*график ознакомления с материалами уголовного дела – процессуальный документ, отражающий ход и события ознакомления участников уголовного процесса с материалами уголовного дела*»;

2. Дополнить главу 22 УПК статьёй 195^1 *«Электронное информирование участников процессуальных действий»,* состоящей из двух частей, закрепив в них порядок вызова лица для производства процессуальных действий и использование электронных документов при производстве предварительного расследования: «*Часть 1. Участнику уголовного процесса может быть предложено дать согласие на получение повесток, уведомлений о принятых процессуальных решениях, копий иных процессуальных документов в электронной форме (СМС-сообщения, электронная почта, факсимильные сообщения, иные способы и средства передачи электронных данных)». «Часть 2. Согласие лица на электронное информирование должно быть подтверждено документом, в котором наряду с данными об этом лице и его согласием на электронное информирование указываются способы связи (номер телефона, адрес электронной почты, факса, иные способы связи), посредством которых должны осуществляться вызовы, уведомления, вручение копий процессуальных документов».*

3. Дополнить ст. 255 УПК частями 4^1, 4^2, 4^3, 4^4 следующего содержания:

«Часть 4^1 *Предоставление по окончании предварительного расследования потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, обвиняемому и его защитнику, давших согласие на получение копий документов в электронной форме, материалов уголовного дела обеспечивается путем одновременного предоставления (направления) им копий материалов дела на электронных носителях. Лицо, содержащееся под стражей, знакомится с электронными документами при помощи технических средств, предоставляемых администрацией мест содержания под стражей либо органом предварительного расследования. Умышленное повреждение этих технических средств приравнивается к отказу в реализации права на ознакомление с материалами уголовного дела*».

«Часть 4^2 *Способ предоставления участникам уголовного процесса электронных копий материалов уголовного дела (передача технического средства, обеспечивающего возможность ознакомления с электронными документами, или электронного носителя, копирование на электронный носитель участника уголовного процесса, отправление на электронную почту) определяется следователем в зависимости от технической возможности и объема дела*».

«Часть 4^3 *Процесс ознакомления с материалами уголовного дела по решению следователя или руководителя следственного подразделения отражается в графике ознакомления с материалам уголовного дела с указанием даты, времени и места ознакомления, количества прочитанных листов материалов уголовного дела, а также осмотра иных материалов (вещественных доказательств, фотографий, материалов аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки и иных приложений к протоколам следственных действий)».*

Часть 4^4 «*По окончании дня ознакомления с материалами уголовного дела записи в графике удостоверяются подписями лиц, участвующих в ознакомлении, а также лицом, его производящим. В случаях, когда в уголовном деле несколько обвиняемых либо ознакомление с материалами уголовного дела обвиняемым и защитником производится раздельно, график ознакомления составляется на каждое лицо отдельно. В случае отказа лицом, участвующим в процедуре ознакомления с материалами уголовного дела, в подписании графика ознакомления с материалами уголовного дела, следователь или руководитель следственного подразделения удостоверяет данный факт в порядке ст. 194 настоящего Кодекса»;*

4. Часть 1 ст. 258 УПК Республики Беларусь дополнить предложением следующего содержания: «*К протоколу ознакомления с материалами уголовного дела по решению следователя может прилагаться график ознакомления участника уголовного процесса с материалами уголовного дела, при условии его составления*».

Список использованных источников:

1. Сведения по уголовным делам Следственного комитета Республики

Беларусь за 2016–2021 гг., переданные на основании запроса ректора Учреждения образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий» об оказании содействия от 08.06.2022 г. / Следств. ком. Респ. Беларусь.

2. Андриенко Ю.А. Обеспечение следователем быстроты и полноты предварительного расследования – Автореф. дисс….к.ю.н. – М., 2022. – URL: https://www.dissercat.com/content/obespechenie-sledovatelem-bystroty-i-polnoty-predvaritelnogo-rassledovaniya# (дата обращения: 12.05.2025).

3. Киселев А.А. Роль прокурора в соблюдении органами расследования разумного срока уголовного судопроизводства // Криминалистъ. – 2012. – № 2 (11). – С.75–78.

4. Нуриев И.Н. График ознакомления с материалами уголовного дела как средство обеспечения разумного срока предварительного расследования // Вестник Сибирского юридического института МВД России – № 3 (32) – 2018. – С. 115–120.

5. Бахта А.С., Нуриев И.Н. Поведение участников уголовного судопроизводства в ходе предварительного расследования как одна из причин нарушения разумного срока // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4 – С. 36–40.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 1519-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Евстафьевой О. В. на нарушение ее конституционных прав статьями 109, 215 и 219 УПК Российской Федерации». – URL: http://nla-service.minjust.ru:8080/rnla-links/ws//content/act/b9389280-ca56-496f-8053-afc6fcaefbb2.html (дата обращения: 10.05.2025).

7. Волкова А.Г. Защитник в предварительном расследовании по делам о преступлениях, отнесенных к компетенции таможенных органов: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Российская таможенная академия. – М., 2002. – URL: https://www.dissercat.com/content/zashchitnik-v-predvaritelnom-rassledovanii-po-delam-o-prestupleniyakh-otnesennykh-k-kompeten (дата обращения: 13.05.2025).

8. Рагулин А.В. Право адвоката-защитника на ознакомление с материалами уголовного дела после завершения предварительного расследования: проблемные вопросы регламентации и практической реализации // Адвокат. – 2012. – № 4. – С. 16–25.

9. Материалы уголовного дела № 17061320002 (2-4/2019) – Архив Минского областного суда за 2019 год.

10. Материалы уголовного дела № 12086300007 – Архив Минского областного суда за 2017 год.

УДК 346.26

ПРИБЫЛЬ УЧАСТНИКОВ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА КАК ЦЕЛЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С. Б. Матвийчук
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье описана одна из актуальных проблем корпоративных отношений – распределение прибыли между участниками хозяйственных обществ. Исследованы правовые нормы, регламентирующие распределение прибыли между участниками хозяйственных обществ в гражданском законодательстве Республики Беларусь. Осуществлен анализ некоторых примеров из судебной практики распределения прибыли между участниками хозяйственных обществ.

Ключевые слова: годовое общее собрание; дивиденды; коммерческая организация; прибыль; распределение прибыли; участники общества.

Фактически основной целью создания коммерческой организации является получение прибыли. Так согласно части 2 пункта 1 статьи 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь предпринимательская деятельность – это самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления [1].

Получение прибыли не является самоцелью деятельности хозяйственного общества. Прибыль распределяется между ее участниками (учредителями).

Рассмотрим порядок и условия распределения прибыли на примере такой организационно-правовой формы, как общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО). Рассматриваемой теме посвящены статьи 69-72, 96 Закона Республики Беларусь от 09.12.1992 № 2020-XII (ред. от 08.07.2024) «О хозяйственных обществах» (далее – Закон о хозяйственных обществах).

Несмотря на, казалось бы, детальное регулирование распределения прибыли в законодательстве, порядок ее выплаты в ООО вызывает множество вопросов. Рассмотрим некоторые из них.

Одной из первых проблем является разночтение в использовании терминологии. Например, в ООО речь идет о распределении чистой прибыли, в АО – о выплате дивидендов по размещенным акциям. Так, согласно статьи 96 Закона о хозяйственных обществ часть прибыли общества с ограниченной ответственностью, остающаяся в его распоряжении после уплаты налогов и иных обязательных платежей, покрытия убытков текущих периодов, образовавшихся по вине самого общества, и отчислений в фонды этого общества, за исключением случаев, установленных настоящей статьей, может быть распределена между его участниками пропорционально размерам их долей в уставном фонде общества, если иное не установлено его уставом [2].

В статье 72 этого же закона употребляется уже иная терминология, а, именно, в случаях и порядке, определенных законодательными актами, акционерное общество обязано выплачивать дивиденды.

Представляется, как с теоретической, так и с правовой точки зрения, что данные понятия являются тождественными. Определенную точку в данной дискуссии ставит налоговое законодательство, в котором согласно подпункта 2.4 статьи 13 Налогового кодекса Республики Беларусь дивиденды – доход, начисленный организацией (кроме простого товарищества) участнику (акционеру) по принадлежащим данному участнику (акционеру) долям (паям, акциям) в порядке распределения прибыли, остающейся после налогообложения [3].

К дивидендам приравниваются любые доходы, начисленные унитарным предприятием собственнику его имущества – юридическому или физическому лицу в порядке распределения прибыли, остающейся после налогообложения, а также приходящаяся на долю вышедшего (исключенного) участника хозяйственного общества часть прибыли, остающейся после налогообложения, полученная этим обществом с момента выхода (исключения) этого участника до момента расчета с ним.

Основные проблемы правоприменения по данной проблематике возникают при определении условий и порядка распределения и выплаты дивидендов участникам (акционерам) ООО (АО), которые должны быть закреплены в уставе общества, так в силу абз. 11 ч. 2 ст. 14 Закона о хозяйственных обществах учредительным документом хозяйственного общества является устав хозяйственного общества, утвержденный его учредителями (участниками), который должен помимо всего прочего определять условия и порядок распределения прибыли и убытков.

Вместе с тем согласно законодательству, дивиденды в ООО могут быть выплачены только при соблюдении следующих обязательных требований:

1) общим собранием участников ООО (ОДО) (далее – общее собрание) принято решение о распределении прибыли и выплате дивидендов (далее – решение о выплате дивидендов) (абз. 5 ч. 1 ст. 34 Закона о хозяйственных обществах).

2) отсутствуют обстоятельства, при которых общее собрание не вправе принять решение о выплате дивидендов, а также выплачивать эту прибыль:

– до полной оплаты всего уставного фонда общества;

– до выплаты действительной стоимости доли (части доли) участника общества в случаях, установленных Законом;

– если общество с ограниченной ответственностью приобретает или имеет устойчивый характер неплатежеспособности в соответствии с законодательством об экономической несостоятельности (банкротстве) или если указанный характер приобретается этим обществом в результате такой выплаты;

– если на момент принятия такого решения либо на момент выплаты прибыли стоимость чистых активов общества меньше суммы его уставного фонда и резервных фондов или станет меньше их суммы в результате такой выплаты.

Вышеперечисленные обстоятельства согласно ч. 3 ст. 96 Закона о хозяйственных обществах должны отсутствовать и на момент выплаты ООО дивидендов участникам.

Обращаем внимание, что распределение прибыли между участниками (выплата дивидендов) – право, а не обязанность ООО. Следовательно, даже если прибыль есть, а обстоятельств, препятствующих выплате дивидендов, нет, общее собрание вправе решить не выплачивать дивиденды.

С определенной проблемой участники обществ сталкиваются при определении периодичности распределения прибыли (выплаты дивидендов) в ООО (ЗАО). Данный вопрос оставлен на усмотрение самого общества, которое вправе самостоятельно определять, как часто при наличии прибыли оно будет выплачивать своим участникам дивиденды.

Вместе с тем, вопрос распределения прибыли общества обязательно должен быть включен в повестку дня годового общего собрания. Следовательно, как минимум один раз в год необходимо принимать решение о выплате дивидендов в обществе.

На основании изложенного считаем, что периодичность распределения прибыли (выплаты дивидендов) в обществе может быть

любой. Размер прибыли, оставшейся в распоряжении общества после уплаты налогов, иных платежей и т.п., определяется по данным бухгалтерского учета. Законодательство не предусматривает, в какой именно части данная прибыль должна быть распределена между участниками общества. Соответственно размер прибыли, направляемой на выплату дивидендов, общество определяет самостоятельно. Как правило, он либо устанавливается соответствующим решением общего собрания общества.

Существует общее правило распределения прибыли. Согласно ему размер дивидендов, выплачиваемых участникам общества, определяется пропорционально размерам их долей в уставном фонде.

Некоторые вопросы вызывает форма выплаты дивидендов. Законодательство не содержит прямого ответа на данный вопрос. На практике дивиденды в общества выплачиваются в следующих формах: денежной или (и) неденежной. Несмотря на возможность выбора обществом формы выплаты дивидендов, рекомендуется выплачивать их денежными средствами. Это связано с тем, что при передаче участникам в счет дивидендов, например, продукции существенно затрудняется их реальная оценка [4].

Законодательство также не ограничивает общество и в вопросе определения срока выплаты дивидендов участникам. Такой срок, как правило, устанавливается соответствующим решением общего собрания о выплате дивидендов.

В соответствии с частью 3 статьи 96 Закона о хозяйственных обществах порядок и срок непосредственной выплаты дивидендов должны быть прописаны либо в уставе общества, либо в решении общего собрания о выплате дивидендов. Если же такой срок не определен ни уставом, ни соответствующим решением, то дивиденды нужно выплатить не позднее 60 дней со дня принятия решения об их выплате.

Основной проблемой является определение оснований для распределения прибыли. В силу пункта 12 статьи 168 Налогового кодекса Республики Беларусь дивиденды считаются начисленными участникам общества с даты принятия общим собранием решения о выплате дивидендов.

Представляется, что эти различия обусловлены спецификой разных организационных правовых форм и не меняют сути понятий, имеющих одинаковое значение для целей распределения.

В соответствии с частью второй пункта 29 Постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 31.10.2011 № 20 (ред. от 30.04.2013) «О некоторых вопросах рассмотрения дел с участием коммерческих организаций и их учредителей (участников)» (далее –

Постановление № 20) при отсутствии решения общего собрания акционеров (участников ООО (ОДО) об объявлении и выплате дивидендов (о распределении прибыли и ее выплате) оснований для их выплаты, требования их выплаты, удовлетворения иска о взыскании дивидендов (прибыли) не имеется [5].

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

Гражданское законодательство определяет, что целью создания и деятельности коммерческой организации является получение прибыли. Распределение прибыли (дивидендов) вызывает ряд проблем в правоприменительной практике. В данной работе предлагается ряд практических рекомендаций по их разрешению, а, именно:

Анализ разночтения использованной в законодательстве терминологии между распределением чистой прибыли и выплатой дивидендов по размещенным акциям как с теоретической, так и с правовой точки зрения, позволяет сделать вывод, что данные понятия являются тождественными и использовать любое из них;

Дивиденды в ООО могут быть выплачены только при соблюдении следующих обязательных требований:

1) общим собранием участников ООО (ОДО) (далее – общее собрание) принято решение о распределении прибыли и выплате дивидендов (далее – решение о выплате дивидендов) (абз. 5 ч. 1 ст. 34 Закона о хозяйственных обществах).

2) отсутствуют обстоятельства, при которых общее собрание не вправе принять решение о выплате дивидендов, а также выплачивать эту прибыль:

– до полной оплаты всего уставного фонда общества;

– до выплаты действительной стоимости доли (части доли) участника общества в случаях, установленных Законом;

– если общество с ограниченной ответственностью приобретает или имеет устойчивый характер неплатежеспособности в соответствии с законодательством об экономической несостоятельности (банкротстве) или если указанный характер приобретается этим обществом в результате такой выплаты;

– если на момент принятия такого решения либо на момент выплаты прибыли стоимость чистых активов общества меньше суммы его уставного фонда и резервных фондов или станет меньше их суммы в результате такой выплаты.

Периодичности распределения прибыли (выплаты дивидендов) *в ООО* (ЗАО) определяется по усмотрению самого общества, которое вправе самостоятельно решить, как часто при наличии прибыли оно будет выплачивать своим участникам дивиденды, однако данный вопрос должен

быть включен в повестку дня годового общего собрания. Следовательно, как минимум *один раз в год* необходимо принимать решение о выплате дивидендов в обществе.

Размер прибыли, направляемой на выплату дивидендов, общество определяет самостоятельно пропорционально размерам их долей в уставном фонде.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: текст Кодекса по состоянию на 31 дек. 2021 г. : Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

2. О хозяйственных обществах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 9 декабря 1992 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2021 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

3. Налоговый кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : текст Кодекса по состоянию на 31 дек. 2021 г. : Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

4. Пащенко Т. Выплачиваем дивиденды в ООО (ОДО) [Электронный ресурс] – URL : https://ilex.by/vyplachivaem-dividendy-v-ooo-odo-kak-kogda-i-skolko/ (дата обращения: 18.06.2025).

5. О применении норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь от 16.12.1999 № 16 : Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

УДК 343.9; 341.2

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В. В. Меркушин
докторант факультета международных отношений Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье исследуются актуальные вопросы развития законодательства Республики Беларусь в сфере обеспечения национальной безопасности и совершенствования правового регулирования по противодействию транснациональной организованной преступности в социально-экономической сфере.

Автором обосновывается и предлагается ряд предложений по уточнению положений новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь и соответствующих положений уголовного законодательства.

Ключевые слова: национальная безопасность; Концепция национальной безопасности; экономическая безопасность; совершенствование уголовного законодательства; транснациональная организованная преступность.

I. К настоящему времени, проблемы, создаваемые транснациональной организованной преступностью, являются актуальными, объективными и представляют реальную угрозу безопасности государств. Наиболее интенсивно они проявляются в условиях глобализации и еще сохраняющейся однополярности международных отношений, реформирования основных военно-политических и экономических союзов и альянсов, противостояния транснациональных корпораций на международных рынках национальным интересам государств, установления и предотвращения фактов криминальных и некриминальных чрезвычайных ситуаций, возникающих в период трансграничных ограничений, постконфликтных и кризисных ситуаций.

Особенно на это влияет необоснованная сдержанность ведущих стран мирового сообщества в постановке и решении действительно первоочередных задач по урегулированию основных проблем безопасности государств, - противодействия новым вызовам и угрозам, – эскалация вооруженных конфликтов, борьба с транснациональной организованной преступностью, международным терроризмом, распространением оружия массового поражения, новых форм

киберпреступлений в сфере высоких и информационно-коммуникационных технологий, зачастую с игнорированием основополагающих принципов и норм международного права, положений Устава и решений ООН.

Указанные и иные факторы значительно повлияли на принятие новой Концепции правовой политики Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. определившей юридические основы консолидации усилий государства, общества и граждан по защите национальных интересов (п. 11), обусловили необходимость их учета при формировании концептуальных положений новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь от 25 апреля 2024 г.

Представляется, что актуальность угроз транснациональной организованной преступности национальной безопасности Республики Беларусь несколько «теряется» в числе прочих вызовов и угроз, заслуживая более пристального законодательного внимания, особенно в сфере национальной безопасности и развития практически ориентированного уголовно-правового регулирования. К настоящему времени в отечественной юридической науке данная проблематика уже находила предметное отражение в работах Е. Ф. Довгань [1], В. Ю. Арчакова, А. Л. Баньковского [2], Н. О. Мороз [3], С. В. Верлупа [4], В. Ф. Ермолович [5], С. Н. Князева [6], В. И. Берестеня [7], и др.

II. Современная транснациональная организованная преступность представляет собой международно-правовой феномен, выражающийся в возможности совершения преступными организациями (группами), а также иными негосударственными субъектами (транснациональными корпорациями, неправительственными организациями, некоторыми западными частными военными и охранными компаниями) противоправных деяний, предусмотренных нормами международного и внутригосударственного права, на территории нескольких стран в целях незаконного получения прямо или косвенно финансовой, материальной или иной выгоды, представляющих угрозу системам национальной и международной безопасности в различных областях.

В национальном законодательстве Республики Беларусь термин «транснациональная организованная преступность» используется в новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь 2024 г., сохранивший указанный подход, связывая его с нарастающим перечнем угроз политического насилия и экстремизма далее завершив этот перечень собственно транснациональной организованной преступностью и ее традиционными формами (ч. 10 п. 5).

В специализированном Законе Республики Беларусь о борьбе с организованной преступностью от 27 июня 2007 г. указанный термин не используется, ограничиваясь выделением одного из основных направлений международного сотрудничества, направленного на

предупреждение, выявление и пресечение преступлений, носящих транснациональный характер (ст. 5).

Для Республики Беларусь сохраняющаяся актуальность вызовов и угроз транснациональной организованной преступности определяет в качестве перспективной деятельность в международно-правовой сфере (в частности, в рамках инициирования нормотворческого процесса по разработке и принятию конвенции по борьбе с контрабандой и транснациональной контрабандной деятельностью [8, с. 91–100], конвенции против киберпреступности и преступлений в сфере высоких технологий и информационной безопасности [9, с. 105–110]), в рамках региональных (субрегиональных) организаций (в первую очередь в управлении совместными системами безопасности и борьбе с отдельными видами транснациональной преступности) [10, с. 43–82; 11], своевременной имплементации принятых международных обязательств в национальное законодательство в области национальной безопасности и уголовно-правового регулирования.

Доктринальные и правовые источники, затрагивающие современную проблематику транснациональной организованной преступности, влияния ее вызовов и угроз на национальную безопасность, вызывают необходимость их более четкого отражения в действующей Концепции национальной безопасности Республики Беларусь.

В частности, предлагается следующее:

1) Дополнить часть 10 п. 5 проекта Концепции после слов «… ксенофобии, агрессивному национализму, сепаратизму и…», новой редакцией следующего содержания:

«*традиционным и новым формам транснациональной организованной преступности (незаконному обороту наркотиков, торговле людьми, нелегальной миграции, незаконному ввозу нефти и нефтепродуктов, незаконному обороту ядерных и радиоактивных материалов, незаконной добыче полезных ископаемых, киберпреступлениям и преступлениям в сфере информационно-коммуникационных технологий, преступлениям против дикой живой природы, фальсификациям медицинской продукции и др.)*».

2) Дополнить п. 4 проекта Концепции между частями «военная безопасность» и «экологическая безопасность», новым абзацем (частью) следующего содержания:

«пограничная безопасность – состояние защищенности национальных интересов от трансграничных вызовов и угроз на государственной границе и в пограничном пространстве».

3) Для придания целостности и системности восприятия, используемых в проекте Концепции понятийного аппарата, предлагается переместить определение «обеспечение национальной безопасности» из п. 49 в п. 4 перед абзацем (частью) «субъекты национальной безопасности».

4) Абзац (часть) 6 п. 20 проекта Концепции изложить в следующей редакции:

«Нерушимость Государственной границы Республики Беларусь является необходимым компонентом суверенитета, территориальной целостности и обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Государственная граница Республики Беларусь не может быть предметом территориальных споров, притязаний и иных посягательств, противоречащих национальному законодательству и международным соглашениям (договорам) Республики Беларусь. Охрана, а в особых случаях, вооруженная защита Государственной границы Республики Беларусь в системе национальной обороны Республики Беларусь, должны обеспечиваться надлежащим образом. Стабильность пограничной безопасности Республики Беларусь является одним из качественных показателей функционирования всей системы национальной безопасности Республики Беларусь и эффективности ее обороны».

5) Абзац (часть) 18 п. 29 изменить и изложить в следующей редакции:

«возникновение и развитие традиционных и новых форм и видов преступных деяний, особенно связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий, трансграничной организованной преступностью и международным терроризмом, противоправной деятельностью различных транснациональных либо иностранных преступных формирований (групп, организаций).

6) Абзац (часть) 2 п. 38 изменить и изложить в следующей редакции:

«*деятельность на территории Республики Беларусь террористических, экстремистских, транснациональных или зарубежных преступных (групп) организаций, незаконных вооруженных формирований, преследующая цели по дестабилизации общественного порядка, развязывания межнациональной и религиозной розни, провоцированию внутреннего вооруженного конфликта*».

7) п. 43 после слов «расширение масштабов трансграничной преступности» добавить:

«*ее новых форм и способов совершения преступлений…*».

8) Абзац (часть) 6 п. 46 изменить и представить в следующей редакции:

«*недостаточный прогресс в формировании механизма международного сотрудничества в противодействии преступности с использованием информационно-коммуникационных технологий*».

9) абзац (часть) 28 п. 53 дополнить и представить в следующей редакции:

«*развитие и своевременное реагирование субъектов международного сотрудничества в борьбе со всеми видами транснациональной организованной преступности, особенно связанной с терроризмом и преступлениями террористической и экстремистской направленности, торговлей людьми, незаконной миграцией, незаконным*

оборотом наркотиков, киберпреступностью, а также иными, вновь возникающими видами преступности».

10) Абзац (часть) 1 п. 54 после слов (товаров, работ, услуг) дополнить словами:

«*а также противодействия стимулирующим факторам «теневой экономики*».

11) п. 54 подзаголовок «защита от внешних угроз национальной безопасности» аналогично иным уже используемым подходам в тексте проекта Концепции конкретизировать и дополнить соответствующими словами:

«*в экономической сфере*».

Завершить п. 54 абзацем (частью) следующего содержания:

«*противодействия деструктивному воздействию недобросовестных транснациональных корпораций (ТНК), политике их монополизации отдельных сфер экономики, адаптирования под корпоративные интересы национального и международного законодательства, механизмов международной банковской и кредитно-финансовой систем*».

12) Абзац (часть) 25 п. 56 «важнейшими направлениями защиты от внешних угроз являются предупреждение трансграничной преступности, выявление и пресечение преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий», термин «трансграничной преступности» уточнить словом:

«*организованной*».

13) Абзац (часть) 4 п. 57 проекта Концепции после слов «важнейшими направлениями защиты от внешних угроз» дополнить словами:

«*в демографической сфере*».

Здесь же, после слов «а также активное противодействие незаконной миграции» дополнить словами:

«*торговле людьми, незаконной торговле органами человеческого тела (трансплантатами), проституции и распространению порнографии, особенно детей и несовершеннолетних, иным преступлениям, посягающим на половую неприкосновенность (свободу) человека*».

14) Абзац (часть) 9 п. 61 проекта Концепции в подзаголовке «важнейшими направлениями защиты от внешних угроз» дополнить словами:

«*в экологической сфере*».

Здесь же, после слов «правового разрешения экологических проблем», дополнить словами:

«*а также противодействия вызовам и угрозам транснационального характера в сфере экологической безопасности*».

15) п. 70 проекта Концепции дополнить (завершить) новым абзацем (частью):

«*уровень и динамика преступности, особенно в ее наиболее опасных формах и вновь возникающих видах*».

Предлагаемые изменения и дополнения в Концепцию национальной безопасности могут носить дискуссионный характер, однако являются новыми, содержательными и способны привнести в данный документ более новую научно-обоснованную и практически ориентированную смысловую нагрузку.

III. Таким образом, нормотворческая практика в Республике Беларусь по противодействию транснациональной организованной преступности и иным угрозам национальной безопасности, в целом развивается динамично, последовательно, закрепляя в национальном законодательстве необходимый новейший юридический инструментарий.

Вместе с тем, после подписания Республикой Беларусь Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., последующего анализа и оценки ее угроз как национальной, так и международной безопасности, стало очевидным, что транснациональная организованная преступность перестала быть предметом изучения исключительно юридических наук уголовно-правового цикла. Требуется междисциплинарный подход в изучении ее современных проблем, результативно применимый в практической деятельности компетентных органов, а также в нормотворческой и правоприменительной практике.

Предложенные автором инновации в действующее и формирующееся законодательство могут быть учтены при решении ряда важнейших задач по обеспечению состояния защищенности национальных интересов Республики Беларусь в сфере безопасности (международной и национальной), повышения качества уголовно-правового регулирования в соответствии с международными стандартами и соглашениями Республики Беларусь.

Список использованных источников:

1. Довгань Е.Ф. Международные организации и поддержание международного мира и безопасности: моногр. – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. – 262 с.

2. Арчаков В.Ю., Баньковский А.Л., Зенченко Е.В. Даркнет в контексте рисков национальной безопасности // Право.by. – 2021. – № 6 (74). – С. 5–10.

3. Мороз Н.О. Применение принципа должной осмотрительности в отношении актов, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в период международного вооруженного конфликта // Информационная безопасность личности и государства в современном международном праве: материалы круглого стола каф. гос. упр. юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 12 апр. 2022 г. / Белорус. гос.

ун-т; редкол.: В.С. Михайловский (гл. ред.), Е.Ф. Довгань, Н.О. Мороз. – Минск: БГУ, 2022. – С. 72–83.

4. Верлуп С.В. Национальная безопасность на государственной границе: идеи, мнения, предложения: моногр. – Минск: ВА РБ, 2017. – 156 с.

5. Ермолович В.Ф., Князев С.Н., Меркушин В.В. Теоретические и международно-правовые проблемы противодействия транснациональной организованной преступности: моногр. – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. – 318 с.

6. Князев С.Н., Гулякевич А.В. Национальная безопасность Республики Беларусь: курс лекций. 2-е издю – Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2006. – 178 с.

7. Берестень В.И., Синько О.В. Организационно-правовые основы противодействия транснациональной организованной преступности. – Минск: Институт нац. безопасности Респ. Беларусь, 2009. – 228 с.

8. Меркушин В.В. Транснациональная организованная преступность и международный нелегальный бизнес: правовые аспекты и новые угрозы безопасности государств // Научно-практический журнал «Вестник Белорусского государственного экономического университета». – №6 (149). – 2021. – С. 91–100.

9. Будько В.Н., Меркушин В.В. О некоторых проблемах обеспечения пограничной безопасности в информационной сфере // Информационная безопасность личности и государства в современном международном праве: материалы круглого стола каф. гос. упр. юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 12 апр. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. С. Михайловский (гл. ред.), Е.Ф. Довгань, Н.О. Мороз. – Минск: БГУ, 2022. – С. 105–110.

10. Довгань Е.Ф. Региональный механизм системы коллективной безопасности в современном международном праве: дисс. докт.юрид.наук. 12.00.10. – Минск, 2014. – 333 с.

11. Межгосударственная программа совместных мер по борьбе с преступностью на 2019-2023 [Электронный ресурс]. – URL: https://e-cis.info/cooperation/3192/83381/ (дата обращения: 10.07.2021).

УДК 347

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ ПРИНЦИПОВ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Н. С. Минько
ведущий научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье представлены отдельные теоретические изыскания по проблематике принципов корпоративного управления. В Кодексе корпоративного управления предлагается к закреплению система принципов корпоративного управления в целях установления эффективной и прозрачной структуры корпоративного управления в организации, обеспечивающей ее стабильное состояние и развитие, подотчетность, укрепление репутации и снижение затрат на привлечение капитала.

Ключевые слова: принципы корпоративного управления; корпоративная безопасность; баланс интересов; Кодекс корпоративного управления.

Динамично развивающаяся экономика требует гибкости и адаптивности правовых механизмов, обеспечивающих эффективное управление и защиту прав участников корпоративных отношений. Оптимальное правовое регулирование призвано обеспечивать баланс интересов всех участников корпоративных отношений и способствовать устойчивому развитию экономики и укреплению корпоративной безопасности. Глава белорусского государства обращает внимание на необходимость использования потенциала всех отраслей экономики и сфер деятельности (Директива Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2025 г. № 11 «О совершенствовании функционирования системы органов власти и управления, усилении исполнительской дисциплины»). Одним из направлений выполнения поставленных задач видится обеспечение корпоративной безопасности в деятельности субъектов экономических отношений.

Корпоративная безопасность – это превентивный экономико-правовой механизм, обеспечивающий устойчивую экономическую деятельность организаций при наличии рисков и угроз безопасности. Корпоративная безопасность представляет собой комплексную систему мер, направленных на защиту организации от широкого спектра угроз. Ключевыми *факторами*, определяющими эффективность этой системы, являются повышение требований к прозрачности и ответственности субъектов корпоративного управления; сокращение корпоративных споров и конфликтов; наличие эффективных частноправовых способов защиты от недобросовестного поведения участников корпоративных отношений; технологическая защита;

соблюдение нормативных требований в области защиты информации (включая политику в области персональных данных) и интеллектуальной собственности; развитие корпоративного комплаенса с управлением рисками; внедрение новых технологий и иные аспекты цифровизации, др.

Концептуальную основу рассматриваемой проблематики заложили фундаментальные труды известных отечественных и российских научных деятелей: В. К. Андреев, Ю. А. Амельченя, О. А. Бакиновская, Н. Л. Бондаренко, С. Н. Братусь, Е. Н. Бурак, А. М. Вартанян, Е. А. Васильев, Г. А. Гаджиев, О. В. Гайдук, Д. М. Генкин, В. П. Грибанов, Д. Д. Гримм, Е. П. Губин, Д. И. Дедов, В. В. Долинская, В. А. Егиазаров, Ж. А. Гриневич, Г. С. Захарова, Д. В. Иванова, О. С. Иоффе, И. В. Ершова, К. Д. Кавелин, Ю. Х. Калмыков, А. И. Каминка, Ж. Б. Киреева, Л. А. Козыревская, Р. С. Кравченко, М. И. Кулагин, Д. Д. Ландо, В. А. Лаптев, Д. В. Ломакин, Д. А. Макаров, Ю. А. Метелева, М. В. Мещанова, Л. А. Морозова, С. Д. Могилевский, В. П. Мозолин, Э. Х. Надысева, К. В. Нефедова, Е. А. Салей, Д. Н. Северин, Е. Б. Сердюк, К. И. Скловский, С. Е. Смыслов, П. В. Степанов, Е. А. Суханов, О. Н. Сыродоева, И. Т. Тарасов, В. А. Тархов, В. Ф Чигир, А. П. Фоков, Я. И. Функ, А. Ф. Храпуцкий, Л. В. Царева, И. С. Шиткина и др.

Повышение требований к прозрачности и ответственности корпоративного управления со стороны инвесторов, кредиторов и общества в целом на основе *соответствующих принципов* корпоративного управления, закрепленных в Кодексе корпоративного управления, обусловливает необходимость дальнейшего совершенствования механизмов контроля и защиты интересов заинтересованных сторон, а также вызывает неизменный исследовательский интерес к заявленной проблематике, что обусловливает актуальность темы.

Корпоративное управление – это система отношений, процедур, методов, посредством которых осуществляется руководство корпоративным юридическим лицом и контроль за его деятельностью. «Наличие действенной системы институтов корпоративного управления означает, что в организации соблюдаются права кредиторов и миноритарных акционеров, а ее менеджеры нацелены на максимизацию доходности, а не на следование секторальным интересам» [1, с. 32]. На формирование и дальнейшее развитие национальной модели корпоративного управления оказывают влияние следующие факторы: «особенности финансовой системы государства в части инвестиционной деятельности (распределение финансовых контрактов, состояние финансовых рынков, типы финансовых институтов, роль банков); соотношение источников финансирования корпораций; макроэкономическая и экономическая политика в государстве; политическая система государства; история развития и современные особенности правовой системы и культуры; традиции и степень вмешательства государства в экономику, его роль в регулировании правовой системы; сложившаяся практика деловых отношений» [1, с. 23].

Корпоративное управление можно условно разделить на две

составляющие: внутренние процессы и регуляторная среда. Внутренние процессы включают механизмы управления внутри организации, такие как работа совета директоров, вознаграждения менеджеров и отношения с акционерами. Регуляторная среда охватывает нормативные правовые акты, регулирующие деятельность организации и их влияние на участников бизнес-процессов. Обе составляющие играют важную роль в экономическом развитии, а именно, обусловливают привлечение инвестиций, так, эффективное корпоративное управление создает прозрачные и надежные структуры, привлекающие инвестиции; стимулирование инноваций и конкурентоспособности: эффективно управляемые компании способствуют инновациям и развитию новых технологий; улучшение финансовой стабильности: выстроенная система корпоративного управления снижает риски финансовых кризисов и неустойчивости; развитие рынка капитала: эффективное корпоративное управление способствует развитию рынка капитала и увеличивает доступность капитала для инвестиций; создание рабочих мест и рост производства: организации с устоявшимися практиками корпоративного успешнее создают рабочие места и стимулируют рост производства; имеет место социальная ответственность и устойчивое развитие: современные практики корпоративного управления включают социальную ответственность и учет интересов широкого круга заинтересованных сторон [2, с. 23]. В этой связи М. Г. Чириков констатирует, что «корпоративное управление не ограничивается только лишь взаимоотношениями между акционерами и (или) участниками организации, но и выходит за границы советов директоров и (или) собрания участников, распространяя свое действие на других уполномоченных и заинтересованных в управленческих решениях лиц и (или) организаций» [3, с. 238].

Задачи корпоративного управления состоят в поддержании баланса интересов субъектов корпоративных отношений; повышении прозрачности корпоративных процедур; установлении механизмов управления рисками в структуре корпоративного комплаенса; систематическое проведение аудита и контроля. Эффективное корпоративное управление способствует рациональному использованию имеющихся ресурсов; укреплению доверия инвесторов и улучшению инвестиционного климата; повышению прозрачности процедур.

В условиях глобализации и увеличения международных стандартов в области корпоративного управления важно соблюдать принципы честности, прозрачности и профессионализма. Принципы корпоративного управления являются актуальными в первую очередь для акционерных обществ в связи с тем, что право собственности отделено от управления, что часто приводит к корпоративным конфликтам и спорам, но являются одинаково полезными и могут применяться другими субъектами корпоративного управления. Система корпоративного управления должна базироваться на началах справедливости, честности, ответственности, прозрачности, профессионализме и компетентности. Система корпоративного управления выстраивается с учетом

соблюдения прав и законных интересов всех сторон, вовлеченных в функционирование корпоративного юридического лица, и направлена на обеспечение эффективности его деятельности, увеличение акционерной стоимости, поддержание финансовой устойчивости и рентабельности.

Т.В. Морозова справедливо указывает, что среди принципов корпоративного управления необходимо выделить: «единство цели для всех участников корпоративных отношений и иерархия организации управления; пропорциональная зависимость влияния акционера на управление обществом от количества принадлежащих ему обыкновенных акций; раскрытие информации об акционерном обществе, необходимой и достаточной для осуществления участниками корпоративных отношений своих прав; охрана прав и законных интересов участников корпоративных отношений, соразмерная степени их влияния на управление обществом; рациональность, добросовестность, справедливость ведения дел акционерного общества для достижения единой цели корпоративного управления» [4]. А.В. Петрова подчеркивает, что «рациональное корпоративное управление всегда ориентировано на стабильность и устойчивость, поддержание бизнеса, портфелей продуктов, темпов роста функциональной эффективности за счет лучшего использования ресурсов. В то же время, современное корпоративное управление, помимо задач максимизации прибыли (доходов акционеров), ориентировано на разрешение других задач: агентских конфликтов между собственниками и менеджментом, мажоритарными и миноритарными акционерами и др. Корпорации не могут игнорировать экологические, социальные и экономические риски и вызовы» [5, с. 4].

Согласно определению Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) корпоративное управление включает совокупность отношений между руководством компании, ее советом директоров, акционерами и другими стейкхолдерами. Базельский комитет по банковскому надзору определяет корпоративное управление как процессы и структуры, направленные на достижение целей компании, включая управление рисками и внутренние контроли. По мнению Всемирного банка, корпоративное управление – это система механизмов, позволяющая контролировать деятельность руководства и защищать интересы инвесторов и других стейкхолдеров [2, с. 20].

В ОЭСР были разработаны основные принципы корпоративного управления G20/ОЭСР (далее – Принципы G20/ОЭСР), то есть принципы корпоративного управления «Группы двадцати» и ОЭСР, которые представляют собой свод требований к институциональному, правовому, регуляторному аспектам деятельности директивных органов компании и практических рекомендаций к их применению на национальном уровне для стран, находящихся на разных этапах развития и характеризующихся разными правовыми системами. Соответствие Принципам признано залогом финансовой и экономической стабильности и эффективности, создания атмосферы честности в предпринимательской деятельности, стимулирования

долгосрочных капиталовложений [1, с. 24]. После принятия Принципов в 1999 году было проведено три пересмотра: в 2004-м, в 2015 году, в 2023 году.

Принципы корпоративного управления («Принципы») призваны содействовать оценке и улучшению правовой, нормативной и институциональной основы корпоративного управления с целью поддержки экономической эффективности, устойчивого роста и финансовой стабильности. Это достигается в первую очередь путем предоставления акционерам, членам совета директоров и руководителям, рабочей силе и соответствующим заинтересованным сторонам, а также финансовым посредникам и поставщикам услуг правильной информации и стимулов для выполнения своих ролей и содействия обеспечению подотчетности в рамках системы сдержек и противовесов [6].

Принципы корпоративного управления, изложенные в Рекомендациях, включают следующие положения:

1. *Обеспечение основы для эффективной структуры корпоративного управления*. Она должна стимулировать формирование прозрачных и справедливых рынков, способствовать эффективному распределению ресурсов и поддерживать эффективный надзор и правоприменение в соответствии с требованиями верховенства закона. Необходимо усилить трансграничное сотрудничество, в том числе посредством двусторонних и многосторонних соглашений об обмене информацией.

2. *Права и справедливое отношение к акционерам и ключевым функциям собственности*. Система корпоративного управления должна защищать и способствовать осуществлению прав акционеров, а также обеспечивать равное отношение ко всем акционерам, включая миноритарных и иностранных акционеров. Все акционеры должны иметь возможность получить эффективное возмещение ущерба в случае нарушения их прав по разумной цене и без чрезмерных задержек.

3. *Институциональные инвесторы, фондовые рынки и другие посредники*. Структура корпоративного управления должна обеспечивать надежные стимулы на протяжении всей инвестиционной цепочки и обеспечивать функционирование фондовых рынков таким образом, чтобы это способствовало эффективному корпоративному управлению.

4. *Раскрытие информации и прозрачность*. Структура корпоративного управления должна обеспечивать своевременное и точное раскрытие информации по всем существенным вопросам, касающимся корпорации, включая финансовое положение, результаты деятельности, устойчивость, собственность и управление компанией. Внешние аудиторы должны быть подотчетны акционерам и обязаны проявлять должную профессиональную осмотрительность при проведении аудита в общих интересах.

5. *Обязанности совета директоров*. Структура корпоративного управления должна обеспечивать стратегическое руководство компанией, эффективный контроль за управлением со стороны совета директоров и подотчетность совета директоров компании и акционерам. Члены совета

директоров должны действовать с учетом требований открытости, добросовестно, с должной осмотрительностью, в интересах организации и акционеров, принимая во внимание интересы заинтересованных сторон. Мониторинг эффективности практик управления компанией и внесение изменений по мере необходимости. Надзор за процессом раскрытия информации и коммуникаций.

Формирование и обновление состава совета директоров является ключевым аспектом эффективного корпоративного управления. Роль совета директоров заключается в обеспечении долгосрочного устойчивого успеха организации, создании стоимости для акционеров и внесении вклада в развитие организации. Для достижения этих целей Совет директоров должен обеспечить наличие необходимых ресурсов, разработку соответствующих политик и внедрение практик, направленных на достижение корпоративных целей и оценку результатов деятельности. Совет директоров определяет цели, ценности и стратегию организации, гарантируя их соответствие корпоративной культуре. Каждый член совета директоров должен действовать добросовестно, подавать пример и способствовать формированию желаемой корпоративной культуры. Процесс формирования совета директоров начинается с определения необходимых компетенций и опыта, которые требуются для эффективного функционирования совета директоров в контексте конкретной организации [2, с. 57].

6. *Устойчивость и надежность*. Структура корпоративного управления должна стимулировать организации и их инвесторов принимать решения и управлять рисками таким образом, чтобы это способствовало устойчивости корпорации. Раскрытие информации, касающейся устойчивого развития, должно быть последовательным, обоснованным и надежным и включать ретроспективную и перспективную существенную информацию. Системы корпоративного управления должны обеспечивать диалог между организацией, ее акционерами и заинтересованными сторонами для обмена мнениями по вопросам устойчивого развития, имеющим отношение к ее бизнес-стратегии и ее оценке того, какие вопросы следует считать существенными.

А.В. Ефимов подчеркивает важность баланса интересов в ситуациях, когда интересы конкретного юридического лица приносятся в жертву общим интересам корпоративной группы. Автор указывает, что «в качестве интереса юридического лица можно рассматривать как таковое улучшение (прирост) его социально-экономических. Ухудшение социально-экономических показателей должно расцениваться как ситуация, противоречащая интересам юридического лица. Конструкция юридического лица представляет собой инструмент, который обеспечивает и получение определенных благ (например, прибыль), и их последующее распределение (с учетом сохранения стабильного экономического положения юридического лица). Однако если проблемы распределения благ рассматриваются через призму внутреннего устройства юридического лица и касаются прежде всего интересов его участников, то

получение благ юридическим лицом напрямую связано с его интересом, который объективно выражается в социально-экономических показателях. При таком понимании интереса речь может идти о соответствии интересов тех или иных лиц интересам юридического лица и возможности конкретных лиц выступить в защиту интересов юридического лица, которые соответствуют их собственным интересам. В этом смысле стоит различать интересы определенных лиц, которые связаны с юридическим лицом, и их интересы, которые не связаны с юридическим лицом [7].

В.К. Андреев, В.А. Лаптев высказывают соображение о том, что «положения Кодекса корпоративного управления, апробированные практикой, должны быть имплементированы, прежде всего, в законодательство о хозяйственных обществах, они, таким образом, станут обязательными, а роль Кодекса корпоративного управления какой-то степени сузится. Включение апробированных корпоративными практиками положений в нормы корпоративного законодательства, прежде всего о хозяйственных обществах, отнюдь не умаляет изучение отношений, связанных с управлением корпоративными организациями. Этот новый вид отношений получает самостоятельное правовое регулирование при помощи таких понятий, как решение собрания участников, внутренние регламенты и внутренние документы, компетенция органов корпорации, корпоративные права и обязанности участников корпорации, корпоративный договор, корпоративные обязательства. Таким образом, складывается особый механизм корпоративного управления» [8].

Обобщая указанное, предлагается к закреплению в Кодексе корпоративного управления следующая система принципов корпоративного управления в целях установления эффективной и прозрачной структуры корпоративного управления в организации, обеспечивающей ее стабильное состояние и развитие, необходимые меры подотчетности, укрепление его репутации и снижение затрат на привлечение капитала.

Принципами корпоративного управления, к реализации которых стремится организация, являются:

разграничения полномочий между органами управления корпоративного юридического лица, координация их работы;

защиты прав и интересов акционеров, обеспечение их реального участия в корпоративном управлении;

эффективного корпоративного управления, устойчивость и надежность, системность и последовательность процессов корпоративного управления;

управления рисками в структуре корпоративного комплаенса, внутренний контроль и аудит, установление эффективной системы отчетности;

принцип регулирования корпоративных конфликтов и споров, минимизации конфликта интересов;

принцип прозрачности и объективности раскрытия информации о деятельности корпоративного юридического лица.

Список использованных источников:

1. Институты корпоративного управления в системе государственного сектора национальной экономики / Т.В. Садовская [и др.] ; под ред. Т.В. Садовской. – Минск: Беларуская навука, 2022. – 248 с.

2. Корпоративное управление. Руководство для директоров – Алматы : Deluxe Printery, 2024. – 284 с.

3. Чириков М.Г. Разграничение понятий корпоративного конфликта и корпоративного спора // Молодой ученый. – 2023. – № 43 (490) – С. 238–239.

4. Морозова Т.В. Гражданско-правовые проблемы реализации принципов корпоративного управления (на примере ОАО «Российские железные дороги»): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Самара, 2005. – 222 с.

5. Петрова А.В. Правовая модель устойчивого корпоративного управления: автореферат диссертации … канд. юрид. наук: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки. Работа выполнена на кафедре гражданско-правовых дисциплин ФГАОУ ВО «Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина», Ульяновск, 2025. – 31 с.

6. Рекомендация Совета по принципам корпоративного управления. Правовые инструменты ОЭСР. – URL: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0413 (дата обращения: 16.04.2025).

7. Ефимов А.В. Правовое обеспечение баланса интересов в корпоративных группах [Электронный ресурс] // Консультант Плюс Россия: справ. поисковая система.

8. Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: монография [Электронный ресурс] // Консультант Плюс Россия: справ. поисковая система.

УДК 343

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ОБОРОТА ЦИФРОВЫХ ЗНАКОВ (ТОКЕНОВ)

А. В. Олейник
главный специалист отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»
Т. В. Судник
главный специалист отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Аннотация. В статье обозначены некоторые проблемы государственного регулирования в сфере оборота цифровых знаков (токенов), предложены пути их решения.

Ключевые слова: национальная экономическая безопасность; государственное регулирование; цифровые знаки (токены); криптовалюта; налогообложение; предупреждение преступности.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания 25 апреля 2024 г. № 5 (далее – Концепция), дано понятие «экономическая безопасность». Это состояние защищенности отраслей и сфер экономики от воздействия угроз, препятствующих устойчивому социально-экономическому развитию Республики Беларусь (абз. 9 п. 4 Концепции).

В нынешних условиях осложнения геоэкономической ситуации в мире существенно актуализируются проблемы ее обеспечения. Это важнейшая составляющая общей безопасности государства, которая имеет непосредственное отношение к его экономическому развитию и процветанию. Одним из подходов к обеспечению экономической безопасности государства является контроль за финансовыми потоками, в том числе и за использованием криптовалют [1, с. 2].

Налоговая безопасность, будучи главной составляющей финансовой безопасности, без сомнения, оказывает свое влияние и на экономическую составляющую национальной безопасности. Интересы не только всего

общества и государства, но и всех граждан, слоев и групп населения, предприятий и организаций связаны с налоговой системой и налоговой политикой. Налоги и налоговая политика – важнейший элемент системы обеспечения национальной экономической безопасности [2, с. 1].

Республика Беларусь является одной из стран, где криптовалюты регулируются на государственном уровне, что позволяет легально осуществлять деятельность с ними.

Так, Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», Указ Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)» изданы в целях построения современной цифровой экономики в Республике Беларусь и развития контролируемого обращения цифровых знаков (токенов).

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 28 марта 2023 г. № 80 «Об отдельных вопросах налогообложения» до 1 января 2025 года не признавались объектами налогообложения налогом на добавленную стоимость, налогом на прибыль и подоходным налогом с физических лиц обороты, прибыль, доходы субъектов, включая резидентов Парка высоких технологий и физических лиц от операций с цифровыми знаками (токенами). При этом с 1 января 2025 года в Налоговом кодексе Республики Беларусь (далее – НК) нашли свое отражение вопросы налогообложения в сфере цифровых знаков (токенов).

Например, с 2025 года, операции с цифровыми знаками (токенами) подлежат налогообложению налогом на прибыль, и в связи с этим в главу 16 НК внесены положения, регулирующие вопросы налогообложения налогом на прибыль операций, сделок с цифровыми знаками (токенами). Глава 18 НК, регулирующая порядок уплаты подоходного налога с физических лиц, дополнена ст. 202-1. Определено, за что физические лица будут платить подоходный налог в отношении доходов, полученных по операциям с токенами, а также случаи, при которых применяется ставка подоходного налога по доходам, полученным от операций с токенами в размере 13 % (при своевременной подаче по окончании года налоговой декларации (расчета) в налоговый орган (обязанность подачи декларации – не позднее 31 марта года следующего за истекшим), в размере 26 % (при установлении контролирующим органом факта непредставления физическим лицом налоговой декларации и неуплате подоходного налога с физических лиц с доходов, полученных по операциям с токенами в отношении доходов, указанных в п. 4 ст. 202-1 НК ; при получении дохода от операций с токенами в результате осуществления деятельности, которая является незаконной или запрещена). Определены доходы, которые не подлежат налогообложению, а также налоговая база

подоходного налога – в виде дохода, полученного от приобретения или отчуждения токенов, который не уменьшается на расходы, понесенные в рамках операций с токенами (ч. 5 п. 3 ст. 202-1 НК) и др.

Несомненно, наличие прозрачного государственного регулирования в сфере оборота цифровых знаков (токенов), а также установление налогового контроля со стороны государства за доходами от операций с ними является правовой основой стратегии деятельности государства по борьбе с преступностью, ее предупреждением, положительно скажется на национальной экономической безопасности.

Вместе с тем основным проблемным вопросом при расчете налоговой базы с доходов, полученных от незаконных операций с токенами, является определение дохода, полученного от такой деятельности, который в соответствии с Налоговым кодексом Республики Беларусь рассматривается как денежное выражение совокупности всех совершенных сделок (операций) с токенами без учета затрат на их приобретение и, как следствие, при налогообложении не учитывается фактическая доходность от совершенных операций. Данный подход обусловлен проблемами установления размера фактически полученного дохода от оборота токенов, в том числе вследствие отсутствия личной идентификации и анонимности проводимых операций. При этом следует отметить, что в соответствии с подп. 2.6 п. 2 ст. 13 НК доходом признается определяемая в соответствии с налоговым законодательством экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить.

Согласно п. 3 ст. 42 НК исполнение налогового обязательства осуществляется плательщиками независимо от привлечения их к ответственности за нарушение законодательства, за исключением налогового обязательства, возникшего в связи с доходом (частью дохода) в отношении которого применена конфискация и т.п. Таким образом, доход, полученный в результате противоправной (незаконной) деятельности и подлежащий изъятию в собственность государства, не подлежит налогообложению.

Однако, в случае применения судом частичной конфискации дохода от незаконной предпринимательской деятельности, налогообложению будет подлежать доход, полученный от такой деятельности, за вычетом дохода, в отношении которого применена конфискация.

При этом объем поступлений в бюджет от взыскания конфискованных доходов и предъявленных к уплате налогов не будет свидетельствовать об эффективности реализуемых мер в связи с тем, что

общий объем взысканий и предъявленных к уплате налогов многократно превысит сумму фактически полученного дохода от такой деятельности.

В связи с этим выявление реального дохода правонарушителей вызывает особую актуальность [3, с. 2].

В целях дальнейшего совершенствования порядка налогообложения подоходным налогом доходов, полученных от осуществления операций с цифровыми знаками (токенами) государством предприняты меры в данном направлении. Так, Указом Президента Республики Беларусь от 23 апреля 2025 г. № 166 «О налогообложении доходов, полученных от осуществления операций с цифровыми знаками (токенами)» установлено, что при исчислении подоходного налога по доходам, полученным от незаконных и (или) запрещенных операций с токенами, будет применяться коэффициент доходности, который определяется как произведение дохода, полученного от таких операций, установленного в рамках ведения административного процесса и отраженного в постановлении по делу об административном правонарушении, и коэффициента доходности от операций с токенами. Коэффициент доходности будет устанавливаться Министерством по налогам и сборам ежегодно не позднее 1 марта на первое число текущего календарного года.

Вместе с тем полагаем, что в целях системного регулирования правоотношений, выработки взаимоприемлемых подходов как для государства, так и для плательщиков налогов, необходима разработка механизма определения реального (фактически полученного) дохода от операций с токенами при расчете налоговой базы подоходного налога с физических лиц в отношении доходов, полученных по операциям с цифровыми знаками (токенами) при налогообложении доходов по ставке, предусмотренной п. 4 ст. 202-1 НК (в размере 13% – в отношении доходов, полученных по операциям с токенами, совершенным не через резидентов Парка высоких технологий, по договору (соглашению), заключенному с зарубежной торговой площадкой, иной иностранной организацией, иностранным индивидуальным предпринимателем, физическим лицом, на основании налоговой декларации (расчета) по подоходному налогу с физических лиц, представляемой в порядке, установленном ст. 219 НК), а также по ставке, предусмотренной п. 5 ст. 202-1 НК (в размере 26% при установлении контролирующим органом факта непредставления налоговой декларации (расчета) по подоходному налогу с физических лиц и неуплаты подоходного налога с физических лиц с доходов, полученных по операциям с токенами в отношении доходов, указанных в п. 4 ст. 202-1 НК. В этой связи потребуется внесение изменений в ст. 202-1 НК.

Такой подход будет отвечать обеспечению сбалансированности налогообложения, определению реального размера дохода плательщиков,

полученного по операциям с цифровыми знаками (токенами) для целей налогообложения и соответствующего расчета налогооблагаемой базы подоходного налога с физических лиц, а также снизит количество преступлений, предусмотренных ст. 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Проведенное исследование указывает на необходимость дальнейшего совершенствования государственного регулирования в сфере оборота цифровых знаков (токенов) в целях создания сбалансированной регуляторной среды для криптобизнеса.

Список использованных источников:

1. Марин Г.К. Влияние криптовалют на экономическую безопасность государства. – URL: https://elib/bsu/by (дата обращения: 12.05.2025).

2. Шумилина В.Е., Широкобродова А.А. Налоговая политика как фактор обеспечения экономической безопасности государства. – URL: https:// w- science/com/ru/nauka/Monocraphy/2059/chapter/1166/view (дата обращения: 12.05.2025).

3. В экономическом суде Гомельской области обсудили вопросы привлечения к административной ответственности за незаконные операции с криптовалютой [Электронный ресурс] / Онлайн-сервис готовых правовых решений ilex / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2025.

УДК 349.6

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

У. А. Сиянович
младший научный сотрудник центра государственного строительства и права Института экономики НАН Беларуси

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования экологических аспектов сельскохозяйственной деятельности в Республике Беларусь и выявлению системных проблем в действующем законодательстве. Основное внимание сосредоточено на расхождении национальных нормативов и международных стандартов, недостаточной эффективности мер ответственности за экологические правонарушения, а также дублировании контрольных функций между ведомствами. На основе сравнительного анализа зарубежного опыта предложены меры по совершенствованию правового регулирования национальных экологических отношений.

Ключевые слова: экологические правоотношения; сельскохозяйственная деятельность; международные стандарты; пестициды; межведомственная координация; устойчивое развитие.

Сельскохозяйственная деятельность представляет собой важнейший сектор экономики, обеспечивающий продовольственную безопасность государства, одновременно являющийся значимым источником антропогенного воздействия на окружающую среду. Интенсивное развитие агропромышленного комплекса, использование агрохимикатов, деградация почв и истощение водных ресурсов формируют системные экологические риски, требующие эффективного правового регулирования. В условиях глобализации экологических вызовов и перехода к принципам устойчивого развития актуализируется необходимость модернизации законодательства, гармонизирующего интересы сельского хозяйства и экологической безопасности.

Правовые основы регулирования экологических аспектов сельскохозяйственной деятельности в Республике Беларусь закреплены в ряде нормативных актов, включая Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» (ред. от 25.07.2023), Кодекс Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-З (ред. от 10.12.2024), Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-З «О растительном мире» (ред. от 04.01.2022) и другие. Данные нормативные правовые акты устанавливают общие требования к рациональному природопользованию, охране биоразнообразия и сохранению плодородия почв. Однако анализ научных исследований в данной области выявляет фрагментарность

законодательства, выражающуюся в отсутствии специализированного закона, регулирующего экологическую безопасность агропромышленного комплекса (далее – АПК).

Представляется, что ключевой проблемой является недостаточная гармонизация национального законодательства с международными стандартами. Несмотря на участие Республики Беларусь в Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата 2015 года (Парижском соглашении по климату) и Целях устойчивого развития ООН, имплементация таких инструментов, как углеродное кредитование или «зеленые» субсидии, остается неполной. Европейский опыт, в частности механизмы «Зеленого курса» Европейского Союза, демонстрирует эффективность привязки государственной поддержки фермеров к соблюдению экологических стандартов. В США Программа природоохранного резерва (Conservation Reserve Program – CRP) предусматривает компенсации за вывод деградированных участков из оборота, что актуально для белорусских регионов с интенсивной мелиорацией [1, с. 106].

Кроме того, наглядным примером недостаточной гармонизации национального законодательства с международными нормами служит расхождение между допустимыми концентрациями пестицидов в почве по законодательству Республики Беларусь с рекомендациями Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ). Так, действующая в стране нормативная база, в частности Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 11.12.2024 № 171 «Об утверждении санитарных норм и правил», не соответствует современным международным стандартам безопасности.

Проведенный сравнительный анализ выявил существенные различия в нормативах по основным группам пестицидов. В отношении хлорорганических соединений белорусские нормативы превышают рекомендации ВОЗ в 2 раза. Аналогичная ситуация наблюдается с фосфорорганическими соединениями: установленные в Республике Беларусь предельно допустимые концентрации в 2-2,5 раза выше рекомендованных ВОЗ значений. Вызывает обеспокоенность отсутствие в национальном законодательстве отдельных нормативов для синтетических пиретроидов, в то время как ВОЗ устанавливает для большинства соединений этой группы предельно допустимые концентрации в диапазоне 0,01-0,05 мг/кг [2]. Выявленные расхождения могут привести к негативным последствиям, имеющих комплексный характер, включая повышенные риски для здоровья сельского населения; кумулятивный эффект накопления стойких органических загрязнителей в пищевых цепочках, а также снижение конкурентоспособности белорусской сельскохозяйственной продукции на международных рынках.

Актуальной проблемой остается низкая результативность санкционного механизма. В соответствии со статьей 16.11 Кодекса Республики Беларусь об

административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З (ред. от 20.02.2025) штраф за порчу земель для юридических лиц составляет от двадцати до пятисот базовых величин, что несоразмерно затратам на рекультивацию. Для сравнения, в соответствии с Директивой Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2004/35/ЕС от 21 апреля 2004 г. «Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранение его последствий» (Директива 2004/35/ЕС) в странах ЕС аналогичные правонарушения влекут не только наложение штрафа, который может достигать до 200% от суммы причиненного ущерба, как во Франции, но и обязательную рекультивацию поврежденных земель [3]. Кроме того, отсутствие дифференциации ответственности для мелких фермеров и крупных агрохолдингов создает дисбаланс в правоприменении.

Организационные сложности усугубляются также дублированием функций контролирующих органов: Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь (далее – Минсельхозпрод) и Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды (далее – Минприроды). Правовой анализ распределения полномочий между указанными ведомствами показывает, что действующее законодательство не обеспечивает четкого разграничения их компетенций. В результате формируются три основные сферы дублирования функций:

1. В области контроля за использованием агрохимикатов Министерство сельского хозяйства и продовольствия осуществляет выдачу разрешений на применение пестицидов и контроль за соблюдением норм внесения удобрений, в то время как Минприроды параллельно проводит мониторинг содержания вредных веществ в почве и водных объектах, применяя при этом различные методические подходы.

2. В сфере мониторинга состояния земель оба министерства ведут самостоятельные системы наблюдений: Минсельхозпрод оценивает показатели плодородия почв и ведет реестр мелиорированных земель, тогда как Минприроды контролирует процессы деградации почв и инвентаризацию загрязненных территорий, используя при этом не всегда согласованные критерии оценки.

3. В вопросах водопользования также отсутствует единый подход: Министерство сельского хозяйства и продовольствия регулирует использование водных ресурсов для орошения, а Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды осуществляет контроль качества воды и применяет санкции за ее загрязнение сельскохозяйственными стоками.

Такое положение дел приводит к ряду негативных последствий. Во-первых, создается чрезмерная административная нагрузка на сельскохозяйственные организации, которые вынуждены предоставлять аналогичную информацию в разные ведомства и проходить множественные проверки. О наличии данной проблемы высказывался и глава государства. На совещании о развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли 16

апреля 2024 года Президент Республики Беларуси Александр Григорьевич Лукашенко заявил: «Концерны запрашивают информацию себе, Минсельхозпрод, облсельхозпрод, райсельхозпрод, контролирующие и правоохранительные органы – себе. Все запрашивают информацию, на одну организацию приходится до 70 запросов в месяц!» [4]. Во-вторых, снижается эффективность государственного контроля, так как разные методики оценки приводят к противоречивым выводам и управленческим решениям. В-третьих, происходит нерациональное использование бюджетных средств на содержание параллельных систем мониторинга при недостаточном межведомственном обмене информацией.

Проведенный анализ показал, что действующее правовое регулирование экологических аспектов сельскохозяйственной деятельности в Республике Беларусь требует его совершенствования для устранения выявленных недостатков. Действующая нормативная правовая база характеризуется фрагментарностью регулирования и декларативностью многих норм, что снижает эффективность государственного контроля. Представляет проблему значительное расхождение национальных нормативов содержания пестицидов в почвах с международными стандартами ВОЗ, где по основным группам агрохимикатов белорусские показатели превышают рекомендуемые значения в 2-2,5 раза, создавая потенциальные риски для окружающей среды и здоровья населения.

В действующей системе регулирования наблюдаются отдельные проблемные аспекты, среди которых особо выделяются несоразмерность санкций за экологические нарушения, выражающаяся в низких штрафах за порчу земель, не покрывающих затраты на рекультивацию, а также дублирование функций между Министерством сельского хозяйства и продовольствия и Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды. Это дублирование проявляется в параллельном ведении систем мониторинга, использовании различных методик оценки и отсутствии единого подхода к контролю водопользования, что создает избыточную административную нагрузку на сельхозпроизводителей и снижает эффективность государственного контроля.

Для преодоления выявленных проблем необходимо реализовать комплекс мер, направленных на совершенствование правового регулирования. Первоочередное значение имеет разработка и принятие специализированного Закона Республики Беларусь «О сельском хозяйстве», который станет концептуальной основой для устранения фрагментарности правового регулирования и согласования норм смежных отраслей права. Поддержка данной позиции находит отражение в исследованиях Макаровой Т.И., Кузьмич И.П., Лизгаро В.Е. и Шахрай И.С., обосновавших необходимость общего закона «о сельском хозяйстве» как инструмента интеграции экологических, земельных и экономических аспектов аграрной политики [5]. Соглашаясь с авторами, полагаем, что введение закона позволит унифицировать терминологию и критерии отнесения норм к аграрному

законодательству, а также минимизировать коллизии между подзаконными актами и международными обязательствами Беларуси.

Данный закон должен выступить в роли комплексной правовой платформы, интегрирующей экологические требования к агропромышленному комплексу с учетом принципов устойчивого развития и международных стандартов. Закон призван унифицировать нормы, регулирующие охрану почвенных, водных ресурсов и биоразнообразия, установив четкие критерии устойчивого сельского хозяйства. Важным аспектом законопроекта должна стать оптимизация системы государственного контроля через законодательное закрепление четкого разграничения полномочий между Министерством сельского хозяйства и продовольствия и Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды. Предполагается, что Министерство сельского хозяйства и продовольствия будет отвечать за внедрение ресурсосберегающих агротехнологий, тогда как Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды сосредоточится на мониторинге антропогенной нагрузки и оценке экологического ущерба. Для устранения дублирования функций планируется создать единую информационную платформу межведомственного взаимодействия, обеспечивающую согласованность управленческих решений.

Кроме того, на наш взгляд, необходима гармонизация национальных нормативов с международными стандартами, в частности в регулировании предельно допустимых концентраций пестицидов в почвах. Параллельно следует ввести систему прогрессивных штрафных санкций и закрепить обязательную рекультивацию загрязненной почвы за счет нарушителя, что значительно повысит эффективность природоохранных норм.

Особое значение имеет учет зарубежного опыта, в частности механизмов «Зеленого курса» ЕС, программ сохранения земель США и стандартов ВОЗ, что позволит не только повысить эффективность национального регулирования, но и улучшить позиции белорусской сельхозпродукции на международных рынках. Реализация предложенных мер создаст условия для снижения антропогенной нагрузки на окружающую среду, повышения конкурентоспособности продукции и выполнения международных экологических обязательств.

Для успешного проведения реформ необходимо разработать поэтапный план преобразований, предусматривающий создание эффективной системы межведомственной координации, привлечение научного сообщества к разработке нормативов, установление переходного периода для адаптации сельхозпроизводителей и организацию системы мониторинга эффективности вносимых изменений.

Таким образом, совершенствование правового регулирования экологических отношений в сельском хозяйстве требует системного подхода, объединяющего законодательные инициативы, экономические стимулы и технологические инновации. Реализация предложенных мер позволит

трансформировать аграрный сектор в устойчивую экосистему, минимизирующую негативное воздействие на окружающую среду.

Список использованных источников:

1. Галкин Д.Г. Инструменты государственной поддержки органического сельского хозяйства США // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – №5-1 (99). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-gosudarstvennoy-podderzhki-organicheskogo-selskogo-hozyaystva-ssha (дата обращения: 21.05.2025).

2. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO), World Health Organization (WHO). Codex Alimentarius. International Food Standards [Электронный ресурс]. – Rome: FAO/WHO, 1963–2025. – URL: https://www.fao.org/fao-who-codexalimentarius (дата обращения: 20.05.2025).

3. Directive 2004/35/EC of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 on environmental liability with regard to the prevention and remedying of environmental damage (Text with EEA relevance). Consolidated version: 26/06/2019 [Electronic resource] // Official Journal of the European Union. – 2004. – L. 143 (30/04/2004). – P. 56-75. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2004/35/2019-06-26/eng/pdf (дата обращения: 20.05.2025).

4. Совещание о развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-o-razvitii-sela-i-povyshenii-effektivnosti-agrarnoy-otrasli (дата обращения: 20.05.2025).

5. Макарова Т.И., Кузьмич И.П., Лизгаро В.Е., Шахрай И.С. Проблемы систематизации комплексных отраслей законодательства в свете принятия нового закона Республики Беларусь «о нормативных правовых актах» // Право.by. – 2019. – № 3 (59). – С. 76–84.

УДК 346.7

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ В КАЧЕСТВЕ ИНСТРУМЕНТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. С. Хомич
младший научный сотрудник центра государственного строительства и права Института экономики НАН Беларуси

Аннотация. В статье рассматривается роль криптовалюты, а также технологии блокчейн в качестве инструмента обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь в условиях введенных мер ограничительного характера. Также автором рассматривается существующие в Республике Беларусь нормативные правовые акты, направленные на регулирование хозяйственной деятельности в сфере криптовалют. На основе международного опыта, делается ряд предложений по повышению эффективности использования токенов с целью обеспечения экономичской безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность; криптовалюта; токены; цифровизация; меры ограничительного характера; блокчейн.

На данном этапе развития Республики Беларусь обеспечение экономической безопасности является наиболее актуальной и важной темой государственного строительства. В рамках дискурс-анализа политического

поля это подтверждается словами Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко: «экономическая безопасность – это главная задача экономики» [1].

Вопросы экономической безопасности также детально урегулированы в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, в которой закреплено, что «экономическая безопасность – состояние защищенности отраслей и сфер экономики от воздействия угроз, препятствующих устойчивому социально-экономическому развитию Республики Беларусь».

Такая актуализация экономической безопасности, обусловлена изменением внешнеэкономического положения Республики Беларусь. Так, в 2022 г., выросло суммарное количество санкций против Республики Беларусь, что подтверждается данными глобальной базы по отслеживанию санкционных ограничений Castellum.ai. На данный момент против Республика Беларусь введено 1454 мер ограничительного характера, что примерно в 2 раза больше, чем в 2020 г. [2].

Меры ограничительного характера носят системный характер и включают на данный момент ограничения на экспорт промышленной

продукции, калийных удобрений, нефтепродуктов, а также осложняют доступ белорусской банковской системы к международным платежным системам. Данная ситуация спровоцировала снижение валового внутреннего продукта на 4,7% в 2022 г., а также рост инфляции до 12,8% [3; 4].

В данных условиях такие меры, как переориентация экспорта на азиатские и африканские рынки, а также углубление интеграции с Российской Федерацией, являются логичными, но недостаточными, что в свою очередь актуализирует поиск новых инструментов обеспечения экономической безопасности в условиях введенных мер ограничительного характера.

По мнению российского исследователя С.С. Красных, «В условиях ограниченного доступа к финансовым ресурсам и технологиям вследствие введенных санкционных мер, а также увеличения миграции квалифицированных специалистов, использование сквозных цифровых технологий становится критически важным» [5, с. 53]. Для Республики Беларусь анализ российского опыта является релевантным ввиду схожести проблем экономического характера, начиная от введенных мер ограничительного характера и заканчивая увеличением миграции квалифицированных кадров.

Под сквозными технологиями С. С. Красных подразумевает совокупность таких технологических категорий, как: «Нейротехнологии и искусственный интеллект», «Технологии виртуальной и дополненной реальности», «Технологии распределенного реестра», «квантовые технологии», «новые производственные технологии», «компоненты робототехники», а также «технологии беспроводной связи», подразумевающие развитие скоростной передачи данных между удаленными точками без физического подключения [5, с. 53].

Отметим, что данный категориальный аппарат в полной мере соответствует российскому федеральному проекту «Цифровые технологии», утвержденному президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 29 мая 2019 г. №9 (далее – Федеральный проект).

Однако среди всех пунктов Федерального проекта фактически отсутствует упоминание технологии «блокчейн» и связанного с ней феномена развития криптовалют. Под «блокчейном» следует понимать технологию распределенного реестра, которая представляет собой цепочку блоков данных, каждый из которых содержит информацию о транзакциях или событиях. Каждый блок связан с предыдущим с помощью криптографической подписи, обеспечивающей защиту данных от изменений и мошенничества. На данный момент «блокчейн» считается одной из самых безопасных технологий передачи данных [5, с. 53].

Немаловажным в данном вопросе является подготовка нормативно-правовой базы, обеспечивающей реализацию инновационных инструментов обеспечения экономической безопасности.

С.С. Красных отмечает, что «Технология блокчейн обладает значительным потенциалом в экономике, предлагая такие возможности, как обмен ценностями в режиме реального времени, снижение затрат и повышение безопасности. Ее применение в различных секторах экономики, включая управление, финансы и глобальную торговлю, может помочь предотвратить коррупцию и мошенничество». В свою очередь российские исследователи К. Д. Шилов и Е. В. Вахрутов отмечают, что криптовалюты способны выступить в качестве альтернативного канала движения капитала для осуществления расчетов по сделкам с контрагентами из других стран в условиях санкций [5, с. 54].

Благодаря цифровой технологии «блокчейн» криптовалюты получают возможность обходить традиционные финансовые системы, тем самым создавая альтернативные каналы для международной торговли. Помимо этого, криптовалюты потенциально могут являться средством государственных и частных инвестиций, направленных на повышение благосостояния хозяйствующих субъектов.

Так, в 2025 г. в Соединенных Штатах Америки (далее – США) была создана рабочая группа по криптовалюте, цель которой – создать национальный резерв из наиболее ценных токенов. Данная практика уже реализуется в Республике Сальвадор. По официальным государственным данным, размер национального резерва в криптовалюте «Bitcoin» превышает 6 тыс. токенов, что по нынешнему курсу превышает 674 млн. долларов США. Кроме того, Республика Сальвадор извлекает выгоду из роста стоимости «Bitcoin» [6]. Так, с момента начала закупок данного актива по средней цене 45.465 тыс. долларов США и общих вложениях, равных 287 млн. долларов США, нереализованная прибыль от данного вида хозяйственной деятельности составила 357 млн долларов США – потенциальная прибыль (при реализации активов) примерно 125% (при курсе 107 тыс. долларов США за один «Bitcoin»). В данном контексте отметим, что Республика Сальвадор является первым государством в мире, которое на правовом уровне признало криптовалюту средством платежа на внутреннем рынке.

Однако с данной формой использования криптовалюты связан целый ряд рисков, обусловленных неустойчивостью криптовалютной системы. Данный факт связан с тем, что криптовалюты демонстрируют волатильность, что делает их ненадежными для долгосрочных государственных инвестиций. Во многом цена криптовалюты зависит не от фундаментальных экономических показателей, а от субъективных факторов: новостной повестки, действий и заявлений предпринимателей и политиков.

В свою очередь технология блокчейн и связанные с ней криптовалюты на практике активно используются для обхода введенных мер ограничительного характера.

Так, с 2019 г. в Исламской Республике Иран был легализован майнинг криптовалют. Данное решение было спровоцировано введенными в 2017 г. мерами ограничительного характера, а также падением курса местной валюты. Данное положение сделало криптоактивы важным инструментом для укрепления экономики. В Исламской Республике Иран криптовалюты не могут использоваться в качестве средства платежа внутри страны, однако они активно используются для внешнеэкономической деятельности. Так, в августе 2022 г. страна провела первую официальную сделку с использованием криптовалюты на сумму 10 млн. долларов США для закупки товаров за рубежом.

Также для стимулирования деятельности лицензированных иранских майнеров предоставляются налоговые льготы, если часть выручки от их операций передаётся государству. Как отмечают российские исследователи В.Ю. Барабанов и А.Д. Протасеня, «этот механизм позволяет использовать криптовалюты для оплаты внешнеторговых операций, таких как импорт товаров, и способствует поддержанию валютного баланса страны» [7, с. 98].

С 2017 года в Республике Беларусь постепенно формируется правовая база для регулирования цифровых активов. Основополагающим актом в данной сфере стал Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. №8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет), который ввел понятие «майнинг», а также правовое регулирование хранения и обмена криптовалют для физических и юридических лиц.

Также в соответствии с данным Декретом до 1 января 2023 г. не признавались объектами налогообложения: налогом на добавленную стоимость и налогом на прибыль (подоходным налогом с физических лиц) – обороты, прибыль (доходы) резидентов Парка высоких технологий, а также физических лиц от деятельности по майнингу, созданию, приобретению, отчуждению токенов. Позднее данная льгота была продлена и действовала в полной мере до 1 января 2025 г.

На данный момент в соответствии со ст. 202 Налогового кодекса Республики Беларусь (Особенная часть) от 29 декабря 2009 г. № 71-З, объектом налогообложения подоходным налогом с физических лиц не признаются доходы, полученные:

1. по операциям с токенами, в том числе по их приобретению и (или) реализации, созданными резидентами Парка высоких технологий и (или) через резидентов Парка высоких технологий;

2. по операциям с токенами, совершенным через резидентов Парка высоких технологий, осуществляющих соответствующий вид деятельности;

3. от деятельности по майнингу;

4. от обмена токенов на иные токены, за исключением доходов, полученных в рамках деятельности, которая в соответствии с законодательством является незаконной и (или) запрещается;

5. в виде наследства токенов;

6. в результате дарения токенов от физических лиц, по договорам, не связанным с осуществлением предпринимательской деятельности, по совокупности с иными доходами, полученными в результате дарения, и в размере, не превышающем установленный предел.

В свою очередь, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 13 декабря 2024 г. № 47-З «Об изменении законов» приостановлено освобождение по налогу на прибыль в части налогообложения валовой прибыли от операций с токенами для резидентов Парка высоких технологий.

Также в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)» установлено, что операции, производимые физическими лицами, в том числе индивидуальными предпринимателями – резидентами Парка высоких технологий по приобретению, переводу, отчуждению токенов за деньги (в том числе электронные), могут осуществляться только через резидентов Парка высоких технологий.

Данные изменения регулирования отражают двойственную позицию законодателя: с одной стороны, поощрение свободного развития криптовалютной деятельности в Республике Беларусь, а с другой – стремление поддержать национальных операторов, осуществляющих деятельность в сфере криптовалюты в противовес юридическим лицам из недружественных стран. Таким образом, законодатель в Республике Беларусь стремится обеспечить экономическую безопасность в рамках деятельности по майнингу, приобретению, переводу, отчуждению токенов.

Отметим, что криптовалюта не является законным платежным средством на территории Республики Беларусь. Также белорусские юридические лица в соответствии с национальным законодательством не могут с помощью токенов получать доступ к зарубежным товарам и услугам, что осложняет расчеты в условиях введенных против Республики Беларусь мер ограничительного характера. По нашему мнению, в данном направлении для Республики Беларусь релевантен опыт Исламской Республики Иран, где криптовалюты не могут использоваться в качестве средства платежа внутри страны, однако активно используются для внешнеэкономической деятельности.

Также в условиях введенных ограничительных мер против Республики Беларусь актуальным видится проведение научных исследований, а также разработка законодательства, позволяющего по аналогии с Республикой Сальвадор учредить создание национального резерва в криптовалюте. Однако в данном случае необходимо учитывать

возможные риски и угрозы, связанные с нестабильностью криптовалютного рынка.

Список использованных источников:

1. Лукашенко: экономическая безопасность – это главная задача //Информационное агентство БЕЛТА: сайт. – URL: https://www.belta.by/president/view/lukashenko-ekonomicheskaja-bezopasnost-eto-glavnaja-zadacha-406386-2020 (дата обращения: 20.05.2025).

2. Russia Sanctions Dashboard // Castellum.ai: сайт. – URL: https://www.wto.org/ english/thewto_e/whatis_e/tif_e/fact5_e.htm (date of access: 20.05.2025).

3. Макроэкономические показатели// Мониторинг состояния реализации Союзных программ и торгово - экономического сотрудничества в рамках Союзного государства: сайт. – URL: https://eaeu.economy.gov.ru/union_state_macroeconomic_indicators (дата обращения: 20.05.2025).

4. Инфляция в Беларуси// Myfin: сайт. – URL: https://myfin.by/wiki/term/inflyaciya (дата обращения: 20.05.2025).

5. Красных С.С. Сквозные цифровые технологии как инструмент противодействия санкционным ограничениям // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – № 1. – С. 51–65.

6. Bitcoin Office // bitcoin.gob: сайт. – URL: /bitcoin.gob (date of access: 20.05.2025).

7. Барабанов В. Ю. Финансовая система Ирана в условиях санкционного давления: роль криптовалют и альтернативных платежных механизмов // Мировая экономика и мировые финансы. – 2024. – Т. 3, № 5. – С. 95–102.

УДК 347.73

ФИНАНСОВЫЕ УСЛУГИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Т. З. Шалаева
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Статья направлена на выявление проблем правового обеспечения оказания финансовых услуг в условиях цифровизации. Автором подробно анализируются терминологические основы понятия «финансовая услуга». исследуется нормативно-правовая основа системной цифровой трансформации банковского и небанковского секторов финансового рынка, предлагаются пути совершенствования действующего законодательства и принятия новых законов в сфере предоставление цифровых финансовых услуг.

Ключевые слова: финансовые услуги; цифровая трансформация финансовых услуг; правовое обеспечение цифровых финансовых услуг.

Цифровизация финансового рынка представляет собой системную трансформацию, затрагивающую технологические, институциональные, маркетинговые и поведенческие аспекты экономики. Цифровизация включает в себя следующие структурные элементы: финтех, блокчейн, искусственный интеллект, цифровые платформы и экосистемы, позволяющие без преград осуществлять интеграцию традиционных финансовых институтов, технологических компаний и потребителей в единое интерактивное пространство.

Развитие финансового рынка неразрывно связано с его сегментами. В общем смысле к таким сегментам относятся банковский и небанковский секторы. Значительное место в функционировании экономической системы занимает банковский сектор, однако его деятельность не была бы возможна без небанковского сектора, который на данный момент играет всё более значимую роль в обеспечении доступности финансовых услуг для различных категорий населения, а также непосредственно государству и бизнесу.

Под термином «финансовая услуга» подразумевается конкретное действие на финансовом рынке в банковском и небанковском секторах, осуществляемое субъектами финансовых отношений, – банками, небанковскими кредитно-финансовыми и некредитными финансовыми организациями.

Нормативно термин «финансовые услуги» был закреплён в разделе «Понятийный аппарат» Концепции либерализации рынка финансовых услуг государств-участников СНГ, вступившей в силу на территории Республики Беларусь 30 мая 2012 года, под которыми понимается деятельность на рынке ценных бумаг, страховом рынке, банковская деятельность и другая деятельность на рынке финансовых услуг государств-участников СНГ, осуществляемая в соответствии с законодательством государств-участников СНГ. В статье 4 Модельного закона «О конкуренции», утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 24.10.2013 № 50 понятие «финансовая услуга» определено посредством простого перечисления основных видов услуг финансового рынка, к которым отнесены: банковская услуга, страховая услуга, услуга на рынке ценных бумаг, услуга по договору лизинга, а также услуга, оказываемая финансовой организацией и связанная с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц». Аналогичное определение финансовой услуги было указано в статье 3 Модельного закона «О защите конкуренции», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 28.11. 2014 № 41-1.

Согласно Приложению №17 «Протокол по финансовым услугам» к Договору о ЕАЭС под названием «финансовые услуги» определены «услуги финансового характера, включающие в себя такие услуги, как страховые и относящиеся к страховым услуги, банковские услуги и услуги на рынке ценных бумаг».

В последующем понятие «финансовые услуги» нашло закрепление в международном Соглашении от 23.12.2014 об обмене информацией, в том числе конфиденциальной, в финансовой сфере «финансовые услуги – услуги финансового характера, включающие в себя банковские услуги, страховые услуги и услуги, относящиеся к страховым, услуги на рынке ценных бумаг.

Понятие «финансовая услуга» определено Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 19.09.2016 г. № 494 как комплекс действий, оказываемый специализированными институтами в рамках их профессиональной деятельности, связанной с управлением денежными потоками и активами. К таким услугам относятся: лизинг, микрофинансирование, операции с деривативами внебиржевого рынка, организация кредитных отношений, (включая: подготовку и сопровождение договоров займа; заключение обеспечительных соглашений (залог, поручительство).

Значительное место, фактически основную долю на финансовом рынке, занимают банковские услуги, осуществляемые через применение

новейших и наиболее современных информационных технологий, а также путём усваивания благоприятного опыта зарубежных стран и применения разнообразных международных стандартов [1]. В то же время Д. Лапко, заместитель председателя Правления Национального банка Республики Беларусь, в 2024 году подтвердил значимость некредитных финансовых институтов, отметив их растущую роль в экономическом развитии, указав, что небанковские институты способны стать ключевым элементом цифровой трансформации, формируя национальные экосистемы, которые дополнят традиционные банковские системы и рынки капитала [2].

В настоящее время финансовый рынок Республики Беларусь не ограничивается банковским сектором, объединяющим банки и небанковские кредитно-финансовые организации (НКФО), а включает в себя также небанковский сектор, который по своему институциональному содержанию представлен широким спектром сегментов: рынок ценных бумаг, поставщики платежных услуг, страховые, лизинговые и микрофинансовые организации, внебиржевой рынок Форекс, краудлендинговые площадки.

Анализируя общее финансовое и специальное банковское законодательство Республики Беларусь, считаем его массив норм несколько противоречивым, что выражается, в частности, в отнесении НКФО непосредственно к банковскому сектору финансового рынка. Представляется некорректным отсутствие норм, разграничивающих финансовый рынок на банковский и небанковский сектора с выделением отдельных норм, регулирующих предоставление банковских услуг, и норм, регулирующих иные небанковские финансовые услуги, что влечет пробельность и ограниченность определения правового положения основных субъектов, оказывающих небанковские финансовые услуги, – НКФО, а также иных финансовых организаций. В Республике Беларусь существует отдельное понятие для иных финансовых организаций – «некредитные финансовые организации», под которыми в Основных направлениях денежно-кредитной политики Республики Беларусь на 2025 год, утверждённых постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 10.10.2024 № 325, понимаются «лизинговые, микрофинансовые и иные некредитные финансовые организации, регулирование деятельности которых возложено на Национальный банк в соответствии с законодательством».

Принимая во внимание вышеизложенное, возникает вопрос о том, какое место в кредитно-финансовой системе, точнее на финансовом рынке, занимают НКФО и иные организации, предоставляющие иные финансовые услуги, кроме банковских.

Необходимо указать на факт того, что на современном этапе развития небанковского сектора финансового рынка в Республике Беларусь и в мире

сложились некоторые характерные для него признаки, при учёте которых упрощается разграничение организаций между секторами финансового рынка. Решение проблемы видится в дополнении Банковского кодекса нормами, устанавливающими небанковскую систему, состоящую из небанковских кредитно-финансовых организаций и некредитных финансовых организаций, оказывающих иные специализированные финансовые услуги наряду с действующей двухзвенной банковской системой.

Специальное правовое регулирование предоставления финансовых услуг небанковской системы финансового рынка целесообразно закрепить в специализированном законе о небанковской системе финансовых услуг.

Определяя динамику развития финансовых услуг, трудно не констатировать современные тренды их цифровой трансформации. В Республике Беларусь значимость происходящих процессов подчёркивается политико-программным документом «Концепция обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года», утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31.12.2024 № 1074. В Республике Беларусь в Перечне терминов и их определений, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 апреля 2023 г. № 280, под цифровизацией понимается «процесс, осуществляемый с использованием информационно-коммуникационных технологий для решения задач по производству или управлению, накоплению и анализу больших массивов данных».

Как отмечает ряд ученых, – процессы цифровизации, протекающие на финансовом рынке, реализуются через два взаимодополняющих друг друга направления: появление высокотехнологичных организаций в сфере финансовых услуг, что приводит к трансформированию системы субъектов финансового рынка (к примеру, платежная система ЕРИП). Наряду с уже привычными и традиционными финансовыми организациями, в сектор активно интегрируются крупные технологические корпорации (BigTech), которые используют свои технологические инфраструктуры для проникновения в финансовую сферу; финтех-стартапы, которые фокусируются на узкоспециализированных решениях, таких как «управление инвестициями, кредитование, мобильный банкинг, глобальные денежные переводы, цифровое страхование (InsurTech), решения на основе блокчейна, краудфандинг» [3].

Второе направление цифровизации оказания финансовых услуг основано на цифровом изменении деятельности традиционных субъектов финансового рынка посредством интеграции инновационных цифровых решений для оптимизации операционных процессов, повышения

клиентоориентированности и укрепления конкурентных позиций (к примеру, формирование цифровых платформ и экосистем) [4].

К числу ключевых инновационных решений, способствующих цифровой трансформации оказания финансовых услуг, относятся: большие данные (Big Data), искусственный интеллект (ИИ), машинное дистанционное (удаленное) обучение, цифровая автоматизация финансовых процессов, биометрическая аутентификация потребителей финансовых услуг, блокчейн, облачные хранилища и высокоскоростные вычисления, мобильные платформы интернет-банкинга и мн. др.

Наиболее результативной стратегией в современных условиях признаётся комплексная цифровизация традиционных банковских институтов, предполагающая их трансформацию в полноценные цифровые платформы [5].

Однако законодательство нашего государства выбрало своё направление в сторону поддержки финтех-стартапов и финтех-организаций, которые в той или иной степени связаны с цифровизацией финансового рынка. Это подтверждается в нормах декрета Президента Республики Беларусь 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики». На данный момент в нашей стране создан «Проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года», подготовленный Министерством экономики Республики Беларусь, в котором предложена концепция «финансовых маркетплейсов – интернет-ресурсов, выполняющих роль агрегаторов предложений финансовых услуг» [6]. Кроме того, в Национальной стратегии устойчивого развития до 2035 г. указано, что с целью совершенствования финансового рынка необходимо повышать уровень доступа при помощи цифровых технологий. Внимание уделяется, как говорится в Национальной стратегии, и «расширению применения автоматизированных онлайн-сервисов (онлайн-продажи, онлайн-урегулирование, персональные системы управления рисками). Важное место будет отведено цифровой трансформации финансовой инфраструктуры и формированию маркетплейсов финансовых услуг, созданию общих условий предоставления дистанционных финансовых услуг».

Повышение эффективности цифровизации небанковского сектора финансового рынка происходит также и благодаря появлению разнообразных современных инструментов, таких как «криптовалюты», «криптобиржи», «блокчейн», «ICO» (англ. Initial Coin Offering) и «токены».

В Республике Беларусь развивается Межбанковская система идентификации (далее – МСИ), которая находится под управлением небанковской кредитно-финансовой организации ЕРИП. В Указе Президента Республики Беларусь от 18.04.2019 № 148 «О цифровых

банковских технологиях» упоминается ЕРИП как «информационная система, предназначенная для идентификации клиентов, посредством которой обеспечивается обработка данных о клиентах, в том числе дистанционно, в целях предоставления им пользователями МСИ услуг и выполнения государственными органами функций, определенных законодательством (за исключением административных процедур)». Фактически МСИ является ключевым элементом цифровой инфраструктуры, обеспечивающим централизованный доступ к дистанционным услугам финансового сектора, что позволяет унифицировать процессы идентификации клиентов и повысить эффективность межведомственного взаимодействия. В «Концепции развития платежного рынка Республики Беларусь и цифровизации банковского сектора на 2023–2025 годы» отмечается следующая тенденция – помимо банковских систем, возможностью получать сведения о клиентах обладают и небанковские организации (например, микрофинансовые, лизинговые организации, операторы сервисов онлайн-заимствования и иные). Данная тенденция свидетельствует о формировании субъектно-объектного правового поля, в котором все субъекты, оказывающие финансовые услуги на финансовом рынке, могут применять различные инновационные инструменты в рамках МСИ.

Национальный банк Республики Беларусь акцентирует внимание на необходимости внедрения многофакторных систем идентификации, включая биометрические методы, что способно минимизировать киберриски (клиент-ориентированные кибератаки, компьютерный шпионаж, аппаратные уязвимости и др.) в системе безналичных расчётов. Подобные решения не только усиливают защиту транзакций, но и оптимизируют пользовательский опыт при взаимодействии с финансовыми услугами, предлагаемыми как банками, так и небанковскими институтами.

С целью модернизации платёжной инфраструктуры и интеграции цифровых решений Национальный банк Республики Беларусь в октябре 2021 года утвердил Концепцию развития открытых банковских интерфейсов прикладного программирования (англ. Application Programming Interface) (далее – API) [7]. Данный документ направлен на стандартизацию взаимодействия между финансовыми институтами и сторонними разработчиками, что способствует созданию экосистемы инновационных финансовых сервисов. На данный момент основополагающим нормативным правовым актом, регулирующим оказание цифровых финансовых услуг, выступает Постановление Правления Национального банка Республики Беларусь от 26.08.2022 № 314 «Об утверждении стандартов проведения расчетов», которое стало основой для принятия двух национальных стандартов СПР 6.02-1-2022

«Банковская деятельность. Информационные технологии. Открытые банковские API. Платежные API. Спецификация» и СПР 6.02-2-2022 «Банковская деятельность. Информационные технологии. Открытые банковские API. Платежные API. Информационная безопасность». Указанный стандарт устанавливает требования к информационной безопасности для API. Названные стандарты направлены на создание экосистемы открытого банкинга и упрощение интеграции сторонних сервисов с банковскими системами.

Однако оказание цифровых финансовых услуг субъектами небанковского сектора посредством использования API на текущий момент ограничено, в первую очередь, из-за закрытости банковских интерфейсов.

В отношении использования ИИ при оказании цифровых финансовых услуг в небанковском секторе отмечается фактическое отсутствие как доктринальных разработок, так и нормативного регулирования данной области финансовых отношений.

Основные усилия нашего государства сосредоточены на гармонизации, в отдельных случаях унификации финансовых стандартов (через органы СНГ и ЕАЭС) и стимулировании институтов финансового рынка к цифровой трансформации. В свою очередь рассмотренные выше положения, касающиеся банковских систем, позволяют говорить о необходимости регламентации происходящих процессов не только в банковском, но и небанковском секторе финансового рынка, поскольку тесное их сотрудничество и взаимодействие позволит укрепить экономическую систему страны в целом.

В условиях цифровизации финансовых услуг нормативно-правовой массив Республики Беларусь демонстрирует достаточную приспособляемость, адаптируясь к вызовам и киберрискам (например, через разрешение операторам мобильной связи участвовать в микрофинансировании). В то же время результаты анализа соответствующих норм позволяют утверждать о наличии существенных пробелов: отсутствие гармоничного правового регулирования ИИ, в том числе при оказании финансовых услуг; недостаточности правовых механизмов защиты прав потребителей финансовых услуг, являющихся пользователями краудфандинговых платформ; ограниченной интеграции API для оказания цифровых финансовых услуг небанковскими организациями, что значительно замедляет, а объективно не позволяет организовать создание экосистем открытого финансирования.

В связи с этим, в качестве одного из первых шагов, рекомендуется дополнение Закона «О потребительском кредите и потребительском микрозайме» специальной главой, регулирующей непосредственно краудфандинговую деятельность, что даст опору для интеграции

краудфандинга в правовое поле Республики Беларусь. Кроме того, важным представляется расширить действие стандартов открытых API (СПР 6.02-1-2022 и СПР 6.02-2-2022) на небанковские организации, обязав их предоставлять доступ к данным (с согласия клиентов) для интеграции с финтех-сервисами.

Список использованных источников:

1. Шалаева Т.З. Теоретико-правовое обеспечение прав потребителей банковских услуг в условиях цифровизации и направления совершенствования национального законодательства // Сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. «Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы» 16–17 ноября 2023 г. Мн. – С. 363–369.

2. Лапко Д. Небанковский сектор финансового рынка: инфраструктурные показатели работы отдельных сегментов, планы и задачи на 2024 год // Банкаўскі веснік. – 2024. – № 5/730. – С. 3–8.

3. Кознов А.Б. Цифровая трансформация рынка финансовых услуг // Вестник Академии Знаний. – 2023. – №2 (55). – С. 322–327.

4. Котляров И.Д. Цифровая трансформация финансовой сферы: содержание и тенденции // Управленец. – 2020. – Т. 11 № 11. – С. 72–81.

5. Как развивается искусственный интеллект в Беларуси / Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь, 2003–2025. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/december/79857/ (дата обращения: 01.05.2025).

6. Проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года / Министерство экономики Республики Беларусь. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/proekt-Natsionalnoj-strategii-ustojchivogo-razvitija-na-period-do-2040-goda.pdf (дата обращения: 20.05.2025).

7. Концепция развития открытых банковских интерфейсов прикладного программирования. – URL: https://www.nbrb.by/bv/pdf/articles/10938.pdf (дата обращения: 23.05.2025).

УДК 346.93

ОНЛАЙН-РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СТРАНАХ ЕАЭС

М. В. Шукан
старший преподаватель кафедры международной политической экономии экономического факультета Белорусского государственного университета

Аннотация. В условиях стремительного развития электронной торговли в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) возрастает актуальность эффективной защиты прав потребителей, включая механизмы урегулирования споров. Одним из таких инструментов является онлайн-разрешение споров, обеспечивающее доступность, быстроту и прозрачность процессов. В статье рассмотрены нормативно-правовые основы защиты потребителей в ЕАЭС, сущность и мировые практики онлайн-разрешения споров, а также проблемы и перспективы внедрения таких механизмов в рамках ЕАЭС. Предложены направления развития единой цифровой платформы онлайн-разрешения споров, основанной на международных стандартах.

Ключевые слова: права потребителей; защита прав потребителей; онлайн-разрешение споров; Евразийский экономический союз; трансграничные споры.

Развитие электронной коммерции становится неотъемлемой частью современной экономики. В странах ЕАЭС доля онлайн-торговли ежегодно увеличивается. Одновременно с ростом объема интернет-продаж возрастает количество потребительских споров, особенно при трансграничных сделках. В период с октября 2023 года по март 2024 года Евразийской экономической комиссией по проблемам разрешения трансграничных споров в области защиты прав потребителей было проведено онлайн-исследование, целью которого было выявление проблем, с которыми столкнулись потребители при осуществлении покупок у продавца из другой страны ЕАЭС. Согласно данным исследования две трети респондентов совершают покупки из других стран ЕАЭС и при этом третья часть из них сталкиваются с проблемами нарушения их потребительских прав со стороны поставщиков. И только лишь четвертая часть споров добровольно урегулируется со стороны продавца при самостоятельном обращении к нему потребителя [1]. Проведенное исследование позволяет отметить, что в настоящее время необходимо внедрение механизмов, способных эффективно и быстро разрешать конфликты. Онлайн-разрешение споров предлагает такие решения, позволяя урегулировать претензии без обращения в традиционные суды.

Онлайн-разрешение споров представляет собой процесс разрешения споров через интернет-технологии без необходимости физического присутствия сторон. Мировая практика предлагает различные модели онлайн-

разрешения споров: переговоры онлайн; электронная медиация; электронный арбитраж. Ключевыми преимуществами онлайн-разрешения споров являются экономия времени, снижение трансакционных издержек, простота интерфейсов и возможность автоматизации (в том числе с использованием искусственного интеллекта). Страны Европейского союза, Китай, Южная Корея и США уже внедрили эффективные платформы разрешения потребительских споров, что снижает нагрузку на суды и повышает доверие к электронной торговле.

В рамках ЕАЭС защита прав потребителей регулируется как на наднациональном, так и на национальном уровнях. Законодательство ЕАЭС включает в себя Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 [2]. Статьи 60, 61 указанного договора посвящены обеспечению согласованной политики в области защиты прав потребителей. Подчеркивается необходимость устранения барьеров и обеспечения равных условий для потребителей на общем рынке. Каждое государство обязуется обеспечивать высокий уровень защиты прав своих граждан независимо от страны происхождения товара или услуги. Также следует отметить, что Комиссией в сфере защиты прав потребителей в ЕАЭС принят ряд рекомендаций по вопросам защиты прав потребителей. Так, например, к ним можно отнести Рекомендацию Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) от 12.01.2021 № 1 «О принципах и критериях добросовестной деловой практики в отношении потребителей в сфере розничной торговли товарами», Рекомендацию ЕЭК от 01.03.2021 № 7 «О методических рекомендациях по разработке программ государств-членов ЕАЭС в области защиты прав потребителей» и др.

Что касается национального законодательства стран-участниц ЕАЭС, то следует отметить, что каждая страна осуществляет защиту потребителей в соответствии со своими законами. Так, в Республике Беларусь порядок защиты прав потребителей регулируется Законом Республики Беларусь «О защите прав потребителей» от 09.01.2002 № 90-З (в ред. от 22.04.2024) [3]. Законодательство Республики Беларусь характеризуется относительно развитой системой защиты прав потребителей, включая электронные обращения в контролирующие органы, однако возможности онлайн-разрешения споров о защите прав потребителей ограничены. В Кыргызской Республике, также как и в Республике Беларусь, онлайн-разрешение споров о защите прав потребителей не применяется.

В Российской Федерации с 1992 года действует Закон от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» [4], который постоянно актуализируется, а также разработан законопроект, который направлен на создание системы досудебного урегулирования споров по вопросам защиты прав потребителей. Онлайн-разрешение споров в настоящее время используется только на локальном уровне посреднических онлайн-площадок.

Наиболее развитым законодательством в сфере защиты прав потребителей следует признать законодательство Казахстана. Казахстан демонстрирует передовой опыт в сфере цифровой защиты прав потребителей среди стран ЕАЭС. Он стал первой страной в ЕАЭС, внедрившей цифровую онлайн-платформу разрешения споров по защите прав потребителей с 01.01.2021. Ключевым элементом этой системы является Единая информационная система защиты прав потребителей – платформа e-tutynushy.kz, обеспечивающая эффективное взаимодействие между потребителями, бизнесом и государственными органами.

Эта платформа позволяет потребителям до обращения в государственные органы разрешить потребительский спор непосредственно с предпринимателем. Потребителю достаточно зарегистрироваться на онлайн-платформе и заполнить соответствующую форму. Обязательным условием для обращения на эту платформу является наличие документов, подтверждающих возникновение спора. Если в течение десяти дней продавец не ответит, жалоба автоматически направляется в Комитет по защите прав потребителей. При этом потребитель может отслеживать этапы рассмотрения. Кроме этого, проводится работа по совершенствованию единой информационной системы защиты прав потребителей: предлагается интегрировать данную систему в информационную систему государственных органов, а также рассматривается возможность интеграции и с судебным кабинетом.

В Республике Армения в 2022 году в Закон «О медиации» от 28.06.2018 №ЗР-351 были внесены соответствующие дополнения (ст. 12.1), которые закрепляют возможность проведения онлайн-медиации, в том числе и по спорам о защите прав потребителей.

Несмотря на интеграционные усилия, различия в подходах к правовой защите потребителей и отсутствие унифицированных механизмов онлайн-разрешения споров затрудняют текущее развитие трансграничной электронной торговли и подрывают доверие потребителей стран-участниц ЕАЭС.

В настоящее время создается комплексная правовая база для защиты прав потребителей в ЕАЭС. Как отметил член Коллегии по техническому регулированию ЕЭК В.Б. Татарицкий, «права потребителей в электронной торговле должны быть защищены на уровне не ниже, чем в обычной. Главное – найти баланс между интересами бизнеса, который хочет развиваться, и правами граждан, которые должны быть надежно защищены. С этой целью принята целая программа совместных действий государств-членов ЕАЭС в сфере защиты прав потребителей, которая, в частности, предусматривает формирование общих правил защиты интересов граждан, создание механизма разрешения споров между потребителями и предпринимателями из различных стран. Кроме того, ЕЭК приняла рекомендации по вопросам регулирования общих подходов в ЕАЭС к защите прав потребителей в электронной торговле» [5].

По итогам заседания рабочей группы высокого уровня по вопросам электронной торговли достигнуты принципиальные договоренности по проекту Соглашения об электронной торговле товарами в Евразийском экономическом союзе. Данным соглашением установлены нормативы по сроку возврата товаров – в течение 14 дней, а также оформление публичных оферт и карточек товаров по общим правилам.

Таким образом, следует отметить, что в странах ЕАЭС система онлайн-разрешения споров о защите прав потребителей находится на этапе формирования. Отсутствует интеграция между странами союза и трансграничный механизм подачи и обработки жалоб. Проблемой остается низкий уровень цифровой грамотности в ряде регионов, а также ограниченная осведомленность о доступных инструментах.

На сегодняшний день отсутствует единая платформа онлайн-разрешения споров в рамках ЕАЭС, способная обеспечить взаимодействие продавцов и потребителей в трансграничных ситуациях. Можно выделить основные проблемные аспекты внедрения единой платформы онлайн-разрешения споров в ЕАЭС. Так, в первую очередь следует отметить, что в странах ЕАЭС отсутствуют общие технические и правовые стандарты по онлайн-разрешению споров. Каждая страна использует собственный подход к подаче жалоб, досудебному рассмотрению и процедуре урегулирования, что делает невозможным трансграничное взаимодействие без двойного регулирования. Различия в процедурах обжалования, сроках рассмотрения и правах потребителя между государствами ЕАЭС создают сложности для реализации общего подхода. Нет ясности в признании решений, принятых в одной юрисдикции, в другой стране. В странах ЕАЭС практически отсутствуют решения с применением искусственного интеллекта, позволяющие автоматизировать фильтрацию жалоб, рекомендовать возможные решения или обеспечить адаптивное сопровождение пользователя в процессе подачи обращения.

Эти вопросы требуют системного подхода к решению на уровне ЕАЭС, включающего координацию законодательных инициатив, совместную разработку ИТ-решений, образовательные мероприятия и стимулирование доверия к новым форматам урегулирования споров. Онлайн-разрешение споров представляет собой ключевой инструмент повышения эффективности защиты прав потребителей в цифровой экономике. В контексте ЕАЭС этот механизм способен сыграть важную роль в укреплении доверия к трансграничной электронной торговле и снижении правовой неопределённости.

Анализ национального и наднационального законодательства стран ЕАЭС в сфере защиты прав потребителей и практики его применения, позволил прийти к следующим выводам. В настоящее время совершаются определенные шаги по гармонизации законодательства ЕАЭС в области защиты прав потребителей. На основе передового опыта Казахстана по онлайн-урегулированию споров о защиты прав потребителей, следует

разработать единое соглашение о принципах и процедурах онлайн-рассмотрения споров на уровне ЕАЭС. Важно обеспечить взаимное признание решений, вынесенных в рамках онлайн-разрешения споров, в разных странах. Данное соглашение должно включать в себя общие принципы признания и исполнения решений, порядок трансграничного доступа к платформам и четкие регламенты для медиаторов и арбитров.

В рамках данного соглашения следует унифицировать процессуальные процедуры онлайн-разрешения споров. Определить сроки подачи и рассмотрения жалоб, формализовать цифровые формы доказательств и процессуальных документов, а также ввести единые правила уведомления и фиксации результатов рассмотрения споров.

Следующим шагом является создание единой трансграничной платформы онлайн-разрешения споров о защите прав потребителей. Она должна включать в себя многоязычный интерфейс, доступ для граждан всех стран ЕАЭС, механизмы верификации, сопровождение обращений и прозрачную статистику.

Международный опыт применения искусственного интеллекта показывает важность и значимость его использования при процедурах онлайн-разрешения споров. Например, в Канаде создана первая в мире государственная платформа онлайн-разрешения споров British Columbia Civil Resolution Tribunal. На данной платформе используется интеллектуальный помощник «Solution Explorer» для анализа спора и навигации пользователя по возможным вариантам урегулирования. Более 90% споров разрешаются без участия судьи. В Испании существует частная онлайн-платформа для подачи жалоб на авиакомпании и другие сервисы Reclamador.es. Алгоритмы искусственного интеллекта автоматически оценивают обоснованность претензий и рассчитывают сумму компенсации.

Эти примеры демонстрируют потенциал новых технологий для повышения доступности, прозрачности и доверия к онлайн-разрешению споров. Страны ЕАЭС могут заимствовать подходы к внедрению искусственного интеллекта при онлайн-рассмотрении споров. Использование искусственного интеллекта может повысить эффективность сортировки жалоб, ускорить урегулирование и обеспечить предиктивный анализ. Блокчейн обеспечит прозрачность, юридическую достоверность решений и их автоматическое исполнение через смарт-контракты.

Как отмечалось выше, в 2024 году между странами ЕАЭС было достигнуто соглашение по проекту Соглашения об электронной торговле товарами в Евразийском экономическом союзе. Важным моментом является регулирование использования и защиты данных в электронной торговле. На наш взгляд представляется необходимым создать минимальные стандарты для всех сервисов онлайн-разрешения споров и внедрить механизмы ответственности за утечку данных.

Таким образом, комплексное внедрение механизмов онлайн-разрешения споров о защите прав потребителей в рамках ЕАЭС возможно только при

условии политической воли, технической совместимости систем и правовой синхронизации между странами. При соблюдении этих условий онлайн-разрешение споров станет эффективным, быстрым и доступным инструментом для миллионов потребителей на евразийском пространстве.

Список использованных источников:

1. ЕЭК проанализировала защиту прав потребителей при электронной торговле // Экономическая газета. – Выпуск № 1 (2793) от 09.01.2025. – URL: https://neg.by/novosti/otkrytj/eek-proanalizirovala-zashchitu-prav-potrebiteley-pri-elektronnoy-torgovle/ (дата обращения: 19.04.2025).

2. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: [подписан в г. Астана 29.05.2014] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – Минск, 2025.

3. О защите прав потребителей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 9 янв. 2002 г. № 90-З: в ред. от 8 июля 2008 г. № 366-З: с изм. и доп. от 22 апреля 2024 г. № 365-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – Минск, 2025.

4. О защите прав потребителей [Электронный ресурс] : Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г., № 2300-1 (ред. от 08.08.2024): в ред. от 8 августа 2024 г. № 232-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 02.05.2025).

5. Комплексную правовую базу для защиты прав потребителей в сфере электронной торговли создают в ЕАЭС [Электронный ресурс]. – URL: https://belta.by/economics/view/kompleksnuju-pravovuju-bazu-dlja-zaschity-prav-potrebitelej-v-sfere-elektronnoj-torgovli-sozdajut-v-639728-2024/ (дата обращения: 20.04.2025).

УДК 340.07: [001.895+004]

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

И. С. Шахрай
профессор кафедры экологического и аграрного права Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент
И. П. Кузьмич
доцент кафедры экологического и аграрного права Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье анализируются проблемы определения сущности новых технологий как универсальной правовой категории, являющихся объектом общественных отношений, связанных с технологическим развитием и обеспечением технологического суверенитета. Высказываются предложения, направленные на формирование в Республике Беларусь комплексной правовой основы рассматриваемых общественных отношений.

Ключевые слова: новые технологии; технологическое развитие; правовое регулирование; консолидирующий законодательный акт.

Развитие и широкое практическое внедрение новых технологий во все сферы общественной жизни влечет необходимость разработки соответствующих правовых решений, обеспечивающих легальную основу использования новых возможностей и преимуществ. Для того чтобы новейшие достижения в области науки и технологий соответствовали наиболее актуальным направлениям социально-экономического развития, необходимо создавать надежный правовой механизм управления научно-техническим прогрессом, который посредством регулятивных и охранительных инструментов позволит стимулировать позитивные и минимизировать негативные последствия активных технологических модернизаций.

Проблема формирования эффективной правовой основы распространения новых технологий во многом обусловлена отсутствием правовой определенности в части установления юридической сущности ключевого объекта рассматриваемых отношений, а именно понятия «новые технологии», являющегося универсальной, всеобъемлющей правовой категорией [1]. В настоящее время правовое регулирование общественных отношений, связанных с использованием новых технологий, осуществляется *преимущественно по отраслевому принципу*

(в частности, в контексте реализации государственной инновационной политики, научной, научно-технической, инновационной деятельности; осуществления опытно-конструкторских и опытно-технологических (технологических) работ; совершенствования государственного управления в различных областях; организации цифровой информационной среды и доступа к информации; поддержки предпринимателей; применения льготного налогообложения и др.).

В качестве примеров отражения в законодательстве процесса появления и распространения отдельных видов новых технологий посредством специального правового регулирования может служить принятие таких нормативных правовых актов как: законы Республики Беларусь «О возобновляемых источниках энергии» от 27 декабря 2010 г., «О безопасности генно-инженерной деятельности» от 9 января 2006 г., «Об использовании атомной энергии» от 30 июля 2008 г., «Об информации, информатизации и защите информации» от 10 ноября 2008 г., «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» от 28 декабря 2009 г., «О вспомогательных репродуктивных технологиях» от 7 января 2012 г., «Об идентификации, регистрации, прослеживаемости животных (стад), идентификации и прослеживаемости продуктов животного происхождения» от 15 июля 2015 г., «О производстве и обращении органической продукции» от 9 ноября 2018 г.; указы Президента Республики Беларусь от 1 декабря 2015 г. № 478 «О развитии цифровых банковских технологий», от 12 марта 2020 г. № 92 «О стимулировании использования электромобилей», от 14 февраля 2022 г. № 48 «О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты», от 29 ноября 2023 г. № 381 «О цифровом развитии», Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» и др.

Мы видим, что белорусское законодательство пошло по пути множественного варианта регламентации рассматриваемых общественных отношений ввиду их разнообразия и доминирования государственного интереса в сфере осуществления научной, научно-технической и инновационной деятельности. На важность дальнейшего совершенствования законодательной базы, предусматривающей механизмы внедрения системы поддержки технологий, защиты информационного суверенитета страны, персональных данных, цифровизации государственного управления, нормотворческой и правореализационной деятельности, промышленности и иных сфер обращается внимание в Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196.

Вместе с тем применение лишь отраслевого принципа как основы систематизации норм в сфере разработки, внедрения и использования новых технологий стало весьма проблематичным по мере их стремительного развития. Масштаб воздействия новых технологий на общественные отношения оказался настолько глобальным, что повлек за собой трансформацию системы права и законодательства, затронув в том числе форму и содержание самих норм и нормативных правовых актов. При этом право неминуемо отстает от технологической реальности, в том числе по причине отсутствия универсальных правовых подходов, что ведет к безуспешной гонке регуляторов. Она проявляется в том, что «армия юристов занимается тем, что бесконечно усложняет правовое регулирование, создает дополнительные источники расходов потребителей, и в этой гонке тотальной правовой вооруженности общество уже сейчас терпит поражение» [2, с. 16].

Подчеркнем бесспорную значимость тех шагов, которые предпринимает белорусский законодатель с целью урегулировать вновь возникшие или видоизмененные под влиянием технологического прогресса общественные отношения. Вместе с тем уже имеющийся опыт правового регулирования дает яркие примеры запаздывания мер правовой защиты в новых технологических условиях. Так, сравнительно недавно был принят Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных» от 7 мая 2021 г. № 99-З, а также закреплены составы правонарушений в этой сфере в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (ст. 23.7) и Уголовном кодексе Республики Беларусь (ст. 203-1, 203-2). Очевидно, что потребность в таком правовом упорядочении возникла задолго до этого (ввиду массового распространения общественно вредных деяний, ущемляющих права, свободы и законные интересы граждан, чему способствовало стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий в области государственного управления, сфере услуг и иных). Сказанное свидетельствует о необходимости максимально оперативного реагирования права на происходящие технологические изменения и вызовы правопорядку, в том числе посредством закрепления новых деликтов и мер юридической ответственности. Актуальность обозначенной проблемы нашла отражение и в принятых рекомендациях по итогам парламентских слушаний на тему «Развитие цифрового права в Республике Беларусь» (постановление Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь от 10 января 2025 г. № 141-П8/II).

Как отмечено выше, особенностью современного этапа развития технологий и права является проникновение новых технологий во все сферы жизнедеятельности социума, в результате чего происходит изменение, в том числе, правовой природы самих общественных

отношений. Это обусловливает объективную потребность *формирования единой концептуальной правовой основы*, цель которой – поощрение внедрения (приобретения) новых технологий (вне зависимости от их вида, сферы приложения и способа производства).

Сложность реализации комплексных правовых подходов, в первую очередь, обусловлена проблемами определения самого объекта рассматриваемых отношений – новых технологий, для которых характерно опережающее воздействие на экономические отношения по сравнению с уровнем развития законодательства. Ввиду обширности и неоднородности данное понятие неоднозначно используется в праве (так, наряду с ним нормативных правовых актах, программных документах и стратегиях упоминаются такие понятия как «инновации», «новшества», «новые технологические решения», «новые технологические процессы», «критические технологии», «наилучшее доступные технические методы» и иные).

До настоящего времени законодательное закрепление в Республике Беларусь понятия «новые технологии» носит нестабильный и преимущественно узконаправленный характер, затрагивая ограниченный круг субъектов, обусловленный целями принятия того или иного нормативного правового акта. Анализируемая нами правовая категория ни разу не была представлена на уровне закона, а акты, которые ее включали в понятийный аппарат, с определенной периодичностью утрачивали свою юридическую силу. При этом в части установления содержательной характеристики понятия «новые технологии», подход на протяжении всего времени, по сути, не менялся. Так, в действующем Положении о порядке формирования перечня высокотехнологичных товаров, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 июля 2022 г. № 435, под новыми технологиями понимается «система производственных и иных операций, методов и процессов, обладающая более высокими качественными характеристиками по сравнению с лучшими аналогами, доступными на внутреннем рынке, на определенном сегменте рынка или рыночной ниши, для которых эти технологии являются новыми». Это полностью совпадает с определениями данного понятия, которые на различных этапах развития новых технологий, были закреплены в нормативных правовых актах (Положение о порядке организации и проведения государственной научно-технической экспертизы разрабатываемых, привлекаемых и используемых технологий по отнесению их к новым и высоким, производств и организаций, основанных на этих технологиях, к высокотехнологичным, утвержденное Министерством экономики Республики Беларусь, Государственным комитетом по науке и технологиям Республики Беларусь от 24 апреля 1997 г.; Указ Президента Республики Беларусь от 3 января 2007 г. № 1 «Об

утверждении Положения о порядке создания субъектов инновационной инфраструктуры»; постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 октября 2010 г. № 1420 «Об утверждении стратегии технологического развития Республики Беларусь на период до 2015 года»; постановление Национального статистического комитета Республики Беларусь от 18 июля 2017 г. № 74 «Об утверждении формы государственной статистической отчетности 1-нт (инновация) «Отчет об инновационной деятельности организации» и указаний по ее заполнению»).

Таким образом, мы можем утверждать, что в части характеристики ключевых признаков понятия «новые технологии» законодатель определился. Осталось придать ему всеобщий правовой характер. Это возможно посредством формирования универсальных правовых конструкций, применимых ко всем общественным отношениям в сфере новых технологий, в том числе к отношениям с вновь возникающими высокотехнологичными объектами и дающих возможность опережающего развития регулятивной и охранительной функций права [3, с. 7–8].

Актуальность сделанного вывода подтверждается последними событиями политического и социально-экономического характера. На повестке дня стоит вопрос не просто о доступе к новым технологиям, а о значимости определения критически важных технологий, без которых невозможно достижение устойчивого экономического роста, обеспечение национальной безопасности и технологического суверенитета государства. В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 декабря 2023 г. № 855 технологический суверенитет означает способность Республики Беларусь располагать важными для обеспечения благосостояния населения и конкурентоспособности критическими технологиями (товарами), а также возможность их самостоятельно разрабатывать или получать от экономик других стран без односторонней структурной зависимости. Под критическими технологиями понимаются отраслевые технологии и технологии, носящие межотраслевой характер, необходимые для производства критических товаров, имеющие системное значение для функционирования экономики, решения социально-экономических задач и обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь, а также импортозамещающую направленность.

Следовательно, повышение уровня стабильности правовой системы и защищенности субъектов общественных отношений, объектом которых являются новые технологии, может быть обеспечено лишь при условии реализации системных мер, направленных на инновационное развитие национальной экономики. Это потребует создания консолидирующей междисциплинарной правовой основы, а также коренного изменения основных подходов к установлению правового режима обращения на рынке новых технологий, перехода от запаздывающего реагирования права

на технологические изменения к предвидению и прогнозированию грядущих трансформаций, их возможного позитивного и негативного влияния на общество.

В основу предлагаемого междисциплинарного подхода к правовому регулированию, учитывающему принципиально новый характер объектов общественных отношений, должно быть положено такое предвидение и прогнозирование, которое позволит обеспечить превентивную готовность правовой системы к появлению новых и изменению существующих общественных отношений. В современный период этому во многом препятствует отмеченная выше неопределенность юридической сущности ключевого объекта рассматриваемых отношений – понятия «новые технологии» как универсальной правовой категории и, как следствие, разрозненность, фрагментарность правовых норм в указанной области.

На современном этапе технологического развития назрела потребность закрепления универсальных правовых положений, применимых к общественным отношениям, возникающим по поводу новых технологий, и необходимости в связи с этим подготовки и принятия *консолидирующего законодательного акта (закона)*, объектом регулирования которого является максимально широкий круг общественных отношений в сфере новых технологий. Задача подобного акта видится в придании большей универсальности правовым нормам, регламентирующим названные общественные отношения и предусматривающим последствия невыполнения установленных требований (в том числе, мерам юридической ответственности). Это позволит устранить методологические дефекты, свойственные существующему правовому регулированию, и перейти от подхода «право пытается догнать меняющуюся технологическую реальность» к работе правовой системы на опережение.

Примечательно, что термин «новые технологии» употребляется в Концепции правовой политики Республики Беларусь, но лишь однажды и в очень узком значении – в качестве одного из способов совершенствования механизмов охраны климата (п. 47.4), т. е. вопрос о потребности согласованного регулирования отношений, возникающих по поводу такого комплексного объекта, как новые технологии, в ближайшей перспективе не ставится. Вместе с тем в указанной Концепции прослеживается понимание значимости принятия правовых норм и нормативных правовых актов высокой степени обобщенности (так, в п. 26.2 в качестве характерных тенденций формирования и развития национальной правовой системы, подлежащих устранению, называется неготовность правоприменителей к работе с такими обобщенными правовыми нормами и запрос на чрезмерную детализацию нормативных правовых актов).

В свете изложенного следует иметь в виду и потенциальные возможности доступа к новым технологиям, возникающие в результате активного участия Республики Беларусь в процессах межгосударственной интеграции, в контексте потребности в правовом сопровождении вовлечения субъектов в научную, научно-техническую и инновационную деятельность, с учетом формирующего правового пространства ЕАЭС, которые в должной степени в национальном законодательстве не учтены [4].

Признание необходимости «нормативно-правовой проработки фундамента основ взаимодействия стран Союза в сфере науки и образования» стало одним из выводов, к которому пришли участники сессии «Научно-техническое сотрудничество и профессиональное образование: основные приоритеты Евразийского экономического союза», прошедшей в рамках Евразийского экономического форума в мае 2023 г. в Ереване [5]. На создание условий для опережающего развития экономик государств-членов, подъема инвестиционной и инновационной активности, повышения конкурентоспособности и научно-производственного потенциала Союза нацелено и Решение Высшего Евразийского экономического совета, принятое в г. Минске 11 декабря 2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». Переход на инновационный путь развития предполагается за счет повышения инвестиционной активности и модернизации экономик государств-членов на основе нового технологического уклада, что включает в том числе: разработку совместных инновационных программ и инвестиционных проектов; формирование механизмов производственной кооперации; использование созданных институтов Союза (Евразийского банка развития, Евразийского фонда стабилизации и развития, Международного финансового центра «Астана»); расширение применения цифровых технологий и формирование единой правовой основы; объединение усилий по созданию и использованию новых технологий и инноваций, в том числе «зеленых» технологий, возобновляемых источников энергии, моделей циркулярной экономики и др. Также важным шагом в формировании общего пространства кооперационного взаимодействия и сотрудничества в сфере технологического развития стало принятие в г. Санкт-Петербурге 25 декабря 2023 г. Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь», в рамках которой предусмотрено формирование общего пространства сотрудничества в сфере технологического развития.

Совершенствование национального законодательства в обозначенном контексте, установление взаимосвязей с нормами права

ЕАЭС, своевременное создание при необходимости на национальном уровне правовых механизмов по их реализации, позволит ускорить технологическую трансформацию экономики. В связи с этим уже на данном этапе нуждаются в совершенствовании нормы Закона Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности» (в части обеспечения взаимосвязи с нормами права ЕАЭС о трансфере технологий с учетом появившихся возможностей в рамках межгосударственного интеграционного сотрудничества и созданной в ЕАЭС институциональной среды, а именно формирования национальных сегментов евразийской сети (определения уполномоченных органов)), а также разработка на национальном уровне комплекса мер по стимулированию развития трансфера технологий, включая планирование и координацию мероприятий по поддержке проектов по трансферу технологий в рамках Союза [6].

Таким образом, происходящая под влиянием технологического развития трансформация политико-правовой реальности обусловливает необходимость разработки междисциплинарного подхода, учитывающего принципиально новый характер объектов, по поводу которых складываются общественные отношения.

Внедрение новых технологий с учетом их разнообразия должно носить комплексный и последовательный характер, учитывать особенности конкретных видов правоотношений, иметь своевременное и качественное правовое сопровождение, предлагать и закреплять алгоритм действий, в том числе для субъектов хозяйствования, непосредственно апробирующих такие технологии на практике. Одновременно совершенствование национального законодательства должно предусматривать установление взаимосвязей с нормами права ЕАЭС, своевременное создание при необходимости на национальном уровне правовых механизмов их реализации, что позволит существенно ускорить технологическую трансформацию экономики, обеспечив правовое сопровождение вовлечения заинтересованных субъектов в научную, научно-техническую и инновационную деятельность.

В целом, необходимо коренное изменение подходов и переход от запаздывающего реагирования права на технологические изменения к предвидению и прогнозированию грядущих трансформаций, их возможного позитивного и негативного влияния на общество с целью превентивного обеспечения готовности правовой системы к появлению новых и изменению существующих общественных отношений.

С учетом потребности формирования универсальных правовых положений, применимых к исследуемым общественным отношениям в их множественности и качественном разнообразии, целесообразна подготовка и принятие консолидирующего законодательного акта

(закона), объектом регулирования которого станет широкий круг общественных отношений, объединенных их ключевым объектом – новыми технологиями. На уровне предлагаемого закона следует закрепить понятие «новые технологии» как универсальную правовую категорию и его соотношение со смежными понятиями – «инновации», «новшества», «критические технологии» и иные. Принятие такого комплексного закона призвано стать важным шагом на пути преодоления разрозненности, фрагментарности правовых норм и отражения в праве процессов развития новых технологий во многих областях.

Список использованных источников:

1. Шахрай И.С., Кузьмич И.П. Право в эпоху новых технологий: тенденции и перспективы развития // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2022. – № 1. – С. 16–23.

2. Синюков В.Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica (Русский закон). – 2021. – № 2. – С. 9–20.

3. Шахрай И.С. Юридическая ответственность в условиях развития новых технологий: некоторые межотраслевые проблемы // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. – 2025. – Т. 11. – № 1. – С. 6-15.

4. Кузьмич И.П. Правовое регулирование общественных отношений, связанных с развитием науки и технологий в правовом поле ЕАЭС // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст. : в двух томах. Т. 2. / ред. кол.: Д. В. Муха [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси; Ин-т экономики. – Минск : Право и экономика, 2023. – С. 304–309.

5. Единая наука как потенциал экономического прорыва стран ЕАЭС. – URL: https://armenpress.am/rus/news/1111814.html (дата обращения: 03.05.2025).

6. Кузьмич И.П. Совершенствование правового регулирования отношений в сфере развития науки и новых технологий в условиях воздействия процессов межгосударственной интеграции // Развитие регулятивных и охранительных правовых механизмов в экономической сфере / Н.С. Минько [и др.] ; под общ. ред. Н.С. Минько, Е.Н. Гладкой ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск : Беларуская навука, 2024. – С. 137–158.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

УДК 349.6

К ВОПРОСУ О ЗАКРЕПЛЕНИИ ПРИНЦИПА КОМПЛЕКСНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Я. В. Ашарчук
младший научный сотрудник центра государственного строительства и права Института экономики НАН Беларуси

Аннотация. В статье предлагается закрепление принципа комплексного управления природными ресурсами в экологическом законодательстве Республики Беларусь как части государственного управления природными ресурсами, для чего анализируются доктринальные подходы к комплексному управлению природными ресурсами. Автором обосновывается роль комплексного природоохранного разрешения как меры комплексного государственного управления.

Ключевые слова: государственное управление природными ресурсами; комплексное управление природными ресурсами; комплексное природоохранное разрешение; комплексное воздействие на окружающую среду.

В быстро меняющемся мире всё чаще ставится вопрос о необходимости устойчивого использования природных ресурсов. Согласно ст. 13 Конституции Республики Беларусь воды, недра и леса составляют исключительную собственность государства. Управление такими ресурсами, в первую очередь, осуществляется государственными органами и организациями, деятельности которых построена на принципах, закрепленных в экологическом законодательстве. В Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII (далее – Закон) не указаны принципы государственного управления, но определены направления развития государственной экологической политики. Кроме того, государство привлекает физических лиц, общественные объединения к охране окружающей среды (ст. 7 Закона). Проект Экологического кодекса Республики Беларусь, который на данном этапе находится в разработке, также включает данных субъектов в решение природоохранных вопросов. В литературе такой принцип государственного управления именуется как «сочетание государственного регулирования с местной инициативой, участием общественности» [1] или «принцип взаимосвязи государственных органов, местного самоуправления, общественных объединений граждан» [2]. На наш взгляд, предпочтительнее использовать первую формулировку. Она подчеркивает приоритет государственного сектора в управлении природными

ресурсами. Как отмечает Конституционный Суд Республики Беларусь в своем решении от 29 декабря 2021 г. № Р-1297/2021, правовое регулирование в природоохранной сфере «должно основываться на принципе приоритета публичных интересов, предполагающем обеспечение государством контроля за рациональным использованием природных объектов». При этом в Республики Беларусь на период до 2030 года принята Национальная стратегия управления водными ресурсами в условиях изменения климата, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 февраля 2022 г. № 91 (далее – Национальная стратегия управления водными ресурсами), в которой установлено, что комплексное управление водными ресурсами является механизмом для определения мер по адаптации к климатическим изменениям. В Национальной стратегии управления водными ресурсами содержатся основные мероприятия по внедрению комплексного управления водными ресурсами: разработка и утверждение планов управления бассейнами рек Неман и Западная Двина; создание Неманского и Западно-Двинского бассейновых советов и др. Водный кодекс Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г. № 149-З (далее – Водный кодекс) закрепляет действие данных механизмов. Первый инструмент управления водными ресурсами носит административный характер, а второй включает взаимодействие граждан, государства и организаций, учитывая потребности всех. Закон Республики Беларусь «Об охране и использовании торфяников» от 18 декабря 2019 г. № 272-З (далее – Закон «Об охране и использовании торфяников») также фиксирует не только роль государственных органов, организаций в управлении природными ресурсами, но и граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, например, путем участия в реализации планов управления болотами. Замечаем схожие нормы о комплексном управлении в водном законодательстве и Законе «Об охране и использовании торфяников», так как болотные экосистемы – экосистемы, связанные с водными. На первый взгляд, речь идет про вышеупомянутый принцип «сочетание государственного регулирования с местной инициативой, участием общественности», но анализ положений показал, что в национальном законодательстве управление природными ресурсами отводится всем субъектам экологических отношений в разной степени при наличии соответствующих инструментов.

Обращаясь к законодательству стран Содружества Независимых Государств, выделим ст. 9 Закона «Об охране окружающей среды» Республики Таджикистан от 2 августа 2011 года № 760, где среди полномочий уполномоченного государственного органа в области охраны окружающей среды закреплено положение о комплексном управлении в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Также регламентируется координация деятельности министерств, ведомств, местных органов государственной власти, органов самоуправления посёлков и сёл физических и юридических лиц. Можно предположить, что комплексное управление заключается в выстраивании государственного управления, при

котором, координируя другие органы и лица, создается единый подход принятия решений на разных уровнях. В нашем Законе в таком контексте рассматривается государственное регулирование экологических отношений (ст. 8), но термин «комплексное управление» не употребляется. Ранее задачи Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь предусматривали комплексное управление природоохранной деятельностью и координацию органов постановлением Кабинета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 1996 г. № 81. Документ утратил силу и вступило новое постановление Совета Министров от 20 июня 2013 № 503, в котором законодатель не закрепил в компетенции комплексное управление. Отсутствие дефиниции или содержания принципа «комплексное управление природными ресурсами» при наличии инструментов такого управление в национальном законодательстве требует обращения к доктринальным и иным источникам.

Е. Ф. Гладун в контексте основ управления природными ресурсами анализирует принципы управления природными ресурсами, среди которых выделяет: рациональность; целевое использование; комплексность; устойчивость; безопасность; платность; регионализация; принятие экологически ориентированных решений; учет интересов народов, проживающих на территориях ресурсопользования; срочность ресурсопользования. Согласимся с позицией данного ученого о том, что комплексность управления выражается в «принятии решений, учитывая взаимосвязи различных природных ресурсов, возможности негативного воздействия на природные ресурсы, связанные с добываемым ресурсом, социальные и экономические последствия использования природного ресурса» [3, с. 31–35]. Такой же позиции придерживается И. С. Шахрай, трактуя под комплексным природопользованием «возможность использования различных природных ресурсов с учетом их экологических взаимосвязей» [4, с. 304]. В основе устойчивости в управлении лежит в целом принцип устойчивого развития, что выражается в «удовлетворении потребностей людей при одновременном улучшении качества жизни ныне живущих и будущих поколений» [3, с. 31–35]. Также принцип устойчивого развития в рамках принципов управления природными ресурсами использует И. А. Герасимова [2]. В поддержку комплексности управления природными ресурсами выступает и Цель устойчивого развития 6 «Чистая вода и санитария», утвержденная Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Среди задач ЦУР 6 определено, что необходимо обеспечить комплексное управление водными ресурсами на всех уровнях, в том числе на основе трансграничного сотрудничества. М. М. Бринчук подчеркивает, что государственное управление основывается на принципе «комплексного (всестороннего) подхода к решению вопросов» [5]. Сказанное, позволяет нам прийти к мысли

о взаимосвязи качества/состояния окружающей среды и устойчивости государственного управления.

С целью совершенствования и унификации законодательства государств – членов Содружества Независимых Государств и принятия наилучших практик Межпарламентской Ассамблеей СНГ принимаются модельные законы, которые носят рекомендательный характер. Модельный закон «О рациональном использовании и охране трансграничных вод (водных объектов)», утвержденный Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – членов СНГ от 18 апреля 2014 г. № 40-9 оперирует понятием интегрированное управление водными ресурсами, подразумевая под ним управление водными, земельными и другими связанными с ними ресурсами с целью достижения максимального социально-экономического благополучия на справедливой основе без причинения ущерба устойчивости жизненно важных экосистем, выделяя среди принципов (в ст. 3). Таким образом, комплексное управление предполагает всестороннее управление природными ресурсами, где решения государственных органом принимаются с учетом интересов других участников общественных отношений с целью выполнения принципа устойчивого развития, который составляет основу формирования и развития современных экологических отношений: получения максимальных благ при минимальных затратах и вреде окружающей среде.

Ранее отмечалось, что в Водном кодексе и Законе «Об охране и использовании торфяников» закреплены механизмы, иллюстрирующие комплексное управления природными ресурсами. С. А. Боголюбов под комплексностью понимает «сочетание мер по организации рационального использования природных ресурсов и их охраны в виде окружающей среды» [6, с. 25]. Одной из таких мер также предполагаем возможным рассматривать комплексное природоохранное разрешение. Согласно ч. 3 ст. 29 Закона осуществление природопользования в процессе экономической деятельности юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями возможно на основании комплексного природоохранного разрешения, порядок выдачи которого устанавливается постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 декабря 2011 г. № 1677 (далее – постановление Совета Министров № 1677). В Указе Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2011 г. № 528 под комплексным природоохранных разрешением понимается единый разрешительный документ, удостоверяющий право на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, специальное водопользование, хранение и захоронение отходов производства с учетом возможного внедрения наилучших доступных технических методов и устанавливающим нормативы допустимого воздействия на окружающую среду, условия осуществления хозяйственной и иной деятельности в части использования природных ресурсов и (или) оказания воздействия на окружающую среду, и заменяет собой разрешения на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, специальное водопользование, хранение и захоронение отходов производства. Как видим, законодатель употребляет

«комплексность» в контексте использования и охраны нескольких природных ресурсов: вод, атмосферного воздуха. При этом отношения, связанные с хранением и захоронением отходов производства, влияют на окружающую среду в целом, так и на иные объекты экологических отношений: землю, воды, биологическое разнообразие и др. В проекте Экологического кодекса комплексное природоохранное разрешение трактуется несколько уже – документ, который удостоверяет право на выбросы с учетом возможного внедрения наилучших доступных технических методов, при этом содержание комплексного природоохранного разрешения осталось тем же (ст. 77). И. С. Шахрай отмечает, что нормативное регулирование комплексного природоохранного разрешения в последних изменениях «существенно детализировано в контексте продвижения принципов «зеленой» экономики, перехода к низкоуглеродной экономике, сокращения выбросов парниковых газов и увеличения их абсорбции поглотителями» [7, с. 372], что подтверждает роль комплексного управления в разработке стратегий адаптации к изменениям климата. Закон также устанавливает комплексное воздействие на окружающую среду, которое должно осуществляться на основе комплексного природоохранного разрешения. В упомянутом Указе Президента под таким воздействием понимается любое прямое либо косвенное воздействие на окружающую среду при осуществлении хозяйственной деятельности если:

1. объекты воздействия на атмосферный воздух включены в перечень объектов воздействия на атмосферный воздух, для которых устанавливаются нормативы допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, установленный Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды;

2. образуются отходы, производятся добыча (изъятие) вод в объеме 5 кубических метров в сутки и более с применением водозаборных сооружений и (или) сброс сточных вод, выброс загрязняющих веществ в атмосферный воздух, при котором суммарные валовые выбросы от всех объектов воздействия на атмосферный воздух согласно акту инвентаризации выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух составляют более 3 тонн в год или валовые выбросы загрязняющих веществ 1 класса опасности составляют более 10 килограммов в год.

Делаем вывод, что комплексное природоохранное разрешение – мера, которая принята государственным органам, затрагивает охрану и рациональное использование наиболее важных компонентов природной среды, при этом учитываются интересы юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, так как при осуществлении указанной деятельности в предусмотренных объемах не требуется получение нескольких разрешений, достаточно получить комплексное природоохранное. Постановлением Совета Министров № 1677 устанавливается общий срок такого разрешения – 10 лет. Российская Федерация имеет похожий опыт и в Федеральном Законе Российской Федерации «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ срок комплексного природоохранного разрешения составляет 7 лет.

Длительный срок позволяет субъектам эффективнее осуществлять свою деятельность, так как не требуется постоянно обращаться за продлением разрешения. Тем не менее согласно ч. 3 п. 15 указанного постановления Совета Министров при эксплуатации объектов воздействия на атмосферный воздух, которые отнесены к I категории в соответствии с категориями объектов воздействия на атмосферный воздух и перечнями объектов воздействия на атмосферный воздух, относящихся к различным категориям, разрешение выдается на пять лет. Это говорит об увеличении роли природоохранного компонента в экологических отношениях и преобладании над природоресурсным. В Экологическом кодексе Республики Казахстан от 2 января 2021 г. № 400-VI комплексное природоохранное разрешение носит бессрочный характер. Такой подход, на наш взгляд, является спорным, как и любое другое разрешение, оно должно иметь срок действия, особенно когда затрагивается вопрос устойчивого использования природных ресурсов.

Ещё до появления такого комплексного разрешения в экологическом законодательстве М. Ф. Реймерс предлагал создать специальный закон и определить «порядок принятия решений по комплексному управлению природопользованием, внедрение в практику лицензий (разрешений) и договоров на комплексное природопользование» [8]. Закрепление договоров на комплексное природопользование не получило своего развития в национальном законодательстве, однако Постановление Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 25 ноября 2008 г. № 31-8 утвердило модельный закон «О предотвращении и комплексном контроле загрязнений окружающей среды», в котором предусматривается заключение договора на комплексное природопользование (закрепляющего права на использование природных ресурсов и воздействие на окружающую среду, условия, при которых данная деятельность должна осуществляться, размеры платежей за пользование природными ресурсами, ответственность сторон) между субъектом хозяйственной и иной деятельности и органом исполнительной власти района (города), на территории которого осуществляется природопользование. Так, комплексное природоохранное разрешение является мерой государственного регулирования, а заключение договора – основание для гражданско-правовых отношений между субъектами. При этом модельный закон не устанавливает обязанность заключить договор на комплексное природопользование при наличии комплексного природоохранного разрешения, но наличие/отсутствие разрешения является основанием для заключения/расторжения договора. Предполагаем, что договор устанавливает какие-то дополнительные гарантии, права и обязанности лиц.

Таким образом, меры комплексного управления природными ресурсами находят свое отражение в национальном экологическом законодательстве: планы управления бассейнами рек, планы управления болотами, комплексное природоохранное разрешение и др. Комплексное управление следует рассматривать с двух позиций: 1) устойчивое управление одними природными

ресурсами, которое не причиняет вред другим; 2) в контексте государственного управления общими и специальными государственными органами, которые учитывают интересы других субъектов экологических отношений: граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. В национальном законодательстве находят свое отражение обе теории, поэтому комплексное управление предполагает всестороннее управление природными ресурсами, где решения государственных органом принимаются с учетом интересов других участников общественных отношений с целью выполнения принципа устойчивого развития: получения максимальных благ при минимальных затратах и вреде окружающей среде. Наличие механизмов комплексного управления природными ресурсами свидетельствует о необходимости закрепления такого принципа в национальном экологическом законодательстве и внесении в проект Экологического кодекса Республики Беларусь.

Список использованных источников:

1. Балашенко С.А. Экологическое право: учебник. – Минск: Вышэйшая школа, 2021. – 399 с.

2. Герасимова И.А. Управление природопользованием и охраной окружающей среды. – Оренбург: Изд-во ОГУ, 1998. – 145 с.

3. Гладун Е.Ф. Управление природными ресурсами: учебное пособие. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2007. – 305 с.

4. Шахрай И.С. Основания возникновения права специального пользования природными ресурсами // Право в современном белорусском обществе: Сб. науч. тр. – Минск: Право и экономика, 2006. – С. 278–304.

5. Бринчук М.М. Экологическое право: учебник. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2008. – 305 с.

6. Боголюбов С.А. Экологическое законодательство интегрирует использование природных ресурсов и охрану окружающей среды // Проблемы систематизации комплексных отраслей законодательства: Сб. ст. по материалам круглого стола, посвященного 30-летию принятия Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» / г. Минск, (17 марта 2023 г.). – Минск, 2023. – С. 23–26.

7. Шахрай И.С. Правовое обеспечение внедрения наилучших доступных технологий: зарубежный и белорусский опыт // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: Сб. науч. ст. / ред. кол.: Д.В. Муха [и др.]; Национальная академия наук Беларуси; Институт экономики НАН Беларуси. Т. 2. – Минск: Право и экономика, 2023. – С. 369–375.

8. Реймерс М.Ф. Начало экологических знаний. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1993. – 261 с.

УДК 343

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ КИБЕРПРЕСЛЕДОВАНИЯ, СВЯЗАННОГО С КОМПЬЮТЕРНЫМИ ИГРАМИ

Р. Р. Бадрутдинов
магистрант Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
Т. Э. Гильманов
магистрант Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)

Аннотация. При рассмотрении киберпреследования в игровой среде следует понимать, что на данный момент развития в сфере игровой индустрии данного преступного явления это уже не просто какой-либо временный конфликт, а систематическое агрессивное давление со стороны игроков, которое может причинять жертве преследования негативное воздействие на психику, и в некоторых случаях даже на физическое здоровье. При рассмотрении психологических последствий киберпреследования, можно наблюдать их сходство с последствиями от реального преследования или насилия, но при этом киберпреследование осложнено анонимностью личности преследователя. Следует заметить, что на данный момент данная проблема особенно распространена среди подростков и женщин. Предложны способы преодоления некоторых проблем, связанных с киберпреследоваием.

Ключевые слова: компьютерные игры; киберпреследование; кибersталкеринг; агрессия в игровом пространстве; кибербуллинг.

При рассмотрении преступлений в сфере игровой индустрии, можно наблюдать все больший рост киберпреследований среди них. Как показывают исследования, все больше игроков сталкиваются в игровом пространстве с проявлениями агрессии, которая может включать в себя как угрозы и преследования, так и сексуальные домогательства. По данным, предоставленным правоохранительными органами, несовершеннолетние проявляя агрессию вызванную компьютерными играми все чаще совершают преступления такие как грабеж (11 %) и убийство (7 %) [1].

Антидиффамационная лига провела исследование, которое показывает, что на данный момент 74 % из взрослого контингента игроков встречались в игровом пространстве с преследованиями, а 65 % сталкивались с более тяжкими формами преследований, такими, как угрозы и кибersталкеринг [2]. В случае с подростками исследования показывают, что 62 % сталкивались вовремя онлайн игр с

преследованиями. Статистика указывает нам на острую проблему киберпреследования в игровом пространстве, что заставляет нас задуматься о законодательном закреплении ответственности за данного рода преступления, и усиления контроля за информационным пространством, как для правоохранительных органов [3], так и для родителей.

Для того, чтобы понять, как бороться и предупреждать киберпресследование, необходимо сначала разобраться в их формах и как данные преступления влияют на игроков.

В основном киберпреследования, а игровом пространстве проявляются в трёх формах:

1. Словесные оскорбления и угрозы. В большинстве онлайн игр комьюнити токсичное, и благодаря безнаказанности, большинство игроков чувствуют себя свободно при общении с другими игроками, что позволяет им проявлять по отношению к игроку ненормативную лексику в виде угроз и оскорблений. Благодаря безнаказанности и лояльном отношении разработчиков к этой проблеме, киберпреследование через оскорбления и угрозы может спокойно процветать в игровом пространстве.

Так, по данным исследования 74 % взрослого игрового контингента сталкивались с оскорблениями в видеоиграх, и 65 % сталкивались с угрозами расправы и преследования [4].

2. Сталкеринг и доксинг. На данный момент все больше игроков сталкиваются с утечкой личной информации, что приводит к тому, что многие игроки становятся предметом буллинга.

В качестве примера доксинга можно привести случай, когда в 2024 году один известный инсайдер под ником Pyoro распространял данные о всех грядущих анонсах компании NintendoofJapan. Так же в том же году одна компания под названием InsiderGaming опубликовала информацию о том, что работники YouTube пользуясь доступом к приватным и скрытым видеоматериалам, публиковали готовящиеся анонсы к грядущим играм в сети интернет [5].

3. Сексуальные домогательства. По большей части данная форма киберпресследования затрагивает игроков женского пола. Так как игровое пространство в большинстве случаев остаётся местом, трудным для определения личности игрока, многие злоумышленники получают возможность сексуально домогаться до игроков путем проявления нежелательного внимания и сексуальных оскорблений. В вышеуказанном исследовании также было отмечено, что 40 % женской аудитории онлайн игр сталкивались с оскорблениями на почве сексизма.

Первой и, пожалуй, самой основной причиной возникновения киберпреследования в игровом пространстве, является анонимность пользователей онлайн игры. Благодаря псевдонимам и отсутствию

подтверждения личности в игре многие пользователи могут, избегая ответственности, преследовать свою жертву внутри игрового мира или чата. В качестве примера стоит привести случай, когда в 2021 году в США один из пользователей платформы Twitch в целях угрозы стримеру создал более трехсот аккаунтов, с каждого из которых писал угрозы своей жертве [6].

Во многих многопользовательских играх, благодаря слабому контролю за тестовыми и голосовыми чатами со стороны разработчиков, процветает атмосфера токсичности и неуважительного отношения друг к другу. Благодаря агрессивному и оскорбительному поведению игроков для многих такое поведение становиться нормальным, что впоследствии приводит к киберпреследованию. Приведем данные лиги безопасного интернета, в которых сказано, что 72 % подростков сталкивались в интернете или онлайн играх с травлей, 29 % из них уже воспринимают кибербуллинг как норму, 22 % из них считают, что данную ситуацию в интернет пространстве стоит проигнорировать [7].

В качестве условия возникновения и процветания киберпреследования укажем недостаточную законодательную регламентацию, а также отсутствие ужесточенного контроля за игровым пространством со стороны разработчиков и правоохранительных органов [8, с. 112]. Одним из законов, регулирующих распространяемую в процессе взаимодействия игроков информацию, является Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

На данный момент, одним из самых распространенных способов борьбы с киберпреследованием внутри игрового пространства является жалобы и блокировка пользователя. На деле же большинство жалоб остаются без удовлетворения, а блокировку злоумышленник может спокойно обойти созданием другого аккаунта. Именно поэтому в качестве решения данной проблемы мы предлагаем внести обязанность для разработчиков в случае выявления нарушения или в случае, если пользователь неоднократно был замечен в токсичном поведении внутри игрового пространства, блокировать не только сам аккаунт, но и IP адрес, к которому он был привязан. Это способствует тому, что злоумышленник не сможет создать новый аккаунт на том же самом устройстве.

Также в качестве меры противодействия следует ввести подтверждение личности при регистрации в онлайн игре. Данная мера помогла бы правоохранительным органам привлекать к ответственности правонарушителей.

Киберпресследование в игровой сфере на данный момент все больше распространяется благодаря комплексу факторов, таких, как анонимность пользователей и бездействие разработчиков. На данный момент,

киберпреследование представляет особую опасность для подрастающего поколения, ведь именно они составляют большую часть игрового комьюнити. Исходя из этого, нынешнее законодательство нуждается во введении норм в законодательную базу, которые бы способствовали противодействию киберпреследованию в игровом пространстве.

В настоящее время киберпреследование, наряду с кибersталкерингом, в игровом пространстве проявляется как одна из форм насильственных преступлений, суть которой заключается в систематическом навязчивом поведении по отношению к жертве, с использованием таких инструментов, как онлайн чаты и голосовые сообщения внутри игры или игрового пространства.

Если рассматривать киберпреследование как вид традиционного преследования, то можно сделать вывод, что он обладает рядом уникальных черт. Акцентируем внимание на различия между киберпреследованием и традиционным преследованием, выявим особенности киберпреследования.

Первой и самой важной особенностью киберпреследования является отсутствие территориальных границ преследования. Так как киберпреследование происходит внутри игрового пространства, преследователь и жертва могут находиться не только в разных городах, но и в разных странах. Отсутствие территориальных границ довольно сильно затрудняет работу правоохранительных органов по привлечению правонарушителя к ответственности. Для решения данной проблемы необходимо наладить международное взаимодействие правоохранительных органов с разными странами по вопросам кибербезопасности граждан [9].

Как один из примеров данной проблемы, укажем на случай, когда в 2022 году гражданин Польши преследовал в онлайн игре «LeagueofLegend» россиянку. Проблемой для правоохранительных органов послужило то, что правонарушитель находился за пределами их юрисдикции [10].

Последней особенностью киберпреследования является многократный характер преследования. Обычно преследование в игровом пространстве может продолжаться в течение нескольких недель или даже месяцев. Злоумышленник, в свою очередь, может менять способы воздействия и платформы. В качестве различных способов воздействия они используют различные инструменты, такие, как публичные посты, оскорбления и угрозы в текстовом и голосовом чате, взлом аккаунтов, подделка и распространение личной информации [11].

В качестве примера можно привести случай, когда в 2021 году злоумышленник, используя платформу Discord, на протяжении 7 месяцев преследовал одного из несовершеннолетних участников сервера онлайн игры Minecraft. На протяжении всего этого времени преследователь

рассылал угрозы и оскорбления, а также, используя фотографии несовершеннолетнего, создавал «мемы» и распространял их по сети [12].

На данный момент киберпреследование в игровом пространстве отличается от иных видов преследования сложной природой, отсутствием территориальных границ преступления и высокой степенью вредоносности для окружающих игроков. Все перечисленные особенности в совокупности могут создать в сфере игровой индустрии идеальные условия для процветания киберпреследования и кибербуллинга.

Одним из самых распространённых психологических последствий киберпреследования является развитие у жертвы депрессии и тревожных расстройств. Жертва преследования, находясь под постоянным страхом преследования и угроз в игровом пространстве, испытывает стресс, что впоследствии приводит к развитию депрессии и тревоги у жертвы. Особенно это проявляется, если у жертвы киберпреследования нет никакой поддержки со стороны близких или родственников. В качестве примера последствий киберпреследования можно привести случай, когда в 2022 году в г. Нижний Новгород ученик СОШ № 17 был госпитализирован с диагнозом «депрессия средней тяжести». Депрессия у подростка была на фоне преследования в игровом пространстве в видеоигре Roblox [13].

Следующим психологическим последствием киберпреследования является развитие у жертвы преследования расстройства сна и эмоциональной нестабильности, также могут появиться суицидальные наклонности [14]. При систематическом преследовании у жертвы развивается чувство беспомощности и отсутствия собственной безопасности в сети интернет и внутри игровой платформы. Так, в 2023 году Лига безопасного интернета выявила, что за год было зафиксировано 12 случаев, когда подростки совершали попытки самоубийства на фоне травли в онлайн играх и интернет платформах для общения, таких как Discord и Steam.

Так как киберпреследование подразумевает под собой систематическое преследование жертвы путем угроз, оскорблений и шантажа, то такое длительное пребывание в стрессовом состоянии несет за собой риск развития у личности человека посттравматического стрессового расстройства [15]. Таким образом, жертва будет часто мысленно возвращаться к тем психотравмирующим событиям, и за счет этого испытывать чувство собственного бессилия и вины. Зачастую симптомы ПТСР у жертвы проявляются через агрессию к окружающим и потерю к ним доверия.

Примером развития данного расстройства у жертв киберпреследования может послужить случай, когда в 2022 году учительнице младших классов, ставшей жертвой преследования в онлайн игре Fortnite, диагностировали ПТСР [16].

Также, помимо развития психологических заболеваний, жертва киберпреследований в игровом пространстве может потерять доверие к обществу не только внутри игры, но и к обществу в целом. Обычно это происходит из-за страха быть не принятым в обществе, и снова подвергнуться травле и буллингу. В таком случае, если жертва - подросток, он может перестать посещать школу, секции, прекратить общение с друзьями. Если жертва – взрослый человек, он также может ограничить общение с людьми или уволиться с работы.

При условии, когда оскорблении и угрозы в игровом пространстве принимают публичный характер, то в нее могут быть втянуты не только сама жертва, но и ее окружение. Нередки случаи, когда близкие жертве люди страдают от утечки личной информации и публичного высмеивания в сети интернет.

Таким образом, можно сделать вывод, что на данный момент развития онлайн игр при условии полной анонимности игроков, киберпреследование несет за собой как психологические последствия для жертвы, так и социальные. В таком случае, для решения данной проблемы, необходим целый комплекс мер для противодействия киберпреследованию. В него должны входить как меры правового характера, т.е. введение ответственности за киберпреследование в законодательство РФ, так и психологического характера, которые включали бы в себя реабилитацию пострадавших.

Рассмотрев основные формы проявления киберпреследования, стоит также упомянуть их последствия [17]. В основном жертвы киберпреследования начинают испытывать на фоне преследований стресс, депрессию. Также замечается снижение вовлечённости в онлайн игры. Зачастую игроки, которые сталкиваются с киберпреследованием, а именно с токсичностью в чатах, могут начать воспринимать такую манеру общения как норму, и позволяют себе общаться с другими игроками также, что, в свою очередь, способствует распространению данной проблемы.

Для решения данной проблемы необходимо ввести следующие меры противодействия киберпреследованию:

1. Введение новых законов, затрагивающих оскорбительное поведение в чатах.

2. Разработка программы для школьной программы, которая включала бы в себя информацию о последствиях киберпресследования и мер предосторожности для более безопасного пребывания в игровом пространстве.

В заключение хочется отметить, что на данный момент киберпреследование является острой проблемой для большинства игроков. Для ее решения необходим комплексный подход и нужно задействовать как правоохранительные органы, так и общество в целом.

Список использованных источников:

1. Котова И.В. Компьютерные игры с элементами насилия как источник посылов к агрессии у несовершеннолетних // Вестник психологии и педагогики. – 2020. – № 3. – С. 45–50. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternye-igry-s-elementami-nasiliya-kak-istochnik-posylov-k-agressii-u-nesovershennoletnih (дата обращения: 26.04.2025).

2. Yahoo News. Anti-Defamation League releases annual report on hate and harassment in online games // Yahoo.com. – 2023. – URL: https://www.yahoo.com/news/anti-defamation-league-releases-annual-030653346.html (дата обращения: 26.04.2025).

3. Абрарова Ч.Х., Латыпова Э.Ю. Вовлечение несовершеннолетних в азартные игры и противодействие этому явлению / В сборнике: Социально-правовая защит детства как приоритетное направление современной государственной политики. Сборник материалов Междунар. научно-практич. конф. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2018. – С. 8–12.

4. Исследование: кого, где и за что оскорбляют в онлайн-играх // VK Play. – 2024. – URL: https://vkplay.ru/media/news/issledovanie_kogo_gde_i_za_chto_oskorblyayut_v_onlajn_igrah/ (дата обращения: 26.04.2025).

5. Trashbox.ru. Игровые инсайдеры: кто они такие // Trashbox.ru. – 2024. – URL: https://trashbox.ru/link/igrovye-insajdery-kto-oni-takie (дата обращения: 26.04.2025).

6. Коммерсантъ. Онлайн-игры стали полем битвы для агрессии и мошенничества. – Коммерсантъ. – 2015. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/2873960 (дата обращения: 26.04.2025).

7. Лига безопасного интернета. Травля в сети: причины, последствия, профилактика // LigaInternet.ru. – 2024. – URL: https://ligainternet.ru/travlya-v-seti/ (дата обращения: 26.04.2025).

8. Латыпова Э.Ю., Гильманов Р.Э., Бадрутдинов Р.Р. Роль правоохранительных органов и специальных служб в борьбе с преступлениями, совершаемыми в сфере компьютерных игр, и технические решения для их предотвращения // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 2 (41). – С. 109–114.

9. Гончарова Н.Н., Латыпова Э.Ю., Гончаров Н.А. Проблемы проведения уголовно-процессуальных действий с участием иностранных граждан, на российской территории, а также в зданиях посольств и консульств России // Проблемы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. – № 4. – С. 366–372.

10. Чиркова Т.Ю. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступлениями // Информационное право. – 2022. – № 4. – С. 26–31.

11. Латыпова Э.Ю. Некоторые аспекты уголовной ответственности за деяния, посягающие на неприкосновенность частной жизни // Oeconomia et Jus. – 2019. – С. 35–45.

12. Институт развития интернета. Аналитический отчёт о цифровой безопасности. – М., 2022. – 57 с.

13. Новости. В Новосибирске осудили подростка за угрозы убийством в онлайн-игре // Mail.ru. – 2022. – URL: https://news.mail.ru/incident/65891122/?from=swap&swap=3 (дата обращения: 26.04.2025).

14. Латыпова Э.Ю. Доведение до самоубийства несовершеннолетнего как угроза демографической безопасности России / В сборнике: Социально-правовая защит детства как приоритетное направление современной государственной политики. Сборник материалов Междунар. научно-практич. конф. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2018. – С. 329–335.

15. Олейник А.В. Психолого-правовой анализ угроз и преследования в онлайн-играх // Сборник научных трудов СПбИМИ. – 2023. – № 6. – С. 45–51. – URL: https://spbimi.ru/wp-content/uploads/2023/06/1267_kr23f43p1mz.pdf (дата обращения: 26.04.2025).

16. Министерство здравоохранения Нижегородской области. Пресс-релиз по инциденту в СОШ № 17. – 2022. – URL: https://minzdravno.ru/novosti/roditeli-o-travle/ (дата обращения: 26.04.2025).

17. Латыпова Э.Ю., Бадрутдинов Р.Р. Преступления, совершаемые в сфере компьютерных игр и их основные характеристики / В сборнике: Цифровые технологии и право. Сборник научных трудов III Междунар. Научно-практич. конф. В 6-ти томах. – Казань: изд-во «познание» КИУ, 2024. – С. 256–263.

УДК 347.191.1

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ФАКТОРОВ НА ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ОТНОШЕНИИ ЛГБТ

М. Н. Валеев
магистрант Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
Э. Ю. Латыпова
заведующий кафедрой уголовного права и процесса Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье обозначена особенность влияния культурных и религиозных факторов на правоприменение в отношении ЛГБТ движения (Верховный Суд РФ признал «международное движение ЛГБТ» экстремистской организацией и запретил его деятельность на территории России). Совершенно ясно, что данные особенности имеют практически прямую связь к формированию положительного или отрицательного отношения к ЛГБТ сообществу, которое в наши дни является большой проблемой. На основании наблюдения тенденции роста данного движения, внесены предложения, направленные на обозначение данной проблемы и варианты ее решения.

Ключевые слова: религия; культура; семейные ценности; противодействие ЛГБТ.

В наше время настоящей проблемой стал не голод или природные катаклизмы, а движение, которое совсем недавно было под запретом практически в любой стране мира, и ни один человек не мог предположить, что в Европе или США людям разрешат пропаганду нетрадиционных сексуальных ценностей, и будут порицать другие страны, которые выступают против ЛГБТ движения. Начнется подавление религии, и фактически принуждение к признанию однополых браков, как само собой разумеющихся и разрешенных религией, после разрешения Папой Римским однополых браков [1].

Однако, проблемы не заканчиваются только этим. В дополнение к этому, в Европе повысилась еще одна из социальных проблем, такая, как демографический кризис. В европейских странах этот кризис в значительной мере связан с сексуальной революцией, приведшей к существенному изменению социально одобряемого сексуального поведения, вследствие признания в качестве ведущей функции сексуальных отношений гедонической (получение удовольствия), а не репродуктивной (рождение детей). Закономерным результатом

происходящих социально-психологических изменений на уровне общественного сознания стала либерализация половой морали, а на правовом уровне – легализация гомосексуальных браков и воспитание детей в однополых семьях [2, с. 110].

Воспитание детей в однополых семьях имеет катастрофические последствия для ребенка, начиная от различных психических расстройств, и заканчивая желанием ребенка поменять свой пол, что, в свою очередь, поддерживает законодательство большинства европейских стран, и, в недавнем времени, Соединенных Штатов Америки. Обычно такие ситуации заканчиваются тем, что ребенку после приема гормональных средств и операции по смене пола радикально нарушают работу организма и психику, восстановление которых после всех проведенных процедур невозможно.

В Российской Федерации пропаганда нетрадиционных сексуальных ценностей является совершенно новым вызовом, требующим не только быстрого и адекватного реагирования, но и вызывающим потребность в обратной пропаганде семейных ценностей для более молодого, психически неокрепшего поколения, чтобы обеспечить будущее не только на ближайшее время, но и на постоянной длительной основе. Именно повышение рождаемости и более лояльное отношение к деторождению и большому количеству детей в семье может нивелировать проблемы демографической безопасности [3, с. 330], которой столкнулись в России. На сегодняшний день уже не секрет, что США вели финансирование разных общественных организаций, включая пропаганду ЛГБТ движения в Российской Федерации и других странах, что засвидетельствовано в недавно рассекреченных документах о распределении бюджета организацией USAID Дональдом Трампом.

Указанная реакция, с одной стороны, должна обеспечить защиту интересов общества, а с другой – сохранить право граждан на неприкосновенность частной жизни [4, с. 40].

В последние годы во многих зарубежных странах приняты законодательные акты, создающие благоприятные условия для распространения гомосексуальных отношений. Так, вслед за Францией, в Англии разрешили однополые браки. Кроме того, однополые браки официально разрешены в Бельгии, Голландии, Испании, Норвегии, Португалии, Швеции и в отдельных штатах США [2, с. 111].

Рассмотрим более детально вопрос о регламентации нетрадиционной сексуальной ориентации со стороны религии.

В Коране четко сформулированы границы сексуального контакта для мужчин, где дозволенность распространяется только на жен и наложниц. Остальные способы являются недозволенным (харам). В свою очередь, и женщины обязаны сохранять целомудрие от всех, кроме своего мужа.

Похожие обязанности и разделял иудаизм Ветхого завета.

Христианство дозволяло моногамные отношения и запрещало разводы. «А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, – и мужу не оставлять жены своей».

Иудаизм и ислам воспринимают сексуальные отношения, как неотъемлемую часть брака – в том числе, и как средство получения удовольствия.

В христианстве сексуальные отношения сравнивают с первородным грехом, и призывают к воздержанию от него [6].

«А я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене. Есть разность между замужнею и девицею: незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу. Говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу без развлечения».

Каждая из религий запрещала в каком бы то ни было виде мужеложество и любую другую нетрадиционную сексуальную власть. В исламе, христианстве и иудаизме наказанием за это была смертная казнь.

В христианстве упоминание об этом встречается в ветхозаветном писании Левит: «Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость» (Левит 18:22).

В похожем смысле пророк Лут обращается к своему народу в Коране: «Неужели вы будете совершать эти мерзости, осознавая (что это мерзость)? И вы (мужчины) испытываете вожделение к мужчинам вместо женщин? Нет же! Вы просто невежды!» (Ан-Намл, 54-55).

К смене пола все религии относятся однозначно полным запретом. Отдельно в исламе упоминается о людях с врожденными анатомическими половыми признаками двух полов, о предписании им выполнения гендерной роли, которая наиболее соответствует им. Таким образом, мы понимаем, что каждая религия не позволяет мужчине быть подобным женщине, а врожденный гермафродизм определяет человеку один пол с дальнейшим запретом перехода в другую категорию.

Однако есть такое течение в исламе, как шиизм, которое, наоборот, разрешает смену пола наравне с гермафродитами. Связано это с традицией Ирана под названием бача (мальчики для утех), где маленьким мальчикам делают кастрацию и наносят косметику, чтобы сделать их похожими на женщин с древних времен. Данное явление было распространенно в Средней Азии и являлось бичом для богословов Ислама.

На сегодняшний день наблюдаются попытки вторжения в религию, и требование о пересмотре вопросов, связанных с однополыми связями и смене пола. В странах, где ЛГБТ движение признано официально, и, более того, дают большие права, чем традиционным семейным группам, модернистские религиозные организации начинают признавать это отклонение разрешенным. К примеру, не так давно некоторые католические церкви начали венчание однополых пар. В своей же среде в большинстве своем люди религиозные продолжают придерживаться консервативных взглядов и норм.

Несмотря на все это, в Российской Федерации относительно долгое время не придавали значение ЛГБТ-активистам и их пропаганде. На сегодня движение ЛГБТ признано экстремистским (Постановлением Верховного Суда РФ [7]) и его пропаганда или финансирование является уголовно наказуемым деянием, однако стоит обратить внимание на то, что к этому вопросу подошли относительно поздно, и, дополнительно, имеется некая несправедливость по приравниванию участников ЛГБТ к другим запрещенным группировкам по УК РФ, по ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества», по аналогии с такими, как Аль-Каида (деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации) или другие радикальные организации по религиозным, расовым и иным признакам. Нам представляется, что меньшинства имеют более низкую общественную опасность по сравнению с другими экстремистскими организациями, данное движение не носит цель убийства или преследования по каким-либо религиозным и др. признакам лиц, но и не стоит отрицать разрушительную тенденцию к еще более отрицательному росту демографии, с которым Правительство Российской Федерации пытается активно бороться.

Мы считаем, что приравнивать ЛГБТ сообщество к радикальным экстремистским группировкам является сомнительным, и решение об этом было принято на скорую руку, в связи с необходимостью быстрого действия по устранению данной активности. Верховный Суд РФ в своем решении от 20 ноября 2023 г. по делу № АКПИ23-990С указал, что «деятельность данного движения создает реальную угрозу нарушения прав и свобод человека и гражданина, причинения вред личности, здоровью граждан, общественному порядку, направлена на уничтожение традиционного представления о браке, семье и конституционного порядка» [7]. С учетом того, что ЛГБТ движение несет разрушительную тенденцию в отношении к сформировавшимся из древних традиций Руси представлений о семье, семейных ценностях, а также идет в разрез с устоями официально признанных религий в Российской Федерации, и может иметь разрушительные последствия для социума в будущем. Полагаем, что в дальнейшем необходимо будет снизить ответственность за

организацию и активное участие в ЛГБТ движении исходя из принципа гуманизма [8, с.] (сохранив возможность привлечения к уголовной ответственности), обращая во внимание на все вышеуказанное, выделить ее в качестве отдельной уголовной статьи и квалифицировать преступление, как преступление средней тяжести.

Учитывая разрушительное влияние на социум, возможность вероятного уничтожения фундаментальных для Российской Федерации семейных ценностей, формировавшихся из поколения в поколение, данное преступление не может иметь категорию ниже средней тяжести преступления, но оно и не посягает, например, на жизни людей, так как это делают другие экстремистские организации, и имеет несколько иные цели. Таким образом будет учтены как морально-нравственные начала уголовного законодательства [9, с. 97], так и принципы гуманизма и справедливости [10, с. 344].

Также стоит сделать выделить в качестве отдельного преступления вовлечние и пропаганду так называемого трансгендерного движения, которое имеет более опасный характер для общества, так как именно с него началась тенденция «осознание гендера» человека и, что самое важное, оно имеет самое негативное воздействие именно на детей и подростков.

Согласимся с мнением, высказанным А. Новопашиным: «Особенно опасна для общества идеология ЛГБТ в своей, скажем так, транс-части. Трансгендерная идеология разрушает не только мораль и нравственность, но и саму биологию человека, под её влиянием в некоторых странах происходит не только моральное, но и физическое калечение детей [5]».

Список использованных источников:

1. Папа Римский разрешил священникам благословлять однополые пары. 19.12.2023. – URL: https://www.rbc.ru/society/19/12/2023/6580cd3f9a794792e3690dc2 (дата обращения: 12.05.2025).

2. Дьяченко А.П., Позднякова М.Е. О социальных предпосылках правового регулирования пропаганды гомосексуализма и иных сексуальных девиаций // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 3. –С. 109–123.

3. Латыпова Э.Ю. Доведение до самоубийства несовершеннолетнего как угроза демографической безопасности России / В сборнике: Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2018. –С. 329–335.

4. Латыпова Э.Ю. Некоторые аспекты уголовной ответственности за деяния, посягающие на неприкосновенность частной жизни // Oeconomia et Jus. – 2019. – № 2. – С. 35–45.

5. ЛГБТ – это именно экстремизм? Комментарий эксперта в области сектоведения протоиерея Александра Новопашина. 02.12.2023. – URL: https://ryazeparh.ru/index.php/news/13345-pochemu-lgbt-eto-imenno-ekstremizm (дата обращения: 12.05.2025).

6. Гайнуллин К. Бог и квир: пол, гомосексуализм и трансгендерность в объективе авраамических религий // Реальное время. – URL: https://woman.rambler.ru/love/46467248-bog-i-kvir-pol-gomoseksualizm-i-transgendernost-v-obektive-avraamicheskih-religiy/ (дата обращения: 12.05.2025).

7. Эксперты «АГ» проанализировали решение Верховного Суд о признании экстремистским «движения ЛГБТ». 24.01.2024. – URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-ag-proanalizirovali-reshenie-verkhovnogo-suda-o-priznanii-ekstremistskim-dvizheniya-lgbt/ (дата обращения: 12.05.2025).

8. Латыпова Э.Ю., Нечаева Е.В. Спорные вопросы содержания принципа гуманизма в уголовном праве // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 3 (37). – С. 355–360.

9. Латыпова Э.Ю., Гильманов Э.М., Абдуллина А.Е., Гильманов Р.Э. Влияние нравственно-моральных норм на содержание уголовно-правовых норм в Уголовном кодексе России // Вестник экономики, прав и социологии. – 2022. – № 1. – С. 93–99.

10. Латыпова Э.Ю. Принцип равенства и принцип гуманизма и их особенности в уголовном праве // В сборнике: Конституция Российской Федерации и развитие правовой системы государства: общетеоретические и отраслевые аспекты. Материалы Международной научно-практической конференции. – Казань: Изд-во Отечество, 2019. – С. 341–346.

УДК 341.48

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

И. А. Габдрашитова
магистрант Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
К. Е. Ключникова
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)

Аннотация. Электронная коммерция набирает все больше оборотов за последние года. Ее исследуют не только специалисты в области экономики, но и правоведы. Это связано с тем, что данный вид деятельности породил множество новых правовых проблем, решение которых требует особого внимания. В данной статье электронная коммерция рассматривается как одна из наиболее благоприятных сфер деятельности для мошенников, и предлагаются пути противодействия ей.

Ключевые слова: мошенничество; электронная коммерция; электронное мошенничество; электронная торговля.

Исследование специальной литературы выявило, что первые употребления термина «электронная коммерция» наблюдаются еще в 1960-е гг. Именно тогда крупные компании и банки начали использовать электронный перевод денежных средств, а также зародилась технология электронного обмена данными [1, с. 55].

В юридической литературе термин «электронная коммерция» начал встречаться в 1990-х гг., однако в средствах массовой информации появился лишь в 1993 году, обозначая ведение деятельности с использованием информационных технологий. И лишь спустя годы термин «электронная коммерция» появился в научной литературе.

Итак, электронная коммерция (e-commerce) – это процесс покупки и продажи товаров и услуг через интернет. Это ведение бизнеса с помощью цифровых технологий.

Несомненно, появление электронного способа ведения бизнеса принесло множество положительных изменений во многих сферах: экономической, социальной и экологической. Однако развитие цифровой торговли имеет и ряд негативных тенденций, которые, в первую очередь, связаны с необходимостью разработки новых правовых механизмов, которые могли бы точно регулировать данную деятельность [2, с. 240].

Сфера электронной торговли как новая форма экономической деятельности вызывает большой интерес у мошенников, в частности,

потому что именно сеть Интернет дает возможность применять как технологические, так и правовые «лазейки» для сокрытия доказательств преступных деяний. Активная борьба с разнообразными видами мошенничества проводится практически во всех государствах; определенные успехи в данной сфере достигли страны БРИКС [3, с. 39–43].

Е-коммерция охватывает полный цикл гражданско-правовых отношений по продвижению продукта до потребителя, как информационный (преддоговорный), так и непосредственно договорный. Необходимо отметить, что в анализируемой модели торговли договоры заключаются и исполняются непосредственно в сети Интернет. Эта особенность характерна для договоров, связанных с предоставлением цифрового контента, а также оказанием различного рода внутрисетевых услуг (рекламных услуг, хостинга, услуг облачных вычислений и т.д.) [4, с. 119]. В данной модели максимально используются все преимущества электронной коммерции: сокращение транзакционных издержек на содержание складов и обслуживающий персонал, возможность ведения деятельности в глобальном масштабе с выходом на зарубежные рынки. Однако в качестве дополнительной нагрузки появляются еще и риски подпадания под юрисдикцию иностранных государств, необходимость соблюдения иностранного права и т.д.

Мошенничество в сфере электронной коммерции регулируется статьями 159.3 и 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Статья 159.3 устанавливает уголовную ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа, а статья 159.6 – за мошенничество в сфере компьютерной информации [5, с. 125].

Так, согласно указанной статье, мошенничество в сфере компьютерной информации – хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

За совершение указанного преступления могут быть назначены различные виды наказаний – штраф в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительные работы на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительные работы на срок до двух лет, либо арест на срок до четырех месяцев.

В случае совершения данного деяния группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба

гражданину назначается более строгое наказание. Данное преступление наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового, либо лишением свободы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового.

Если преступление совершено лицом с использованием своего служебного положения; в крупном размере; с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, то указанные деяния наказываются штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового, либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового.

Деяния, совершенные организованной группой либо в особо крупном размере, – наказываются лишением свободы на срок до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

Наказания за простое мошенничество с использованием электронных средств платежа альтернативные:

– до 120 тысяч рублей штрафа (или в размере заработка виновного лица за период до 1 года);

– до 360 часов обязательных работ;

– до 1 года исправительных работ;

– до 2 лет ограничения свободы;

– до 2 лет принудительных работ;

– до 3 лет лишения свободы.

В 2018 году были приняты изменения в УК РФ, которые коснулись и ст.159.6. Начиная с этого периода, вместо ареста начали применять лишение свободы.

При наличии отягчающих обстоятельств наказание, разумеется, ужесточается. Так, если физлицо совершило хищение в особо крупном размере, то его может ожидать лишение свободы на срок до 10 лет. В

качестве дополнительного наказания может применяться штраф в размере до 1 млн рублей или ограничение свободы на срок до 2 лет.

В качестве квалифицирующих признаков данного состава преступления законодатель устанавливает совершение действий:

– группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину;

– лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере;

– организованной группой либо в особо крупном размере. Определение размеров ущерба дано в примечаниях к ст. 158 УК РФ (кража).

За период с января по декабрь 2024 года было совершено 517 722 преступлений, связанных с хищениями с использованием ИТ (официальная статистика МВД). За тот же период в 2023 году было совершено 510 396 преступлений, что сопоставимо с 2024 годом. При этом, в 2020 г. было зафиксировано почти вдвое меньше преступлений, совершенных посредством телефона или сети Интернет, чем в 2024 и в 2023 гг. Резкое увеличение количества хищений с помощью ИТ в 2023 г., и сохранение высокого уровня инцидентов в 2024 г. объясняется появлением и широким использованием нейросети.

В 2024 году мошенничество с возвратом средств/злоупотребление политикой возврата средств было самым распространённым видом мошенничества, с которым столкнулась почти половина онлайн-продавцов по всему миру. Мошенничество с платежами в реальном времени затронуло 45 % продавцов, а фишинг, фарминг и «китовый» фишинг – ещё 42 %. Мошенничество со стороны продавца (также известное как «дружественное мошенничество») затронуло 39 % продавцов. И злоупотребление возвратом средств/политикой возврата, и злоупотребление со стороны покупателя происходят после покупки, поэтому, в отличие от фишинга или тестирования карт, эти атаки нельзя остановить в реальном времени, что усложняет их предотвращение для интернет-магазинов.

Около 66 % россиян сталкивались с мошенничеством именно в процессе онлайн-покупок. 44 % из них попадались на уловки злоумышленников один раз, а 4 % – более пяти раз. Часто мошенники используют сложные схемы обмана, которые даже продвинутым пользователям трудно распознать [6, с. 824].

Согласно социологическому опросу, каждый второй россиянин попадался на мошенничество при онлайн-покупках. При этом на фишинговые письма приходится 17 %, на телефонное мошенничество – 21 %, а на исчезающих продавцов – 33 % всех преступлений в сфере

электронной коммерции. Наиболее распространёнными методами обмана стали исчезновение продавца после оплаты товара по незнакомой ссылке и телефонное мошенничество, когда злоумышленник представляется сотрудником службы поддержки и просит сообщить персональные данные.

Кибермошенники чаще всего встречаются в социальных сетях (35 %) [7, с. 442], при совершении покупок в онлайн-магазинах (28,5 %) [8, с. 211], на сервисах объявлений (19 %) и в мессенджерах (13 %). Также необходимо учитывать и особенности способа совершения мошенничеств в сфере электронной коммерции, например, с использованием голосового помощника [9, с. 108], или виртуального шантажа [10, с. 112] и др.

Решение выше указанных проблем возможно лишь путем внедрения более жестких процедур при проведении идентификации лиц, которые совершают мошеннические операции.

E-commerce немыслима без новых форм платежей, в значительной степени облегчающих реализацию товаров и услуг в виртуальном пространстве. Феномен электронных денег достаточно долго обсуждался среди экономистов и юристов как в России, так и за рубежом [11, с. 10].

В значительной степени вопросы, связанные с правовым статусом электронных денег, были разрешены с принятием Федерального закона от 27.06.2021 № 161- ФЗ «О национальной платежной системе».

Таким образом, подводи итоги проведенному исследованию, можно сказать, что несмотря на уже имеющиеся нормы законодательства в Российской Федерации в области регулирования электронной коммерции, они требуют дальнейшего совершенствования с учетом стремительного развития цифровых технологий, а также устранения имеющихся пробелов и противоречий в правовом регулировании данного вида деятельности. Устранение имеющихся пробелов возможно посредством использования опыта зарубежных стран.

Немаловажным аспектом является тот факт, что цифровизация экономики, применение электронных платежных систем, внедрение безналичной оплаты предоставляют широкие возможности как для развития новых форм мошенничества (так, достаточно активно мошенничеством занимаются прямо из стен исправительных учреждений [12, с. 68]), так и для разработки новых способов противодействия мошенническим схемам [13, с. 368]. В связи с этим, совершенствование законодательства также должно предусматривать жёсткие меры противодействия современным видам мошенничества и обеспечить высокий уровень доверия пользователей к электронным платёжным системам.

На современном этапе развития экономики страны важно применять комплексный подход нормативно-правового регулирования электронной

торговли, что позволит учитывать все особенности данного вида деятельности и сократить возможные негативные последствия [14, с. 275]. Борьба с киберпреступлениями должна быть интегрированной частью такого инструментария, поскольку развитие онлайн-торговли сопровождается увеличением числа цифровых злоупотреблений.

Список использованных источников:

1. Попов В.М., Маршавин Р.А., Ляпунов С.И. Глобальный бизнес и информационные технологии. Современная практика и рекомендации / Под ред. В.М. Попова. М.: Финансы и статистика, 2021. – С. 55–67.

2. Шишкина М.В., Латыпова Э.Ю. Мошенничество с использованием информационных технологий: современные вызовы и ответы // Научный Лидер. – 2025. – № 17 (218). – С. 240–241.

3. Бикеев И.И., Клемин А.В., Гончарова Н.Н., Латыпова Э.Ю. Правовой потенциал БРИКС / БРИКС: российский взгляд: пролегомены в научное исследование феномена БРИКС / А.В. Тимирясова, И.Е. Дискин, И.И. Бикеев [и др.]. – Казань : Изд-во «Познание», 2024. – 224 с.

4. Гаврилов Н.К. Нормативно-правовая база электронной торговли в России // Право и политика. – 2022. – № 1. – С. 118–128.

5. Говердовская Т.В., Крайнюкова Л.М. Анализ правовых механизмов противодействия мошенничеству в сфере электронной торговли: европейский и российский опыт // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – №3 (30). – С. 125–136.

6. Халмуратов Г.В. Дефиниция и характерные признаки дистанционного мошенничества / В сборнике: Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре. Сборник материалов X Междунр. молодежного форума. – Белгород: Белгородский гос. национальный исследовательский ун-т, 2022. – С. 822–825.

7. Латыпова Э.Ю. О способах мошенничества, совершенного в отношении домашних животных / В сборнике: Образование, воспитание и право в контексте глобальных вызовов. Сборник материалов Междунар. научно-практич. конф. Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. – Чебоксары: Чуваш. гос. ун-та, 2023. – С. 439–444.

8. Гильманов Э.М., Гильманов Р.Э. О мошенничестве в сфере охраны объектов культурного наследия / В сборнике: Образование, воспитание и право в контексте глобальных вызовов. Сборник материалов Междунар. научно-практич. конф. Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. – Чебоксары: Чуваш. гос. ун-та, 2023. – С. 209–213.

9. Латыпова Э.Ю., Мусина Р.Р. Некоторые проблемы мошенничеств с помощью использования банковской карты с голосовым помощником / В сборнике: Информационные технологии в деятельности органов

прокуратуры. Сборник материалов II Всероссийской научно-практич. конференции. – Казань: Изд-во Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, 2019. – С. 107–109.

10. Латыпова Э.Ю., Ключникова К.Е. Проблемы уголовной ответственности за вымогательство с использованием виртуального шантажа / В сборнике: Информационные технологии в деятельности органов прокуратуры. Сборник материалов II Всероссийской научно-практич. конференции. – Казань: Изд-во Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, 2019. – С. 110–113.

11. Козлова О.А., Протасова А.А. Мошенничество в онлайн-торговле // Синергия: Прикладная информатика. – 2019. – № 3 (81). – С. 5–19.

12. Богданова П.В. Мошеннические действия при социальном общении, совершаемые лицами, находящимися в исправительных учреждениях / В собрание: Инновационные исследования: опыт, проблемы внедрения результатов и пути решения. Сборник статей Междунар. научно-практич. конф. – Уф: Аэтерна, 2023. – С. 67–70.

13. Латыпова Э.Ю., Мусина Р.Р., Гильманов Э.М. Цифровые технологии в расследовании экономических преступлений / В сборнике: Цифровые технологии и право. Сборник научных трудов I Междунар. научно-практич. конф.: в 6 тт. Под ред. ИР. Бегишева. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – С. 135–139.

14. Гильманов Э.М., Кирпичников Д.В. О необходимости разработки методики расследования преступлений в сфере обращения цифровой информации // Актуальные проблемы государства и права. – 2020. – Т. 4. № 14. – С. 262–277.

УДК 347.92

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

А. Л. Гатауллина
студент Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
Р. Э. Гильманов
магистрант, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)

Аннотация. Было бы серьезной ошибкой не использовать огромный потенциал искусственного интеллекта для поддержки и повышения эффективности судебной работы. «Прогностическое правосудие» – одно из многочисленных применений искусственного интеллекта: есть и другие, весьма интересные, которые тестируются в некоторых странах – например, использование искусственного интеллекта для быстрого чтения, классификации и отнесения актов, апелляций и документов к соответствующим разделам реестра; или использование чат-ботов (дословно: разговор с роботом) для направления гражданина к альтернативному решению по разрешению спора. В этой связи анализ информационных систем правосудия в судах общей юрисдикции представляет особый интерес.

Ключевые слова: суды общей юрисдикции; информационные системы правосудия; искусственный интеллект.

В судах общей юрисдикции России в последние годы наблюдается активное внедрение информационных технологий, что связано с необходимостью повышения эффективности работы судебной системы и улучшения доступа граждан к правосудию. Основные информационные системы, используемых в судах, включают:

1. ГАС «Правосудие» – основная система, обеспечивающая автоматизацию процессов судопроизводства, включая регистрацию дел, ведение судебных актов и документооборот.

2. Система «Электронное правосудие» – позволяет участникам судебного процесса подавать документы в электронном виде, получать уведомления и следить за ходом дела.

3. Система «Судебный департамент» – предназначена для управления ресурсами и статистикой судов, а также для мониторинга работы судей и судебных дел [1].

Выражение «искусственный интеллект» относится к совокупности наук, теорий и методов, конечная цель которых – позволить машине решать проблемы, понимать реальность и взаимодействовать с ней так же, как это

делает человек. Специалисты различают «сильный» искусственный интеллект (способный контекстуализировать и автономно решать самые разные специализированные задачи) и «слабый» или «умеренный» искусственный интеллект (способный обеспечивать определенные характеристики, которые качественно эквивалентны человеческим и количественно превосходят их) [2]. Искусственный интеллект, используемый для обработки и анализа юриспруденции, на котором основаны приложения «предиктивного правосудия», относится ко второй категории и базируется, в частности, на двух методах:

– обработка естественного языка: здесь мы говорим о компьютерной обработке человеческого языка;

– машинное обучение; Этот метод позволяет построить одну или несколько математических моделей после выявления корреляций, существующих между большими массивами данных. Машина автономно ищет (под контролем человека или без него) корреляции и выводит правила из огромного объема предоставленных данных. Применительно к судебным решениям он выявляет корреляции между различными параметрами решений, принятых в прошлом по определенному вопросу (например, в делах о разводе это может быть продолжительность брака, доход супругов, наличие супружеской неверности и т. д.) и выводит одну или несколько математических моделей, на основе которых он «предсказывает» элементы будущего судебного решения (например, размер алиментов) [3].

Основные характеристики судебного решения: судебное решение, по сути, представляет собой выбор судьей соответствующих фактов, их толкование и применение правовых норм к этим фактам. Применение права к фактам часто представляет собой сложную операцию: например, может существовать множество источников, которые не сочетаются друг с другом совершенно последовательно. Более того, судебный силлогизм, по-видимому, является скорее способом представления правового обоснования a posteriori, чем логическим переводом всех этапов рассуждения, осуществленного судьей. Действительно, такие рассуждения могут прерываться множеством дискреционных выборов, которые не распознаются априори, например, выбором и рассмотрением только некоторых элементов, предложенных сторонами [4].

Таким образом, судебное решение представляет собой несовершенный исходный материал, позволяющий строго определить все причинные факторы решения, создать модели рассуждений судьи и получить надежные «прогностические» результаты. По тем же причинам нельзя утверждать, что машинное обучение может объяснить поведение судьи. Тот факт, что судья статистически принимает решения об опеке над ребенком в пользу матери, не обязательно отражает предвзятость по отношению к отцу, а скорее наличие психосоциальных, экономических или даже культурных факторов, характерных для юрисдикции, в которой он или она осуществляет свою практику, таких как наличие или отсутствие социальных служб, посещение

ребенком школы, рабочие часы каждого из родителей или даже просто отсутствие интереса со стороны одного из двух родителей к уходу за маленьким ребенком.

Конкретный риск, который возникает, заключается в том, что корреляции, полученные с помощью машинного обучения, на самом деле не очень значимы и что необходима дополнительная аналитическая работа для выделения истинных причинно-следственных элементов решения.

По вышеупомянутым причинам эффективность применения искусственного интеллекта в юриспруденции оказывается сравнительно слабее и несовершеннее, чем в других областях, где достигнутые результаты являются исключительными. Мы должны принять во внимание важное ограничение искусственного интеллекта, которое заключается в неспособности адаптировать свою работу за пределами собственной модели.

Ученые могут моделировать такой мир, используя дискретную математику, которая имеет дело со счетными или конечными множествами, где можно выполнить миллионы попыток для обработки миллионов возможных комбинаций [5].

Говоря конкретно о приложениях, основанных на обработке судебных решений в целях правовых исследований, следует отметить, что в настоящее время уже существуют «интеллектуальные» поисковые системы, которые позволяют анализировать различные источники и материалы (законы, нормативные акты, судебную практику, доктрины) [6]. Искусственный интеллект может обеспечить доступ к информации, которая не только более широкая и разнообразная, но и более интерактивная: судьи, юристы и другие специалисты смогут «ориентироваться» в различной информации и быстрее находить нужные им решения. Искусственный интеллект также может быть использован для предложения моделей или фрагментов решения, которые коррелируют с результатами исследования, что позволяет судье быстрее подготовить проект.

Последний будет стремиться применять решение, предложенное машиной, не рассматривая его в свете особенностей рассматриваемого случая, тем самым подпитывая систему и способствуя механическому воспроизведению ранее принятых решений. Следовательно, эти системы приведут к «кристаллизации» юриспруденции и могут ограничить ее развитие [7].

В уголовных делах мы наблюдаем растущее распространение инструментов «прогностической полиции» (например, «прогностическую криминальную картографию», которая использует искусственный интеллект для выявления мест совершения серийных преступлений и эффективной подготовки полицейских служб). Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве весьма ограничено. Однако американский опыт имеет большое значение и является источником размышлений также для иных стран, которые оценивают внедрение этих технологий в уголовный процесс [8].

Судьи часто используют инструменты оценки риска, хотя они и не являются обязательными для целей принятия решения, для определения вероятности рецидивизма лица, находящегося под стражей, санкции (например, срока тюремного заключения) и возможного применения альтернативной заключению меры. Эти вероятности (высокого, среднего или низкого уровня) измеряются посредством статистической обработки различных факторов риска, касающихся как самого человека, так и ранее арестованных или осужденных лиц, которые впоследствии совершили другое преступление.

Особого внимания заслуживают два аспекта. Первый – непрозрачность алгоритмов, используемых частными компаниями, и их нежелание учитывать характеристики своей продукции. Алгоритмы, по сути, защищены промышленной тайной, и получить к ним доступ сложно. Учитывая, что данные, которые используются в алгоритме, поступают от государственных органов и используются в контексте судебной деятельности, оказывающей существенное влияние на права граждан, нельзя не отметить проблему прозрачности и подотчетности частных субъектов. Вторым аспектом, который следует подчеркнуть, является необходимость обеспечения полного соблюдения принципа равенства сторон обвинения и защиты: лицо, судимое на основе алгоритма, должно иметь возможность изучить и оспорить его научную обоснованность, а также вес, придаваемый его различным компонентам [9].

Наконец, существуют опасения относительно потенциально негативного влияния, которое эти инструменты могут оказать на беспристрастность судьи: судья, который принимает решение, противоречащее прогнозу алгоритма, берет на себя риск и, следовательно, большую ответственность. Предположим, что судьи могут не захотеть брать на себя это бремя, особенно в системах, где их мандат не является постоянным, а зависит от всенародного голосования, или в тех, где их личная ответственность (дисциплинарная, гражданская или даже уголовная) может быть обеспечена, особенно если гарантии, предоставляемые законом в дисциплинарных вопросах, недостаточны.

В целом, эти применения определения опасности личности, по-видимому, отражают дискуссию о предполагаемой предсказуемости преступного поведения, которая очень оживлена [10]. Поэтому инструменты уголовного правосудия должны быть разработаны иначе, чем в настоящее время: «прогностический» подход, основанный на статистической обработке факторов риска, должен быть заменен подходом, более уважительным к правам человека, в котором судья играет основополагающую роль в индивидуализации уголовного наказания. Социальные службы и сотрудники службы пробации могут использовать методы анализа данных для централизации и сбора информации о правонарушителе, разбросанной по разным учреждениям (информация об образовании, занятости, регулярном медицинском и социальном обслуживании); Эта информация может помочь судье в процессе принятия решения, которому порой приходится выносить

решение в чрезвычайно сжатые сроки (например, в контексте так называемых процедур «немедленной явки» или «немедленного судебного разбирательства») [11].

Искусственный интеллект (ИИ) может значительно повысить эффективность работы судов. Системы на основе ИИ могут использоваться для автоматизации рутинных задач, таких как анализ документов, предсказание исходов дел и помощь в подготовке судебных актов. Это позволит судьям сосредоточиться на более сложных аспектах делопроизводства.

Использование больших данных и аналитических инструментов может помочь в выявлении тенденций и паттернов в судебной практике. Это может способствовать более обоснованным решениям и улучшению качества правосудия. Аналитика также может быть полезна для оценки эффективности работы судов и выявления проблемных областей.

Опыт, накопленный за десятилетие использования телематического гражданского процесса, показал, как использование новых технологий привело к важным изменениям.

Значительно снижены затраты на ведение коммуникаций и уведомлений в реестре, а также высвободилась рабочая энергия за счет автоматизации некоторых процедур.

Изменился способ работы всех участников правосудия. Адвокату удалось сократить свой физический доступ к реестрам, поскольку он мог просматривать файлы непосредственно из своего офиса, а также вносить депозиты, отправлять сообщения и уведомления со своего рабочего места.

Сотрудники регистратуры теперь ежедневно заняты у видеотерминала проверкой/приемом/контролем документов, поданных в электронном виде.

Благодаря консоли судья имеет возможность упорядоченно и схематично ознакомиться со своей ролью, имея ясную картину самых отдаленных причин, текущих действий, процессуальных сроков; может лучше организовывать слушания, планировать мероприятия, управлять собственным календарем обязательств; может проводить комплексные исследования по своей роли (в информационных целях, для воссоединения или простого совместного рассмотрения однородных споров); можно постоянно обновлять содержимое электронного файла, составлять положения с помощью редактора, который автоматически заполняет некоторые части документа [12].

Для юристов и мировых судей это дает преимущество в виде возможности работать и подавать документы и положения непосредственно из других мест, а не из офиса, что экономит время, необходимое для физических поездок, и позволяет совмещать работу с другими видами деятельности.

Однако внедрение столь широкого использования новых технологий привело к появлению новых проблем, которых не было ранее и решение которых фактически обуславливает осуществление защитной и процессуальной деятельности: судья, адвокат, клерк обязаны выполнять ряд технических задач для корректного функционирования системы и давать

ответы на ряд технических проблем, которые часто совершенно не связаны с их базовой подготовкой (вспомним правильное использование программного обеспечения, цифровой подписи, толкование нормативных положений об особенностях телематической деятельности) [13].

Решения, в свете текущей юриспруденции, были самыми разными:

1) недопустимое деяние;

2) неправомерное действие, подлежащее урегулированию регистратурой по распоряжению судьи;

3) акт, который может быть подан повторно после восстановления судьей пропущенного срока;

4) эффективное действие для достижения цели. Что ж, решение, которое на основе законодательного вмешательства предусматривает автоматическое принятие или автоматическое отклонение акта системой, мне кажется вовсе не революционным, а всего лишь здравым смыслом и имело бы следующие достоинства:

а) освободить переводчика от деятельности, не имеющей большого юридического веса и имеющей почти исключительно формальное значение;

б) немедленно сообщить защитнику о результате (положительном или отрицательном) проведенной деятельности. Другим примером может служить использование защитником документов, не соответствующих предусмотренным в технических условиях.

Другими словами, не стоит удивляться, если при возникновении проблем чисто технико-формального характера, каковых немало и возникло в результате внедрения телематического процесса, система автоматически выдает ответ о правильности/неправильности, допустимости/недопустимости деяния, освобождая судью от принятия решения по данному вопросу.

Положение о делегировании полномочий правительству, подготовленное комиссией: адаптация процессуальных правил к внедрению телематического гражданского процесса, в том числе путем внесения изменений в Гражданский процессуальный кодекс РФ, также предусматривающих: систему мониторинга функциональности и перерывов в работе ИТ-системы с автоматическим восстановлением процессуальных сторон в случае невозможности соблюдения процессуальных сроков, вызванной отсутствием функциональности ИТ-системы Министерства юстиции, что не позволяет стороне загружать процессуальные документы и записи в саму ИТ-систему».

Список использованных источников:

1. Антонов Я.В. Правовые характеристики электронного правосудия как проекта электронной демократии в контексте международной практики и влияние электронного правосудия на обеспечение независимости и беспристрастности органов судебной власти // Управленческое консультирование. – 2021. – № 6 (78). – С. 58–67.

2. Бегишев И.Р., Латыпова Э.Ю., Кирпичников Д.В. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке

дефиниции // Актуальные проблемы экономики и права. – 2020. – Т. 14. – № 1. – С. 79–91.

3. Бурцева Е.В., Селезнёв А.В., Чернышов В.Н. Информационные технологии в юриспруденции: учеб. Пособие. – Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2022. – 104 с.

4. Сухаренко А. Электронное правосудие // Юрист. 2020. – №41. – С. 6–18.

5. Кудинов А.Т., Элькин В.Д. Правовая информатизация в информационном обществе // Черные дыры в российском законодательстве. – М., 2020. – № 4. – 43 с.

6. Бикеев И.И., Клемин А.В., Гончарова Н.Н., Латыпова Э.Ю. Правовой потенциал БРИКС / БРИКС: российский взгляд: пролегомены в научное исследование феномена БРИКС / А.В. Тимирясова, И.Е. Дискин, И.И. Бикеев [и др.]. – Казань: Изд-во «Познание», 2024. – 224 с.

7. Жданова Ю.А. Правовая природа электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества // Административное право и процесс. – 2020. – № 4. – С. 80–83.

8. Гаджиева Ф.Р., Панкратова Д.А. Перспективы развития электронного правосудия в РФ // Актуальные проблемы современной науки: IV междунар. научн.-практ. конф. (Алушта, 27–30 апреля 2019 г.). – Ставрополь: СевКавГТИ, 2019. – С. 16–19.

9. Тимошенков А.Д. Реализация электронного правосудия в России // Актуальные проблемы современного права и государства: мат. междунар. научн.-практ. конф. преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов (Смоленск, 18 декабря 2020 г.). – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2020. – С. 181–183.

10. Латыпова Э.Ю., Мусина Р.Р., Клейн М.С. Биологические процессы и особенности, влияющие на преступное поведение, в антропологическом аспекте / В сборнике: Семья и традиционные семейные ценности как духовно-нравственная основа развития общества и государства. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. –Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2024. – С. 604–612.

11. Самитов Э.О. Некоторые аспекты правового регулирования информации. – Образование. Наука. Научные кадры. – 2023. – № 1. – С. 82–84.

12. Жданова Ю.А. Правовая природа электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества // Административное право и процесс. – 2020. – № 4. – С. 80–83.

13. Асланова А.Г. Развитие электронного правосудия в России // Взгляд молодых на проблемы региональной экономики. 2022: мат. всерос. открытого конкурса студентов вузов и молодых исследователей. – Тамбов: Изд. центр ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», 2022. – С. 332–335.

УДК 343.2

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИМ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ПРАКТИКИ

Л. Р. Гизетдинова
студент Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
Э. Ю. Латыпова
заведующий кафедрой уголовного права и процесса Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье уделено особое внимание вопросам назначения наказания военнослужащим за совершение преступлений против военной службы, обращено внимание на наличие ряда проблемных аспектов, предложены конкретные меры по их устранению и внесению изменений в действующее законодательство. Несмотря на популярность изучения правовых аспектов, связанных с особенностями назначения уголовного наказания военнослужащим, дискуссии среди ученых относительно рассматриваемого вопроса не ослабевают, что во многом обусловлено проведением Россией специальной военной операции, которая актуализировала тему написания статьи. В связи с этим представляет интерес анализ некоторых векторов развития уголовного законодательства, регламентирующего вопросы назначения наказания военнослужащим, что позволит выявить ключевые его положения, выявить существующие проблемы и предложить пути их преодоления в условиях либерализации и гуманизации отечественной уголовно-правовой системы.

Ключевые слова: военнослужащий; преступления против военной службы; уголовное наказание; ограничение по военной службе; содержание в дисциплинарной воинской части; условное осуждение; освобождение от уголовной ответственности.

Назначение уголовного наказания военнослужащим обладает рядом особенностей, что во многом обусловлено особым правовым статусом военнослужащих, которых в науке уголовного права принято относить к специальным субъектам уголовной ответственности, наличием отдельной главы 33 Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее – УК РФ), что обуславливается их высокой общественной опасностью, характером и особенностями военной службы, требующими обеспечения военной безопасности государства.

Преступления против военной службы характеризуются значительной общественной опасностью, угрожая обеспечению военной

безопасности страны [1, с. 93]. Вопрос противодействия преступлениям против военной службы обострился с началом проведения Россией специальной военной операции (далее – СВО) на Украине. Согласно данным ГИАЦ МВД России, в 2021 году было зарегистрировано 1 514 таких преступлений, в 2022 году – 3 047, в 2023 году – 11 530, в 2024 г. – 28 584 [2].

Если мы обратимся к нормам УК РФ, то обнаружим, что законодатель посчитал необходимым не только закрепить в тексте уголовного закона отдельную главу, предусматривающую перечень преступлений против военной службы, но и дать легальное определение данной категории преступлений, что в принципе для него не характерно, поскольку раскрытие большинства употребляемых терминов и основных понятий уголовного права, как в Общей, так и Особенной частях УК РФ, не дается. Наличие в тексте УК РФ определения преступлений против военной службы позволяет ограничить круг данных противоправных деяний исчерпывающим перечнем составов воинских преступлений, не допустить их чрезмерного расширения. Помимо этого, конкретизируется конкретный перечень субъектов уголовной ответственности, исключающих возможность признания таковыми иных лиц, не состоящих на военной службе.

Следующая особенность рассматриваемых преступлений состоит в том, что в отношении военнослужащих за совершение преступлений против военной службы могут быть применены специальные виды уголовных наказаний, назначение которых невозможно в отношении иных субъектов уголовного права. Это ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части, а также использование специальных правил назначения наказаний военнослужащим. Однако военнослужащим могут быть также назначены общеуголовные наказания, например, лишение свободы (ч. ч. 1-2.2 ст. 332, ч. 3 ст. 335 УК РФ), арест (ч. 3 ст. 332, ч. 2 ст. 337 УК РФ). В некоторых составах преступлений против военной службы уголовный закон предусматривает возможность альтернативного назначения наказания военнослужащим: ограничение по военной службе, либо содержание в дисциплинарной воинской части, либо лишение свободы (ч. 1 ст. 334 УК РФ), в других – только специальных уголовных наказаний, применяемых к военнослужащим: ограничение по военной службе и содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 336 УК РФ).

Многие вопросы, разъясняющие особенности назначения наказания военнослужащим, раскрыты в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ Постановление от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11). Исходя из данных разъяснений, можно прийти к выводу, что высшая судебная инстанция допускает возможность назначения военнослужащим и более

мягкого наказания, но при наличии ряда обстоятельств, которые носят исключительный характер. Одним из них названо назначение наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части, которое впоследствии оспаривается осужденным в апелляционном порядке, по которому установленный законом срок военной службы по призыву истек. Анализ судебной практики показал, что, руководствуясь принципами гуманизации [3] и либерализации уголовного наказания, суды допускают возможность замены указанного вида наказания таким более мягким наказанием как штраф [4].

В п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» подчеркнуто, что судам следует иметь в виду, что перечень правоограничений, указанных в статье 48 УК РФ, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. В то же время анализ судебной практики показал, что нередко суды слишком расширенно и необоснованно трактуют положения уголовного законодательства, лишая осужденных ученых степеней, ученых званий и других званий, носящих квалификационный характер [5].

Военнослужащим может быть назначено не только уголовное наказание, но и применены иные меры уголовно-правового характера, например, принудительные меры медицинского характера. Цели принудительных мер медицинского характера носят двойственный характер, подразумевая, с одной стороны, излечение лиц, совершивших преступления, обладающих психическими или сексуальными расстройствами, а, с другой стороны, предупреждение совершение ими новых преступлений. Принудительные меры медицинского характера являются самостоятельным институтом уголовного права, отличным от мер уголовной ответственности и наказания. В качестве пробела действующего законодательства следует назвать отсутствие в УК РФ легального определения принудительных мер медицинского характера, который подлежит скорейшему разрешению.

При назначении уголовного наказания военнослужащим суды должны учитывать личность виновного, наличие смягчающих и отягчающие обстоятельств. Суды неукоснительно соблюдают данный постулат общих принципов назначения уголовного наказания. Перечень таких смягчающих обстоятельств является весьма обширным. Помимо общих обстоятельств, устанавливаемых судами в отношении иных субъектов уголовной ответственности, применительно к военнослужащим в качестве таковых наиболее распространенными являются такие как участие в боевых действиях в зоне проведения СВО, наличие наград, ранений [6]. По другому делу суд в качестве смягчающие наказание обстоятельств признал раскаяние военнослужащего в содеянном, а также то, что «до призыва на военную службу он ни в чем предосудительном

замечен не был», по месту жительства характеризуется положительно [7]. Выделенная в кавычках фраза приведена дословно.

Приведенный пример показывает также, что уголовное наказание может быть назначено военнослужащим условно. Уголовный закон правовому регулированию условного осуждения отводит специальные ст. ст. 73, 74 в Общей части УК РФ, что позволяет говорить о важности института условного осуждения в уголовном праве России, однако, раскрытие его в нормах уголовного закона следует признать фрагментарным и несистемным. Применение и отмена условного осуждения вызывает большие сложности в правоприменительной практике, поскольку уголовный закон в недостаточной степени раскрывает понятие и сущность условного осуждения. Разъяснения Пленума ВС РФ также не смогли разрешить все имеющиеся противоречия и разногласия в понимании условного осуждения.

В научной литературе продолжаются активные дискуссии относительно понимания сущности и правовой природы условного осуждения. Ученые также не пришли к единству мнений по данному вопросу. Приведем несколько научных концепций.

Так, одна группа авторов относит условное осуждение к разновидности отсрочки отбывания наказания, которая является принудительной для отдельной категории лиц, совершивших преступление [8, с. 182]. Позволим не согласиться с данным мнением, поскольку условное осуждение и отсрочка больным наркоманией являются различными уголовно-правовыми институтами. Они имеют ряд схожих признаков, которые позволяют рассматривать данные институты в совокупности, что проявляется в назначении наказания осужденным. Но различия между ними носят более принципиальный характер, что не позволяет их полностью идентифицировать в качестве равнозначных. Данный вывод основан на различной правовой природе исследуемых институтов. Если отсрочка отбывания наказания только на определенное время отсрочивает срок реального исполнения приговора, например, до достижения ребенка возраста 14 лет, после чего женщина может отбывать ранее назначенное судом наказание, то условное осуждение подразумевает не исполнение в действие наказания, если он будет соблюдать возложенные на него судом обязанности и запреты. Таким образом, отсрочка учитывает только временные обстоятельства, при которых допускается неисполнение приговора незамедлительно после его оглашения. При условном осуждении во внимание принимаются иные обстоятельства.

Другие исследователи рассматривают условное осуждение в качестве разновидности уголовного наказания [9, с. 3]. Данное мнение также является ошибочным. Правовые нормы об условном осуждении размещены в Разделе III УК РФ «Наказание». Однако, условное осуждение не является наказанием, поскольку оно не числится в перечне наказаний,

закрепленном ст. 44 УК РФ, несмотря на то, что оно в полной мере преследует все цели уголовного наказания, обозначенные в данной правовой норме.

Представители третьей научной группы относят условное осуждение к самостоятельной мере уголовно-правового характера, сущность которой проявляется в установлении судом определенного временного периода – испытательного срока, в течение которого предполагается доказывание условно осужденным своего исправления, придерживания законопослушного поведения посредством соблюдения возложенных на него судом обязанностей и запретов [10, с. 38].

Таким образом, единства взглядов среди представителей науке уголовного права не сложилось. На наш взгляд, условное осуждение является особой формой реализации назначенного уголовного наказания, которое исполняется не реально и условно при выполнении установленных судом соответствующих обстоятельств, при наличии которых суд может принять такое решение с возложением обязанностей и запретов как гарантий исправления осужденного.

Часть 3.1 ст. 73 УК РФ содержит специальную норму, регламентирующую назначение военнослужащим уголовного наказания условно, согласно которой в случае назначения наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части условно испытательный срок устанавливается в пределах оставшегося срока военной службы на день провозглашения приговора.

Военнослужащие могут быть освобождены от уголовной ответственности и наказания не только по общим, но и специальным основаниям, предусмотренным ст.ст. 337, 338 гл. 33 УК РФ. Предназначение института освобождения от уголовной ответственности и наказания имеет важнейшее значение, поскольку позволяет дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от обстоятельств совершенного преступления. Данный институт стимулирует военнослужащих к правомерному поведению, отказу от продолжения преступной деятельности. В целях совершенствования уголовного законодательства примечания к ст.ст. 337 и 338 УК РФ наряду со стечением тяжелых обстоятельств необходимо дополнить обязательными признаками: добровольной явкой с повинной, способствованием раскрытию и расследованию преступления.

В 2024 году УК РФ был дополнен новым общим основанием освобождения от уголовной ответственности по ст. 78.1 УК РФ. В отличие от иных общих видов освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных гл. 11 УК РФ, предполагающих предпринятие лицом позитивных действий, например, заглаживание причиненного вреда, признание вины, раскаяние, в ст. 78.1 УК РФ о данных посткриминальных действиях ничего не говорится, поскольку они не являются обязательными.

Военнослужащий может отрицать свою причастность к совершению преступления, но, в конечном счете, может согласиться на применение к нему ст. 78.1 УК РФ с целью избежания длительной процедуры уголовного преследования и последующего судебного разбирательства, чем фактически признает себя виновным в совершении преступления, что впоследствии может нести для него неблагоприятные последствия. На основании изложенного, приходим к мнению, что основание освобождения от уголовной ответственности, предусмотренное ст. 78.1 УК РФ, не соответствует конституционному принципу презумпции невиновности.

Сегодня имеется возможность примирения сторон в случае причинения вреда государственным и муниципальным интересам, а не только физическим лицам или коммерческим (некоммерческим) юридическим лицам. Однако в практике преобладает тенденция об освобождении от уголовной ответственности по основанию примирения сторон, когда вред был причинен не общественным и государственным интересам, поскольку возникает сложность определения уполномоченного лица, которое будет выступать от имени потерпевшего в данном случае. Сущность публичных интересов государства заключается в необходимости сохранения принципов законности и общественной безопасности, обеспечение которых осуществляется посредством уголовного преследования.

Следующая проблема заключается в том, что данное основание не применяется судами в отношении лиц, которые в период СВО вели боевые действия [11, с. 164] в составе частных военных компаний. Полагаем, что в данном случае в ст. 78.1 УК РФ сотрудников частных военных компаний необходимо приравнять к статусу лиц, призванных на военную службу по мобилизации, или заключивших контракт с Вооруженными Силами Российской Федерации.

Подводя итоги, резюмируем, что назначение уголовного наказания военнослужащим вызывает определенные сложности у судов, что во многом обусловлено пробелами в уголовном законодательстве [12, с. 48]. Необходимость совершенствования уголовной ответственности и наказания военнослужащим не вызывает сомнения, поскольку они представляют повышенную общественную опасность, что актуализируется в условиях проведения СВО, в связи с чем, важно проводить взвешенную и грамотную уголовно-правовую политику, где необходимо соблюдать баланс либерализации и ужесточения уголовно-правовой политики.

Список использованных источников:

1. Изотов Д.М., Харитонов С.С. О назначении военными судами уголовных наказаний: материалы судебной практики // Право в Вооруженных Силах. – 2023. – № 3. – С. 93–104.

2. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: https://мвд.рф (дата обращения: 15.05.2025).

3. Латыпова Э.Ю. Принцип равенства и принцип гуманизма и их особенности в уголовном праве // В сборнике: Конституция Российской Федерации и развитие правовой системы государства: общетеоретические и отраслевые аспекты. Материалы Международной научно-практической конференции. – Казань: Изд-во Отечество, 2019. – С. 341–346.

4. Апелляционное постановление 2 Восточного окружного военного суда от 11.01.2024 № 22-4/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Президиума Верховного суда Удмуртской Республики от 18.01.2019 № 44У-7/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Апелляционное определение Центрального окружного военного суда от 08.11.2023 № 22-288/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Апелляционное определение Центрального окружного военного суда от 23.11.2023 № 22-305/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Савин А.А. Принудительные меры медицинского характера в системе уголовно-правовых мер воздействия // Вестник Академии следственного комитета Российской Федерации. – 2020. – № 1. – С. 181–184.

9. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Условное осуждение в контексте современной уголовно-правовой политики РФ // Российская юстиция. – 2014. – № 5. – С. 2–6.

10. Медведев Е.В. Условное осуждение как средство реализации некарательных функций уголовного права // Российский следователь. – 2022. – № 1. – С. 38–41.

11. Латыпова Э.Ю., Гончарова Н.Н. О военном времени как квалифицирующем признаке преступлений против военной службы // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2024. – №3. – С. 162–172.

12. Рарог А.И. Военно-уголовное право России: состояние и перспективы // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 45–52.

УДК 343.337.4

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЦ СО СПЕЦИАЛЬНЫМ СТАТУСОМ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СОСТАВАМ ДЕЗЕРТИРСТВА И СДАЧИ В ПЛЕН

Р. Э. Гильманов
магистрант, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
К. М. Рогова
магистрант Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)

Аннотация. Исходя из толкования ст. 19 Уголовного кодекса Российской Федерации субъектом преступления является – вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Однако, кроме общих признаков, в конкретных составах преступления, субъект может быть наделен дополнительными признаками, которые указаны в диспозиции уголовно-правовой нормы и отражают специфические свойства преступника – специальный субъект.

Ключевые слова: специальный субъект преступления; специальный статус; дезертирство; сдача в плен.

Понятия специальный статус и специальный субъект являются тождественными [1], так как при них учитываются особенности профессиональной деятельности и социального положения лица. Так, например, к лицам со специальным статусом относятся: государственные служащие, судьи, военнослужащие, дипломаты, лица, занимающие выборные должности, иностранные агенты [2, с. 613] и т.д.

Данные особенности влияют на процессуальные аспекты, порядок привлечения к уголовной ответственности. В теории уголовного права признаки специального субъекта классифицируются как факультативные, поскольку они являются необязательными для всех субъектов, но при этом они обуславливают масштаб и уровень преступления [3, с. 351]. Так, отсутствие данного признака позволяет апеллировать об отсутствии самого состава преступления. Стоит отметить, что при специальном субъекте факультативные признаки являются основанием уголовной ответственности по квалифицированному составу (состав, содержащий отягчающие обстоятельства, это указывает на повышенную общественную опасность преступного деяния, вследствие чего предусматривается повышенная санкция за деяние [4, с. 434]).

В особых условиях ведения специальной военной операции [5, с. 170] считаем необходимым обратиться к анализу содержания такого особого специального понятия, как субъектов составов дезертирства и сдачи в плен.

Субъект дезертирства – военнослужащий, проходящий военную службу по призыву или контракту. Также к специальным субъектам данного состава относят:

– лиц, отбывающих наказание в дисциплинарной воинской части или в виде ареста с содержанием на гауптвахте;

– лиц, отбывающих наказание в виде ограничения по военной службе.

К субъектам дезертирства относят и граждан, пребывающих в запасе, во время прохождения ими военных сборов.

С субъективной стороны дезертирство характеризуется прямым умыслом и целью вовсе уклониться от исполнения обязанностей военной службы. Об умысле на дезертирство может свидетельствовать изменение фамилии, имени, места жительства, изготовление подложных документов, удостоверяющих личность [6, с. 193].

Так, Е., проходящий военную службу по мобилизации, на которого в установленном порядке распространяется статус военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, в войсковой части № 1, желая избежать тягот и лишений военной службы и проводить время по своему усмотрению, с целью вовсе уклониться от исполнения обязанностей военной службы, без уважительных причин, при отсутствии стечения тяжелых обстоятельств, в период мобилизации и военного положения, к установленному командованием времени – к 22 часам 22 февраля 2023 г. на службу в войсковую часть № 1 после окончания лечения и выписки из медицинского учреждения не явился, с указанного времени стал уклоняться от прохождения военной службы, проводя время по своему усмотрению, проживая у своей матери, до 7 часов 27 мая 2024 – времени его задержания инспекторами ОГИБДД ОМВД России по г. Геленджику Краснодарского края.

Кроме того, суд считает, что в подтверждении наличия умысла не возвращаться на военную службу, на вовсе уклониться от прохождения военной службы дезертирство является, в том числе, и то обстоятельство, что после неявки на службу в установленный срок Е. сменил оператора мобильной связи и стал пользоваться другим номером телефона, а также избавился от своей военной формы. Таким образом, умысел Е. на совершение дезертирства установлен судом и подтверждается совокупностью исследованных и вышеописанных доказательств по делу, следовательно, его вина в совершении названного преступления сомнений не вызывает.

Не усматривая признаков того, что дезертирство Е. явилось следствием стечения тяжелых обстоятельств, суд так же учитывает, что примечание к ст. 338 УК РФ распространяет свое действие лишь на ч. 1 ст.

338 УК РФ. Суд приговорил Е. признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 338 УК РФ, на основании которой, назначить ему наказание в виде лишения свободы на срок 6 (шесть) лет в исправительной колонии строгого режима [7].

Данный случай наглядно демонстрирует, что суды при установлении умысла на дезертирство учитывают не только факт отсутствия военнослужащего в части, но и совокупность его последующих действий, направленных на уклонение от службы, что имеет решающее значение для квалификации содеянного и назначения наказания.

Проанализируем специального субъекта и субъективную сторона нового состава преступления, предусмотренного ст. 352.1 УК РФ «Добровольная сдача в плен». Субъект преступления специальный – это военнослужащий, проходящий военную службу по призыву либо по контракту. Также субъектом рассматриваемого преступления может быть гражданин, пребывающий в запасе, во время прохождения им военных сборов, либо пребывающий в мобилизационном людском резерве, в случаях, предусмотренных ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе». Определенны сложности могут возникнуть в случае добровольной сдачи в плен представителя добровольческого формирования [8].

Субъективная сторона данного преступления характеризуется прямым умыслом, а именно осознанием военнослужащим общественно опасного характера своего деяния.

Важно отметить, что спустя год после введения нового состава преступления издано Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы». При анализе Постановления Пленума можно прийти к выводу о том, что, под добровольной сдачей в плен понимаются различные действия (бездействие), в результате которых военнослужащий переходит во власть противника сознательно при наличии возможности оказывать решительное сопротивление противнику и избежать захвата в плен. В случаях, когда военнослужащий предпринял меры для сдачи в плен, но его действия (бездействие) не завершились переходом на сторону противника по причинам, которые не зависели от его воли, то данное деяние следует квалифицировать как покушение на добровольную сдачу в плен.

Судам при рассмотрении уголовного дела по данной статье также необходимо учитывать Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – Устав). В ст. 23 Устава закреплено, что военнослужащий, даже находясь в отрыве от своей воинской части (подразделения) и в полном окружении, должен оказывать решительное сопротивление противнику, избегая захвата в плен. Толкование правовых положений Устава в Постановлении Пленума определяет, что, если военнослужащий находится в беспомощном состоянии, которое вызвано

тяжелым ранением или контузией, он должен искать любую возможность не только для своего освобождения, но и своих товарищей. Военнослужащий, захваченный в плен, может сообщить противнику только следующую информацию: фамилию, имя, отчество, воинское звание, дату рождения и личный номер. В уставе подчеркивается, что военнослужащий несет обязанность по сохранению чести и достоинства, а также должен не разглашать известную ему информацию, имеющую важное значение для государства [9, с. 50].

Первая судебная практика по данной статье была в апреле 2025 года. Южно-Сахалинский гарнизонный военный суд приговорил к 15 годам колонии и лишил воинского звания Р. Иванишина по первому в России делу о добровольной сдаче в плен противнику в ходе спецоперации. Иванишин вину не признал, и защита намерена обжаловать решение.

Суд приговорил 43-летнего Романа Иванишина к 15 годам колонии строгого режима и лишил его воинского звания. Он служил младшим сержантом на Сахалине. Иванишин признан виновным в добровольной сдаче в плен, а также в покушении на сдачу в плен и в дезертирстве из своей части. Его дело о добровольной сдаче в плен противнику в ходе спецоперации стало первым в России.

По словам адвоката, Иванишин, отец четверых несовершеннолетних детей, шахтер по профессии и ветеран военных действий на Кавказе, был мобилизован в 2022 году. Впоследствии областная призывная комиссия отменила данное решение, и отец семейства, как утверждает защитник, должен был вернуться в свой город Углегорск на Сахалине еще в конце 2023-го или в начале 2024 года. Но он продолжал участвовать в СВО, поскольку отсутствовал приказ командования части о его демобилизации, добавил адвокат. По версии стороны защиты, Иванишин в плен добровольно не сдавался, а был захвачен разведгруппой противника и насильно перемещен на подконтрольную ВСУ территорию. На родину ему удалось вернуться в процессе обмена военнопленными. Уголовное дело вначале рассматривалось на Сахалине, затем было передано в Москву, но потом вернулось в Южно-Сахалинский гарнизонный военный суд [10].

Анализ субъекта и субъективной стороны дезертирства и сдачи в плен позволяет сделать ряд важных выводов о правовой природе этих преступлений. Субъектный состав обоих деяний охватывает широкий круг лиц, связанных с военной службой, включая не только действующих военнослужащих по призыву и контракту, но и лиц, отбывающих наказание в дисциплинарных частях, находящихся под арестом на гауптвахте, ограниченных в прохождении службы, а также граждан запаса во время сборов. Ключевое значение для квалификации этих преступлений имеет субъективная сторона, которая в обоих случаях характеризуется прямым умыслом, однако с существенными различиями в его направленности [11]. При дезертирстве умысел военнослужащего направлен на полное уклонение от исполнения воинских обязанностей, что может

подтверждаться такими действиями, как смена личных данных, изготовление поддельных документов или изменение места жительства. В случае сдачи в плен умысел выражается в осознанном переходе во власть противника при наличии возможности сопротивляться, что требует тщательного анализа конкретных обстоятельств каждого случая.

Разъяснения Верховного Суда РФ в Постановлении Пленума от 18.05.2023 № 11 подчеркивают важность разграничения добровольной сдачи в плен и вынужденного пленения, обращая внимание на необходимость учета реальных возможностей военнослужащего для сопротивления. Особое значение придается положениям Устава внутренней службы ВС РФ, который устанавливает обязанность военнослужащего оказывать сопротивление даже в условиях окружения и ограничивает объем информации, которую можно сообщить противнику. Эти правовые нормы формируют строгие требования к поведению военнослужащих в боевой обстановке, что отражается в судебной практике при рассмотрении дел о сдаче в плен.

Таким образом, законодательное регулирование и судебное толкование субъективных признаков дезертирства и сдачи в плен демонстрируют жесткий подход к обеспечению воинской дисциплины и боеспособности войск, особенно в условиях современных военных конфликтов. При этом сохраняется необходимость тщательной оценки конкретных обстоятельств каждого случая для правильной квалификации действий военнослужащего и обеспечения справедливого правосудия.

Таким образом, делая вывод всему вышесказанному, укажем, что специальным статусом признается лицо, наделенное дополнительными признаками в силу своего социального положения или занимаемой должности. Данный особый статус увеличивает уголовно-правовую санкцию за совершенное деяние.

Список использованных источников:

1. Тарасова Ю.В. Специальный субъект преступления как квалифицирующий признак состава преступления // Научный портал МВД России. – 2008. – № 1. – С. 47–52.

2. Латыпова Э.Ю., Рогова К.М. О правовых последствиях признания лица иностранным агентом // «Семья и традиционные семейные ценности как духовно-нравственная основа развития общества и государства: сб. материалов Международной научно-практической конференции, посвященной Году семьи в Российской Федерации, 18-20 апреля 2024 г. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2024. – С. 612–618.

3. Зурабова Д.М., Фаргиев И.А. Специальный субъект преступления в уголовном праве России // Синергия Наук. – 2019. – № 35. – С. 350–355.

4. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учебник для вузов / В. А. Лазарева [и др.]; под редакцией В. А. Лазаревой,

А. А. Тарасова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2025. – 434 с.

5. Латыпова Э.Ю., Гончарова Н.Н. О военном времени как квалифицирующем признаке преступлений против военной службы // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2024. – №3. – С. 162–172.

6. Дзагоев С.В. Уголовная ответственность за дезертирство // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №. 1 (217). – С. 192–193.

7. Приговор (данные скрыты) Новороссийского гарнизонного военного суда по обвинению Е. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 338 УК РФ // Архив Майкопского гарнизонного военного суда за 2024 г.

8. Закомолдин Р.В., Данилов П.С. Добровольцы как специальный субъект преступлений против военной службы // Военно-юридический журнал. – 2024. – № 3. – С. 6–10.

9. Воробьева М.О., Ильяш А.В. Добровольная сдача в плен: старые и новые проблемы уголовно-правовых норм // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – №. 6-1 (81). – С. 47–50.

10. Житель Сахалина получил 15 лет колонии по первому в России делу о сдаче в плен. – URL: https://ria.ru/20250415/sahalin-2011354391.html (дата обращения: 20.04.2025).

11. Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Добровольная сдача в плен: основание уголовной ответственности // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №. 6 (222). – С. 333–335.

УДК 343; 342

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТИ, ОКАЗЫВАЮЩЕЙ СОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

К. А. Дмитриева
магистрант Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
Э. Ю. Латыпова
заведующий кафедрой уголовного права и процесса Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Данное исследование посвящено комплексному анализу личности лиц, оказывающих содействие террористической деятельности. Рассмотрены ключевые детерминанты, включая социально-экономические (влияние бедности, безработицы и миграционной политики), политико-идеологические (репрессии со стороны государства, радикализация идеологий и вербовка через интернет), а также психофизиологические (психические расстройства, нейробиологические аномалии и влияние психотропных веществ). Особая роль уделена наркотическим веществам и наркотрафику как инструменту финансирования террористической деятельности и манипуляции поведением пособников.

Ключевые слова: криминологический анализ личности; содействие террористической деятельности; криминологические детерминанты пособников терроризму; социально-экономические детерминанты; политико-идеологические детерминанты; психофизиологические детерминанты; пособничество террористической деятельности; финансирование террористической деятельности.

В современном мире терроризм до сих пор остается наиболее важной угроз глобальной безопасности. Особую роль в данном вопросе играют лица, содействующие террористической деятельности, в любой из ее форм, таких, как финансирование, вербовка, логистика и иное. Криминологический анализ преступника, в данной теме, представляет собой сочетание традиционных методов изучения личности преступника и современных цифровых инструментов. Мы изучим детерминанты и факторы, способствующие совершению преступления, личность преступника, а также охватим психологическое и физиологическое состояние лица, в момент совершения данного общественно-опасного деяния.

В данном исследовании детерминанты и факторы содействия террористической деятельности разделены на разные группы: социально-экономические, политические, идеологические, психологические и психико-физиологические факторы.

Социально-экономические условия, зачастую, выступают ключевым аспектом вовлечения лиц в содействие в террористические акции [1, с. 57]. В рамках криминологического анализа данного вопроса, детерминанты рассматриваются через маргинализацию и ограниченный доступ к ресурсам. Данный вопрос изучается через призму статистического моделирования и сравнительного анализа.

Одним из значимых факторов признается бедность, лица, проживающие в регионах с высоким уровнем бедности, чаще вовлекаются в преступные схемы, так низкий уровень зарплаты и сама бедность формирует криминогенную мотивацию, когда материальная выгода становится инструментом вербовки и вовлечения в совершение преступлений. Наглядным примером, можно назвать, группировку «Боко Харам» («Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации») из Нигерии, вербующая молодых жителей сельских районов, предлагая денежные выплаты за участие в противоправных акциях [2].

Важным фактором является безработица и отсутствие возможности социального роста. Дефицит рабочих мест, особенно для молодого поколения, создает среду для альтернативной социализации через радикальные группы. В соответствие с опросом бывших пособников в Европе (проект EVROPOL) показал, что более 60 % опрошенных назвали отсутствие работы ключевым фактором вовлечения в преступную деятельность[3].

В том числе, влияние миграции и социальной дезадаптации. Мигранты, сталкивающиеся с дискриминацией в чужой стране, зачастую формируют группировки, где радикальные идеи воспринимаются как защита идентичности и расовой принадлежности. Примером может послужить теракт в Барселоне в 2017 году, который был организован группой мигрантов, не сумевших интегрироваться в испанское общество [4].

Слабость государственной власти и процветание коррупции, развивает криминальную среду, склоняя к ситуации, при которой террористические организации замещают государство, предоставляя жизненно необходимые услуги населению взамен на лояльность и легитимность, тем самым создавая симбиоз преступности и терроризма. Данная практика распространена в странах исламского мира. Так, «Талибан» («Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации»), контролируя целые провинции, собирает с местных жителей «налоги» в виде посевов мака и вовлекая их в оборот наркотиков для финансирования террористических актов [5, с. 3]. В соответствие с Резолюцией СБ ООН 2482 2019, наркотрафик также признается инструментом финансирования терроризма.

Дискриминация по гендерному признаку – данная практика также развита в странах Ближнего Востока. В странах, патриархального общества, женщины часто становятся пособницами в преступлениях, по причине ограниченного доступа к общедоступным благам, такими как образование, медицина и экономическая зависимость от главы семьи. Наглядным примером могут послужить женщины в Сирии из семей боевиков террористической

группировки ИГИЛ («Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации»), вовлекались в шпионаж, передачу сообщений через поддельные telegram каналы, а также финансирование терроризма, действуя через неформальные денежные переводы «хавала» [6].

Таким образом, социально-экономические детерминанты, являются фундаментом для формирования личности пособника терроризма. Однако на практике, данные детерминанты влияют, в большей мере, в совокупности с другими факторами, такими как идеологические, психологические и психофизиологические. Применяя криминологические методы, выявляются прямые и косвенные связи между экономической уязвимостью и готовностью индивидов оказывать пособничество террористической деятельности.

Политические и идеологические условия признаются одним из ключевых факторов для создания криминальной среды, так как данные условия создают смысловую основу для оправдания терроризма [7, с. 55].

Государственные радикальные идеологии и манипуляции со стороны властей, создают пособников террористической деятельностью, искажая и эксплуатируя религиозные, национальные или социальные доктрины [8, с. 594], примером может послужить террористическая организация ИГИЛ («Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации»), которая пользуется измененной интерпретацией ислама для легитимности и оправдания геноцида Езидов. В том числе и репрессии со стороны государства, которые создают среду для пособников, превращая мирных жителей в сторонников радикальных организаций.

Нельзя исключать роль социальных сетей, посредствам платформ в интернете террористы распространяют свои идеи и вовлекают молодых людей в свои группы. Вербовка в цифровом поле является большой проблемой, поэтому в большинстве стран используется практика блокировки и удаления идеологических материалов террористических организаций.

Внешняя политика государства и международные конфликты, создает «магнит» для иностранных боевиков, зачастую провоцируя радикализацию общественных групп. Данный фактор может выражаться в нескольких видах, таких как, прямое военное вмешательство и прямой военный конфликт, поддержка прокси-групп, санкции, миграционные кризисы и транснациональная радикализация. Таким методом, например, санкции в Сирии привели к бедности 90 % населения, чем впоследствии воспользовалась террористическая организация ИГИЛ («Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации»), для вербовки нищих граждан.

Таким образом, идеологические и политические детерминанты создают среду для радикализации и криминализации общественных групп. Большое количество стран Ближнего Востока, являются показательным примером, именно в этих государствах процветают искаженные идеологии, которые оправдывает и легализует геноцид и террористическую деятельность.

Нельзя исключать роль психически-физиологических факторов в формировании поведения лиц, оказывающих содействие террористической деятельности. В рамках криминологического анализа, детерминанты в данном вопросе будут изучаться через призму заболеваний нервной системы, вызванных генетическими, метаболическими и иными биологическими факторами (нейробиология и изучение нейробиологических аномалий), психических расстройств [9, с. 608], а также воздействия стресса и иных факторов, которые могут ослабить самоконтроль и исказить восприятие, что в дальнейшем повышает восприимчивость к радикализации.

Хотя лишь небольшое количество пособников имеют психические болезни и пограничные расстройства, такие лица чаще вовлекаются в общественно опасные деяния. Данный детерминант связан с тем, что тяжелые психиатрические болезни искажают восприятия реальности и могут приводить к «манихейскому бреду», такие лица более подвержены вербовке и склонны к совершению преступлений, по статистике 10-15 % лиц, содействующих террористической деятельности имеют психические заболевания [10]. Однако террористические организации пользуются психически больными, прививая им радикальные идеи, такими методами пользуются ВСУ («Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации») и их Служба безопасности Украины («Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации»), которые ищут психически нездоровых людей для совершения терактов и подрывной деятельности в России [11].

Следующими детерминантами укажем нейробиологию и нейробиологические аномалии и их роль в содействие в террористической деятельности. Префронтальная кора мозга человека отвечает за контроль совершаемых действий, принятие решений, эмпатию и моральную оценку своих действий, так при нарушении работоспособности ПФК, лица становятся более подвержены вербовке и не осознавая наносимый вред, своими действиями, могут оказаться вовлеченными в содействие террористической деятельности. Исследование Университета штата Пенсильвания 2021 года показало, что 35 % осужденных за террористическую деятельность имеют выраженные нарушения ПФК [12].

Исследования показывают, что миндалевидное тело, регулирующие эмоции, непосредственно влияет на возможность вовлечения в содействие террористической деятельности. Нарушения Amygdala приводят к вспышкам неконтролируемой агрессии и импульсивности, так, например, у боевиков «Аль-Каиды» («Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации») в Йемене обнаружена повышенная активность миндалины при демонстрации пропагандистских материалов [13, с. 4].

Гиппокамп, отвечает за формирование памяти; при нарушениях данной части головного мозга усиливается фиксация на травмирующих воспоминаниях. Зачастую фиксация происходит на посттравматические ситуации, так, например, беженцы из Сирии с нарушениями гиппокампа

присоединяются к радикальным группировкам, воспринимая их как «защиту» от прошлых травм.

Влияние стресса, тревожности и иных состояний или психофизиологических напряжений, могут изменять психологическое восприятие людей, и сподвигнуть их на совершение общественно опасных деяний [14, с. 112]. Хронический стресс вызывает изменения в организме, повышается кортизол, нарушая рациональное поведение, что приводит к эпигенетическим изменениям. Примером могут послужить беженцы из Рохинджа в Мьянме, пережившие геноцид, имеющие явно выраженные нарушения, связанные с рациональным мышлением и повышенной агрессией. Данными способами пользовались вербовщики «АРАКАН» («Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации») для вовлечения их в антиправительственные теракты.

Далее рассмотрим детерминант, связанный с психотропными веществами. Наркотические вещества и наркотрафик занимают отдельную часть в нашем исследовании; изучим роль употребления психотропных веществ, и каким образом это влияет на содействие террористической деятельности, а также влияние наркотиков как инструмента социальной дестабилизации.

Роль опиатов, таких как героин или морфин, заключается в том, что они снижают эмоциональную активность, позволяя пособникам совершать общественно опасные деяния, не осознавая свою роль в преступлениях. Снижение когнитивных функций позволяет совершать аморальные действия, независимо от своих предубеждений. Другой случай – при употреблении стимуляторов, таких, как амфетамины и каптагон, происходит следующее: данные психотропы повышают возбуждение головного мозга, вызывая вспышки гнева и раздражения и нарушают восприятие происходящего [15, с. 119]. Так, например, лидеры радикальных движений, часто путем систематического накачивания последователей, повышают к себе доверие. Таким образом, длительное употребление психотропных веществ нарушают способность критического осмысления приказов и деформируется понимание происходящего.

Частая практика в странах Ближнего Востока, когда происходит намеренный сброс дешевых наркотиков в регионы, подконтрольные оппозиции, чтобы повысить шанс удачной вербовки и подорвать социальную структуру. Примером может послужить, лагерь беженцев Аль-Холь, в котором родители-боевики ИГИЛ («Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации») приучали детей к опиатам [16]. В числе прочих, данной практикой занимаются на Украине, где боевиков ВСУ («Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации») накачивают психоделиками для отправки на фронт, искажая восприятие бойцов о происходящем, и купируя страх и боль. Ранее ВСУ применяли психостимуляторы, которые вызывали подъем сил, энергии и убирали усталость, а сейчас лицам с контузией и травмами головы дают психоделики, тем самым полностью меняя сознание бойцам [17].

Психофизиологические детерминанты, несомненно, не являются прямой причинной терроризма, однако они создают благоприятную почву для её одобрения и процветания террористической деятельности. Психические и нейробиологические заболевания могут повлиять на чрезмерную вменяемость и подверженность манипуляциям со стороны радикальных групп. Психотропные же вещества, несомненно, играют системную роль в деятельности пособников террористической деятельности; наркотики способствуют выполнению таких ключевых задач, как финансирование террористической деятельности, контроль террористического поведения через зависимость и искажение психического состояние лица, путем накачивания психотропными веществами и манипуляциями в измененном состоянии.

Подводя итог вышесказанному, содействие террористической деятельности - это результат сложного взаимодействия социально-экономических, политико-идеологических и психофизиологических детерминантов. Ни один из факторов не действует изолированно, каждый из них влияет на становление личности преступника. Так, социальные и экономические условия являются фундаментом для формирования личности пособника террористической деятельности, политические – усиливают восприимчивость к радикальным идеологиям, а психофизиологические могут повлиять на чрезмерную вменяемость и подверженность манипуляциям со стороны радикальных групп.

Список использованных источников:

1. Кузьмина Е.К., Латыпова Э.Ю. Уголовно-правовой контроль террористической деятельности // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2015. – № 4 (12). – С. 56–58.

2. Боко Харам. Большая Российская Энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/c/boko-kharam-2689f2 (дата обращения: 25.04.2025).

3. Mafia-Structured Organised Crime Groups (OCG). – URL: https://www.europol.europa.eu/crime-areas/mafia-structured-organised-crime-groups-ocg (дата обращения: 25.04.2025).

4. Теракты в Барселоне и Камбрильсе в 2017 году. – URL: https://ria.ru/20180818/1526575603.html (дата обращения: 25.04.2025).

5. Hellmichch R. The physiology of Al-Qaeda. From ideology to participation // understanding violent radicalization: terrorist A. Jihadist movements in Europe / ed. By Ranstorp M. – L. ; N. Y. : Routledge, 2010. – P. 68–86.

6. Aiding terrorists? Syrian women risk all to help dissidents. – URL: https://www.nbcnews.com/news/world/aiding-terrorists-syrian-women-risk-all-help-dissidents-flna736097 (дата обращения: 25.04.2025).

7. Кузьмина Е.К., Латыпова Э.Ю. Современное понимание терминов «террор» и «терроризм» / В сборнике: Актуальные проблемы юридической науки: теория и практика. Сборник материалов XV международной научно-практической конференции. – Махачкала: ООО «Апробация», 2015. – С. 55–56.

8. Ярусова А.С., Латыпова Э.Ю. Мотив национальной или религиозной ненависти или вражды как элемент преступлений террористического характера / в сборнике: Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции: в 2-х частях. Отв. ред. Н.В. Хурськина. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2016. – С. 593–597.

9. Латыпова Э.Ю., Мусина Р.Р., Клейн М.С. Биологические процессы и особенности, влияющие на преступное поведение, в антропологическом аспекте / В сборнике: Семья и традиционные семейные ценности как духовно-нравственная основа развития общества и государства. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2024. – С. 604–612.

10. The murky role of mental illness in extremism, terror. – URL: https://www.cbsnews.com/news/the-murky-role-of-mental-illness-in-extremism-terror/ (дата обращения: 25.04.2025).

11. СБУ ищет психически нездоровых людей для подрывной деятельности и терактов в России. – URL: https://tmn.sm.news/sluzhba-bezopasnosti-ukraine-ishhet-psixicheski-bolnyx-lyudej-dlya-soversheniya-teraktov-v-rossii-71411-u3t5/ (дата обращения: 25.04.2025).

12. Critical terrorism studies and numbers: engagements, openings, and future research. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17539153.2023.2267280#abstract (дата обращения: 25.04.2025).

13. Кудратов К.А., Одинаев А.Н. Причины и предпосылки прихода к власти движения «Талибан» в 90-х годах XX века // Вестник Педагогического университета. – 2022. – №1 (96). –URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-predposylki-prihoda-k-vlasti-dvizheniya-taliban-v-90-h-godah-hh-veka (дата обращения: 25.04.2025).

14. Латыпова Э.Ю., Клейн М.С., Гильманов Р.Э. Антропологические подходы к изучению преступности: история и современное состояние // Oeconomia et Jus. 2024. – № 1. – С. 95–109.

15. Клейн М.С. Побуждение к преступлению: как преступные мысли толкают индивида на совершение преступлений / В сборнике: Молодежь и наука в XXI веке: Материалы VI Республиканской научно-практической конференции (г. Нижнекамск, 25 апреля 2023 г.) – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2023. – С. 119–120.

16. Побег из ада: пережившие кошмар в лагере Аль-Холь. – URL: https://ru.levant24.com/articles/3286/ (дата обращения: 25.04.2025).

17. Военнослужащие ВСУ стали подопытным контингентом в экспериментах с психоделиками. – URL: https://rg.ru/2024/01/21/boevye-zombi-ukrainy.html (дата обращения: 25.04.2025).

УДК 343.98:004.056.5

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И МОДЕЛИРОВАНИЕ УГРОЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КРИТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

В. В. Еремкин
магистрант Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
Р. Э. Гильманов
магистрант, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)

Аннотация. Исследование посвящено разработке модели криминалистического прогнозирования угроз информационной безопасности критической инфраструктуры. Анализируются ограничения традиционных методов защиты, обосновывается необходимость новых подходов для противодействия современным киберугрозам.

Ключевые слова: криминалистическое прогнозирование; информационная безопасность; критическая инфраструктура; киберугрозы; методы защиты.

Методы оценки рисков играют ключевую роль в обеспечении информационной безопасности критической инфраструктуры, так как они позволяют выявлять потенциальные угрозы, оценивать их вероятность и возможные последствия. Одним из наиболее распространенных подходов является методология NIST SP 800-30, которая представляет управление рисками как структурированный процесс, который состоит из идентификации активов, угроз, а также анализа их взаимодействия. Это способствует систематической оценке рисков, а также оптимизации принятия решений по их минимизации. Практическая значимость результатов проведенного исследования состоит в предложении методических рекомендаций по формированию перечня угроз, посягающих на конфиденциальность и целостность информационной системы [1, с. 6]

Идентификация и анализ уязвимостей играют ключевую роль в управлении рисками, поскольку уязвимости представляют собой слабые места в системе, которые могут быть использованы злоумышленниками для реализации угроз. Современные инструменты, такие как сканеры уязвимостей и специализированные программные решения, позволяют эффективно выявлять и классифицировать эти слабости. По данным отчета ENISA за 2021 год, 77 % атак на критическую инфраструктуру были направлены на нарушение её функционирования, что подчеркивает необходимость своевременного выявления и устранения уязвимостей. Цель работы

заключается в анализе существующих практик выполнения анализа защищенности и аудита информационной безопасности, таких как NIST, OWASP, Cobit, OSSTMM, PTES и ГОСТ Р ИСО/МЭК. Эти практики обеспечивают получение объективных и достоверных данных, необходимых для формирования оперативных оценок защищенности объектов критической инфраструктуры и разработки модели аудита [2, с. 44].

Применение методов оценки рисков и анализа уязвимостей в контексте критической инфраструктуры требует учета её специфических особенностей. Критическая инфраструктура включает системы, жизненно важные для функционирования общества, такие как энергетика, транспорт и здравоохранение. Важно не только выявлять риски и уязвимости, но и разрабатывать меры по их минимизации. Средняя стоимость утечки данных в 2022 году составила 4,35 миллиона долларов, что подчеркивает необходимость эффективного управления рисками в данной сфере. Следует отметить, что «криминологическое определение компьютерного инцидента появилось в 1983 г. Под ним понималось любое незаконное, неэтичное или неразрешенное поведение, затрагивающее автоматизированную обработку и передачу данных» [3, с. 3]. Это определение подчеркивает важность комплексного подхода к оценке угроз в критической инфраструктуре, поскольку каждый инцидент может иметь серьезные последствия для общества.

Ключевые параметры тестирования модели криминалистического прогнозирования угроз включают точность предсказаний, скорость обработки данных и устойчивость к изменениям в сценариях угроз. Эти аспекты определяют эффективность функционирования модели в реальных условиях, где кибератаки становятся все более сложными и разнообразными. Например, в 2021 году количество кибератак на критически важную инфраструктуру увеличилось на 50 %, что подчеркнуло необходимость адаптаций моделей к новым угрозам. Важно, что «критическая инфраструктура, безопасность, угрозы, модель вычисления весов, предотвращение угроз, кибербезопасность, бесперебойная работа систем и управление критической инфраструктурой» [4, с. 317] должны быть интегрированы в процесс разработки и тестирования исследуемых моделей. Полагаем, что тестирование должно охватить широкий спектр сценариев, в том числе моделирование различных типов атак, для обеспечения надежности и применимости модели в условиях реальной эксплуатации.

Идентификация сценариев угроз – ключевой этап в тестировании моделей обеспечения информационной безопасности критической инфраструктуры. Наиболее актуальные и значимые угрозы способны повлиять на нормальное функционирование критически важных объектов. Согласно отчету, IBM Security X-Force за 2021 год, 20 % всех кибератак были направлены на критически важную инфраструктуру, что подчеркивает необходимость тщательного анализа таких угроз. Примеры сценариев включают атаки на энергетические системы, медицинские учреждения [5,

с. 54] и транспортные сети, которые особенно уязвимы к кибератакам. Описание каждого сценария охватывает определение источников угроз, их возможные последствия и методы реализации. При этом «криминалистическое прогнозирование и моделирование угроз информационной безопасности критической инфраструктуры требует тщательной подготовки и высокой квалификации» [6, с. 87].

Выбор сценариев для тестирования модели должен основываться на четко определенных критериях, обеспечивающих их релевантность и практическую значимость. Основные критерии включают актуальность угроз, их частоту и потенциальный ущерб. Так, в 2020 году количество кибератак на медицинские учреждения увеличилось на 45 %, что свидетельствует о растущей уязвимости медицинской отрасли [7, с. 53]. Также в 2020 году, по мнению Л.М. Груздевой, «произошел взрывной рост числа киберпреступлений на объектах транспортной отрасли» [8, с. 85]. Сценарии тестирования должны быть рассчитаны разнообразие угроз, и учитывать и их влияние на различные аспекты функционирования критической инфраструктуры, что ей позволит продемонстрировать универсальность и эффективность в условиях реальных угроз.

Современные методы обеспечения безопасности критической инфраструктуры объединяют системы обнаружения вторжений; межсетевые экраны; внедрение политик управления доступом. Однако предлагаемые меры не всегда могут эффективно противостоять современным киберугрозам. Согласно отчету, IBM Security за 2022 год, средняя стоимость утечки данных составила 4,35 миллиона долларов, что свидетельствует о значительных погрешностях, и недостаточности в защите. Всё это подчеркивает необходимость совершенствования существующих подходов, включая интеграцию новых технологий, таких как искусственный интеллект [9, с. 82] и машинное обучение. Прогноз компании Gartner показывает, что ближе к 2025 году эти технологии будут использоваться в 60% организаций для управления киберугрозами. Важным аспектом является разработка и внедрение отечественных средств киберзащиты для объектов критической информационной инфраструктуры, что может способствовать повышению уровня защиты и адаптации в сфере кибербезопасности [10, с. 37].

Полученные результаты тестирования модели корреспондируют к определенным рекомендациям с целью повышения уровня безопасности критической инфраструктуры. Так, нужно усилить мониторинг и анализ сетевой активности с внедрением искусственного интеллекта, для оперативного выявления и предотвращения угроз. Л.М. Макшанова и М.С. Содномова отмечают, что «сложность ее разработки обусловлена виртуализацией вычислительных систем, использованием сети Интернет для доступа к облачным технологиям, а также цепочкой внутренних и внешних поставщиков услуг» [11, с. 236]. Это подчеркивает важность комплексного подхода к безопасности. Во-вторых, следует внедрить регулярное тестирование систем на уязвимости и обновление программного обеспечения,

поскольку более 90 % атак связано с использованием уязвимостей в ПО. При этом важно развивать программы обучения персонала для минимизации рисков, связанных с человеческим фактором. Эти меры помогут значительно повысить устойчивость критически важных объектов к кибератакам и снизить возможные последствия.

В результате проведенного исследования была достигнута цель анализа существующих методов прогнозирования угроз в информационной безопасности критической инфраструктуры, разработки интегрированной модели криминалистического прогнозирования и оценки её практической эффективности. Рассмотрены традиционные подходы к прогнозированию угроз, их ограничения и недостатки, а также возможности использования криминалистических методов для повышения точности оценки рисков. Разработанная модель была протестирована на реальных сценариях угроз, что позволило выявить её сильные стороны и области для дальнейшего улучшения.

Полученные результаты имеют значительное значение для повышения уровня информационной безопасности критической инфраструктуры. Разработанная модель предоставляет возможность более точного прогнозирования угроз и минимизации рисков, что способствует защите критически важных объектов от современных угроз. В будущем исследования могут быть направлены на дальнейшее совершенствование модели, её адаптацию к новым типам угроз и интеграцию с системами искусственного интеллекта для повышения её адаптивности и эффективности.

Список использованных источников:

1. Новохрестов А.К. Модель угроз информационной безопасности программного обеспечения компьютерных сетей на основе атрибутивных метаграфов: Дис. ... канд. техн. наук. – Томск, 2018. – 114 с.

2. Лившиц И.И., Бакшеев А.С. Исследование методик контроля уровня защищенности информации на объектах критической информационной инфраструктуры // Вопросы кибербезопасности. – 2022. – № 6 (52). – С. 40–52.

3. Балиткин А.В. Актуальные аспекты взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел с банками и небанковскими кредитно-финансовыми организациями при противодействии сбыту наркотиков в сети Интернет // Материалы заочной Международной научно-практической конференции «Теория и практика противодействия киберпреступности». – Минск: Изд-во Академии МВД, 2023. – С. 3–5.

4. Панилов П.А. Когнитивные рефреймингы в предвидении и предотвращении мультиплексных угроз критической инфраструктуре // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2024. – Т. 3. – № 4. – С. 316–325.

5. Шутова А.А. Криминальные риски применения технологий искусственного интеллекта в здравоохранении // Безопасность бизнеса. – 2024. – № 1. – С. 52–57.

6. Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина. Белгородские криминалистические чтения: сборник научных трудов. Выпуск 4. – Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2018. – 432 с.

7. Груздева Л.М. Преступность на транспорте в России на фоне пандемии COVID-19 // Транспортное право и безопасность. – 2022. – № 1 (41). – С. 85–86.

8. Шутова А.А. Проблемы обеспечения безопасности цифровой инфраструктуры системы здравоохранения уголовно-правовыми средствами // Безопасность бизнеса. – 2025. – № 1. – С. 52–57.

9. Бегишев И.Р., Латыпова Э.Ю., Кирпичников Д.В. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции // Актуальные проблемы экономики и права. – 2020. – Т. 14. – № 1. – С. 79–91.

10. Тихвинский В.О. Международные региональные проблемы электромагнитной совместимости: итоги симпозиума ЭМС Европа-24 // Научный журнал «T-Comm: Телекоммуникации и транспорт». – М.: Издательский дом Медиа Паблишер. – 2024. – Т. 18. – № 9. – С. 36–40.

11. Макшанова Л.М., Содномова М.С. Модель угроз информационной безопасности облачной системы / В сборнике: Инновационные технологии в науке и образовании. Сборник материалов 4-й Междунар. научно-практ. конф. Отв. ред. Е.Р. Урмакшинова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-т имени Доржи Банзарова, 2015. – С. 234–238.

УДК 342

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В. Д. Жилинская
магистр юридических наук, аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин и профсоюзной работы Международного университета «МИТСО»

Аннотация. В статье освещены проблемы обеспечения экономической безопасности. Рассмотрены подходы к определению понятий «экономическая безопасность», «механизмы обеспечения безопасности», а также выделены основные угрозы экономической безопасности. На основании анализа различных подходов к понятию «экономическая безопасность», сформулировано собственное определение. Автором внесены предложения по созданию специализированной структуры, а также формированию законодательной базы, регулирующей сферу цифрового права, как способа обеспечения экономической безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность; цифровая экономика; инвесторы; венчурная деятельность; цифровизация; угрозы; цифровое право; национальная безопасность.

Одним из важных элементов обеспечения суверенитета государства является поддержание национальной безопасности в стране, основные положения которой регламентированы решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» (далее – Концепция), которая имеет более высокий статус в иерархии нормативных правовых актов Республики Беларусь по сравнению с действующей до неё Концепцией национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 (далее – Указ № 575).

Подчеркнем, что началом формирования механизма правового обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь было принятие Верховным Советом Республики Беларусь постановления от 15 ноября 1991 г. № 1249-XII «Об образовании Совета безопасности Республики Беларусь».

А. А. Вишневский выделяет несколько этапов формирования правового механизма обеспечения экономической безопасности. На первом этапе основной упор делался на обороноспособность станы, на втором – формировании нормативной правовой базы (подписание соответствующих Указов, принятие концепций национальной

безопасности и т.д.) [1, с. 152]. Третий этап связан с принятием Указа № 575. В настоящее время, с принятием новой Концепции можно говорить о четвертом этапе развития правового механизма обеспечения экономической безопасности.

Согласно п. 4 Концепции, под экономической безопасностью следует понимать состояние защищенности отраслей и сфер экономики от воздействия угроз, препятствующих устойчивому социально-экономическому развитию Республики Беларусь.

В научной литературе существуют разные подходы к определению понятия «экономическая безопасность». Например, О. В. Слижевская под экономической безопасностью понимает «результат деятельности государственных органов, иных субъектов по применению соответствующих средств в режиме законности по выявлению внутренних и внешних угроз в экономической сфере, их локализации и восстановлению нарушенных правовых состояний» [2, с. 173]. В. И. Лукашин понимает под данной дефиницией «такое состояние, в котором народ (через государство) может суверенно, без вмешательства и давления извне, определять пути и формы своего экономического развития» [3]. Г. С. Вечканов рассматривает экономическую безопасность как «экономическая категория, характеризующая состояние экономики, при котором обеспечивается устойчивый экономический рост, оптимальное удовлетворение общественных потребностей, рациональное управление, защита экономических интересов на национальном и международном уровнях» [4].

На наш взгляд, в понятие экономической безопасности должно входить как деятельность государственных органов, так и экономическая составляющая. В этой связи, под данной категорией мы понимаем результат деятельности государственных органов, иных субъектов по созданию, поддержанию и применению соответствующих механизмов, обеспечивающих устойчивое социально-экономическое развитие Республики Беларусь, защита экономических интересов от внутренних и внешних угроз, а также восстановление нарушенных правовых состояний.

Угрозы экономической безопасности как правило, классифицируют на внутренние и внешние. В п. 32 Концепции, основными угрозами являются: «наличие необоснованных административных барьеров для развития бизнеса, предпринимательской активности; несбалансированность экономического развития; неблагоприятные условия для привлечения инвестиций и кредитов» и иные. В качестве внешних угроз выделяют: ухудшение условий внешней торговли; развитие транзитных коридоров; обострение финансовых дисбалансов и т.д. Отметим, что данные угрозы усиливаются с развитием информационных

технологий, а также в процессе перехода экономики Республики Беларусь к цифровому развитию.

Представляется, что одной из угроз экономической безопасности также является неразвитость нового вида экономики – цифровой, под которой понимают «экономика, основанная на цифровых технологиях, которая трансформирует способы производства, распределения и потребления товаров и услуг» [5, с. 133].

Впервые тема о развитии цифровой экономики, использовании передовых и новых технологий в целях повышения конкурентной экономики в Республике Беларусь была косвенно затронута Декретом Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12 «О Парке высоких технологий». Несмотря на то, что данный декрет регламентирует деятельность Парка высоких технологий (далее – ПВТ), особенности правового режима, при этом, он содержит положение, что его специальной задачей является развитие экономики страны посредством цифровых технологий.

Процесс перехода к цифровой экономике заложил Декрет Президента Республики Беларусь от 26 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», который внедрил новые инструменты в экономику Республики Беларусь, ввел новый понятийно-категориальный аппарат: токены, блокчейн, майнинг, смарт-контракты и т.п.

Экономическая безопасность Республики Беларусь тесно переплетена с информационно-коммуникационными технологиями (далее – ИКТ) и иными цифровыми технологиями, которые проникли во все сферы жизнедеятельности общества, в связи с чем, экономическую безопасность следует рассматривать одновременно с информационной.

Основы обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития, регламентированы постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2024 г. № 1074 (далее – Концепция обеспечения суверенитета). Согласно Концепции обеспечения суверенитета, основными направлениями обеспечения ИТ-безопасности являются: переход к цифровому развитию экономики; развитие кадрового потенциала; стимулирование научно-исследовательского пути; наращивание потенциала собственных разработчиков программного обеспечения, иных информационных технологий; «формирование политики государства по регулированию процессов хранения и трансграничной передачи данных»; модификация подходов к ведению бизнеса в соответствии с национальными требованиями и иные.

Одной из угроз суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития, согласно п.п. 25–26 Концепции обеспечения суверенитета, является недостаточное государственное регулирование «оборота и коммерциализации данных, процессов их трансграничной

передачи, хранение данных в иностранных облачных хранилищах и репозиториях представляют угрозу не только безопасности, но и экономическому развитию государства».

В целях внедрения ИКТ и иных технологий в отрасли национальной экономики, а также иные сферы жизнедеятельности общества постановлением Совета министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 утверждена программа «О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы», которой предусмотрено ряд подпрограмм: «Инфраструктура цифрового развития»; «Информационная безопасность и цифровое доверие», «Цифровое развитие отраслей экономики» и иные.

Представляется, что основными угрозами экономической безопасности в условиях цифровизации выступают:

1) зависимость от иностранных цифровых технологий;

2) возможность технологической изоляции и цифрового суверенитета;

3) снижение конкурентоспособности традиционных отраслей;

4) киберугрозы;

5) рост безработицы в традиционных отраслях;

6) слабая подготовка кадров;

7) отсутствие должного уровня развития цифровой инфраструктуры;

8) законодательная база в сфере ИКТ, цифровых технологий и новых инструментов цифрового права недостаточно развита.

В этой связи, следует создать, надежный механизм обеспечения экономической безопасности. Как правило, данный механизм рассматривается как «социально-юридическая система, включающая в том числе совокупность правовых средств и видов юридической деятельности, взятых в единстве с нормативной правовой основой» [6, с. 20].

Отметим, что механизм обеспечения экономической безопасности на уровне предприятия должен быть ограничено встроен в систему управления предприятием и способствовать достижению его основных целей. Так, данный механизм представляет собой систему средств и методов воздействия на процесс разработки управленческих решений, которые в свою очередь направлены на минимизацию негативного воздействия угроз экономической безопасности и обеспечения конкурентного развития предприятия [7].

Вышеуказанный механизм включает в себя четыре подсистемы:

1) подсистема инструментов обеспечения экономической безопасности, включающая методики оценки рисков и идентификации угроз, методы прогнозирования уровня экономической безопасности;

2) подсистема показателей и индикаторов экономической безопасности, включающая пороговые значения и периодичность оценки рисков;

3) подсистема регулирования уровня экономической безопасности предприятия, включающая методы распределения ресурсов, стимулы и санкции, использование резервов;

4) обеспечивающая подсистема, включающая кадровую, нормативную правовую, информационную и управленческую системы [7].

Данные подсистемы механизма обеспечения экономической безопасности также можно рассматривать и при формировании его на государственном уровне. Кроме того, четвертая подсистема является особенно важной для государства.

А. В. Денисевич отмечает, что правовой основой построения системы законодательства об обеспечении экономической безопасности «должен стать законодательный акт об обеспечении экономической безопасности Республики Беларусь либо соответствующий раздел в предлагаемом автором Законе Республики Беларусь «Об обеспечении национальной безопасности Республики Беларусь», где должно детализироваться понятия «обеспечение экономической безопасности», «угрозы национальной безопасности» и иные смежные понятия» [8, с.190].

О. В. Слижевская подчеркивает, что «Правовое обеспечение экономической безопасности состоит в разработке и принятии нормативных правовых актов, регулирующих эффективное функционирование рыночных структур, охрану и защиту прав и законных интересов субъектов экономической деятельности, общества и государства, равноправие указанных субъектов, противодействие теневой экономике, контроль исполнения бюджета и предотвращение нецелевого расходования бюджетных средств, использование инвестиций в развитии новейших технологий и наукоемких производств, оптимизацию управленческой системы и т. д.» [2, с. 180].

По нашему мнению, правовое обеспечение экономической безопасности в эпоху цифровизации экономики прежде всего должно базировать на разработке и совершенствованию законодательства Республики Беларусь в области ИКТ, иных технологий, инструментов, а также создании нового правового института в области цифрового права.

Подчеркнем, согласно п. 54 Концепции, способами нейтрализации угроз экономической безопасности являются: максимальное упрощение нормативной правовой базы, стимулирование деловой активности, формирование благоприятного инвестиционного климата, привлечение внешних ресурсов в экономику и иные.

В контексте обсуждения инвестиционного климата, в частности, привлечения иностранных инвестиций, можно выделить несколько

аспектов, которые негативно влияют на его состояние. Среди них – отсутствие ясной и понятной законодательной базы, а также ограниченность возможностей использования определенных альтернативных источников финансирования бизнес-проектов. Венчурное инвестирование можно рассматривать в качестве одного из таких источников.

Под венчурным инвестированием понимают «вид инвестирования в стартапы и молодые компании с высоким потенциалом роста и инновационными технологиями, которые могут изменить отрасли и рынки» [9]. Представляется, что данный вид инвестирования является одним из эффективных способов преодоления некоторых угроз экономической безопасности в эпоху цифровизации, поскольку:

1) привлекает иностранных инвесторов, что в свою очередь позволяет разгрузить нагрузку на государственный бюджет. Отметим, объем глобального венчурного рынка в 2024 году составил 274,6 млрд. долларов);

2) является новым и перспективным для Республики Беларусь инструментом инновационного развития.

Укажем, на данный момент в Республике Беларусь отсутствует специализированное законодательство в сфере регулирования венчурного инвестирования. Разумеется, определенные положения, регламентирующие венчурную деятельность содержатся в некоторых нормативных правовых актах, однако в виду их разбросанности и отсутствии указания особенностей регулирования возникает правовая неопределенность, увеличивающая риски для инвесторов.

В подсистеме правового обеспечения экономической безопасности, в настоящее время наблюдается значительное отставание нормативного правового регулирования цифровой составляющей от темпов развития ИКТ и иных технологий.

Таким образом, для создания прочного механизма обеспечения экономической безопасности видится необходимым разработать соответствующее законодательство (единый акт) в сфере ИКТ и иных технологий, связанных с применением современных цифровых инструментов. Кроме того, представляется необходимым обсудить возможность создания специализированной структуры, которая будет заниматься вопросами обеспечения экономической безопасности в цифровой сфере. В задачи данной структуры будет входить мониторинг состояния ИКТ и иных технологий в стране, проработка понятийно-категориального аппарата, а также разработка проектов законодательных актов в области цифрового права.

Представляется, экономическая безопасность – результат деятельности государственных органов, иных субъектов по созданию,

поддержанию и применению соответствующих механизмов, обеспечивающих устойчивое социально-экономическое развитие Республики Беларусь, защита экономических интересов от внутренних и внешних угроз, а также восстановление нарушенных правовых состояний.

Список использованных источников:

1. Вишневский А.А. К вопросу о современном состоянии административно-правового механизма обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 11. – С. 152–154.

2. Слижевская О.В. Правовые основы экономической безопасности как приоритетного направления деятельности государства // Актуальные проблемы гражданского права: научный журнал. – 2021. – № 1 (17). – С. 173–186.

3. Лукашин В.И. Экономическая безопасность: учеб.-практ. пособие. – М.: Моск. гос. ун-т экономики, статистики и информатики, 1999. –134 с.

4. Экономическая безопасность: учебник для студентов. – М.: Питер, 2007. – 374 с.

5. Илмирадов А., Бердиев Б., Шагулыев Ш. Цифровая экономика: определение и значение // Вестник науки. – 2024. – № 10 (79). – С. 132–135.

6. Макарейко Н.В. Механизм правового обеспечения экономической безопасности // Вестн. Нижегородской акад. МВД России. – 2008. – № 1 (8). – С. 15–21.

7. Манахова И.В., Левченко Е.В., Быстров А.В., Есина А.Р. Развитие механизма обеспечения экономической безопасности предприятий при внедрении цифровых технологий // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. – 2019. – № 6 (108). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-mehanizma-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-predpriyatiy-pri-vnedrenii-tsifrovyh-tehnologiy (дата обращения: 23.05.2025).

8. Денисевич А.В. Теоретико-прикладные основы правового регулирования обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь: монография. – Минск: Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 2014. – 216 с.

9. Венчурное инвестирование: мировой рынок венчурных инвестиций. –URL: https://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения: 16.04.2025).

УДК 347.191.1

РОЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВНЕДРЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

А. Р. Каримова
студент Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
Научный руководитель:
Э. М. Гильманов
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)

Аннотация. В данной работе рассматривается роль правового регулирования в обеспечении безопасности при внедрении современных технологий в криминалистической практике. Анализируется, как законодательные и нормативные акты влияют на эффективное и законное использование новых технических средств в расследовании преступлений. Особое внимание уделяется вопросам защиты прав граждан, предотвращения злоупотреблений и обеспечения соблюдения международных стандартов в области прав человека при применении высоких технологий в криминалистике.

Рассматриваются проблемы, связанные с необходимостью адаптации законодательства к быстро меняющемуся технологическим условиям, и предлагаются пути решения этих проблем. Работа может быть полезна для юристов, криминалистов, законодателей и всех, кто интересуется вопросами правового регулирования в сфере высоких технологий.

Ключевые слова: правовое регулирование; безопасность, современные технологии; криминалистика; расследование преступлений; защита прав граждан; злоупотребления; международные стандарты; права человека; высокие технологии; криминалистическая техника; адаптация законодательства; технологические условия; юристы; криминалисты; законодатели; правовое регулирование высоких технологий.

Криминалистика – одна из ключевых дисциплин в сфере расследования преступлений. Внедрение новых технологий в процесс расследования – это основа для прогнозирования в ходе предварительного следствия, играя важную роль в поиске и обнаружении преступников, используя свой фундаментальный метод изучения следов. Анализ практических знаний показывает, что искусственный интеллект выполняет значительную работу в этом направлении.

Рассмотрение современных технологий в криминалистике позволило создать чёткий понятийный аппарат, который описывает основные задачи и принципы этой области. В современной литературе инновации определяются как совокупность взаимосвязанных элементов, представляющих собой новые пути решения задач и открытия новых технологий для их реализации.

В нынешнее время стремительно развивается применение информационных технологий в безопасности граждан РФ. Одним из ярких примеров служит применение городских камер видеонаблюдения и нейросетей, которые позволяют идентифицировать подозреваемых в совершении преступлений, отслеживать их маршруты и выявлять потенциальных сообщников. Объединение усилий правоохранительных органов и научных исследований в области расследования и раскрытия преступлений, рассмотрения уголовных дел в суде и криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства позволит разработать требования к функциональным возможностям и показателям назначения цифровых систем и технологий для целей уголовного судопроизводства и криминалистического обеспечения расследования и раскрытия преступлений. Также это позволит создать целевую архитектуру решения задач борьбы с преступностью при полномасштабном внедрении таких систем и технологий.

Внесённые Федеральным законом от 29 декабря 2022 года № 610-ФЗ изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации получили высокую оценку. Эти изменения закрепляют право подозреваемого участвовать в судебном заседании об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также право подсудимого участвовать в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела по существу с использованием систем видеоконференцсвязи при наличии обстоятельств, исключающих его непосредственное участие в судебном заседании, и при наличии технической возможности. Изменения расширяют основания для участия подсудимого в судебном заседании с использованием систем видеоконференцсвязи, закрепляя в ч. 1 ст. 241.1 УПК РФ право суда удовлетворить ходатайство подсудимого о таком участии даже при отсутствии обстоятельств, исключающих его непосредственное участие в судебном заседании.

В соответствии с ч. 6 ст. 164 УПК РФ, в ходе следственных действий допустимо использование технических средств для обнаружения и фиксации улик, а также для изъятия доказательств. Фиксация этих действий может осуществляться как в письменной форме, так и с помощью технических средств, включая аудио- и видеозаписи, фотографии и киноматериалы. Необходимо заранее информировать всех участников следственного процесса о применении технических средств, что должно

быть зафиксировано в соответствующем протоколе. В этом документе должна быть отражена информация о том, как использовались эти средства, с какой целью и какие результаты были достигнуты. [1] При использовании технических средств в криминалистике важно соблюдать законные интересы и свободы граждан, избегать действий, которые могут нанести вред здоровью или жизни людей, не допускать унижений чести и достоинства личности. Все методы должны быть научно обоснованы, а целостность доказательств должна быть обеспечена. [2, с. 735].

Анализ данных, опирающийся на множество подходов и алгоритмов, используется практически во всех областях науки и деятельности общества. [3, с.9] Представляет собой логический метод, который позволяет изучать информацию и выявлять закономерности. Например, описательный анализ использует данные для описания событий, а прогностический анализ позволяет предсказывать будущие события на основе текущей ситуации. В криминалистике анализ представляет собой мысленное разделение объекта на составляющие для его изучения.

С помощью программного обеспечения на основе искусственного интеллекта можно анализировать данные из любого источника без участия человека. Такие системы позволяют автоматически создавать, анализировать, объяснять и визуализировать данные. включает в себя улучшение работы правоохранительных органов, создание тактических и методологических основ для расследования преступлений, изучение преступности, анализ статистики деятельности правонарушителей и многое другое. Вся эта деятельность связана с обработкой большого объёма данных. Сложность заключается в разнообразии видов преступлений, мотивов, последствий, способов их совершения и предотвращения. В результате правоохранительные органы тратят много времени и ресурсов на выявление тенденций преступности и организацию противодействия. В условиях растущей информатизации общества эти затраты можно сократить с помощью использования достижений в области искусственного интеллекта. Описанные выше технологии позволяют за меньшее время и с меньшими ресурсами проанализировать большие объёмы данных и выявить модели преступлений

Искусственные нейронные сети создаются на основе больших данных и используются для их обработки. Они решают различные задачи, такие как ассоциативная память, распознавание образов, адаптивное управление, прогнозирование и экспертные системы. Основная задача – интерпретация данных и диагностика.

В современной экспертной практике активно применяются системы электронного документооборота, автоматизированные методы сбора экспериментальных данных, инструменты для фиксации и обработки цифровых изображений, результатов цифровой фото- и видеосъёмки,

аудиозаписей, разнообразные базы данных, системы автоматизации расчётов, компьютерного моделирования и многое другое. Всё больше экспертов используют автоматизированные рабочие места. Обработка данных в цифровом формате стала распространённым и эффективным методом исследования, который значительно сокращает временные затраты, повышает результативность работы судебного эксперта и достоверность полученных им результатов.

Практически ни одно судебно-экспертное исследование, проводимое государственными и независимыми экспертными организациями, не обходится без использования современных цифровых технологий в той или иной степени. Например, использование цифровых микроскопов позволяет выделять исследуемый элемент из имеющегося биологического материала без его повреждения или загрязнения, выращивать колонии объектов биологического происхождения, обеспечивает высокую точность сравнения мельчайших микроструктур трасс, позволяет наблюдать объекты различной природы с применением флуоресценции и поляризации, решать другие задачи.

В решении задачи экспертного моделирования прошлых событий значительную поддержку оказывают системы, которые воссоздают пространственные и временные связи между объектами. Компьютерное моделирование дорожно-транспортных, авиационных и других технологических происшествий, а также природных катастроф позволяет восстановить их ход и определить возможные причины.

Благодаря вариативности параметров модели и функциональности экспериментов можно получить важную информацию, которая используется для поиска доказательств. Использование результатов экспертного моделирования в качестве доказательной информации обычно затруднено, поскольку любая такая модель основана не только на объективных данных, но и на субъективных оценках.

Системы искусственного интеллекта работают с огромными объёмами информации, которые называются Big Data. Эти данные часто не имеют структуры из-за большого количества элементов, что затрудняет их обработку и анализ. Обучение и развитие системы искусственного интеллекта позволяют увеличить её возможности по обработке данных. Система учится находить и определять закономерности в обрабатываемом массиве. В результате она может работать с большими объёмами информации гораздо лучше, чем обычные системы. Сбор больших данных оказывает значительное влияние на развитие технологии. С точки зрения информатики, это процесс накопления данных для обеспечения их полноты.

С точки зрения криминалистики, Big Data – это информация, которая имеет большой объём, являясь значимой в проведении расследований.

Однако данные требуют обработки методами математики и статистики, чтобы их можно было интерпретировать и использовать в криминалистике для создания рабочих моделей, выводов и решений.

Стоит отметить, что методы искусственного интеллекта применяются не только в работе правоохранительных органов, но и в противоправных действиях. В области преступлений, связанных с использованием искусственного интеллекта, можно выделить три основных направления: кибератаки, политические и физические нападения. Мнение общества выражает обеспокоенность по поводу использования искусственного интеллекта. Среди основных негативных последствий развития этой технологии респонденты отметили возможность мошенничества и кражи данных, а также использование технологии в корыстных целях.

Список использованных источников:

1. Победкин А.В. Производство следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи на досудебном производстве: рамочность процессуальных гарантий // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2022. – 84 с.

2. Глушакова Е.В., Сафонов Д.А. Особенности использования следователем технико-криминалистической техники для производства следственных действий: правовые основания // Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией. – Симферополь. – 2024. – 739 с.

3. Анализ данных: учебник для вузов / под редакцией В. С. Мхитаряна. – Москва: Издательство Юрайт. – 2025. – 448 с.

УДК 343

РЕАБИЛИТАЦИЯ НАЦИЗМА, КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Р. Ш. Кириев
студент Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
Э. Ю. Латыпова
заведующий кафедрой уголовного права и процесса Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В современном мире проблема реабилитации нацизма приобретает особую актуальность в связи с ростом экстремистских настроений, использованием цифровых технологий для пропаганды радикальных идеологий и попытками пересмотра исторической памяти, переиначивания итогов Второй мировой войны, оправдания военных преступлений нацистского режима, пропаганду его идеологии, а также распространение неонацизма отрицающего Холокост или его оправдывающее. В условиях глобализации и цифровизации общественных процессов распространение неонацистских идей приобретает новые формы, включая использование социальных сетей, алгоритмов искусственного интеллекта и скрытых интернет-платформ.

Актуальность данной проблемы обусловлена необходимостью защиты исторической правды, противодействия радикализации молодежи и предотвращения угроз национальной безопасности. Рассмотрим правовые, криминалистические и процессуальные аспекты борьбы с реабилитацией нацизма, проанализируем современные информационные технологии, используемые для противодействия этому явлению, а также особое внимание уделим роли информационно-технологических процессов в распространении неонацистской идеологии и методам их нейтрализации с использованием современных цифровых инструментов.

Ключевые слова: уголовная ответственность за реабилитацию нацизма; радикализм; радикализация; пропаганда нацизма.

Проблема реабилитации нацизма и неонацизма имеет международное значение по многим причинам – нацизм и неонацизм представляют собой идеологии ненависти, которые могут вдохновлять насилие и экстремизм не только в одной стране, но и на международном уровне, данные идеологии противоречат основным принципам международного права и прав

человека, а также угрожают гармонии и стабильности в многонациональных и многокультурных обществах на территории стран Содружества Независимых Государств, что может вызвать межэтнические конфликты и напряженность, имеющую международные последствия, такие как военные конфликты [1, с. 163], ненависть по национальному признаку, а также возникновение языковой дискриминации называемой лингвицизмом. Попутно заметим, что отражение лингвицизма мы наблюдаем в современном обществе на территории Украины. Так, по информации из статьи, датируемой 23 февраля 2024 Государственного информационного агентства (ТАСС) с названием «Как на Украине ограничивали использование русского языка», процесс притеснения использования русского языка вплоть до полного запрета даже в межличностных разговорах проводился с 2000 года, что является вопиющим проявлением лингвицизма и неонацизма в современном социуме [2].

Говоря про международное значение противодействия нацизму и его проявлениям, стоит ознакомиться с основополагающими документами, осуждающими нацизм и его проявления в международном праве.

Такими документами являются:

– Устав Нюрнбергского трибунала, а конкретно глава вторая (Юрисдикция и общие принципы), статья 6, часть С (Преступления против человечности) 1945 год;

– Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 год;

– Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, запрещающий пропаганду войны и разжигание ненависти.

Также в странах Европы действуют дополнительные механизмы, такие как:

– Рамочное решение Совета Европейского Союза о борьбе с расизмом и ксенофобией 2008 года;

– Резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы, осуждающие героизацию нацистских коллаборационистов.

В Российской Федерации реабилитация нацизма криминализирована в ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Реабилитация нацизма» и в статье 282.4 УК РФ «Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами», которые устанавливают ответственность за:

– отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала [3, с. 136];

– одобрение преступлений, установленных указанным Приговором;

– распространение ложных сведений о деятельности СССР в годы войны;

– распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества [4, с. 159];

– осквернение символов воинской славы России [5, с. 155];

– оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны [6, с. 53; 7, с. 155];

– изготовление или сбыт в целях пропаганды либо приобретение в целях сбыта или пропаганды нацистской атрибутики или символики;

– пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения.

Включение данных новых составов в уголовное законодательство соответствует необходимости криминализации деяний, грубо нарушающих моральные и нравственные устои общества [8, с. 97].

Аналогичные нормы присутствуют в законодательстве Германии в ст. 130 Уголовного кодекса ФРГ «Подстрекательство к ненависти», данная статья устанавливает уголовным преступлением отрицание и преуменьшение значения Холокоста и нацистского режима, а также в Израиле в 2014 году поджоги синагог, антисемитские граффити и свастика на стенах домов, нацистские приветствия в соцсетях, провокационные нападения и избиения пожилых людей, послужили доказательством тому, что данная тема актуальна и для Израиля, в связи с этим власти ввели «Закон о запрете нацистской символики». Также достаточно часто в Европе нападениям подвергаются памятники советским воинам, увековечивающим победу СССР над фашистскими захватчиками [9, с. 200], а также отрицаются сами факты геноцида народов СССР в период Великой Отечественной войны [10, с. 157].

В отношении к криминалистическим аспектам выявления и расследования преступлений, связанных с реабилитацией нацизма, затронем современные формы распространения неонацистской идеологии.

В цифровую эпоху реабилитация нацизма и неонацизма осуществляется через такие средства коммуникации:

– социальные сети (Telegram, VK, Twitter, Instagram, Viber, TikTok, Facebook, WhatsApp / деятельность Meta – соцсети Facebook и Instagramm – запрещен в России как экстремистская) – создание закрытых групп,

создание стикерпаков и использование мемов с нацистской символикой, а также использование закодированных символов (самый распространённый пример – 14/88, что означает кодовый лозунг неонацистов, также употребляющийся ими в качестве приветствия или подписи);

– алгоритмы персонализации – усиление радикализации через рекомендательные системы (в пример можем взять пользователя видеохостингов, который увлекается нацизмом и смотрит видео подобного характера, в ленте рекомендаций у него будут появляться ролики не обычные, а аналогичные просмотренным – то есть видео, прославляющие нацизм и неонацистские движения);

– использование ресурсов Darknet – это скрытые форумы, на которых обычно осуществляется торговля запрещенной литературой, а также другая противоправная деятельность (перечень запрещенной литературы в свою очередь закреплен в Федеральном списке экстремистских материалов составленным Министерством юстиции России. К такой запрещенной литературе относятся произведения руководителей Национал-социалистической немецкой рабочей партии и фашистской партии Италии)

– использование криптовалюты – к данной проблеме можно отнести финансирование экстремистских – нацистских организаций.

Проанализировав современные формы распространения нацистской и неонацистской идеологии, перейдем к рассмотрению методов криминалистического противодействия, выявления и пресечения подобных преступлений.

К способам противодействия можно отнести применение:

– цифрового мониторинга (к нему можно отнести анализ социальных сетей с помощью искусственного интеллекта. Сбор данных, с помощью использования API социальных сетей или парсинг – автоматизированный сбор и систематизация информации из открытых источников для получения информации о постах, комментариях и взаимодействиях);

– сетевого анализа (выявление связей между экстремистскими группами, а также обучение на размеченных данных – создание обучающего набора данных с примерами постов, содержащих нацистскую пропаганду, и нейтральных постов);

– лингвистической экспертизы (распознавание завуалированных призывов или сообщений, например упоминаемое нами ранее 14/88);

– блокчейн-анализ (отслеживание криптовалютных транзакций для предотвращения, либо отслеживания финансирования экстремистских – нацистских организаций).

Упоминаемые нами выше методы криминалистического противодействия в теории крайне эффективно себя демонстрируют, однако

в реальной практике, существует ряд уголовно-процессуальных проблем, препятствующих противодействию, выявлению и расследованию преступлений, связанных с реабилитацией нацизма [11, с. 122]. Рассмотрим некоторые из них.

Основные проблемные моменты при расследовании данных правонарушений:

– возможность полной анонимности в интернете (использование VPN – он шифрует интернет-трафик и скрывает личные данные; правоохранительным органам будет труднее отследить действия правонарушителей в сети интернет, а также TOR – свободное и открытое программное обеспечение для реализации второго и третьего поколения так называемой луковой маршрутизации, это система прокси-серверов, позволяющая устанавливать анонимное сетевое соединение, защищённое от прослушивания;

– юрисдикционные конфликты (Поскольку большая часть серверов находится за рубежом, возникает проблема, что некоторые страны имеют строгие законы о защите данных, которые могут в большинстве случаев препятствовать доступу к информации о пользователях и их действиях [12, с. 370]);

– отсутствие единых стандартов в определении нацизма и экстремизма;

– технические барьеры (Необходимость в высококвалифицированных IT-специалистах для анализа данных и выявления контента [13, с. 276], связанного с пропагандой нацизма).

Обратим внимание, что значительной проблемой является отсутствие международного сотрудничества со странами в сфере цифровых технологий. В такой ситуации, для эффективного противодействия распространения проявлений нацистской идеологии предлагаем провести процесс унификации законодательства в сфере цифровых технологий, иными словами, создать одинаковые, единообразные нормы во внутреннем праве государств в результате межгосударственного сотрудничества с целью борьбы с таким явлением, например в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в организации которых входят такие страны как: Россия, Беларусь, Китай, Казахстан, Армения, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Пакистан, Индия, Иран. Вдобавок возможна организация внедрения киберпатрулей, осуществляющих мониторинг, анализ, образование и обмен оперативной информацией между государствами.

Подводя итоги вышеизложенному, можем сказать, что реабилитация нацизма и неонацизма остается серьезной угрозой национальной и

международной безопасности. Для эффективного противодействия данной угрозе требуется совершенствование законодательства путем унификации и включения новых цифровых форм экстремизма, развитие криминалистических технологий, а также обязательное и всецелое сотрудничество со странами, что подразумевает собой создание единых баз данных, совместных расследований и партнерства. Эффективная борьба с нацистской пропагандой требует координации действий между странами и правоохранительными органами. Только комплексный, проработанный подход позволит минимизировать риски, связанные с распространением неонацистской и нацистской идеологий.

Список использованных источников:

1. Латыпова Э.Ю., Гончарова Н.Н. О военном времени как квалифицирующем признаке преступлений против военной службы // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2024. – №3. – С. 162–172.

2. Шеметов М. Как на Украине ограничивали использование русского языка / Информационное агентство ТАСС, 23.02.2024. – URL: https://tass.ru/info/15358089 (дата обращения 12.05.2025).

3. Боталов Н.М., Шевелева К.В. О нивелировании итогов Нюрнбергского процесса: к постановке проблемы / В сборнике: Главный процесс человечества. Нюрнбергский набат. Сборник научных статей II Всерос. научн.-практ. конф. с междунар. участием. – СПб.: ООО «Эпицентр», 2024. – С. 135–139.

4. Гильманов Э.М. Об уголовной ответственности за уничтожение либо повреждение воинских захоронений, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России / В сборнике: Правовые и нравственные основы функционирования гражданского общества. Сборник материалов Междунар. научн.-практ. конф., посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В.П. Малкова. – В 2-х частях. – Чебоксары: Изд-во Чувш. гос. ун-та, 2020. – С. 157–161.

5. Латыпова Э.Ю., Гильманов Э.М. Использование цифровых ресурсов при охране архитектурных памятников Российской Федерации / В сборнике: Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов II Междунар. научн.-практ. конф.: в 6 т. – Казань: Изд-во «Познание» КИУ, 2023. – С. 152–157.

6. Гильманов Э.М. Некоторые вопросы уголовной ответственности за повреждение или уничтожение объектов культурного наследия // Oeconomia et Jus. – 2019. – № 1. – С. 47–55.

7. Радченко Т.В., Шевелева К.И. Актуальные вопросы разграничения посягательств на объекты культурного наследия и объекты, увековечивающие память лиц, погибших при защите Отечества // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4 (74). – С. 151–157.

8. Латыпова Э.Ю., Гильманов Э.М., Абдуллина А.Е., Гильманов Р.Э. Влияние нравственно-моральных норм на содержание уголовно-правовых норм в Уголовном кодексе России // Вестник экономики, прав и социологии. – 2022. – № 1. – С. 93–99.

9. Гильманов Э.М. Объекты мирового культурного наследия: вопросы их уничтожения или повреждения во время военных действий / В сборнике: Татищевские чтения: Актуальные проблемы науки и практики. Материалы XV Междунар. научн.-практ. конф.: в 3-х т. – Тольятти. – Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2018. – С. 197–202.

10. Шевелева К.В. Отрицание геноцида народов СССР в период Великой Отечественной войны: о перспективах уголовно-правовой регламентации / В сборнике: Геноцид: вызовы современности. Материалы Междунар. научн.-практ. конф. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2024. – С. 156–162.

11. Бакаев А.А., Игнатенко Е.А., Шевелева К.В. Реабилитация нацизма в сети «Интернет»: отдельные аспекты механизма следообразования в цифровой среде // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2024. – № 2 (100). – С. 120–127.

12. Гончарова Н.Н., Латыпова Э.Ю., Гончаров Н.А. Проблемы проведения уголовно-процессуальных действий с участием иностранных граждан, на российской территории, а также в зданиях посольств и консульств России // Проблемы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. – № 4. – С. 366–372.

13. Гильманов Э.М., Кирпичников Д.В. О необходимости разработки методики расследования преступлений в сфере обращения цифровой информации // Актуальные проблемы государства и прав. – 2020. – Т. 4. – № 14. – С. 262–277.

УДК 343.23

АНАЛИЗ МОТИВАЦИИ И ОБРАЗА МЫШЛЕНИЯ КАК УСТАНОВОК К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

М. С. Клейн
магистрант Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
Р. Р. Мусина
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)

Аннотация. Изучение личности преступника невозможно без изучения его мотивационных процессов и образа мышления, которые в совокупности выступают в роли двигателя, который обуславливает его телодвижение, образование преступных начал и реализацию задуманного. Можно сделать вывод, что мотивы деяний преступника рождаются в силу внутренних и внешних факторов и особенностей. Так же, как и в криминологии, мотивы преступлений изучаются и в уголовном праве, и служат основанием для квалификации. Так, для отдельных мотивов совершения преступлений в Уголовном кодексе имеется выделение в рамках квалифицированного состава (второй или третьей части состава). Это объясняется наибольшей общественной опасностью совершения отдельных преступлений и их мотивов. Однако, несмотря на обязательные мотивы совершения отдельных преступлений, суд должен указывать на наличие мотивов, которые не играют роли для квалификации преступлений.

Ключевые слова: поведение преступника; преступное поведение; мотив преступления; мотивация преступлений.

«Мотив – это внутренний, субъективный смысл поведения, то, ради чего оно реализуется. Это не цель, не задача, которую ставит перед собою человек, это смысл поведения» [1, с. 106]. Исходя из этого, мотивами не могут являться эмоции, чувства или убеждения лица, хотя на момент совершения преступлений они легко могут прослеживаться; так, при насильственных преступлениях у преступника может наблюдаться гнев. Иначе говоря, это психологический процесс, идущий у преступника, детерминация поведения, приводящая к определенному преступному результату, который преступник прокручивает в своем сознании. Если у одного лица детерминанты преступности могут породить возникновение преступного поведения и генезиса преступной мотивации, то у другого

лица при столкновении с подобными обстоятельствами этого может не возникнуть. Образ поведения и мышления у каждого человека единоличный. Внешние побудители будут касаться образов извне, социальной среды и результата, на который направлен поступок лица [2, с. 297–298].

Так, для квалификации преступлений по ст.ст. 131 и 132 УК РФ мотив совершения указанных преступлений не будет иметь влияния. Достаточно лишь самого факта совершения преступления и наличия его состава, что закреплено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

Итак, установлено, что мотивация определяет преступное поведение человека и его реализацию. Без определения и изучения проблем мотивации преступного поведения невозможно изучить личность преступника, понять и разобраться в его потребностях и желаниях, перевоспитании преступника, пресечении и профилактики как отдельных преступлений, так и преступности в целом. Кроме того, некоторые преступники могут скрывать свои действительные и реальные мотивы [3, с. 608]. Этим они осложняют задачу как правоохранительным органам, так и криминальным психологам. Такое явление получило название эффект фасада (в психологии эффект фасада – явление, при котором личность скрывает свои истинные намерения, показывая только свою хорошую сторону). Преступники могут применять этот защитный механизм в целях самооправдания и сокрытия своих мотивов, в целях избежать наказания либо реализовать назначение более легкого наказания.

Мотивацию можно интерпретировать как взаимодействие сознания лица и внешних факторов, поскольку она направлена на объекты извне. Эти внешние особенности и условия соприкасаются с психологическими ньюансами преступника, создавая определенные мотивы лица на осуществление его действий. При зарождении мотивов процесс не останавливается, а продолжается, и перерастает в фантазии и планирование совершения этих действий, строится стратегия достижения преступного результата и выстраиваются возможные его последствия [4, с. 25]. Именно так формируется модель мышления лица и определяется образ его поведения.

Таким образом, мотивация отражает цепочку взаимосвязанных элементов, при которых базируется преступное поведение преступника. Она не формируется «здесь и сейчас», а представляет сложный психологический процесс зарождения у лица такого уровня и схемы

поведения. Возникновение потребностей и детерминации является результатом столкновения работы центральной нервной системы, работы головного мозга, иных особенностей организма (например, генных мутаций, механический повреждений коры головного мозга и так далее) со стресс-факторами, перетекающих в нарушение воли, сознания, смены потребностей и желаний [5, с. 103]. Модель поведения у разных людей индивидуальна и связана с его личными пробелами, деталями и влечениями.

Как было выяснено, мотивация преступного поведения зависит от субъективных особенностей лица и окружающего, социального воздействия [6, с. 287]. Вместе с мотивацией начинает образовываться и определенный образ мышления лица. Образ мышления – это система убеждений, ценностей и направление потока мыслей, то, как человек воспринимает себя и общую реальность. Как можно понять, образ мышления, как и мотивация, формируется посредством влияния на человека различных факторов и, в свою очередь, оказывает влияние на совершаемые деяния в отдельных конкретных ситуациях. Именно мысли, которые дают человеку команды на выполнение определенных действий, являются следствием формирования преступного образа действий. Это схема, которая представляет собой примерное следующее – мысль, план, импульс, что может «захватывать» восприятие и изменять его в угоду самой личности, а не действительности. После чего внимание человека фиксируется на данном объекте мыслей, которое доминирует над сознанием и видоизменяет его [7, с. 17].

Модель мышления образуется ввиду особенностей самой личности, внешней обстановке, отношения к нему и так далее. Почему у человека формируется преступная мотивация и подобный образ мышления? В силу социальных факторов, внешние раздражители отражаются на личности, после чего проходит через его психику и «анализируется» ситуация случившегося. У человека с хорошим здоровым организмом разные стресс-факторы могут проходить безболезненно, у других ситуация может быть иная. Причина может крыться в работе его головного мозга, особенностей центральной нервной системы и возможных генных мутациях [8, с. 120].

Нарушения работы головного мозга главным образом связаны с диссоциативным расстройством личности. При подобных патологиях у лица может проявляться равнодушие к окружающим людям, пренебрежительное отношение к близким, нарциссизм, отрицание правил поведения в обществе и так далее. Люди, которые испытывают расстройство психической деятельности, легко поддаются агрессии и тяжело переживают неудачи и стрессовые ситуации.

Диссоциальное расстройство личности, помимо вышеупомянутого, может проявляться и ввиду психических нарушений вследствие психических заболеваний, появившихся от рождения. Так, разные нарушения психической деятельности человека, вызывающие нарушение умственной отсталости, делятся на группы: первая группа связана с генной неполноценностью родителей, что обуславливает наследственный характер некоторых расстройств личности. Патогенез может усиливать воздействие влияния каких-либо нежелательных влечений человека. Так, люди, страдающие шизофренией, имеющую наследственный характер, могут испытывать чрезмерную двигательную активность в тяжелых жизненных ситуациях, и признаки непонимания и невосприятия контактов с данными обстоятельствами. Это чревато выявлением у лица отсутствия эмпатии и умения выстраивать социальные связи. Так, нейробиолог Джеймс Феллон, изучавший психопатов, установил, что у всех них обнаружено повреждение глазнично-лобной коры головного мозга. Он также пришел к выводу, что ген насилия МАО-А способен зародить у человека образ преступного поведения, который активируется при вспышке насилия (либо самом участии человека, либо лицезрении данного факта). Умственная отсталость, психические расстройства, неполноценность организма человека усиливает шанс совершить преступление или правонарушение ввиду измененного сознания [9].

Вторая группа связана с нарушениями развития и питания организма, вызванного внутриутробным действием. Механические травмы матери, употребление алкоголя, наркотических, психотропных веществ, образ жизни, отсутствие витаминов и другие факторы риска влияют на получение всех питательных веществ ребенка, что может вызвать дальнейшее нарушение его развития и умственную неполноценность (например, олигофрения).

Третья группа предполагает получение травм при родах. Среди этих факторов риска имеется неправильное принятие родов, механическая асфиксия ребенка, получение травм головы и заболевание инфекциями в силу отсутствия должных средств дезинфекции [10, с. 231]. Все эти возможные угрозы появления возможных проблем личности отражаются на нем и зависят от функционирования центральной нервной системы, темперамента, характерных черт интеллекта, социального развития и других факторов [11, с. 330].

Психическая нестабильность также может быть вызвана в силу генетических мутаций. Как правило, их нельзя контролировать, и от этого возможность предугадать их появление является сложной задачей, зависящей от случайного характера их проявления. «Это может быть

воздействие определенных химических веществ, радиации, температуры и т.д. С помощью этих средств можно вызвать мутации, однако случайный характер их возникновения сохраняется и предсказать появление той или иной мутации невозможно» [12]. Изменчивость генов вызывает сущность появления изменчивости на наследственном уровне. Но, помимо наследственной изменчивости, существует такой ее тип, как модификационная изменчивость. Это такая изменчивость, при которой организм подвергается изменению в результате оказания воздействия внешней окружающей среды на него, исключая изменения генотипа. Это можно понять на примере: если два человека с одинаковым генотипом будут находиться в разных условиях, то можно будет наблюдать проявление разных признаков, например, разные образы поведения, склонности и так далее. Однако, немецкий криминолог Ф. Эскнер провел исследование по этому поводу. Он сделал опыт с разлученным близнецам и наблюдением за их поведением, и выявил тот факт, что, несмотря на разные условия развития, они имели одинаковые привычки и похожий образ жизни.

Таким образом, образ мышления формируется посредством влияния различных факторов, процессов и особенностей как внутренних, так и внешних. Особенности воспитания, социального взаимодействия, темперамента, расстройств личности может в совокупности порождать внутри лица отрицательный взгляд на окружающую реальность, что может вылиться в создание лицом собственной реальности и погружению в фантазии с преступным подтекстом. На реализацию преступлений толкают вовсе не причины негативных последствий, которые личность терпит в ходе своей жизнедеятельности, а образ его мышления. Основанием совершения преступлений является внутреннее желание субъекта на его совершение, что выражается в его модели мышления.

Список использованных источников:

1. Антонян Ю.М. Криминология: учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2025.

2. Оганесян Б.Л. Мотивация преступления: понятие и содержание // Молодой ученый. – 2013. – № 8 (55). – С. 297–298.

3. Латыпова Э.Ю., Мусина Р.Р., Клейн М.С. Биологические процессы и особенности, влияющие на преступное поведение в антропологическом аспекте / В сборнике: Семья и традиционные семейные ценности как духовно-нравственная основа развития общества и государства: сб. материалов Международной научно-практической конференции, посвященной Году семьи в Российской Федерации, 18-20 апреля 2024 г. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2024. – С. 604–612.

4. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. – М.: Наука, 1991. – 383 с.

5. Латыпова Э.Ю., Клейн М.С., Гильманов Р.Э. Антропологические подходы к изучению преступности: история и современное состояние // Oeconomia et Jus. – 2024. – № 1. – С. 95–109.

6. Латыпова Э.Ю., Зайкина О.С. Виктимное поведение и мотивация преступлений против личности / В сборнике: Эволюция государства и права: история и современность. Сборник научных статей II Междунар. нучно-практич. конф., посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного гос. ун-та. Отв. ред. С.Г. Емельянов. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2017. – С. 285–288.

7. Кесслер Д.А. Мысли, которые нас выбирают: почему одних захватывает безумие, а других вдохновение. – М.: Эксмо, 2018. – 341 с.

8. Клейн М.С. Побуждение к преступлению: как преступные мысли толкают индивида на совершение преступлений / В сборнике: Молодежь и наука в XXI веке: Материалы VI Республиканской научно-практической конференции (г. Нижнекамск, 25 апреля 2023 г.) – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2023. – С. 119–120.

9. Fogden B.C., Thomas S.D.M., Daffern M. et al. Crime and victimisation in people with intellectual disability: a case linkage study. – BMC Psychiatry 16, 170 (2016). – URL: https://bmcpsychiatry.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12888-016-0869-7 (дата обращения: 12.05.2025)

10. Лекомцев В.Т., Поздеев А.Р., Ковалев Ю.В. Судебная психиатрия: учебник для вузов. – Москва: Изд-во Юрайт, 2025. – 111 с.

11. Закирзянов А.И. Проблемы определения вменяемости по уголовному делу / Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы III Международной научно-практической конференции. В 2-х томах ; отв. ред. В.Ю. Стромов. – Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2019. – С. 327–331.

12. Александров А.А. Психогенетика: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2008. – 192 с.

УДК 343

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УГОЛОВНО – ПРАВОВЫМИ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИМИ СПОСОБАМИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

А. Н. Курбаткина
магистрант Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
Э. М. Гильманов
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)

Аннотация. Информационные технологии становятся неотъемлемой частью различных сфер человеческой деятельности, включая правоохранительную. Актуальность темы исследования определяется значимостью разработки эффективных методов борьбы с преступностью, основанных на использовании современных информационных технологий, для обеспечения национальной и общественной безопасности. Рассмотрены отдельные информационные технологии в их приложении к специальным задачам криминалистической техники.

Ключевые слова: информационные технологии; преступность; правоохранительные органы; искусственный интеллект.

Современные технологии играют ключевую роль в борьбе с преступностью, предоставляя правоохранительным органам инновационные инструменты для анализа, предотвращения и расследования преступлений. Среди таких технологий можно выделить системы видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, а также использование облачных технологий для хранения и обработки информации. Внедрение этих технологий позволяет правоохранительным органам оперативно реагировать на угрозы и принимать обоснованные решения на основе анализа данных. Например, согласно отчету Interpol за 2021 год, применение искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности увеличилось на 35 % за последние пять лет, что свидетельствует о растущей значимости этих технологий.

Искусственный интеллект и анализ данных открывают новые возможности в криминалистике, позволяя ускорить процесс расследования и повысить его точность. Использование алгоритмов машинного обучения для анализа больших данных помогает выявлять закономерности, которые сложно обнаружить традиционными методами. Например, в 2020 году около 25 % расследованных преступлений в США были раскрыты с использованием анализа больших данных. Указанные технологии успешно

применяются при прогнозировании преступности, что может быть использовано для снижения ее уровня по отдельным направлениям.

Еще одним интересным современным направлением предупреждения и борьбы с преступностью является использование биометрических систем. Например, распознавание лиц, фигур, походки активно используется в системе «Умный город», что позволяет снижать преступность в крупных мегаполисах. Также информационные технологии используются при распознавании отпечатков пальцев либо идентификации голоса [1, с. 108], что также активно используется в раскрытии преступлений, значительно снижая (даже исключая) ошибки в процессе идентификации. На сегодняшний день биометрические системы идентификации успешно применяются в более 70 стран мира, и их количество только растет. Во всех странах активно внедряются инновационные технологии в функционирование правоохранительных органов. Так, дроны используются для патрулирования улиц в целях повышения безопасности дорожного движения либо при поиске источников лесных пожаров, а системы виртуальной реальности расширяют возможности правоохранителей при раскрытии и расследовании преступлений. Так, в работу судебно-медицинских экспертов [2, с. 165] активно внедряется виртопсия как метод неинвазивного исследования тела с целью уточнения причин смерти или решения иных вопросов.

Соответственно, информационные технологии уже стали важнейшим инструментом обеспечения общественной безопасности. В этой связи М.Г. Жук подчеркивает: «если исходить из утверждения, что криминалистика отражает всю палитру жизненных отношений, то можно осознать острую необходимость дифференциации криминалистики как отрасли науки» [3, с. 41–44]. Этот подход акцентирует внимание на важности комплексного анализа данных для более эффективного решения задач в области как общей, так и частной безопасности [4, с. 154].

Современные криминалистические инструменты включают технологии анализа цифровых следов и искусственный интеллект, который способен обрабатывать до 100 000 транзакций в секунду [5, с. 83], что делает его крайне эффективным в расследовании финансовых преступлений [6, с. 137]. Важно отметить, что «при расследовании преступлений с использованием компьютерной техники, особое значение имеют следы их совершения, которые после соответствующего процессуального закрепления могут приобрести значение доказательств» [7, с. 4].

В этом контексте «компьютерная криминалистика является важным инструментом в борьбе с киберпреступностью и злоупотреблениями в цифровой сфере» [8, с. 467–473].

Сегодня мобильные приложения для гражданской безопасности становятся все более популярными, предоставляя гражданам возможность

быстро сообщать о чрезвычайных ситуациях и получать оперативную помощь. Примером является российское приложение «112». Такие технологии способствуют укреплению взаимодействия между гражданами и правоохранительными органами, повышая общий уровень безопасности. Развитие цифровых технологий для развития гражданской безопасности является приоритетным и для стран –членов БРИКС [9, с. 39–41].

Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» является основным нормативным актом, регулирующим использование информационных технологий в России. Он определяет правовые основы обращения с информацией, устанавливает принципы государственной политики в данной сфере и регулирует отношения, связанные с использованием информационных технологий.

Программы, такие, как «Цифровая экономика», направлены на развитие технологий и их применение в правоохранительной практике, что, в свою очередь, требует их детализированного регулирования. С другой стороны, как отмечает Б.Р. Бурганов, «за последние два десятилетия преюдициальное значение судебных решений в уголовном судопроизводстве исследовалось в многочисленных научных работах и оценивалось в конкретных уголовных судебных производствах» [10, с. 1]. Это подчеркивает важность комплексного подхода, учитывающего как технологические, так и правовые аспекты в борьбе с преступностью.

Важно отметить, что, как справедливо отмечет Д.А. Сахно, «в настоящее время главной целью единой государственной пограничной политики РФ является обеспечение национальных интересов и безопасности страны на Государственной границе и в ее пограничном пространстве» [11, с. 99–103]. Интеграция международных норм в национальное законодательство будет способствовать не только выполнению международных обязательств, но и укреплению безопасности страны [12, с. 191].

В России не разработаны единые стандарты для интеграции новых технологий в существующие процессы, что приводит к проблемам совместимости и отсутствию единого подхода. П.Н. Панченко подчеркивает, что «государственная власть для того и существует, чтобы в обществе был порядок. А так как власть утверждает порядок посредством, прежде всего, права, то порядок этот – это уже не просто порядок, а правопорядок» [13, с. 5–10]. При этом важно учитывать, что правопорядок требует не только наличия норм, но и их эффективного применения в условиях цифровизации.

Важно отметить, как уточняет Л.А. Качина, «на сегодняшний день, в условиях постоянно изменяющегося и нестабильного мира, важную роль в достижении благополучного существования и развития общества играют международные сотрудничества в борьбе с преступностью» [14, с. 1].

Такой подход может быть адаптирован к национальным условиям, учитывая специфику правовой системы и существующие вызовы.

Адаптация законодательства к современным вызовам должна учитывать растущую роль цифровых технологий в борьбе с преступностью. Важно разработать нормативные акты, регулирующие использование искусственного интеллекта, а также внедрить механизмы защиты данных и обеспечения конфиденциальности [15, с. 8]. При этом «на сегодняшний день имеется высокая потребность в регламентации правоотношений в сфере обращения криптовалюты», обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности [16, с. 204].

Еще одной серьезной проблемой является недостаточная подготовка кадров, что существенно ограничивает возможности эффективного использования новых технологий. Согласно исследованию Европола 2022 года, 68 % организаций считают нехватку обученных специалистов основным препятствием для внедрения технологий. Это объясняется тем, что новые системы требуют специфических знаний и навыков, которые не всегда доступны в рамках текущей подготовки сотрудников [17, с. 112]. Как отмечает Д.Е. Терентьев, «на протяжении длительного времени инновации в жизни человека играли ключевую роль, но не всегда это был плавный и простой процесс» [18, с. 1]. В результате, даже при наличии современных технологий, их потенциал зачастую остается нераскрытым. В России активно используются технологии видео-конференц-связи при расследовании различных преступлений, включая совершенные на территории иностранных государств [19, с. 79]. Самостоятельно значение использование цифровых и информационных технологий приобретает при расследовании преступлений, особенно в случаях, если преступление произошло на территории нескольких стран [20, с. 368].

Это подчеркивает важность регулярного обновления знаний и проведения специализированных курсов, направленных на освоение новых инструментов и методов работы Я.В. Комиссарова, Е.Г Килессо и В.О. Перч, полагающие, что «с учетом многолетнего опыта практической работы, рассматриваются актуальные вопросы использования в ходе расследования преступлений современных достижений науки и техники в целях получения процессуально значимой информации» [21, с. 200]. Также нужно учитывать, что уже начинается разработка правового инструментария взаимодействия человеческого общества и роботов, в том числе и в области предупреждения совершения преступлений [22].

Таким образом, для успешной интеграции информационных технологий в правоохранительную деятельность необходимо разработать и внедрить комплексные образовательные программы для подготовки специалистов, а также усовершенствовать нормативно-правовую базу, регулирующую использование информационных технологий.

Особое внимание следует уделить вопросам разработки методов оценки эффективности информационных технологий и их влияния на

права человека, что позволит обеспечить баланс между безопасностью и соблюдением прав и свобод граждан.

Список использованных источников:

1. Латыпова Э.Ю., Мусина Р.Р. Некоторые проблемы мошенничества с помощью использования банковской карты голосовым помощником / В сборнике: Информационные технологии в деятельности органов прокуратуры. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Казань: Изд-во Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, 2019. – С. 107–109.

2. Латыпова Э.Ю. Преступления, совершаемые врачами-патологоанатомами, – постановка проблемы / В сборнике: Проблемы противодействия преступности: опыт, современное состояние и пути решения. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.А. Малюткина. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2019. – С. 168–174.

3. Жук М.Г. Криминалистическая стратегия экономической безопасности государства // Проблемы криминалистического обеспечения экономической безопасности. – 2005. – № 1 (35). – С. 41–44.

4. Латыпова Э.Ю., Гильманов Э.М. Использование цифровых ресурсов при охране архитектурных памятников Российской Федерации / В сборнике: Цифровые технологии и право. Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции: в 6 т. – Казань. – Изд-во «Познание» КИУ, 2023. – С. 152–157.

5. Бегишев И.Р., Латыпова Э.Ю., Кирпичников Д.В. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции // Актуальные проблемы экономики и права. – 2020. – Т. 14. – № 1. – С. 79–91.

6. Латыпова Э.Ю., Мусина Р.Р., Гильманов Э.М. Цифровые технологии в расследовании экономических преступлений / В сборнике: Цифровые технологии и право. Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции: в 6 т. – Казань. – Изд-во «Познание» КИУ, 2022. – С. 135–139.

7. Зигура Н.А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. – Челябинск, 2010. – 234 с.

8. Баранников С.Н., Абесалашвили М.З., Колодий А.С. Основы компьютерной криминалистики (форензика): теоретические и практические аспекты // Вопросы российского и международного права. – Т.14. – 2024. – № 7А. – С. 467–473.

9. БРИКС: российский взгляд: пролегомены в научное исследование феномена БРИКС: монография / Тимирясова А.В., Дискин И.Е., Бикеев И.И., Клемин А.В., Гончарова Н.Н., Латыпова Э.Ю. и др. – Казань: Изд-во

«Познание» Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирясова, 2024. – 224 с.

10. Бурганов Б.Р. Институт преюдиции в современном российском уголовном процессе: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. – М.: [б. и.], 2016. – 30 с.

11. Сахно Д.А. Некоторые уголовно-процессуальные вопросы, направленные на борьбу с трансграничной преступностью в Дальневосточном федеральном округе (по материалам практики подразделений дознания пограничных органов ФСБ России) // Хабаровский пограничный институт ФСБ России. – Хабаровск: Хабаровский пограничный институт ФСБ России, – 2010. №1 (10). – С. 99–103.

12. Гончарова Н.Н., Гусаков А.Е. Современные инструменты расследования транснациональных преступлений как меры обеспечения национальной безопасности / В сборнике: Обеспечение безопасности современного общества и государств в условиях многополярного мира: сборник материалов X Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 17-19 апреля 2025. – Чебоксары: Изд-во Чув. гос. ун-та, 2025. –С. 189–196.

13. Панченко П.Н. Государственная власть, правопорядок и борьба с преступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2009. – № 1. – С. 5–10.

14. Качина Л.А. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью Учебно-методический комплекс. – Санкт-Петербург: ГУАП, – 2016. – 21 с.

15. Блохина А.А. Проблема раскрываемости информационных преступлений в сфере завладения персональными данными физического лица / В сборнике: Наука. Образование. Инновации: Современное состояние актуальных проблем. Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Анапа. – ООО «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов», 2022. – С. 6–12.

16. Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (20 мая 2022.) / редкол.: С.А. Буткевич, И.А. Петрожицкая, А.В. Гончарова и др.; под общ. ред. С.А. Буткевича. – Электрон. дан. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, – 2022. – 605 с.

17. Латыпова Э.Ю., Гильманов Р.Э., Бадрутдинов Р.Р. Роль правоохранительных органов и специальных служб в борьбе с преступлениями, совершаемыми в сфере компьютерных игр, и технические решения для их предотвращения // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. –№ 2 (41). – С. 109–114.

18. Терентьев Д.Е. Использование компьютерных технологий в криминалистике // Электронный научный журнал «Дневник науки». – 2023. –№ 10. – URL: http://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2023/10/law/Terentyev.pdf (дата обращения: 12.05.2025).

19. Гончарова Н.Н., Дятлова Е.В. Развитие уголовного процессуального законодательства в сфере проведения следственных действий с использованием видео-конференц-связи с лицами, находящимися на территории иностранных государств / Цифровые технологии и право: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции. В 6 т., Казань, 22 сентября 2023 года. – Казань: Издательство «Познание». – 2023. – С. 77–80.

20. Гончарова Н.Н., Латыпова Э.Ю., Гончаров Н.А. Проблемы проведения уголовно-процессуальных действий с участием иностранных граждан, на российской территории, а также в зданиях посольств и консульств России // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. – №. 4. – С. 366–372.

21. Комиссарова Я.В., Килессо Е.Г., Перч В.О. Криминалистика + Криминалисты = Опыт борьбы с преступностью: монография / Я.В. Комиссарова, Е.Г. Килессо, В.О. Перч. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2005. – 194 с.

22. Begishev I., Shutova A., Niyozmetov D., Kiiko D., Gilmanov R. Humans and Robots: Transformations of Professional Communication in Digital Era / В сборнике: Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS). – IEEE, 2025. – С. 144–148.

УДК 368.1

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРА СТРАХОВАНИЯ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН

А. С. Максимовская
студент Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
Научный руководитель:
Ж. Н. Бородина
заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Правовое регулирование страховой деятельности достаточно актуальная тема на сегодняшний день. Рост экономической нестабильности, природных и техногенных катастроф, других рисков, которые связаны с жизнедеятельностью граждан, требует защиты имущественных интересов для обеспечения финансовой стабильности. Страхование является важным инструментом для развития определенных условий, наряду с эффективной нормативно-правовой базой и надлежащим государственным надзором в данной сфере. В статье дается обзор правового регулирования договора страхования жилого помещения для обеспечения экономической безопасности граждан, поскольку страховой рынок России достаточно молодой по сравнению с другими странами, что обуславливает актуальность данной темы.

Ключевые слова: правовое регулирование страховой деятельности; защита имущественных интересов; система страхового законодательства; страхование жилого помещения; имущественный интерес.

Сегодня в мире опасность природных катастроф, техногенных аварий и преступных посягательств становятся все более ощутимыми, и страхование имущества становится важной составляющей для обеспечения экономической безопасности граждан. Суть страхования имущества заключается в «защите имущественных интересов физических и юридических лиц посредством возмещения убытков, нанесенных при определенных страховых случаях, за счет средств из страхового фонда, который формируется из уплаченных страхователями страховых взносов» (ст. 2 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»). Страхование жилого помещения оказывает поддержку гражданам в снижении финансовых рисков, связанных с вероятными потерями. В условиях неустойчивой экономики, когда неожиданные расходы могут оказать

значительное влияние на бюджет семьи, это становится особенно актуальным.

При страховании имущества объектом страхования выступает имущественный интерес, связанный с риском утраты (гибели), недостачи или повреждения имущества, принадлежащего страхователю (выгодоприобретателю) на основании закона, иного правового акта или сделки**.** Страхование обеспечивает создание экономических условий и гарантий для возмещения убытков, связанных с повреждением или гибелью имущества, вследствие наступления неблагоприятных обстоятельств (страховых случаев) (ст. 929 Гражданского кодекса Российской Федерации и ч. 4 ст. 4 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»).

Нормы, установленные законодательством, способствуют обеспечению справедливости и надежности страховой деятельности, способствует развитию страхового рынка в целом: стимулирует рынок страховых услуг, повышает конкуренцию среди страховщиков (улучшается качество услуг, снижаются цены на страхование), и делает его более доступным для граждан.

В настоящее время страхование жилья в России является преимущественно добровольным. Не все граждане понимают необходимость страховой защиты и не спешат заключать договоры страхования. Кроме того, многие понимают не в полной мере условия договора страхования, свои права и обязанности, что приводит к недоразумениям и спорам со страховыми компаниями. Возникает необходимость в проведении информационных кампаний, разъясняющих сложные юридические термины простым и понятным языком, а также предоставлении консультаций по вопросам страхования. Законодательством включены меры по информированию граждан о важности страхования и его преимуществах для повышения уровня финансовой грамотности и сознательности среди населения, что в конечном итоге способствует экономической безопасности.

Правовое регулирование договора страхования жилого помещения призывает, в первую очередь, защитить права страхователя. Для этого целесообразно разработать нормы к содержанию договора страхования для того, чтобы страхователь понимал, от каких рисков он защищен и на какую компенсацию может рассчитывать. Также гарантировать ответственность за недобросовестное исполнение обязательств, как со стороны страховщиков, так и со стороны страхователей.

На экономическую безопасность граждан напрямую влияет действенное правовое регулирование договора страхования жилого помещения, поскольку гарантирует компенсацию убытков, связанных с повреждением или потерей жилья, обеспечивает средства для ремонта или восстановления жилья после наступления страхового случая [2].

Но правовое регулирование договора страхования жилого помещения также должно совершенствоваться и адаптироваться к новым условиям. Так, появились новые виды рисков, связанные с кибербезопасностью и использованием «умных» устройств в жилых помещениях, поэтому нужно разрабатывать соответствующие правовые нормы, которые бы учитывали эти риски [1, с. 377].

Особое внимание следует уделять защите прав социально незащищенных категорий граждан, поскольку страхование жилого помещения является частью системы социальной защиты. Поскольку они часто не имеют достаточных средств для самостоятельного восстановления жилья после наступления страхового случая, страхование жилья для них может быть особенно важным [3, с. 5]. Необходимо, чтобы страхование стало доступным по цене (например, возможность предоставления государственных субсидий на страхование жилья для малоимущих граждан). Тогда, в случае утраты жилья или его повреждения, граждане смогут рассчитывать на помощь со стороны страховых компаний, что значительно снизит нагрузку на государственные социальные программы.

Наконец, важно обеспечить эффективный контроль за деятельностью страховых компаний. Необходимо регулярно проводить проверки, выявлять нарушения и применять соответствующие санкции [5, с. 104]. Это станет гарантией того, что страховые компании выполняют свои обязательства перед страхователями.

Таким образом, правовое регулирование договора страхования жилого помещения должно в комплексе охватывать все аспекты страховых отношений и быть направленным на обеспечение максимальной защиты прав и интересов граждан. Оно должно стать надежным инструментом в обеспечении экономической безопасности и стабильности современного общества.

Результативность правового регулирования страхования жилья напрямую зависит от его эффективной гармонизации с другими отраслями права. Например, нормы жилищного законодательства, определяющие права и обязанности собственников жилья, должны быть согласованы с нормами страхового права во избежание противоречий и непониманий. Следует внести изменения в Жилищный кодекс Российской Федерации и Гражданский кодекс Российской Федерации, а также в Закон Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1, чтобы устранить конфликты и разногласия в регулировании вопросов страхования жилья.

Особую роль играет взаимодействие страхового законодательства с законодательством о чрезвычайных ситуациях. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» определяет основные принципы и задачи в области защиты от ЧС, а также закрепляет полномочия органов власти и обязанности организаций и

граждан. Необходимо, чтобы страховые компании в обязательном порядке участвовали в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, оказывали финансовую поддержку пострадавшим, помогали в восстановлении жилья.

В ключе цифровизации экономики, нужно развивать электронные формы страхования жилья, чтобы упростить и адаптировать процесс заключения договора страхования, обеспечивая при этом, конфиденциальность персональных данных страхователей [6, с. 113].

Следует обратиться и к международному опыту в сфере страхования жилья. Изучение зарубежного опыта, с учетом национальной культуры, поможет в совершенствовании российского законодательства и повышении эффективности страховой защиты.

Еще одним важным направлением является развитие страхования жилья от террористических актов. Здесь нужны новые правовые нормы, которые бы четко определяли условия страхования от террористических актов. Возможно, стоит рассмотреть создание государственного фонда страхования от террористических актов, который бы обеспечивал страховую защиту в случае масштабных террористических атак [4].

Важно также уделить внимание вопросам страхования жилья, находящегося в ипотеке. Так, в основном, банки требуют от заемщиков страховать жилье, находящееся в ипотеке. Однако условия страхования не всегда выгодны для заемщиков. Необходимо разработать правовые нормы, которые бы защищали права заемщиков при страховании жилья, находящегося в ипотеке. Например, предоставить заемщикам право выбора страховой компании, а также установить требования к содержанию договора страхования, чтобы он был понятным и прозрачным.

Наконец, важно обеспечить доступность страховых услуг для жителей сельской местности и отдаленных регионов. К сожалению, там страховые услуги менее доступны. Нужны специальные программы страхования, которые бы учитывали особенности сельской местности и отдаленных регионов, предоставляли льготы для этих жителей. Кстати здесь нужно рассмотреть возможность использования цифровых технологий для расширения доступа к страховым услугам в сельской местности и отдаленных регионах.

Итак, правовое регулирование договора страхования жилого помещения – это сложная и многогранная задача, требующая комплексного подхода и постоянного совершенствования. Необходимо учитывать все аспекты страховых отношений, а также сотрудничать с другими отраслями права, учитывая международный опыт. Тогда страхование станет заслуживающим доверия надежным инструментом в обеспечении экономической безопасности граждан. Важно помнить, что страхование – это не просто финансовый рычаг, а важный элемент социальной защиты и гарантия стабильности в современном мире.

Список использованных источников:

1. Ермаков С.А., Гусарева Ю.А, Болгов А.А., Кострова В.Н. Повышение защищенности автоматизированной системы «Умный дом»: алгоритм оценки рисков нарушения конфиденциальности информации // Информация и безопасность. – 2022. – Вып. 3. – С. 377–388.

2. Разъяснения Минфина России «О страховании жилых помещений, принадлежащих гражданам». – 2025. – URL: https://legalacts.ru/doc/razjasnenija-minfina-rossii-o-strakhovanii-zhilykh-pomeshchenii-prinadlezhashchikh-grazhdanam/?ysclid=majrg8gsjk828694954 (дата обращения: 29.04.2025).

3. Соловых С.Ж. Реализация права на жилищное обеспечение лиц из категории социально незащищенных граждан // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – С. 114–130.

4. Страхование террористических рисков. – 2025. – URL: https://chubb-insurance.ru/korporativnym-klientam/strahovanie-terroristicheskih-riskov/ (дата обращения: 10.05.2025).

5. Юргенс И.Ю., Ничипорук Н.Д. Регулирование страховой деятельности в России // Ж-л Бизнес. Общество. Власть. – 2017. – № 1 (26). – С. 96–109.

6. Цыганов А.А., Брызгалов Д.В. Цифровизация страхового рынка: задачи, проблемы и перспективы // Экономика. Налоги, Право. – 2018. – Т. 11, № 2. – С. 111–120.

УДК 343; 342

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С ВОВЛЕЧЕНИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНЫЕ ДЕЯНИЯ

А. И. Муртазина
ведущий специалист отдела общего и особого делопроизводства прокуратуры Республики Татарстан, магистрант Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
Э. М. Гильманов
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)

Аннотация. Статья посвящена анализу международного опыта профилактики вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность. Авторами рассматриваются подходы, применяемые в США, Великобритании, Германии, Японии и Скандинавских странах. Особое внимание уделяется комплексному сочетанию профилактики, реабилитации и вовлечения местных сообществ. Исследование подчеркивает, что эффективность мер зависит от адаптации к культурным и правовым особенностям стран, а снижение уровня подростковой преступности требует координации усилий государства, общественных организаций и семей. Общий вывод статьи указывает на необходимость многоуровневого подхода, объединяющего правовые, социальные и воспитательные инструменты для формирования устойчивой защиты несовершеннолетних от криминогенных влияний.

Ключевые слова: несовершеннолетний; вовлечение несовершеннолетних в общественно-опасные деяния; зарубежное законодательство; профилактика.

Во многих странах мира уделяется значительное внимание профилактике вовлечения несовершеннолетних в преступность и совершение правонарушений. Вовлечение несовершеннолетних в общественно-опасные деяния – участие в преступных группировках до экстремальных онлайн-челленджей – остается актуальной проблемой во многих странах.

Термин «вовлечение несовершеннолетних в общественно-опасные деяния» имеет международное значение и трактуется схожим образом практически со всеми странами мира. В Российской Федерации данный термин можно обозначить как процесс привлечения лиц, не достигших возраста совершеннолетия, к совершению действий, представляющих угрозу общественному порядку и безопасности. Несмотря на возможные различия формулировок, суть явления заключается в действиях взрослых лиц либо иных субъектов, направленных на склонение несовершеннолетнего к совершению преступления [1, с. 152] или другого правонарушения, представляющего угрозу обществу или правопорядку [2, с. 793]. Причинами вовлечения

несовершеннолетних в подобные действия разнообразны и в основном зависят от множества факторов, таких как семейные обстоятельства, влияние сверстников, доступность алкоголя и наркотиков, отсутствия занятости и интереса к учебе [3, с. 183].

Подростки, в силу возрастных особенностей, часто становятся жертвами манипуляций со стороны взрослых, организованных групп или даже террористических организаций. Мировой опыт демонстрирует, что эффективная борьба этим явлением требует комплексного подхода, сочетающего правовые меры, профилактику, социальную поддержку и реабилитацию. Рассмотрим ключевые стратегии, применяемые в разных странах.

1. Соединенные Штаты Америки.

В США проблема вовлечения подростков в преступность, особенно в контексте уличных банд и киберпреступлений, решается через сочетание законодательных и социальных инструментов.

А) Программы ранней профилактики.

Штаты активно внедряют школьные инициативы, такие как G.R.E.A.T. (Gang Resistance Eduction And Training), направленные на информирование подростков о рисках участия в бандах. Исследования показывают, что участники G.R.E.A.T. реже проявляют агрессию, демонстрируют более высокий уровень эмпатии и лучше адаптируются в школе [4].

Также хотелось бы отметить, что существует такая программа, как Big Brothers Big Sisters (дословно звучит как “Старшие братья – старшие сестры»). Ее миссия – предоставить детям из неблагополучных семей или в сложных жизненных ситуациях наставника («старшего брата или «старшую сестру»), который становится для них ролевой моделью. Исследования показали, что подростки реже начинают употреблять наркотики, реже употребляют алкоголь, также улучшают успеваемость в школе [5].

Б) Строгая ответственность для взрослых: По законам многих штатов, вовлечение несовершеннолетнего в преступление карается тюремным сроком на срок до 10 лет. Например, в штате Калифорния действует закон, который удваивает наказание для взрослых, использующих детей и подростков в наркоторговле.

В) Работа с семьями: Социальные службы выявляют семьи, находящиеся в группе риска, и предлагают им поддержку, включая психологическую помощь и трудоустройству родителей.

2. Великобритания.

Великобритания активно применяет профилактические меры, направленные на раннее выявление детей и подростков, находящихся в группе риска. Одним из ключевых инструментов является программа Early Intervention, которая преполагает сотрудничество различных государственных органов, включая полицию, социальные службы и образовательные учреждения. Эта программа позволяет своевременно выявлять проблемы и оказывать необходимую помощь детям и семьям.

Кроме того, в Великобритании широко используются программы наставничества, такие, как Mentoring Plus, где взрослые добровольцы помогают подросткам развивать жизненные навыки и избегать криминальных ситуаций [6]. Использование данных стратегий зависит от ситуаций, но обе направлены на создание условий позитивных для изменений в жизни подростков.

3. Германия.

Немецкая система превентивных мероприятий направлена на раннюю диагностику проблемных ситуаций в семьях и поддержку семей с детьми из групп риска. Важную роль играют специализированные службы сопровождения семей и школы, предоставляющие консультации психологов и педагогов. К примеру, программа «Jugend starken» направлена на поддержку молодых людей, находящихся в сложных жизненных ситуациях [7]. Она помогает преодолеть социальные, образовательные и профессиональные барьеры, предотвращая маргинализацию несовершеннолетних. Благодаря данной программе, происходит снижение уровня безработицы среди несовершеннолетних, укрепление социальной сплоченности в обществе и уменьшение числа преступлений.

4. Япония.

В Японии одним из ключевых моментов предотвращения преступности среди молодежи является воспитание уважения к традициям и моральным нормам общества. Особое внимание придается школьному воспитанию и контролю со стороны семьи. Примечательно, что японская школа включает обязательные занятия по этике и нравственности, направленные на формирование высокой ответственности перед обществом.

Для предотвращения вовлечения несовершеннолетних в преступность правительство Японии предпринимает следующие шаги:

– повышение осведомленности населения о рисках раннего участия в криминальных группах.

– организация специализированных центров помощи детям, попавших в трудную жизненную ситуацию.

– усиление роли школ и общественных организаций в воспитании и обучении подрастающего поколения.

– проведение регулярных кампаний по борьбе с организованной преступностью, особенно связанной с молодежными бандами [8].

Несмотря на относительный низкий уровень детской преступности, японские власти продолжают уделять внимание вопросам предупреждения вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, осознавая долгосрочные социальные риски и необходимость комплексного подхода к решению проблемы. Ярким примером здесь служит воспитание негативного отношения общества к крупным татуировкам на теле (один из признаков принадлежности к якудза – японской мафии), в результате чего молодые люди стали отрицательно относится к несению татуировок на свои тела; те же, у ого

есть татуировки – стараются их «свести» или прикрывают одеждой или тканями.

5. Скандинавские страны (Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия и Исландия)

Скандинавские страны известны своим либеральным подходом к правам человека и высокой степенью заботы о благополучии детей. Однако это не означает отсутствия проблем с вовлечением несовершеннолетних в совершение общественно-опасных деяний.

Каждая страна региона имеет собственное законодательство, регулирующее ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность. Общий принцип состоит в стремлении защитить детей от негативного влияния взрослых и обеспечить условия для их нормального развития.

Например, в Швеции действует Закон о мерах защиты детей (Barnomsorgsskyddslagen), согласно которому любое воздействие на ребенка, приводящее к нарушению его благополучия, считается незаконным [9]. Аналогичные нормы содержатся в нормах Дании и Норвегии. Хотя количество зарегистрированных случаев вовлечения несовершеннолетних в преступления сравнительно невелико, государство продолжает усиливать контроль и улучшать механизмы защиты детей.

Аналогичные меры воздействия на несовершеннолетних применяются также в ряде стран, входящих в БРИКС [10, с. 39]. Таким образом, анализ зарубежного опыта позволяет выделить общие черты успешных стратегий:

1. Профилактика через образование и социальную поддержку.

2. Реабилитация вместо карательных мер в отношении самих несовершеннолетних. (Заметим, что в российской уголовно-исполнительной традиции также стараются при совершении преступлений небольшой или средней тяжести несовершеннолетним впервые, применять принудительные меры воспитательного воздействия, либо наказания, не связанные с лишением или ограничением свободы [11, с. 78]).

3. Вовлечение местных сообществ в работу с молодежью.

Однако каждая из указанных стран адаптирует эти подходы с учетом культурных и правовых особенностей. Эффективная профилактика вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений требует комплексного подхода, объединяющего усилия различных государственных структур, общественных организаций и самих семей. Такие меры способствуют формированию устойчивого иммунитета молодых людей против криминогенных факторов, и позволяют снизить уровень подростковой преступности.

Список использованных источников:

1. Гильманов Э.М. История развития ответственности несовершеннолетних в российском уголовном праве // Марийский юридический вестник. – 2007. – № 5. – С. 149–153.

2. Гильманов Э.М. Противодействие противоправным и опасным формам поведения несовершеннолетних / В сборнике: Достижения, проблемы и перспективы развития нефтегазовой отрасли. Материалы Междунар. научно-практич. конф. – Альметьевск: Альметьевский гос. нефтяной ин-т, 2018. – С. 792–795.

3. Гильманов Э.М. Диггерство и сталкерство как формы противоправного и опасного поведения несовершеннолетних / В сборнике: Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики. Сборник материалов Междунар. научно-практич. конф. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2018. – С. 180–185.

4. Child Protection in Digital Space. – Нью-Йорк: UNICEF Publications. – URL: https://www.unicef.org/media/134121/file/Child%20Protection%20in%20Digital%20Education%20Policy%20Brief.pdf (дата обращения: 12.05.2025).

5. McDonald, L., & Moore, M. H. (2018). Preventing Crime in America. – Cambridge University Press. – URL: https://www.cambridge.org/core/books/crime-drop-in-america/D93DB5118AA61DB1ED51F73CC6391C85 (дата обращения: 12.05.2025).

6. Britain's Youth Justice System: An Overview. – London: Routledge, 2017. – 132 p.

7. Головненков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия: Научно-практический комментарий и перевод текста закона. – Потсдам: Издательство Университета Потсдама, 2021. – 492 с.

8. Japanese Educational Reforms and Their Impact on Juvenile Crime Rates. – Asian Journal of Criminology. – Vol. 13, Issue 3 (Sep 2018). – P. 253–269.

9. Healy A.E. Identifying victims of human trafficking across the island of reland: Who counts? Who’s counting? Who wants to be counted? // Criminology & Criminal Justice. – 2024. – URL: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/17488958241252955 (дата обращения: 12.05.2025).

10. Бикеев И.И., Клемин А.В., Гончарова Н.Н., Латыпова Э.Ю. Правовой потенциал БРИКС / БРИКС: российский взгляд: пролегомены в научное исследование феномена БРИКС / А.В. Тимирясова, И.Е. Дискин, И.И. Бикеев [и др.]. – Казань: Изд-во «Познание», 2024. – 224 с.

11. Гильманов Э.М., Гильманов Р.Э. О мошенничестве в сфере охраны объектов культурного наследия / В сборнике: Образование, воспитание и право в контексте глобальных вызовов. Сборник материалов Междунар. научно-практич. конф. Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. – Чебоксары: Чуваш. гос. ун-та, 2023. – С. 209–213.

УДК 343.915

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Р. Р. Нигманов
магистрант Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
Н. М. Ибрагимова
заведующий кафедрой профессиональной деятельности юриста Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Современное общество, характеризующееся стремительной цифровизацией всех сфер жизнедеятельности, выдвигает на передний план проблему криминогенного воздействия информационной среды на наиболее уязвимую категорию населения – несовершеннолетних. В данной работе предпринимается попытка всестороннего осмысления феномена мошенничества в отношении детей и подростков, рассматриваемого не только как правонарушение, но и как социокультурный маркер трансформации повседневных рисков. Особое внимание уделено анализу интенций и модальностей цифровых мошеннических практик, опирающихся на механизмы социальной инженерии, эмоционально-психологической манипуляции и использования инфраструктуры виртуальных коммуникационных сред. Обосновывается необходимость перехода от фрагментарных защитных мер к системному профилактическому подходу, предполагающему междисциплинарное взаимодействие юридических, педагогических, технологических и социологических инструментов. В заключении обосновывается тезис о том, что эффективное предупреждение подобных угроз возможно лишь при формировании устойчивой культуры цифровой безопасности, начиная с раннего возраста.

Ключевые слова: мошенничество; несовершеннолетние; цифровая безопасность; профилактика; киберугрозы; социальная инженерия; правовая защита; цифровая грамотность; онлайн-риски; защита детей.

В эпоху повсеместной цифровизации, когда информационные технологии проникают не только в экономические, политические и образовательные структуры [1], но и в самые интимные слои повседневного опыта, вопрос защиты несовершеннолетних от преступных посягательств приобретает не просто правовое или педагогическое значение, но становится предметом этико-антропологического и культурно-философского осмысления. Мошенничество, направленное против детей и подростков, в этой связи представляется не столько классическим преступлением в узком юридическом смысле, сколько симптомом более глубоких трансформаций

социальной среды, в которой границы между реальным и виртуальным, личным и публичным, безопасным и опасным стремительно размываются.

Современные проявления мошенничества, особенно направленные на несовершеннолетнюю аудиторию, приобретают сложносоставной, междисциплинарный характер, вбирая в себя черты технологической преступности [2, с. 84], коммуникативной манипуляции и тонко выстроенного психологического давления [3, с. 47]. Подобные воздействия, как правило, маскируются под элементы игрового сценария [4, с. 8], развлекательного контента или имитированной социальной близости, что позволяет злоумышленнику снижать критическое восприятие происходящего со стороны ребёнка [5, с. 294]. В силу незавершённости процессов личностной и когнитивной зрелости, подростки демонстрируют высокую чувствительность к семиотически заряженным стимулам – будь то визуальные образы, речевые конструкции или интерактивные элементы, встроенные в привычные им цифровые каналы: от социальных сетей до мультипользовательских платформ и мессенджеров [6].

При этом специфика воздействия на ребёнка или подростка отличается от воздействия на взрослого – не только из-за когнитивной незрелости и ограниченного жизненного опыта, но и вследствие особенности цифрового мышления, формирующегося в условиях непрерывной гиперстимуляции, клипового восприятия и фрагментарности логических связей. Таким образом, мошенничество приобретает черты симулякра доверия, псевдоаутентичного взаимодействия, в рамках которого ребёнок не осознаёт факт угрозы, а нередко – и самого присутствия манипулятора [6].

Социальная инженерия, трактуемая как искусство эксплуатации человеческой доверчивости, в цифровом контексте становится основным инструментом, через который совершается большинство мошеннических действий в отношении несовершеннолетних. Особенно актуальны сценарии, при которых злоумышленник, представляясь авторитетной фигурой (учителем, сверстником, блогером, модератором), инициирует контакт с целью получения доступа к личным данным, финансовым ресурсам родителей или вовлечения ребёнка в схему деструктивного поведения. Нередко несовершеннолетние, находясь под давлением мошенников, совершают необдуманные действия с негативными экономическими последствиями, итогом которых может быть даже самоубийство несовершеннолетнего [7, с. 333] с целью ложно понятой возможности избежать ответственности за совершенны деяния, или нежелания огорчать родителей и иных родственников. В некоторых случаях такому решению способствует чрезмерно строгое воспитание [8, с. 91] или завышенные требования со стороны родителей.

В ряде случаев используется комплексный подход: сначала формируется «аура доверия», затем – постепенное вовлечение в обмен информацией или в симуляцию игрового взаимодействия, завершением которого становится кража данных, принуждение к действиям правонарушающего характера или

шантаж. Такие схемы, как показывает криминологическая практика, нередко остаются нераспознанными не только самими детьми, но и их родителями, а также педагогами, что свидетельствует о необходимости выработки новых алгоритмов диагностики и вмешательства.

Несмотря на наличие нормативно-правовых основ, регламентирующих ответственность за мошенничество (включая положения Уголовного кодекса и законодательство о защите персональных данных [9, с. 38]), в большинстве случаев правовая система оказывается не вполне адаптированной к динамике цифровой преступности. Специфика взаимодействия несовершеннолетнего с цифровой средой требует институциональной переориентации: от реактивной модели, ориентированной на наказание постфактум, – к превентивной парадигме, в которой ключевым становится предупреждение и раннее выявление рисков.

Особую сложность представляет собой трансграничный характер цифрового мошенничества, при котором преступник может находиться вне юрисдикции страны жертвы [10, с. 378]. Это делает необходимым развитие международного сотрудничества, создание цифровых следственных альянсов и внедрение механизмов быстрой юридической реакции (в том числе – алгоритмически поддерживаемых, с использованием искусственного интеллекта и машинного обучения для мониторинга подозрительных активностей) [11, с. 794].

Системная профилактика мошенничества в отношении несовершеннолетних невозможна без глубокого переосмысления роли образования в формировании цифровой субъектности [12, с. 60]. Школа, как институт первичной социализации, должна выполнять не только обучающую, но и защитную функцию – не в плане формального информирования, а в контексте формирования критического мышления, устойчивости к манипуляциям и понимания механизмов цифровой безопасности.

Целесообразно внедрение модулей по медиабезопасности, цифровой гигиене и правовому самоосознанию в школьные программы, начиная с младших классов. Параллельно необходима работа с родителями, которые зачастую либо переоценивают способности своих детей к самостоятельной навигации в цифровой среде, либо полностью абстрагируются от контроля и сопровождения.

Важным элементом должна стать и межведомственная координация – между школами, правоохранительными органами, IT-компаниями, психологическими службами. Такой подход позволяет создавать экосистему цифровой безопасности, в которой профилактика становится не эпизодическим действием, а устойчивым процессом.

Мошенничество в отношении несовершеннолетних – не просто криминологическая проблема, а симптом кризиса цифрового взросления, в котором новые технологии опережают институциональные и этические формы их осмысления. Эффективное предупреждение подобных угроз возможно лишь при переходе к междисциплинарной модели анализа и

реагирования, сочетающей правовую чёткость, педагогическую чувствительность и технологическую проактивность. Формирование у детей культуры цифровой осмотрительности, подкреплённой институциональной готовностью к защите, становится неотъемлемой частью современного гуманистического проекта, в котором защита детства вновь оказывается центральной категорией.

Список использованных источников:

1. Latypova E.Yu., Nechaeva E.V., Gilmanov E.M., Aleksandrova N.V. Infringements on Digital Information: Modern State of the Problem. – URL: https//www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abc/2019/03/shsconf_pedtp2018_10004.html (дата обращения: 10.05.2025)

2. Нечаева Е.В., Латыпова Э.Ю., Гильманов Э.М. Посягательства на цифровую информацию: современное состояние проблемы // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27. № 1. – С. 80–86.

3. Котова И.В. Компьютерные игры с элементами насилия как источник посылов к агрессии у несовершеннолетних // Вестник психологии и педагогики. – 2020. – № 3. – С. 45–50.

4. Абрарова Ч.Х., Латыпова Э.Ю. Вовлечение несовершеннолетних в азартные игры и противодействие этому явлению / В сборнике: Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики. Сборник материалов Междунар. научно-практич. конф. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2018. – С. 8–12.

5. Гильманов Т.Э., Гордеев М.А. Мошенничество в сфере компьютерных игр: постановка проблемы / В сборнике: Казанские научные чтения студентов и аспирантов имени В.Г. Тимирясова // Материалы XII Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, 16.12.2022. – Т. 3. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2023. – С. 293–295.

6. Сычева А.В. К вопросу о некоторых способах совершения мошенничеств в сети интернет в современных условиях // Символ науки. – 2022. – №3-2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nekotoryh-sposobah-sovershеniya-moshennichestv-v-seti-internet-v-sovremennyh-usloviyah (дата обращения: 10.05.2025).

7. Латыпова Э.Ю. Доведение до самоубийства несовершеннолетнего как угроза демографической безопасности России / В сборнике: Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики. Сборник материалов Междунар. научно-практич. конф. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2018. – С. 329–335.

8. Гончарова Н.Н. Нетерпимость к жестокому обращению с ребенком, или традиционны ценности / В сборнике: Семья и традиционные семейные ценности как духовно-нравственная основа развития общества и государства.

Сборник материалов Междунар. научно-практич. конференции. – Чебоксары: Чувашский гос. ун-т имени И.Н. Ульянова, 2024. – С. 89–95.

9. Латыпова Э.Ю. Некоторые аспекты уголовной ответственности за деяния, посягающие на неприкосновенность частной жизни // Oeconomia et Jus. – 2019. – С. 35–45.

10. Гончарова Н.Н., Латыпова Э.Ю., Гончаров Н.А. Проблемы проведения уголовно-процессуальных действий с участием иностранных граждан, на российской территории, а также в зданиях посольств и консульств России // Проблемы в российском законодательстве. – 2021. –Т. 14. – № 4. – С. 366–372.

11. Гильманов Э.М. Противодействие противоправным и опасным формам поведения несовершеннолетних / В сборнике: Достижения, проблемы и перспективы развития нефтегазовой отрасли. Материалы Междунар. научно-практич. конф. – Альметьевск: Альметьевский гос. нефтяной ин-т, 2018. – С. 792–795.

12. Гончарова Н.Н., Борознова Е.М. Домашнее насилие в отношении несовершеннолетних в цифровую эпоху / В сборнике: Цифровые технологии и право. Сборник научных трудов II Междунар. научно-практич. конф.: в 6 тт. Под ред. И.Р. Бегишева. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2023. – С. 58–71.

УДК 343.34

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

И. П. Нухратов
магистрант Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
Э. М. Гильманов
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)

Аннотация. Несомненно, сами по себе цифровые технологии имеют как преимущества, так и недостатки. Они рождают угрозу для общества и всего человечества одновременно. Повсеместное применение искусственного интеллекта, не должно создавать угроз для национальной безопасности.

Абсолютной системы защиты национальной безопасности сегодня нет. Поэтому изо дня в день можно совершенствовать уже имеющиеся информационные технологии, так как мошенники не дремлют и тоже идут в ногу со временем. Нет универсального метода, который дает всем без исключения странам полноценную гарантию национальной безопасности. Тем не менее, государство в этом отношении, может обеспечить безопасность критически важных объектов, противодействие мошенничеству, сохранение облачной безопасности, защиту данных граждан и др.

Ключевые слова: информация; информационная безопасность; кибернетическое пространство; развитие общества; молодое поколение.

К кардинальным преобразованиям, которые затрагивают разные области социальной жизнедеятельности граждан, в том числе и обеспечение безопасности людей, политики, связанной с обеспечением обороны, привели процессы всемирной цифровизации и глобализации общественной жизни. Понятно, что современные информационно-коммуникативные технологии активно внедряются во все сферы жизнедеятельности человека.

Роль информации в современном социуме сложно переоценить [1]. С самого дошкольного возраста человек приобщается использовать социальные сети в своей жизни. С переходом в образовательные организации данные процессы еще более углубляются.

Определение цифровизация сегодня рассматривается не только на уровне нации, эта дефиниция является международным термином. Цифровые технологии вбирают в себя всё и вся.

К сожалению, наряду со множеством преимуществ, цифровые технологии имеют и минусы. Прежде всего, это касается активного

проникновения физических лиц, не имеющих на это права, в киберпространство.

Такое вхождение рассматривается в качестве криминального и запрещенного действия. Опасность описываемого вторжения в киберпространство состоит в том, что в данном случае стираются рамки, которые имеют место быть между преступностью, миром терроризма и войной.

Цифровые технологии, распространяясь по всему миру, увеличивают риск пересечения личного пространства человека. Его данные персонального характера могут стать достоянием других лиц, которые полученной информацией могут воспользоваться в преступных целях [2, с. 39]. Это касается столь распространенных на сегодняшний день мошеннических операций. Здесь цифровые технологии также не остаются в стороне.

Распространять, применять в целях обогащения личные и персональные данные других лиц запрещено. Важно отметить, что данный запрет обеспечен Конституцией страны.

Сейчас правительству и органам министерства внутренних дел все сложнее обеспечивать гарантии сохранности личных данных физических и юридических лиц [3, с. 146]. Все это приводит на практике к появлению проблем серьезного уровня.

В настоящее время информационный фактор оказывает огромное воздействие на обеспечение национальной безопасности государства. Указанное воздействие в трудах многих правоведов изучается посредством противоречий современной жизни граждан.

В жизни социума информационный фактор всегда имел место быть. При этом его потенциал воздействия и объемы были совсем иными, не такими как мы наблюдаем в двадцать первом веке.

Сейчас правоведы совсем иначе рассматривают такие определения, как информационное оружие и война информационных технологий. Война по своей природе может не выходить за грани цивилизации [4, с. 168].

В этом состоит ее основная идея – не применение запрещенных мероприятий на зоне конкурента, а более грамотное ослабление его сил, разрушение его управленческо-информационной системы. Информация, рассматривается сегодня как малая единица, ценные сведения, материалы; это данные, которые несут в себе некую ценность. Благодаря информации общество движется вперед, развивается, совершенствуется.

Если рассматривать определение информации со стороны нормативно-правовых источников, то в данном случае необходимо обратиться к источникам законодательства от 2006 года. В России есть закон, который касается применения и развития информационных технологий в стране. В содержании закона дается пояснение определению информации, охрана информации, обеспечение информационной безопасности и др. [5, с. 78].

Информация – это всегда общие данные, здесь не играет роли сама форма их представления. Соответственно, мы можем говорить о том, что

информация может быть представлена как в письменной, устной, так и электронной и иной форме.

История развития информационных технологий непростая, и по-своему сложная. В ней можно выделить ряд этапов. Из года в год роль информации в жизни социума крепнет и все более выдвигается на первый план в деятельности человека.

От определения информация образуются в настоящее время множество иных более мелких понятий и определений. Наиболее известным среди рассматриваемых, по мнению ряда авторов, выступает термин информационные технологии.

Информационные технологии нашли повсеместное применение в жизни каждого человека. Сейчас информационные технологии внедрены без исключения во все области производства. Благодаря информационным технологиям в разы возрастает скорость принятия решений управленческого содержания. Повышается из дня в день технологичность координационных процессов и, между тем, мы можем проследить воздействие данных технологий на национальную безопасность Российской Федерации [6, с. 370].

Информационная безопасность сегодня – актуальная проблема, а точнее, её обеспечение на практике. Под национальной безопасностью мы понимаем охрану или уровень защищенности интересов нации в имеющейся информационной среде. Получается, что национальная безопасность и информационная среда на практике должны поддерживать между собой некий здоровый баланс, равновесие и здоровое соотношение.

Национальные интересы государства обязательно должны быть защищены в информационной среде. Баланс в связи с этим должен наблюдаться между самим обществом, ее гражданами и государством в целом. Получается, что данные процессы очень объемны и масштабны. Они вбирают в себя массу компонентов и элементов социальной, экономической, политической жизнедеятельности.

Ни для кого не секрет, что сегодня в области обеспечения информационной безопасности имеется большое количество угроз, факторов риска и негативно воздействующих аспектов. Ряд ученых выделяют среди них следующие:

– кибернетический шпионаж;

– кибернетические атаки;

– противодействия информационного характера;

– информационные войны и др.

Все без исключения перечисленные угрозы рождают на практике разные последствия, в единстве все они могут нанести нашему государству непоправимый урон [7, с. 195].

Печально осознавать тот факт, что пострадать может и суверенитет государства. К сожалению, опасность здесь состоит в том, что все угрозы предвидеть и предотвратить невозможно. Это связано с тем, что часть из них,

как правило, носит чисто гипотетический характер. То есть мы можем их только предположить, представить, но не увидеть.

Между тем велико воздействие и угроз, которые оцениваются в качестве реальных и традиционных. Как видно по изложенному материалу, угроз сегодня достаточно, они атакуют граждан со всех сторон. При этом, все же, наиболее опасной для человека в современном обществе выступает угроза воздействия на массовое сознание отдельных лиц.

Воздействие на жителей России может осуществляться самыми разными способами, формами и методами. Это технологии социально-психологического содержания, они ориентированы на то, чтобы раздробить ядро единства в государстве, его патриотический дух, целостность культуры; в качестве целей может рассматриваться и идея разрушения культурной уникальности единства нации и народа.

Нет ничего страшнее потери своей истории и памяти, именно такую угрозу и несет в себе информационная война. В конце концов, окончательная ее цель – это смена режима власти.

Наиболее поддающейся воздействию со стороны иностранных агентов [8, с. 615] в современном обществе рассматривается молодежное сообщество. Дети не всегда знают подлинных фактов истории, у них отсутствует необходимый опыт, багаж знаний, навыков и умений, они доверчивы, легко идут за харизматичными личностями, либо принимают на веру фейковую информацию [9, с. 149].

Часто подростки, как показывают исследования, не могут самостоятельно в реальности отличить подлинную информацию от ложных сведений. Поэтому в работе с молодежью на первый план выдвигается технология информационного противоборства [10, с. 213]. Это мощное информационное оружие в руках многих людей, которые действуют вопреки предписаниям законодателя.

Сейчас определение «информационное противоборство» употребляется во всех официальных источниках. Конечно, все видят в этом термине огромное разрушающее и негативно воздействующее влияние. Воздействие оказывается на саму информацию, ее комплексы, а в единстве – и на всю информационную инфраструктуру страны.

Каждая информационная война имеет свой итог – это получение определенного превосходства над своим конкурентом и противником. Достичь такую цель не просто, поэтому в ход идут самые разные методы, приемы, средства и форма работы:

– создание видимости массовости взглядов;
– изменение фактов;
– создание информационного шума;
– скрывание сведений;
– перестановка определений значений понятий;
– неграмотное освещение происходящих событий и др. [11, с. 8].

В качестве задач информационного противоборства рассматривается воздействие на группу и систему муниципального и государственного управления. Всего этого можно достичь только посредством совершения определенных информационных действий на практике.

Управленческая область с самых давних времен была самой неспокойной областью. Здесь неоднократно предпринимались попытки подорвать приемы борьбы. В поле противоборства сталкиваются участники, которые имеют самые разные потребности и интересы на международной арене. Это воюющие между собой республики, страны, государства, крупные сообщества разной формы. Также активному распространению информации в современном обществе содействуют средства массовой информации.

Средства массовой информации рассматриваются в обществе как свободные политические институты. Ряд философов пишут, что, чем больше идем мы к прогрессу и саморазвитию, тем сильнее все замыкаемся в обществе. При этом каждый теряет свою индивидуальность и неповторимую оригинальность. Современные люди все без исключения похожи один на другого, и это касается не только внешних характеристик, но и некоторых внутриличностных составляющих.

Сегодня во многих крупных странах мира средства массовой информации рассматриваются как самостоятельные образования, которые могут сформировать то общественное мнение, которое необходимо [12, с. 87]. При этом истинное положение вещей оказывается стертым, и может иметь кардинально отличающееся от реального положения вещей характеристики и содержание [13, с. 137].

Все чаще на первый план выходят PR-технологии. На практике они также тесно связаны с информационными ресурсами и технологиями в целом. Сильно изменились и те информационные технологии, которые ранее применялись в области международных отношений [14, с. 25].

Широкое распространение получают и медиа компании. Эти компании занимаются расширением информации психологического характера, которая направлена на разные аудитории. Каждая медиа компания имеет свою схему, объект воздействия, а задачи практически не различаются между собой.

Целями могут быть задачи, которые имеют военное, экономическое и политическое значения. Также на практике информационные технологии сильно зависят от уровня развития экономических отношений в стране.

Всё больше возникает компаний, которые сосредотачивают в руках огромную власть и содействуют появлению глобальных отношений на мировой арене. Огромные предприятия-монополисты, рождают сильную и нездоровую конкуренцию в мире.

Информационные сбои воздействуют на наиболее слабые стороны системы, среди которых принято выделять:

– сложные условия локализации сведений;

– неточность протоколов обмена материалами;

– неисправность работы системы и определенных процессов;

– специфика строения систем автоматизации информации;

– несовершенства программного обеспечения и др.

Таким образом, сами по себе цифровые технологии имеют как преимущества, так и недостатки. Они рождают угрозу для общества и всего человечества одновременно. Повсеместное применение искусственного интеллекта не должно создавать угроз для национальной безопасности.

Абсолютной системы защиты национальной безопасности сегодня нет. Поэтому изо дня в день нужно совершенствовать уже имеющиеся информационные технологии, так как мошенники не дремлют и тоже идут в ногу со временем. Нет универсального метода, который дает всем без исключения странам полноценную гарантию национальной безопасности. Тем не менее, государство в этом отношении, может обеспечить безопасность объектов критического воздействия, противодействие мошенничеству, сохранение облачной безопасности, защиту данных граждан и пр.

Список использованных источников:

1. Latypova E.Yu., Nechaeva E.V., Gilmanov E.M., Aleksandrova N.V. Infringements on Digital Information: Modern State of the Problem [Электронный ресурс]. – URL: https//www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abc/2019/03/shsconf_pedtp2018_10004.html (дата обращения: 15.05.2025).

2. Латыпова Э.Ю. Некоторые аспекты уголовной ответственности за деяния, посягающие на неприкосновенность частной жизни // Oeconomia et Jus. – 2019. – № 2. – С. 35–45.

3. Бикеев И.И., Латыпова Э.Ю., Гильманов Р.Э. Содержание индивидуального медицинского профиля как инструмент повышения уголовно-правовой безопасности медицинской помощи // Проблемы экономики и юридической практики. – 2022. – Т. 18. – № 6. – С. 143–149.

4. Латыпова Э.Ю., Гончарова Н.Н. О военном времени как квалифицирующем признаке преступлений против военной службы // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2024. – №3. – С. 162–172.

5. Налимов В.Е. Время и закон, общество. – М.: Изд-во Нотариат, 2022. – 125 с.

6. Латыпова Э.Ю., Рогова К.М. О правовых последствиях признания лиц иностранным агентом / В сборнике: Семья и традиционные семейные ценности как духовно-нравственная основа развития общества и государства. Сборник материалов Междунар. научно-практич. конф. – Чебоксары: Изд-во Чувш. гос. ун-та имени И.Н. Ульянова, 2024. – С. 612–618.

7. Гончарова Н.Н., Гусаков А.Е. Современные инструменты расследования транснациональных преступлений как меры обеспечения национальной безопасности // Обеспечение безопасности современного общества и государства в условиях многополярного мира: Сборник материалов X Междунар. научно-практич. конф., Чебоксары, 17–19 апреля

2025 года. – Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2025. – С. 189–196.

8. Гончарова Н.Н., Латыпова Э.Ю., Гончаров Н.А. Проблемы проведения уголовно-процессуальных действий с участием иностранных граждан, на российской территории, а также в зданиях посольств и консульств России // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. – №. 4. – С. 366–372.

9. Латыпова Э.Ю., Гильманов Р.Э., Воронцов И.А. О классификации фейковой информации применительно к уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации / В сборнике: Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика. Материалы VI Междунар. научно-практич. конф. – Донецк: Цифровая типография, 2022. – С. 145–152.

10. Борисова Н.Р., Ильязарова Д.В. Взаимодействие с образовательными организациями и студенческим сообществом как основной вектор развития молодежной политики в Федеральной службе судебных приставов // Бизнес. Образование. Право. – 2024. – № 2 (67). – С. 210–214.

11. Мизинцев К.В. Национальная безопасность в рамках реализации интеграции ряда государств. – Пенза: Изд-во Борт, 2021. – 130 с.

12. БРИКС: российский взгляд: пролегомены в научное исследование феномена БРИКС: монография / Тимирясова А.В., Дискин И.Е., Бикеев И.И., Клемин А.В., Гончарова Н.Н., Латыпова Э.Ю. и др. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирясова, 2024. – 224 с.

13. Боталов Н.М., Шевелева К.В. О нивелировании итогов Нюрнбергского процесса: к постановке проблемы / В сборнике: Главный процесс человечества. Нюрнбергский набат. Сборник научных статей II Всерос. научн.-практ. конф. с междунар. участием. – СПб.: ООО «Эпицентр», 2024. – С. 135–139.

14. Микоян Е.К. Закон о нормативных правовых актах – актуальная повестка дня. – М.: Изд-во Вера, 2023. – 177 с.

УДК 343.62

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ И ПРОФИЛАКТИКИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, С УЧЕТОМ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

М. И. Слюднев
главный специалист-эксперт межрегионального отдела правового обеспечения Волжско-Камского межрегионального управления Росприроднадзора,
магистрант Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
Э. Ю. Латыпова
заведующий кафедрой уголовного права и процесса Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП),
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье исследуется проблема борьбы и профилактики ятрогенным преступлениям в России. Основная задача, это проанализировать уголовное законодательство РФ и Зарубежный уголовный и социальный опыт регулирования ятрогенных преступлений. На основе анализа сделана попытка выделить основные аспекты, которые благоприятно влияют на оптимизацию законодательства, применяя сравнительно-правовой метод.

Ключевые слова: ятрогенные преступления; ятрогения; преступления в сфере медицинской деятельности; зарубежное регулирование ятрогенных преступлений; борьба и профилактика ятрогении.

Ятрогенные преступления – это деяния, связанные с оказанием медицинской помощи старшим и младшим медицинским персоналом, которые привели к неблагоприятным последствиям для пациента, нанесению вреда здоровью любой тяжести, в том числе психического, а также летального исхода. В условиях быстрого развития медицины, интеграции цифровых технологий в практике врачей, и ростом медицинского туризма, важную роль занимает изучение не только законодательства РФ, но и зарубежного опыта регулирования и противодействия ятрогенным преступлениям. В России, при всех возможных путях реформирования данной системы, сохраняется проблема в законодательстве и профилактике таких преступлений. В связи с этим требуется изучение и гармонизация международных стандартов, для совершенствования законодательства РФ и созданием эффективных методов профилактики.

В настоящее время законодатель не дал четкого понятия данной группе преступлений, и основной упор делается на юридическую доктрину РФ. В связи с этим, следует уделить внимание таким источникам, как МКБ-10 и программе ВОЗ. Так, в соответствии с МКБ-10 (Y48-Y84), «ятрогения – это любые нежелательные или неблагоприятные последствия профилактических, диагностических и лечебных вмешательств либо процедур, которые приводят к нарушениям функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидности или даже смерти; осложнения медицинских мероприятий, развивающиеся в результате как ошибочных, так и правильных действий врача». Диапазон ятрогенных событий весьма широк для их места в соответствующих дефинициях: от психогенных расстройств, возникающих вследствие деонтологических ошибок медицинских работников (неправильные, неосторожные высказывания или действия) до любых неблагоприятных проявлений в результате влияния любого «медицинского фактора», вплоть до падения в поликлинике при повторном визите, назначенном врачом».

Для начала требуется проанализировать нормативную базу РФ и выделить основные проблемы, для дальнейшего сопоставления с зарубежным законодательством.

Так, в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) имеется порядка пяти составов, которые непосредственно направлены на регулирование медицинских ошибок:

1) ч. 2 ст. 109 УК РФ (Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей);

2) ч. 2 ст. 118 УК РФ (Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей);

3) ч. 4 ст. 122 УК РФ (Заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей);

4) ст. 124 УК РФ (Неоказание помощи больному);

5) ст. 293 (Халатность).

Нами выделены следующие проблемы, связанные с ятрогенными преступлениями: проблемы уголовного права; организационные упущения; внедрение технологических модернизаций в медицинскую деятельность.

Одной из главных проблем признается отсутствие дифференциации между умышленным ятрогенным преступлением и неосторожной медицинской ошибкой [1, с. 3]. Так, например, и умышленное сокрытие диагноза, и неосторожная ошибка из-за загруженности врача, будут квалифицироваться по одному составу. К данному аспекту также следует отнести отсутствие разграничения понятий медицинской ошибки и ятрогенного преступления (ранее мы уже разбирали данную проблему),

так: «Следует отметить, что медицинская (врачебная) ошибка не является тождественным понятием в отношении к ятрогенным преступлениям. Медицинская ошибка, по своей сути, имеет более узкую направленность. Врачебная ошибка – это неумышленные действия медицинских работников, которые привели к неблагоприятному исходу для пациента. Основная суть данного понятия в том, что совершаются деяния без умысла, и могут быть результатом недостатков медицинской сферы. Ятрогения же, в свою очередь, охватывает действия работников и специалистов медицинской сферы, которые совершаются как по неосторожности, так и с умыслом» [2, с. 299].

Отдельным фактором является то, что действующая редакция статей УК РФ не учитывают специфику ятрогенных преступлений, что противоречит принципу субъективного вменения [3, с. 10; 4, с. 89].

При квалификации данной группы преступлений не учитывается «врачебный риск». Так, например, в странах англосаксонской правовой семьи данный фактор может являться смягчающим обстоятельством, а в РФ данный аспект не будет иметь никакого значения.

Судебно-медицинская экспертиза, как самостоятельный аспект привлечения к уголовной ответственности, является одним из ключевых в данной группе преступлений. Проблема вызвана тем, что патологоанатомическое вскрытие проводится в том же учреждении, в котором совершена медицинская ошибка; тем самым могут быть не объективные результаты вскрытия [5, с. 162]. Также эксперты могут сталкиваться с трудностями при интерпретации действий врача, особенно, если речь идет о тяжелых клинических случаях. В данную группу также можно отнести и сроки проведения экспертизы: после возбуждения уголовного дела может назначаться комиссионная экспертиза, которая нередко проводится через 2-3 месяца после ее назначения, и из-за такого долгого срока, становится невозможным установление причинно-следственной связи между действиями врача и наступившими неблагоприятными последствиями для пациента.

Еще одним из организационных упущений, нам представляется отсутствие единой базы данных медицинских ошибок и табуированность данной темы. Рассматривая азиатские страны, можно проследить тенденцию открытости: так, в Китае, путем реформ здравоохранения и интеграции цифровых технологий в практику врачей, жестко регулируется безопасность при осуществлении медицинской помощи, внедрение цифровых платформ, таких, как «Здоровый Китай 2030» [6]; в них содержится информация об электронных медкартах пациентов, а также ИИ-алгоритмы для диагностики и сокращения человеческих ошибок, и так называемые «черные списки» для врачей, уличенных в нарушениях. В Японии введена система «Кайзен», которая обязывает клиники проводить ежемесячные аудиты случаев с осложнениями, а также образовательные

программы по коммуникации с пациентами, снижающие число конфликтов.

Данные проблемы не являются исчерпывающими и носят общий характер. На основе перечисленного, можно сказать о том, что ятрогенные преступления носят системный характер и требуют не точечных изменений, а комплексной реформы, в связи с этим, требуется изучить зарубежный опыт регулирования и профилактики ятрогении.

Разбирая зарубежное законодательства, следует отметить Казахстан. Данная страна достаточно жестко регулирует ятрогенные преступления. Первые шаги были сделаны в 2014 году, так в УК РК была введена отдельная глава «Медицинские уголовные правонарушения», которая включала в себя 7 составов, объединенных общей проблематикой. Следующим важным этапом, можно признать, введение новых проектов, обеспечивающие безопасность пациентов, такие как, Национальная программа «Денсаулык» [7], которая была направлена на улучшение и повышение грамотности пациентов, в том числе внедрение кодифицированного закона «О здоровье народа и системе здравоохранения 2020», который имеет положения для снижения ятрогенных инцидентов. Немаловажным считается применение программы ВОЗ и применение чек-листов для хирургии и гинекологии, что показывает заинтересованность законодателей в международном сотрудничестве в вопросе регулирования ятрогенных преступлений. Вместе с тем, следует также рассмотреть ввод электронной системы E-Health [8, с. 3], представляющую собой лечение пациентов, диагностику, проведение исследований в медицинской деятельности, отслеживание заболеваний и мониторинг здоровья населения путем использования информационных технологий. На основании изложенного выше, видно, как Казахстан стремится к разрешению вопросов, касающихся ятрогении, и, в отличие от других стран СНГ, имеет большой результат, однако до сих пор отстает от передовых государств.

Также хочется упомянуть научную работу, исследующую содержание индивидуального медицинского профиля [9, с. 155], как инструмента повышения уголовно-правовой безопасности медицинской помощи, где речь идет о «создании цифрового профиля гражданина РФ: индивидуальный медицинский профиль позволит создать универсальный инструмент, который можно использовать как для контроля здоровья отдельного гражданина, так и отдельных групп населения» [10, с. 144].

Говоря про регулирование преступлений в сфере медицинской деятельности, нельзя не упомянуть Великобританию. Данная страна имеет одну из самых развитых систем здравоохранения, так называемая «NHS», и достаточно строгими правовыми механизмами для предотвращения и расследования ятрогенных моментов. Преступления в медицинской деятельности в Великобритании регулируются общими нормами уголовного законодательства, однако их законодательство основано на

англосаксонской правовой семьи, что позволяет им учитывать специфику врачебной практики.

Соединенное Королевство прямо разделяет умышленные и неосторожные преступления, так Gross Negligence Manslaughter – данный термин обозначает гибель, вследствие грубой небрежности, а термин Medical Manslaughter подразумевает непредумышленное медицинское убийство [11, с. 2]. Также немаловажным признается введение «Health and Safety at Work Act 1974», т.е. акта здоровья на рабочем месте 1974 года, который направлен на обеспечение безопасности сотрудников от их профессиональной деятельности. Кроме прочего, большое внимание в Великобритании уделено профилактике и безопасности пациентов, введению национальной системы отчетности National Reporting and Learning System (NRLS), который собирает данные о медицинских ошибках и иных неприятных инцидентов врачебной деятельности, также Care Quality Commission (CQC), проверяющей качество услуг в медучреждениях. Следует также рассмотреть информационные технологии, применяемые Великобританией, для регулирования ятрогенных преступлений. Так, например, внедрение искусственного интеллекта в диагностику заболеваний, проект Google DeepMind, и цифровые платформы NHS App, позволяющий отслеживать пациентам свои данные в медицинских учреждениях. Тем самым Великобритания демонстрирует одни из лучших показателей борьбы с ятрогенией, путем строгой отчетности и введением цифровых технологий во врачебную деятельность.

Китай, в свою очередь, регулирует ятрогенные преступления путем использования специальных норм, предусмотренных УК КНР, а именно ст. 335, 336 и 397, по которым уголовная ответственность наступает только в случае доказательства грубой неосторожности либо умысла со стороны медицинского работника. Интерес данная страна вызывает своим внедрением технологий в борьбу и профилактику ятрогенным преступлениям. Внедрение искусственного интеллекта для диагностики позволило сократить ошибки, зависящие от человеческого фактора. Так, например, ИИ для анализа рентгенологических снимков (Tencent AIMIS), система (Health China 2030), которая содержит информацию обо всех медицинских картах. Национальная комиссия по здравоохранению (NHC), которая производит проверки в медицинских организация и выявляет акты нарушений. Китай, как было сказано ранее, пытается бороться с ятрогенными преступлениями путем внедрения технологий в деятельность медицинских работников.

Разобрав опыт некоторых из зарубежных стран, мы выделили определенные меры борьбы и профилактики ятрогенным преступлениям, которые могли бы улучшить положение в РФ.

Во-первых, введение, со стороны законодателей, определения группе ятрогенных преступлений. Также создание специализированных норм в

УК РФ, которые бы разграничивали умышленные и неосторожные ятрогенные преступления.

Во-вторых, больше применять международные стандарты, например, ВОЗ, чек-листов в хирургии и т.д. И продолжать развивать международное сотрудничество в вопросе ятрогенных преступлений, как СССР в 1950-1960 годах [12, с. 68].

В-третьих, создание национальных проектов, которые освещали бы тему ятрогении, включающие в себя образовательные программы, просвещение населения и т.д., такие как NRLS, Денсаулык и другие.

В-четвертых, введение комиссий, которые бы собирали информацию об ятрогении, осуществляли проверки в медицинских организациях и вели национальный реестра ошибок, данный комитет мог бы быть на подобие Care Quality Commission (CQC), который работает в Великобритании.

В-пятых, внедрение цифровых технологий, применяя их в диагностике, исключая ошибки, совершаемые из-за человеческого фактора, например, ИИ для анализа рентгенологических снимков (Tencent AIMIS), который используется в Китае, и с успехом начинает использоваться в России.

В-шестых, расширение внедрения систем, которые бы содержали информацию о пациентах, их медицинские карты, истории болезни, результаты анализов и т.д., тогда в случае совершения ятрогенных преступлений, правоохранительные органы могли бы проследить весь этап лечения и выявить действительно ли был факт ятрогении либо это несчастный случай. В том числе такую систему использует Китай их программа Health China 2030. Фактически здесь речь идет уже о так называемых «цифровых двойниках» [13], использование которых значительно повышает качество медицинской помощи.

В-седьмых, нужно учитывать, что и сами медицинские работники могут становиться потерпевшими при нападениях на них во время оказания медицинской помощи [14, с. 124].

Подводя итог вышесказанному, ятрогенные преступления остаются глобальной проблемой, требующей комплексного, междисциплинарного и международного подходов. Стоит понимать, что регулирование преступлений в медицинской деятельности – это не только вопрос наказания виновных, а инвестиция в безопасность пациентов, врачей и здравоохранения в целом. Проанализировав зарубежный опыт борьбы и профилактики ятрогении, мы выделили основные аспекты, которые приносят результат в регулирования данного вопроса, к которым отнесены: специализация уголовного законодательства, внедрение «культуры открытости», гармонизация международных стандартов и введение технологических прогрессов. Для России критически важно начать борьбу с ятрогенией, внести необходимые дополнения в законодательство (не только уголовное), с учетом положительного зарубежного опыта.

Список использованных источников:

1. Полковникова В.С., Егоров О.Н. Проблемы квалификации ятрогенных преступлений по субъекту и субъективной стороне // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. – 2022. – №4 (20). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-yatrogennyh-prestupleniy-po-subektu-i-subektivnoy-storone (дата обращения: 08.04.2025).

2. Слюднев М.И. Понятие ятрогенных преступлений и отличие от медицинской (врачебной ошибки) / В сборнике: Казанские научные чтения студентов и аспирантов имени В. Г. Тимирясова – 2024: материалы XIV Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, 11 декабря 2024 г. В 5 т. Т. 3 / Редкол. А.В. Тимирясова, И.И. Бикеев, К.Л. Томашевский [и др.]. – Казань: Изд-во «Познание» КИУ, 2025. – С. 299–300.

3. Латыпова Э.Ю. Актуальные проблемы ответственности за преступления, совершенные с двумя формами вины // Следователь. – 2008. –№ 7. – С. 8–11.

4. Латыпова Э.Ю. Ответственность за преступления, совершенные с двумя формами вины, по уголовному праву России и зарубежных стран: дисс. … канд. юрид. наук, Самарский гос. ун-т. – Казань, 2009. – 220 с.

5. Латыпова Э.Ю. Преступления, совершаемые врачами-патологоанатомами, – постановка проблемы / Проблемы противодействия преступности: опыт, современное состояние и пути решения : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.А. Малюткина, Чебоксары, 03 декабря 2018 года. – Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2019. – С. 160–168.

6. В КНР обнародовали программу «Здоровый Китай-2030». – URL: https://rg.ru/2017/04/26/v-knr-obnarodovali-programmu-zdorovyj-kitaj-2030.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 08.04.2025).

7. Государственная программа развития здравоохранения Республики Казахстан «Денсаулық» на 2020–2025 годы. – URL: https://med.mcfr.kz/article/205-glavnye-napravleniya-programmy-zdravoohraneniya-rk-na-2020-2025-gody (дата обращения: 08.04.2025).

8. Якушев Д.С., Пальмов С.В. E-HEALTH в нашей жизни // Форум молодых ученых. – 2018. – № 11-2 (27). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ehealth-v-nashey-zhizni (дата обращения: 09.04.2025).

9. Бикеев И.И., Клемин А.В., Латыпова Э.Ю. Индивидуальный медицинский профиль как эффективное средство противодействия коррупции // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15. – № 7. – С. 153–159.

10. Бикеев И.И., Латыпова Э.Ю., Гильманов Р.Э. Содержание индивидуального медицинского профиля как инструмент повышения уголовно-правовой безопасности медицинской помощи // Проблемы экономики и юридической практики. – 2022. – Т. 18. – № 6. – С. 143–149.

11. Сафронова Е.В. Россия выходит из ВОЗ? Политико-правовые проблемы выхода из Всемирной организации здравоохранения // Свободная мысль. – 2023. – № 3 (1699). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-vyhodit-iz-voz-politiko-pravovye-problemy-vyhoda-iz-vsemirnoy-organizatsii-zdravoohraneniya (дата обращения: 10.04.2025).

12. Заряев В.А., Иванченко О.С., Иванченко Р.Б. Историческое развитие и сравнительный анализ уголовно-правовых мер противодействия ятрогенной преступности в России и за рубежом // Вестник ВИ МВД России. – 2020. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-razvitie-i-sravnitelnyy-analiz-ugolovno-pravovyh-mer-protivodeystviya-yatrogennoy-prestupnosti-v-rossii-i-za-rubezhom (дата обращения: 09.04.2025).

13. Begishev I., Shutova A., Akhmetshin E., Denisovich V., Latypova E., Gilmanov R. Digital Twins in Healthcare System: Communication Between Society and Law / В сборнике: 2024 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS). – Санкт-Петербург, 2024. – С. 9–12.

14. Бикеев И.И., Клемин А.В., Латыпова Э.Ю. К вопросу об уголовно-правовой охране лиц, правомерно оказывающих медицинскую помощь // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16. – № 1. – С. 122–128.

УДК 343.59

ФОРМЫ КИБЕРБУЛЛИНГА И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ: БОРЬБЫ И ПРОФИЛАКТИКИ

У. А. Турцева
магистрант Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
Н. Н. Гончарова
заместитель заведующего кафедрой международного и европейского права Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Кибербуллингом признается ряд общественно опасных деяний, которые включают в себя: троллинг, киберсталкеринг, доксинг, флейминг, кибберизм, бойкот-игнор, сексторшен и буллинг с сексуальным подтекстом. В статье исследуется зарубежный опыт борьбы с онлайн-травлей, на основе международных практик предлагаются пути улучшения законов, внедрения технологий и образовательных программ. Успешная борьба и профилактика кибербуллинга требует не только правовых рамок, но и формирование цифровой гигиены, где каждый пользователь сети интернет будет создавать безопасное сообщество в онлайн.

Ключевые слова: кибербуллинг; онлайн-травля; онлайн-буллинг; троллинг; киберсталкеринг; доксинг; флейминг; кибберизм; сексторшен; борьба и профилактика кибербуллинга; зарубежный опыт борьбы и профилактики с кибербуллингом.

В современном мире, где быстро развиваются информационные технологии, социальные сети имеют большое влияние на жизнь людей и становятся ее неотъемлемой частью. В связи с этим, следует обратить внимание на проблему кибербуллинга, на данный момент нет законодательного термина, что вызывает проблемы в регулировании данного вопроса. В связи с недостаточным урегулированием данного вопроса уголовным законом РФ, следует обратится к международному опыту борьбы и профилактики. Кибербуллингом признается множество видов издевательства в сети интернет; говоря о разновидностях, в доктрине выделяют следующие разновидности: троллинг, киберсталкеринг, доксинг, флейминг, кибберизм, бойкот-игнор, сексторшен и буллинг с сексуальным подтекстом. Таким образом, встает острый вопрос изучить данный вопрос и предложить свои пути решения, воспользовавшись зарубежным опытом.

В уголовном законодательстве РФ отсутствуют специализированные нормы, которые прямо регулируют ответственность за преступления в цифровом поле, однако имеются статьи, которые могут регулировать отдельные виды кибербуллинга:

1. Ст. 119 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью), применяется при направлении в сторону жертвы угроз, через сеть интернет.

2. Ст. 128.1 УК РФ (Клевета), применяется при распространении заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство личности, в том числе и кибербуллинг сексуальной направленности, подходит под данный состав.

3. Ст. 138 УК РФ (Нарушение тайны переписки) и ст. 137 УК РФ (Нарушение неприкосновенности частной жизни), используется при незаконном распространении личных данных (доксинг), переписок, фотографий, в том числе интимных, без согласия жертвы [1, с. 42], а также взломах аккаунтов с личными данными потерпевшего.

4. Ст. 110 УК РФ (Доведение до самоубийства) при систематическом применении в адрес жертвы угроз, травли, и унижения в сети, повлекшие за собой попытки суицида либо сам факт самоубийства [2, с. 243; 3, с. 334].

5. Ст. 163 УК РФ (Вымогательство), квалифицируется при шантаже с требованием денег, выполнения услуг или распространения контента под угрозой публикации материалов (сексторшен).

6. Ст. 242 УК РФ (Незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов), в том числе и ст. 242.1 УК РФ (Изготовление и оборот порнографических материалов с участием несовершеннолетних), может быть применено при изготовлении и распространение интимных фото-видеоматериалов.

7. ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти или вражды), публикуются оскорбительные материалы для унижения или оскорбления определенных социальных групп.

В Уголовном кодексе РФ достаточно норм, которые могли бы регулировать преступления в онлайн сетях. Однако, на практике имеются проблемы, связанные с установлением причинно-следственной связи, для этого необходимо собирать доказательную базу в виде скринов переписок, постов и т. д., также установление личности преступника, т. к. зачастую это происходит с анонимных, фальшивых аккаунтов или с измененным ID-адресом, учитывая активную работу агентов по вовлечению в проституцию и другие виды асоциального поведения [4].

Предлагаем разобрать виды кибербуллинга и ознакомится с зарубежным опытом борьбы с ними.

Троллинг – это целенаправленное распространение заведомо ложной информации или оскорбления в сети интернет с целью вызвать конфликт, вывести на эмоции, нарушить коммуникацию и т. д., с целью причинения морального и психического вреда. [5, с. 3] В ряде стран подходы к регулирования данного вопроса значительно отличаются. Рассмотрим формы борьбы с троллингом в США и Китае.

В Китае используются два подхода, законодательный и информационный. Законодатели в 2017 году ввели «Закон о

кибербезопасности», который запрещает распространение ложной информации, оскорбления и провокации. Также применяются правила социальных платформ, обязывающие удалять анонимные аккаунты и отслеживать пользователей, которые распространяют фейки. Цифровой метод – внедрен Великий китайский файрвол (Great Firewall of China), блокирующий доступ к зарубежным платформам, где зачастую и происходит троллинг; данная система ограничивает пространство для анонимных пользователей, в том числе применение идентификации в большинстве социальных сетей, где требуется привязка к номеру телефона и паспортным данным.

В США законодательство разнится в зависимости от штатов. Так, в Калифорнии за троллинг школы имею право исключить учащихся; в Техасе используется Закон Дэвида – «Закон АВ 179», который ужесточает наказание за онлайн-травлю в отношении несовершеннолетних. Стоит сказать и про судебные иски при травле; хорошим примером может послужить дело Elonis vs United States (2015). ВС США постановил, что угрозы в онлайн платформах должны рассматриваться как реальные, а не «прикол». Имеются и образовательные программы, такие, как StopBulling.gov – ресурс, который создан для государственных органов и родителей, для поддержки потерпевших [6]. Также и политика социальных сетей вселенной (Meta деятельность Meta – соцсети Facebook и Instagramm – запрещен в России как экстремистская), используется ИИ для удаления провокационных комментариев, а также временной блокировки аккаунтов.

Кибersталкиринг совещенный с доксингом – это одна из форм онлайн-преследования, при котором видеться систематическое, постоянное, наблюдение за пользователем в сети Интернет, в том числе с применением угроз, шантажа и запугивания [7, с. 147]. Также кибersталкиринг, в активной форме его проявления, включает в себя взлом аккаунтов, отслеживание места нахождения и проживания, рассылка сообщений через анонимные профили и другие действия, нарушающие границы личности [8, с. 3].

Для дальнейшего исследования вопроса зарубежного регулирования данной проблемы, обратимся к таким странам, как Великобритания и Япония.

Великобритания – одна из первых стран, которая решила внести законодательные инициативы для борьбы с кибersталкерингом. Имеются следующие законы, Protection from Harassment Act 1997, в котором онлайн-сталкеринг подпадает под следующее определение, «преследование» – повторяющиеся действия, вызывающие страх и страдания жертвы; Malicious Communications Act 1988, в котором запрещается отправлять угрозы, шантажировать, оскорблять и размещать ложную информацию через онлайн сервисы; Online Safety Act 2023, обязывающий социальные сети удалять контент, связанный с преследованием и вызыванием страха, с дальнейшим удалением аккаунта нарушителя. Имеются и практические меры со стороны властей, такие, как национальные проекты, как горячая линия National Stalking Helpline – консультирует жертв преследования и помогают в сборе доказательной базы (скриншоты, логи и т.д.); Cyber patrol –

специализированное подразделение правоохранительных органов, расследующее киберпреступления; функция Report Stalking автоматически блокирует входящие звонки и сообщения от преступника [9].

Япония также реализует борьбу и профилактику с кибersталкерингом путем законодательной силы, так, специальный Закон о контроле над сталкерами (Stalker Control Law 2022) включил онлайн-сталкеринг в поле ответственности уголовного права; Закон о личных данных (Act on the Protection of Personal information 2023) ужесточил ответственность за сливание информации потерпевшего, который зачастую совмещен с преследованием. Также в Японии используют идентификацию и верификацию для всех социальных сетей, и внедряют ИИ для удаления не верифицированных аккаунтов.

Кибберизм – вид кибербуллинга, при котором создаются поддельные аккаунты и фейковый контент от имени жертвы с целью унижения, оскорбления и введение ее в депрессивное состояние. Для разбора борьбы с ним возьмем такие страны, как Германия и Франция.

Германия регулирует кибберизм путем строгости закона: так, ст. 202a УК Германии (Кража цифровой идентичности) запрещает незаконное использование персональных данных для создания фейковой информации от лица потерпевшего; Закон NetzDG 2017 обязывает социальные сети удалять кибберристский контент в течении 24 часов с момента его создания; GDPR, за утечку и использование украденных данных наказывается штрафами до 20 тысяч евро. С практической стороны создан централизованный центр борьбы с киберпреступностью (ZIT), расследующий случаи совершения преступления в интернете, используется функция (Sofortioschung), мгновенно удаляющая фейковые профили по заявлению жертвы [10].

Во Франции имеется аналогичный уголовный закон, это ст. 266-4-2 УК Франции (кража идентичности) запрещающий использовать чужие данные, а также Закон LOPPSI2 2011, который упрощает блокировку сайтов и аккаунтов, связанных с киберпреступлениями, в том числе платформа Pharos, позволяющая жертвам подавать жалобы на кибберизм онлайн и проект «Cab”Aide», помогающий жертвам юридической и психологической стороной вопроса.

Сексторшен и иной вид буллинга сексуального характера – данные два вида кибербуллинга подразумевают под собой следующее: сексторшен – шантаж интимными фото-видео материалами жертвы с целью получения денег, выполнения услуг или получения иной материальной выгоды, сексуальный буллинг – это унижения, домогательства или распространение контента, имеющего сексуальный подтекст без согласия жертвы. Для рассмотрения данных видов посягательств рассмотрим такие страны, как Швейцария и ОАЭ.

Швейцария регулирует данный вопрос путем уголовного законодательства: ст. 180 (шантаж) и ст. 179 quater УК (незаконное распространение интимных материалов), а также Закон о защите данных

(FADP) вменяется при утечки персональной информации, используемой для буллинга. Также в Швейцарии имеется специальное подразделение киберполиции (CYCO), расследующее случаи сексторшена, и платформа «Stop Sextortion» анонимная горячая линия для жертв сексуальных преступлений в онлайн системах [11; 12].

ОАЭ регулирует кибербуллинг Федеральным Законом №34 2021 «О киберпреступлениях», запрещающим распространение интимного контента, угроз, а также домогательств в сети интернет; интерес вызывает санкция данной статьи, составляющая 10 лет тюрьмы и штрафа 2 миллионов дирхам. В случае совершения подобных преступлений в отношении несовершеннолетних применяются Sharia-court [13], которые разрешают даже применение смертной казни. Как и в ряде прогрессивных стран, имеется киберполиция, осуществляющая мониторинг соцсетей и блокирующая аккаунты сталкеров, выявляющая страницы с сексуальным контентом.

Так, проанализировав ряд зарубежных стран, мы можем выделить основные применяющиеся в них методы борьбы и профилактики в сфере противодействия кибербуллингу.

Во-первых, выделяются специализированные составы в уголовном кодексе: именно под кибербуллинг, в том числе, разработка законов, которые обязывали бы блокировать анонимные аккаунты в соцсетях.

Во-вторых, введение специальных социальных проектов, которые бы осуществляли психическую и юридическую поддержку, такие, как горячая линия National Stalking Helpline, по которой консультируют жертв преследования и помогают в сборе доказательной базы в Великобритании.

В-третьих, мы полагаем, что необходимо создать специальное подразделение правоохранительных органов, в котором бы занимались расследованиями преступлений, совершенных онлайн. Данный вопрос уже давно находится в кругу обсуждения отечественных ученых. Киберполиция могла поспособствовать снижению кибербуллинга в РФ и положительно повлиять на ее профилактику. [14, с. 2; 15, с. 1]

В-четвертых, внедрение искусственного интеллекта в алгоритмы для автоматического обнаружения фактов оскорбления, угроз, шантажа, доксинга и т.д., также ввести обязательную верификацию по номеру телефона или Госуслугам, чтобы снизить создание анонимных либо фейковых аккаунтов. Примером тому может послужить Китай и Япония, которые используют данную практику, что и можно транслировать по каналам БРИКС [16, с. 25–46].

Напоследок заниматься образованием населения, обучать цифровой гигиены, поднимать важные вопросы на подобии: как реагировать на травлю в интернете, защита личных данных, рассказывать про ответственность за киберпреступления.

Так подводя итог вышесказанному, следует сказать, что кибербуллингом признается множество форм общественно опасных деяний, от троллинга до сексторшена и киберризма, и остается одной из ключевых

угроз современному миру. Опираясь на международный опыт, нами выделены основные методы борьбы и профилактики в сфере регулирования кибербуллинга и на основе этого, предложили пути решения для улучшения законодательства РФ. Борьба с онлайн-буллингом – это не только задача государства, но и ответственность школ, родителей и самих пользователей. Для России важно пользоваться зарубежным опытом в данном вопросе и перенимать важные моменты, а также через поэтапное внедрение законов, технологий и образовательных программ, создавать защищенное пространство в сети интернет.

Список использованных источников:

1. Латыпова Э.Ю. Некоторые аспекты уголовной ответственности за деяния, посягающие на неприкосновенность частной жизни // Oeconomia et Jus. – 2019. – № 2. – С. 35–45.

2. Латыпова Э.Ю. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: современное состояние проблемы / В сборнике: Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. – В 3-х т. – Тольятти, 2018. – С. 267–268.

3. Латыпова Э.Ю. Доведение до самоубийств несовершеннолетнего как угроза демографической безопасности России / В сборнике: Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики. Сборник материалов Междунар. научн.-практ. конф. – Чебоксары. – Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2018. – С. 329–335.

4. Гончарова Н.Н., Иванов М.Н. Противодействие вовлечению в проституцию несовершеннолетних // Проблемы развития правовой системы России: история и современность : Материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 2-х частях, Тула, 10 июня 2020 года / Ответственный редактор: И. А. Кузнецова. Том Часть 2. – Тульский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России): Тульский государственный университет, 2021. – С. 25–27.

5. Кузнецов Д.С. Уголовно-правовая ответственность за травлю в интернете (кибербуллинг, троллинг) // Юридическая наука. – 2024. – № 12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-otvetstvennost-za-travlyu-v-internete-kiberbulling-trolling (дата обращения: 12.05.2025).

6. Prevention: Learn how to identify bullying and stand up to it safely. – URL: https://www.stopbullying.gov/ (дата обращения: 12.05.2025).

7. Латыпова Э.Ю., Гильманов Р.Э., Воронцов И.А. О классификации видов фейковой информации применительно к уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации / В сборник: Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика. Материалы VI Междунар. научн.-практ. конф. – Донецк: Изд-во «Цифровая типография», 2022. – С. 152–154.

8. Видергольд А.И., Бирюкова Д.В. Уголовно-правовая охрана личности от кибersталкинга // Правопорядок: история, теория, практика. –2024. – №4 (43). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-ohrana-lichnosti-ot-kiberstalkinga (дата обращения: 12.05.2025).

9. Report Stalking. – URL: https://digitalinvestigation.com/stalking (дата обращения: 12.05.2025).

10. Информация и безопасность. – URL: https://zit-ic.ru/security (дата обращения: 12.05.2025).

11. CYBERPOL BY DECREE WL22/16.595. – URL: https://cyberpol.info/ (дата обращения: 12.05.2025).

12. Liaquat Ali Bhand, Tauseef Iqbal, Nazakat Ali COMPARISON OF SHARIA COURT'S OF PAKISTAN, UNITED ARAB EMIRATES (UAE), INDONESIA AND MALAYSIA // Russian Law Journal. – 2023. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/comparison-of-sharia-court-s-of-pakistan-united-arab-emirates-uae-indonesia-and-malaysia (дата обращения: 12.05.2025)

13. Кибербезопасность в Швейцарии: вызовы и путь вперед для швейцарских Вооруженных сил. – URL: https://connections-qj.org/ru/article/kiberbezopasnost-v-shveycarii-vyzovy-i-put-vpered-dlya-shveycarskih-vooruzhennyh-si (дата обращения: 12.05.2025).

14. Михайлюк В.А. Киберполиция – современный правоохранительные орган в борьбе с интернет-преступностью // Вестник УЮИ. – 2023. – № 1 (99). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kiberpolitsiya-sovremennyy-pravoohranitelnyy-organ-v-borbe-s-internet-prestupnostyu (дата обращения: 12.05.2025).

15. Бикеев И.И., Клемин А.В., Гончарова Н.Н., Латыпова Э.Ю. Правовой потенциал БРИКС / БРИКС: российский взгляд: пролегомены в научное исследование феномена БРИКС / А.В. Тимирясова, И.Е. Дискин, И.И. Бикеев [и др.]. – Казань : Изд-во «Познание», 2024. – 224 с.

16. Гудков Ю.А., Нагорная М.А. О киберполиции в Российской Федерации. // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2021. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-kiberpolitsii-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 12.05.2025).

УДК 343

СОВРЕМЕННЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА В РОССИИ

К. М. Тухватуллина
магистрант Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
Н. Р. Борисова
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)

Аннотация. После распада Советского Союза и перехода к рыночной экономике и демократическому обществу возникла необходимость переосмысления советского уголовно-правового наследия и отказа от идеологических догм, которые препятствовали развитию науки уголовного права и формированию справедливой уголовной политики. Были пересмотрены многие положения Общей и Особенной частей Уголовного кодекса, которые не соответствовали общепризнанным принципам и нормам международного права. Были декриминализованы многие деяния, которые ранее считались преступными, смягчены меры наказания за многие преступления, расширены основания для освобождения от уголовной ответственности. Важным этапом стало принятие Уголовного кодекса Российской Федерации 1996-го года, который закрепил новые принципы и нормы уголовного права, однако уж высказываются многочисленные голоса о необходимости принятия нового Уголовного кодекса, и даже предлагаются его редакции.

Ключевые слова: юридическое образование; уголовное право; школы уголовного права; учение о преступлении; учение о наказании.

Современные концепции развития школ уголовного права во многом базируются на основных положениях существовавших ранее научных направлений. Тем не менее, полагать, что основные догмы классической, социологической и антропологической школ перешли в XXI век без существенных изменений, будет ошибочным [1, с. 98]. Так, представители современных школ последовательно вносят и заменяют устаревшие догмы теми, что лучше отвечают современным реалиям и способствуют дальнейшему совершенствованию уголовного права в России.

Так, например, идеи классической школы уголовного права получили развитие в рамках либерального направления. Его представители рассматривают само уголовное право, как некую меру, определяющую степень свободы индивида, подчеркивая необходимость следования принципу «ultima ratio» при его применении государством. Либеральное направление развития уголовного права в России можно назвать гуманитарным. Это связано с тем,

что оно, в первую очередь, содержит идеи защиты прав человека, причем в равной степени как потерпевшего от преступлений, так и самого преступника, совершившего преступление. Помимо этого, оно отличается тем, что отстаивает полный отказ от смертной казни как вида уголовного наказания в целом.

В качестве актуальных проблем представители либеральных школ отмечают избыточную криминализацию отклоняющегося поведения в уголовном праве; его чрезмерное вмешательство в экономическую сферу государства и другие.

Идеи социологов в российской уголовно-правовой науке развивают сторонники социалистического направления. Они выступают за переориентацию уголовного права с защиты частного интереса на защиту интересов общества в целом. Представители данного направления призывают учитывать при конструировании уголовно-правовых норм актуальные криминологические реалии, находя главным недостатком уголовного права и уголовной политики современной России их чрезмерную гуманизацию [2, с. 357]. Одновременно с этим, они поддерживают развитие дифференциации уголовной ответственности и уголовно-правового поощрения.

Помимо этого, долгое время одним из важнейших направлений развития современного российского уголовного права являлась его ориентация на общепризнанные принципы и нормы международного права. Россия стала участником многих международных договоров в области прав человека, которые устанавливают определенные требования к уголовному законодательству и уголовной политике. В частности, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Таким образом, учет международных стандартов в области защиты прав человека требует гуманизации уголовного законодательства [3, с. 95], обеспечения прав обвиняемых и осужденных, справедливого и беспристрастного суда. Это находит отражение в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, который неоднократно указывал на необходимость соответствия уголовного законодательства международным стандартам в области прав человека (например, Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П, от 14 июля 2015 № 21-П, от 25 апреля 2001 № 6-П и др.).

Современная российская наука уголовного права развивается по многим направлениям, отражая новые тенденции и проблемы в обществе. Среди них можно выделить развитие:

– учения о преступлении. Исследуются вопросы квалификации сложных составов преступлений, проблемы конкуренции уголовно-правовых норм, вопросы соучастия в преступлении;

– учения о наказании. Изучаются вопросы эффективности различных видов наказаний, проблемы назначения наказания, вопросы исполнения наказания;

– криминологии. Исследуются причины и условия преступности, разрабатываются меры по предупреждению преступности;

– уголовно-исполнительного права. Изучаются вопросы исполнения уголовных наказаний, проблемы ре-социализации осужденных;

– международного уголовного права. Исследуются вопросы уголовной ответственности за международные преступления, проблемы сотрудничества государств в борьбе с преступностью [4, с. 378].

Активно развиваются направления, связанные с экономическими преступлениями, преступлениями в сфере информационных технологий, преступлениями в сфере медицинской деятельности, а также проблемами противодействия терроризму и экстремизму.

Таким образом, трансформация уголовного права в России после распада Союза Советских Социалистических Республик ознаменовалась переосмыслением советского наследия и отказом от устаревших идеологических догм. Принятие Уголовного кодекса Российской Федерации 1996-го года стало важным этапом в формировании современной уголовно-правовой системы, основанной на общепризнанных принципах международного права.

В настоящее время наблюдается дифференциация подходов, отражающая различные взгляды на приоритеты уголовной политики: от либерального направления, ориентированного на минимизацию уголовной репрессии и защиту прав личности, до социалистического, акцентирующего внимание на защите интересов общества и необходимости учета криминологической обстановки.

Одновременно, активно развиваются исследования в области квалификации преступлений, назначения и исполнения наказаний, а также в криминологии и уголовно–исполнительном праве. Особое внимание уделяется вопросам борьбы с новыми видами преступности, включая экономические преступления, кибер-преступность, терроризм и экстремизм.

При этом важно отметить, что все современные научные исследования в области права, в том числе уголовного права, должны опираться и не противоречить установленным нормам Конституции Российской Федерации, а также принципам, прописанным в Уголовном кодексе Российской Федерации (ст.ст. 3-6) (далее – УК РФ).

Соответственно, современная российская наука уголовного права представляет собой динамично развивающуюся систему, стремящуюся к выработке эффективных и справедливых решений в сфере уголовной политики и правоприменения.

Современные школы уголовного права в России, играющие ключевую роль в формировании уголовной политики и развитии юридической науки, сталкиваются с рядом серьезных проблем, которые препятствуют их

полноценному развитию, а также значительно снижают их влияние на правовую систему страны.

Одной из наиболее острых проблем, сдерживающих развитие современных школ уголовного права, является их недостаточное финансирование. Таким образом, многие научные исследования проводятся на устаревшем оборудовании, которое не позволяет работать с большими объемами данных. Молодым и начинающим ученым не хватает средств на приобретение современной научной литературы, включая монографии, статьи в ведущих научных журналах, что ограничивает их возможности быть в курсе последних достижений в различных областях уголовного права, и снижает заинтересованность в изучении уголовного права [5, с. 447; 6, с. 170]. Отсутствие финансирования на участие в научных конференциях и семинарах, как в России, так и за рубежом, лишает многих начинающих ученых возможности обмениваться опытом с коллегами, представлять свои исследования и устанавливать научные контакты.

Недостаточное финансирование приводит к снижению качества научных исследований, поскольку у ученых нет возможности проводить исследования на должном уровне, публиковать результаты своих исследований в престижных изданиях и получать признание своих достижений. Особенно остро это сказывается на студентах, планирующих развивать научную деятельность в этой сфере. В качестве примера, можно привести следующее:

– некоторые организации продолжают использовать старые компьютеры и программное обеспечение, так как перейти на новые версии бывает сложно или нецелесообразно;

– библиотеки некоторых юридических факультетов не могут позволить себе подписку на «Консультант Плюс» или «Гарант», что ограничивает доступ студентов и преподавателей к актуальной информации или правовым документам, не находящимся в свободном доступе;

– научная деятельность представляет собой нестабильный способ заработка, из-за чего многие молодые ученые вынуждены работать на нескольких работах, чтобы обеспечить не только себя и свои семьи, но и реализовать свои проекты, пока они еще не начали окупаться или пока они не соответствующий выиграют грант.

Другой важной проблемой, стоящей перед современными школами уголовного права, является слабая связь между наукой и практикой. Результаты научных исследований, проводимых учеными-юристами, не всегда используются в практической деятельности правоохранительных органов и судов. Это связано с тем, что ученые и практики часто говорят на разных языках, имеют разные цели и приоритеты. Ученые стремятся к теоретическому осмыслению проблем уголовного права, к разработке новых концепций и теорий, например, концептуальное понимание искусственного интеллекта [7, с. 85]. В то время как практики заинтересованы в решении конкретных задач, стоящих перед ними в их повседневной работе [8, с. 1168].

Недостаточная связь науки и практики приводит к тому, что уголовное законодательство разрабатывается без учета научных рекомендаций, а правоприменительная практика не использует достижения науки уголовного права. Это может приводить к принятию малоэффективных законов или к неправильной интерпретации норм уголовного права в рассмотрении того или иного дела. Так, при разработке новых составов преступлений законодатель не всегда учитывает научные исследования об эффективности различных видов наказаний; правоохранительные органы не всегда используют научные методы расследования преступлений [9, с. 265] и так далее.

Также в условиях развития международного сотрудничества одной из важнейших задач, стоящих перед российскими школами уголовного права, является их успешная интеграция в мировое научное сообщество [10]. Сюда может относиться установление международного сотрудничества с зарубежными университетами и научными центрами; участие российских ученых в международных научных проектах; публикацию результатов российских научных исследований в международных сборниках и так далее. Это позволит России повысить уровень отечественных научных исследований; произвести обмен опытом с нашими зарубежными коллегами, а также получить доступ к актуальным достижениям в области уголовного права.

Помимо этого, многие научные работы, особенно диссертации, остаются мало доступными для широкого круга юристов-практиков и даже для других исследователей. Это связано с несколькими факторами:

– использование сложного научного языка. Многие научные работы написаны сложным, специализированным языком, который трудно понять юристам-практикам, не имеющим специальной подготовки в области науки уголовного права;

– отсутствие публикаций в открытом доступе. Многие диссертации и научные статьи публикуются в изданиях, доступ к которым ограничен, либо не публикуются вовсе. Это затрудняет доступ к результатам научных исследований для широкого круга читателей;

– недостаточная популяризация научных достижений. Многие научные достижения не популяризируются в средствах массовой информации, в профессиональных изданиях и на научных конференциях. Это приводит к тому, что о них мало кто знает, и они не используются в практической деятельности.

Однако, несмотря на существующие проблемы, у современных школ уголовного права есть большие перспективы для развития, но для их реализации необходимо:

– увеличить финансирование научных исследований, улучшить материально-техническое обеспечение. Необходимо выделять больше средств на участие в научных конференциях и семинарах;

– усилить связь науки и практики, необходимо создать механизмы для взаимодействия ученых и практиков, для обмена информацией и опытом;

– развивать международное сотрудничество с зарубежными университетами и научными центрами, участвовать в международных научных проектах;

– повышать престиж научной деятельности, привлекать в науку талантливую российскую молодежь. Необходимо создать условия для профессионального и материального роста молодых ученых, для признания их достижений;

– совершенствовать систему подготовки научных кадров, создавать условия для профессионального роста ученых.

Реализация этих мер позволит повысить роль школ уголовного права в формировании уголовной политики, в развитии науки уголовного права, в обеспечении законности и справедливости в обществе [11, с. 343]. Это также будет способствовать укреплению правового государства и защите прав и свобод граждан.

Таким образом, анализ текущего состояния современных школ уголовного права в России выявил комплекс взаимосвязанных проблем, включающих недостаточное финансирование и слабую материально–техническую базу, ограниченное взаимодействие с практической деятельностью правоохранительных органов и судов, недостаточную интеграцию в международное научное сообщество, а также проблемы, связанные с доступностью и популяризацией научных исследований. Эти факторы в совокупности оказывают негативное влияние на качество научных исследований, их практическую значимость и международный авторитет. Преодоление выявленных проблем требует комплексного подхода, включающего увеличение финансирования, укрепление связей между наукой и практикой, активизацию международного сотрудничества и повышение доступности научных результатов.

Список использованных источников:

1. Латыпова Э.Ю., Клейн М.С., Гильманов Р.Э. Антропологические подходы к изучению преступности: история и современное состояние // Oeconomia et Jus. – 2024. – № 1. – С. 95–109.

2. Латыпова Э.Ю., Нечаева Е.В. Спорные вопросы содержания принципа гуманизма в уголовном праве // Вестник юридического института МВД России. – 2019. – № 3 (37). – С. 355–360.

3. Латыпова Э.Ю., Гильманов Э.М., Абдуллина А.Е., Гильманов Р.Э. Влияние нравственно-моральных норм на содержание уголовно-правовых норм в Уголовном кодексе России // Вестник экономики, прав и социологии. – 2022. – № 1. – С. 93–99.

4. Гончарова Н.Н., Латыпова Э.Ю., Гончаров Н.А. Проблемы проведения уголовно-процессуальных действий с участием иностранных граждан, на российской территории, а также в зданиях посольств и консульств России // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. – №. 4. – С. 366–372.

5. Латыпова Э.Ю., Мусина Р.Р. Внепредметные научные мероприятия как способ повышения заинтересованности в изучении уголовного права / В сборнике: Образование, воспитание и право в контексте глобальных вызовов. Сборник материалов Междунар. научно-практич. конф. Чуваш. гос. ин-т имени И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2023. – С. 445–449.

6. Латыпова Э.Ю., Мусина Р.Р., Соболева Т.А. Юридическая олимпиада как средство повышения заинтересованности обучающихся в учебном процесс / В сборнике: Проблемы противодействия преступности: опыт, современное состояние и пути решения. Сборник материалов Всеросс. научно-практич. конф., посвященной памяти профессора В.А. Малюткина Чувш. гос. ин-т имени И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2019. – С. 168–174.

7. Бегишев И.Р., Латыпова Э.Ю., Кирпичников Д.В. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции // Актуальные проблемы экономики и права. – 2020. – Т. 14. – № 1. – С. 79–91.

8. Борисова Н.Р., Ильязарова Д.В. Взаимодействие с образовательными организациями и студенческим сообществом как основной вектор развития молодежной политики в Федеральной службе судебных приставов // Бизнес. Образование. Право. – 2024. – № 2 (67). – С. 210–214.

9. Гильманов Э.М., Кирпичников Д.В. О необходимости разработки методики расследования преступлений в сфере обращения цифровой информации // Актуальные проблемы государства и прав. – 2020. – Т. 4. – № 14. – С. 262–277.

10. БРИКС: российский взгляд: пролегомены в научное исследование феномена БРИКС: монография/ Тимирясова А.В., Дискин И.Е., Бикеев И.И., Клемин А.В., Гончарова Н.Н., Латыпова Э.Ю. и др. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирясова, 2024. – 224 с.

11. Борисова Н.Р., Гарифянов Е.И. Нравственно-правовое регулирование образовательных отношений в сфере профессионального образования // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 3 (20). – С. 340–344.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ……...4
Экспертные мнения ……..5
Основные доклады ……..…….....8
Гладкая Е. Н. Направления совершенствования правового регулирования хозяйственной деятельности некоммерческих организаций в Республике Беларусь……8
Витушко В. А. Методология мышления и действия в познании приоритетов социально-правовых систем……15
Берестень В. И. Антикоррупционная оговорка в гражданско-правовых договорах как мера по предупреждению коррупционных отношений…….22
Маковская Н. В. Социально-экономическая безопасность инклюзивной занятости в Беларуси……27
Томашевский К. Л., Миннебаева Л. Р. Правовое регулирование обработки персональных данных работников в Беларуси и России в цифровую эпоху…33
Михайлов А. В. Общие теоретические проблемы правового обеспечения безопасности при осуществлении предпринимательской деятельности……..42
Мирюкова М. А., Соколова В. Ф. Экономические механизмы обеспечения социального благополучия в контексте национальной безопасности Российской Федерации (на примере Калининградской области)……..49
Слижевская О. В. Ключевые направления, основные методы и механизмы снижения криминогенных рисков в экономике Республики Беларусь…….55
Дедковский А. А. Проблемы правового регулирования территориального принципа действия уголовного закона в пространстве……61
Дашкевіч А. Л. Асаблівыя правамоцтвы суб'ектаў грамадзянскай супольнасці ў кантэксце фарміравання права нацыянальнай эканамічнай бяспекі: канцэптуальныя аспекты……...65
Горупа Т. А. Проблемы судебной защиты прав потребителей товаров (работ, услуг) в механизме правового обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь……70
Трипузова А. А. Актуальные вопросы конституционно-правового обеспечения государственной политики по защите и развитию конкуренции в Республике Беларусь……..76
Кочурко Ю. В. Современные экономические угрозы и механизмы правового обеспечения экономической безопасности……82
Курилович М. П. К вопросу о систематизации экологического законодательства Республики Беларусь……..89

Доклады участников научной дискуссии ……...95
Асаёнок Б. В. Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности как средство оптимизации

государственно-правового принуждения к субъектам экономической деятельности……..……95
Бессарабова В. В., Андриевский Д. В. Особенности предмета договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга)……..101
Бондарь Д. А. Противодействие легализации доходов, полученных преступным путём, в сфере обращения цифровых знаков: вызовы и перспективы ……...……...……..105
Бородина Ж. Н., Олимова Р. М. Договор хранения в ломбарде: некоторые проблемы правового регулирования…….……112
Бородина Ж. Н., Юсупова З. Г. Правовая природа цессии как сделки по уступке права требования…….118
Гасанов З. У. Правовое регулирование и безопасность DeFi: вызовы, возможности и угрозы……...……..124
Гончарова Н. Н. Международное сотрудничество в уголовных делах, как основа установления режима международной безопасности……..130
Колесень Н. Г. Особенности правоотношений по возмещению ущерба, причиненного преступлением как компонента экономической безопасности……135
Кривов А. В. Проблемы теории и практики при применении уголовно-правовых норм Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере противодействия легализации активов, приобретенным преступным путем, пути их урегулирования…….139
Латыпова Э. Ю., Азаров Э. Е. Этические и правовые аспекты освобождения от уголовной ответственности и наказания в связи с прохождением военной службы: критический анализ современных подходов…….……145
Мартынов Ю. А. Теоретические и практические проблемы совершенствования правотворчества и правореализации при окончании предварительного расследования…….……..151
Матвийчук С. Б. Прибыль участников хозяйственного общества как цель предпринимательской деятельности……..158
Меркушин В. В. Противодействие транснациональной организованной преступности и обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь: правовые и социально-экономические аспекты……..164
Минько Н. С. Анализ проблематики принципов корпоративного управления: теоретическое исследование……..171
Олейник А. В., Судник Т. В. О некоторых вопросах государственного регулирования в сфере оборота цифровых знаков (токенов) …….179
Сиянович У. А. Совершенствование правового регулирования экологических отношений в сфере сельскохозяйственной деятельности……...184
Хомич В. С. Использование криптовалюты в качестве инструмента обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь……..190
Шалаева Т. З. Финансовые услуги: проблемы правового обеспечения в условиях цифровизации …….……196

Шукан М. В. Онлайн-разрешение споров о защите прав потребителей в странах ЕАЭС……..……204
Шахрай И. С., Кузьмич И. П. Новые технологии как объект правового регулирования……...……...210

Трибуна молодого ученого…..…….219
Ашарчук Я. В. К вопросу о закреплении принципа комплексного управления природными ресурсами в экологическом законодательстве Республики Беларусь……...219
Бадрутдинов Р. Р., Гильманов Т. Э. Психологические причины и условия киберпреследования, связанного с компьютерными играми……...……...226
Валеев М. Н., Латыпова Э. Ю. Влияние культурных и религиозных факторов на правоприменение в отношении ЛГБТ……..234
Габдрашитова И. А., Ключникова К. Е. Мошенничество в сфере электронной коммерции……...…….240
Гатауллина А. Л., Гильманов Р. Э. Современное состояние информационных систем в судах общей юрисдикции……...247
Гизетдинова Л. Р., Латыпова Э. Ю. Особенности назначения наказания военнослужащим в контексте современной российской военной практики……...……254
Гильманов Р. Э., Рогова К. М. Уголовная ответственность лиц со специальным статусом применительно к составам дезертирства и сдачи в плен……..261
Дмитриева К. А., Латыпова Э. Ю. Криминологический анализ личности, оказывающей содействие террористической деятельности……267
Еремкин В. В., Гильманов Р. Э. Криминалистическое прогнозирование и моделирование угроз информационной безопасности критической инфраструктуры……...…274
Жилинская В. Д. Правовой механизм обеспечения экономической безопасности в эпоху цифровизации ……..……...279
Каримова А. Р. Роль правового регулирования в обеспечении безопасности при внедрении современных технологий в криминалистической практике...286
Кириев Р. Ш. Реабилитация нацизма, как угроза национальной безопасности: уголовно-правовые и криминалистические меры противодействия……..291
Клейн М. С., Мусина Р. Р. Анализ мотивации и образа мышления как установок к совершению преступлений……..…….298
Курбаткина А. Н., Гильманов Э. М. Информационные технологии обеспечения общественной безопасности уголовно – правовыми и криминалистическими способами борьбы с преступностью……...304
Максимовская А. С. Правовое регулирование договора страхования жилого помещения как инструмент обеспечения экономической безопасности граждан……311
Муртазина А. И., Гильманов Э. М. Зарубежный опыт борьбы с вовлечением несовершеннолетних в общественно-опасные деяния……316

Нигманов Р. Р., Ибрагимова Н. М. Предупреждение мошенничества в отношении несовершеннолетних……...…321
Нухратов И. П., Гильманов Э. М. Информационные технологические аспекты обеспечения национальной безопасности в современных условиях……..326
Слюднев М. И., Латыпова Э. Ю. Совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере борьбы и профилактики ятрогенных преступлений, с учетом зарубежного опыта……..…….....333
Турцева У. А., Гончарова Н. Н. Формы кибербуллинга и международный опыт: борьбы и профилактики……..……341
Тухватуллина К. М., Борисова Н. Р. Современные уголовно-правовые направления развития уголовного права в России…….……...348

Научное издание

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ

Сборник научных статей международного круглого стола

Научные статьи опубликованы в авторской редакции

Технический редактор *В.Г. Гавриленко*

Подписано в печать 07.10.2025 Формат 60x84$_{1/16}$ Бумага офсетная
Печать цифровая Усл.печ.л. 22,5 Уч.изд.л. 22,8 Тираж 50 экз. Заказ 7473
ИООО «Право и экономика» 220072 Минск Сурганова 1, корп. 2 Тел. 8 029 684 18 66
Отпечатано на издательской системе Gestetner в ИООО «Право и экономика»
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий, выданное
Министерством информации Республики Беларусь 17 февраля 2014 г.
в качестве издателя печатных изданий за № 1/185